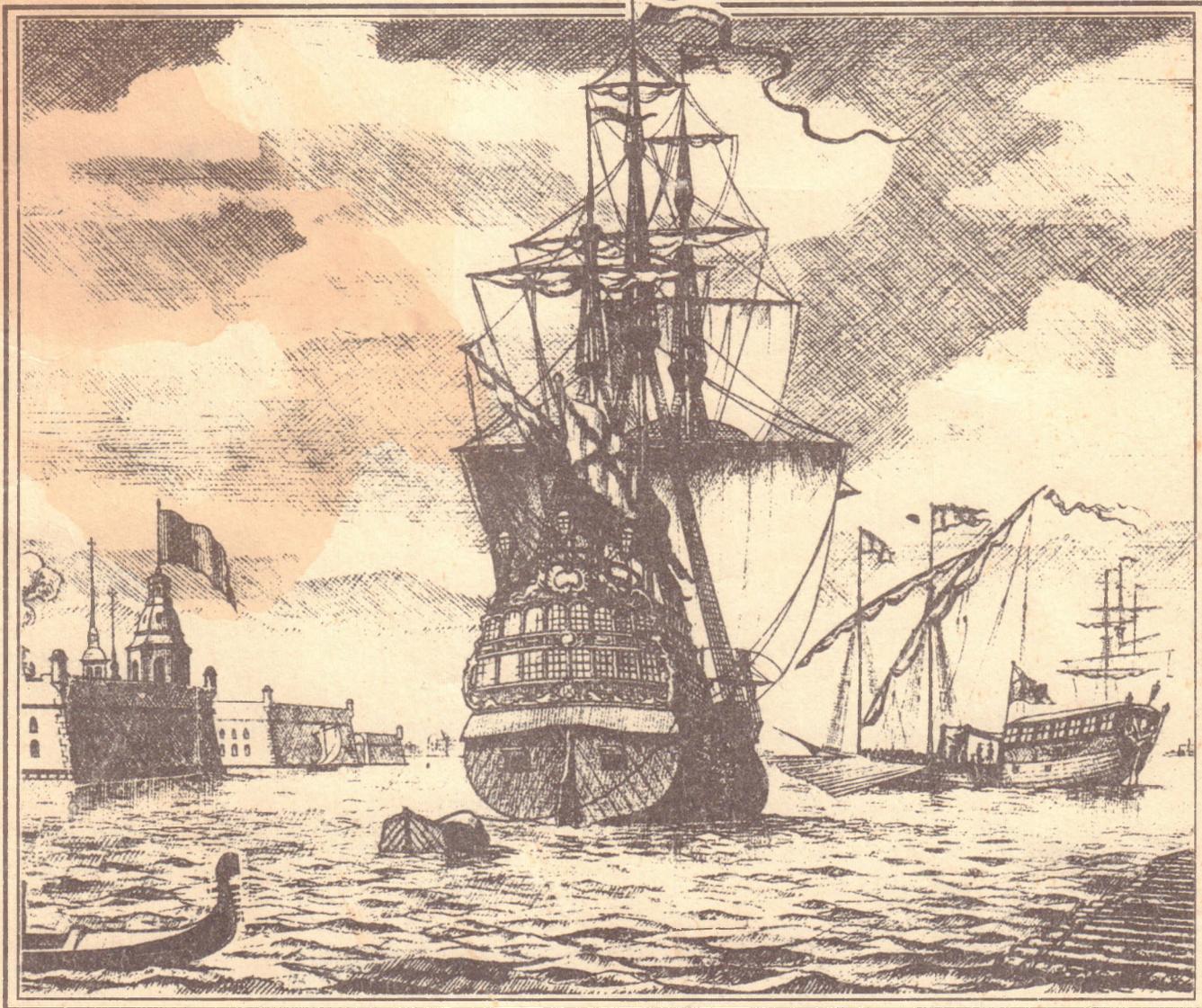

N°7

ПЛЫТЬ НЕОБХОДИМО!

РОССИЙСКИЙ
БЕРЕГ

ЭСТОНΙΑ: МЕЖДУ
ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

НАШ
ДОКУМЕНТ

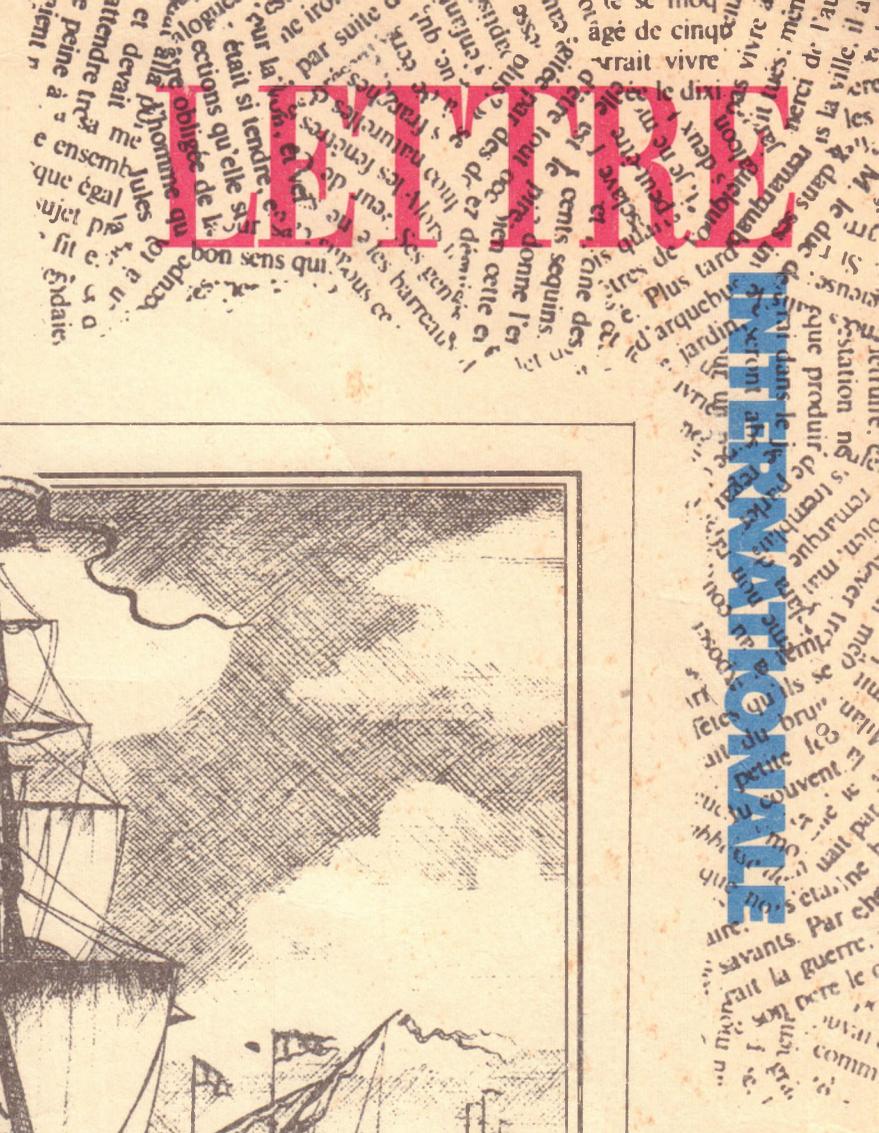
NAVIGARE
NECESSE EST!

Владимир АРРО, Арво ВАЛТОН, Лидия ГИНЗБУРГ, Лайф ДЭВИДСЕН, Михаил ЗОЛОТОНОСОВ, Петер КУРМАН,
Астрид ЛИНДГРЕН, Израиль МЕТТЕР, Станислав МИСАКОВСКИЙ, Валерий ПОПОВ, Руди ШТРАЛЬ

ВСЕМИРНОЕ

СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

По преданию, крылатая фраза «Плыть необходимо!» принадлежит римскому полководцу Помпею. Как сообщает Плутарх, сенат наделил консула Помпея чрезвычайными полномочиями для доставки хлеба в столицу из южных провинций Сардинии, Сицилии и Африки, так как Риму грозил голод. На обратном пути, когда груженная зерном флотилия готовилась к отплытию, на море разразилась буря, делавшая плавание чрезвычайно рискованным и опасным. Однако Помпей без колебаний взошел на головной корабль, восклицая: «Navigare necesse est, vivere non est necesse». («Плыть необходимо, жить нет необходимости»).

Первая часть изречения стала крылатой, обратилась в матросскую поговорку, утратив авторство и связь с источником. Вторую часть фразы обычно опускают, тогда как именно в связи двух утверждений, по видимости противоположных, заключается, на наш взгляд, исторический смысл и соль этого древнего афоризма.

Плыть по морю достаточно опасно, риск есть всегда, особенно в непогоду; жизнь мореплавателя под угрозой. Но если не плыть, возникают угрозы иного рода, гибель возможна с другой стороны, в еще более тотальных масштабах или менее достойной форме. Поэтому в критическую минуту надо быть готовым к решительным действиям. Именно необходимость жить заставляет рисковать жизнью, подвергаться опасностям на пути к цели, убеждать других и себя, что драма движения и борьбы предпочтительнее самосохранения в неподвижности. Плыть - значит сохранять надежду, искать выход, бороться не только за собственное, но и за общее спасение. Вот почему «плыть необходимо, жить нет необходимости...»

Глобальная историческая ситуация последнего десятилетия XX века побуждает заново задуматься в крылатую фразу Помпея.

Перемены в мире, особенно в Восточной и Центральной Европе, связанные с распадом советской империи, вызвали по ее периферии неподдельный национальный подъем осведомившихся народов и почти всеобщую эйфорию радостных ожиданий новой эпохи. Десятки стран обрели национальную независимость и вошли в состав ООН на правах самостоятельных государств. Формальная самостоятельность бывших военных союзников СССР по Варшавскому договору превратилась в самостоятельность фактическую. Казалось, что общий политический отказ от прямого ядерного противостояния двух сверхмощных военных блоков, угрожавших стократным Чернобылем всему человечеству, способен разрешить и другие застарелые конфликты и разом вывести освободившиеся народы из тоталитарной неволи к свободе и процветанию. Действительность однако опровергла эти надежды на скорое обновление. Распад СССР и самороспуск Варшавского блока не стали последней точкой дезинтеграции на Востоке. Процесс дробления и распада политических образований и сообществ не остановился: Абхазия теперь добивается независимости от Грузии, Нагорный Карабах - от Азербайджана, Чечня - от России, Приднестровье - от Молдавии.

Распад социалистической Югославии продемонстрировал еще более кровавые формы размежевания вчерашних союзников по Федерации, причем, сразу по нескольким болезненным швам старого лоскутного Балканского одеяла. Его тянут на себя и раздирают в клочья по национальным, религиозным, социально-политическим и сугубо местным клановым и экономическим мотивам одновременно. Пожар гражданской войны в Афганистане, усугубленный десятилетней советской интервенцией в эту страну, не затихает и после ухода русской армии, захватывая в сферу национально-клановых и местных конфликтов определенные территории бывших среднеазиатских советских республик, особенно многострадавший Таджикистан.

Трагедия распада, дезинтеграции, поразившая огромные территории Центральной и Восточной Европы, Кавказа, Ближней и Средней Азии, превзошла многие, самые мрачные прогнозы. Вместо «звездных войн», которые еще не так давно занимали умы и воображение футурологов и сотапливали постоянный сюжет кинотеки ужасов современного мира, жители планеты Земля стали свидетелями ожесточенных региональных конфликтов, упорства и жестокости которых заставляют вспомнить о худших временах религиозных войн средневековья.

Возникает логический вопрос: а, может быть, действительно не надо было пускаться вплавать за независимостью; может быть, лучше было отказаться от идеи национального суверенитета, от реформирования малопродуктивной экономики и жить по-старому одной общей коммунистической казармой, получая в социалистическом распределительном пайку под присмотром политической полиции, пресекавшей в корне всякий протест, всякое инакомыслие и любое междоусобье, от кого бы оно ни исходило? Охотников и дальше продлить такой образ жизни сколько угодно. С политического просценария слышен целый хор голосов, призывающих вернуться назад к знакомому берегу - благо он еще не совсем скрылся из вида. Все помнят низкие цены, принятые на том берегу в свое время, но уже начинают забывать о других невысоких стандартах распределительного-охранительного режима, искалечившего судьбы не только миллионов отдельно взятых людей, но и целых народов. Поворачивать туда, обратно, в прошлое - ни за что!

Но и нынешняя ситуация распада (или полураспада) старых тоталитарных структур, все еще угрожающих зачаткам демократического общества, никого не может удовлетворить, кроме новых политич чиновников и новых, стремительно нажившихся дельцов и спекулянтов. Этого ли хотели народы, отправляясь «наудачу за свободой»? Остановиться в этой ситуации - тоже смерти подобно. Поэтому плыть необходимо. Необходимо оставить позади и нынешние абсурды псевдорыночной экономики, и бессилие демократической власти, уступающей притязаниям бюрократии и реваншистов 'одну позицию за другой. Необходимо расстаться и с повадками высокомерного имперского мышления, много лет преобладавшего в политике московского Кремля, и с угрозами националистической спеси, особенно взбуждающей теперь среди недавних сателлитов. Люди требуют покончить с беззаконием и несправием, которые превращают идеи свободы и независимости в фикцию и мираж. Пришло время вернуть людям все, что им полагается по праву, и выйти, наконец, в новое цивилизованное демократическое пространство, чтобы достойно жить.

Размышления российских и иностранных авторов на эти темы мы и предлагаем читателям настоящего номера «Всемирного слова».

А.НИНОВ

Главные редакторы

АЛЕКСАНДР НИНОВ
АНТОНИН ЛИМ

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул.,18
телефон 273-78-60
телефакс 274-54-62

РЕКОМЕНДУЕМ

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ
ВАЛЕРИЙ БАБАНОВ
ЕЛЕНА БАЕВСКАЯ
ТАМАРА БАЛАШОВА
БОРИС БЕССОНОВ
СВЕТЛАНА БУШУЕВА
ВАСИЛЬ БЫКОВ
ДАНИИЛ ГРАНИН
НИНА КАТЕРЛИ
АЛЕКСАНДР КУШНЕР
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ
БОРИС ПУТИЛОВ
БЕНЕДИКТ САРНОВ
НИНА СЧЕТКОВА
ЮРИЙ СУРОВЦЕВ
БОРИС ФИРСОВ

Представители "Всемирного слова":

в Париже - ЕФИМ ЭТКИНД
в Риме - РИТА ДЖУЛИАНИ
в Берлине - БИРГИТ МЕНЦЕЛЬ
в Праге - АЛЕНА МОРАВКОВА
в Варшаве - АНДЖЕЙ ДРАВИЧ
в Будапеште - ЛАСЛО ХАЛЛЕР,
ЧАБА ХАЙДУ
в Хельсинки - ЛИЙСА БЮКЛИНГ

Сотрудники:

Галина Лаппова - художественный редактор
Ирина Рудиева - компьютерный набор
Вера Степанова - секретарь редакции, корректор

Леонид Каминский - оформление обложки

Учредитель - Товарищество "Всемирное слово"
Издатель - коллектив редакции журнала

© Всемирное слово, 1994
© В.Бертельс: графическая концепция

РОССИЙСКИЙ БЕРЕГ

Владимир Арро. С РОССИЙСКОГО БЕРЕГА 1
Александр Курганяков. ТЕСТАМЕНТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО 4
Александр Нинов. РАЗОРЕННОЕ ГНЕЗДО.
Из письма в Париж 8
Андрей Топорков. О МИФОЛОГИИ
ПЕТЕРБУРГА 9
Ирина Свердловва. ЛИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 11
Кирьял Чистов. ПЕТЕРБУРГ И "КАЛЕВАЛА" 13
Наталья Сахновская. В ДНИ БЛОКАДЫ.
Страницы воспоминаний 16

СОДЕРЖАНИЕ

Людия Гинзбург. СОБРАНИЕ. Из дневника 19
Елена Лошарева. У АХМАТОВОЙ.
Публикация А.Берковского. 25
Ида Нансельбаум. ОДИН ВЕЧЕР
В ЛЕНИНГРАДЕ 26
Виктор Шкловский. ПИСЬМО 27
Владимир Лавров. "НЕЗАМЕТНО
К ПОСЛЕДНЕЙ ТОЧКЕ ПОВОРАЧИ-
ВАЕТСЯ СТРОКА..."
Памяти Михаила Дудина 28
Михаил Дудин. Стихотворение 29
Оскар Мандельштам. Из Огюста Барбье.
1793. Мятяж 30
Михаил Золотоносов. РОССИЯ: НАУДАЧУ
ЗА СВОБОДОЙ 30

ЭСТОНИЯ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

ДЕКЛАРАЦИЯ О НЕЗАВИСИМОСТИ
ЭСТОНИИ. 1919 33
Татьяна Зажичка. ЭСТОНСКИЙ ПУТЬ.
75 лет независимости 35
Арво Валто. САМОЧУВСТВИЕ
ЭСТОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ 37
Яан Капплиски. ОТКУДА ВЗЯТЬ
ЭСТОНЦЕВ? 39
Андрей Танцурев. Я НЕ ЖАЛЕЮ НИ О ЧЕМ...
Стихотворения 40
Вадим Басевский. ХОРОШО УЕХАТЬ
В ТАЛЛИНН... Из переписки с Давидом
Самойловым 41
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
Документы. Выступления участников 43
Алексей Семенов. ГРАЖДАНЕ И НЕГРАЖ-
ДАНЕ В БАЛТИИ
Международный семинар в Копенгагене.
Мнение эксперта 46
Лайф Дэвидсен. ЛИНИИ ЧЕРЕЗ БАЛТИКУ 48

НАШ ДОКУМЕНТ

СЫН ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ 50
Иоанн Павел II. ТРИ РЕЧИ В ЛИТВЕ 51
Альгирдас Бразаускас: "В Литве остается
меньше злобы и больше любви..." 53

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Поль Карп. ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ 54
Эдгар Морен. РЕЧЬ В САРАЕВО 57
***
Мария Рольникяйте. ПОСЛЕ ГЕТТО 59
Юрий Колкер. НАЦИОНАЛИЗМ ВРЕДИТ
ДЕЛУ СВОБОДЫ... 61
Израиль Меттер. МЫ И Я 62
Предраг Матвеевич. НЕВОСПОЛНИМАЯ
ПОТЕРЯ 63

NAVIGARE NECESSE EST!

Петер Курман. ПЛЫТЬ НЕОБХОДИМО!
Станислав Мисаковский. БАЛТИЙСКИЕ
КОНТАКТЫ 64
Юзеф Генрик Вишневецкий. Блюз о большом
сквозняке 68
Руди Штраль. СТАРЫЙ БАРБАРОССА, ИЛИ
ЛЕТНИЙ ХАЛТУРА В ПОДЗЕМЬЕ 69
Михаил Яснев. У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ... 74
Янис Балтвилкс, Биргита Гедис, Сергей Ма-
хотин. Стихи для детей 75
Астрид Линдгрен: "ПЕППИ БЫЛА ГЕРОИ-
НЕЙ ИСТОРИЕЙ, ПРИДУМАННЫХ ДЛЯ
ДОЧЕРИ...". Интервью датского журна-
листа Алана Мораля Вильямса 76
Валерий Попов. ТРЕТЬЯ МУЗА. Повесть 79

РОССИЙСКИЙ БЕРЕГ

Впервые с Петером Курманом мы повстречались в Переделкине под Москвой на торжествах в честь столетнего юбилея Бориса Пастернака. Это было в феврале 1990-го, ровно за два года до круиза. К тому времени мы уже обменялись письмами, и идея писательского сотрудничества на Балтике, пока еще в туманной форме, овладела нами. Надо заметить, что, как всякая великая идея - парового котла, электрической лампочки, - она зародилась в нескольких странах почти одновременно. За год до письма Курмана молодой ленинградский

ветой, организацией голода, лишением гражданства, запугиванием. Воевали не только с живыми людьми, но и с книгами, архивами, памятью народной.

Одной из самых первых циничных страниц этой войны была высылка по распоряжению Ленина профессоров Петроградского университета. В конце сентября 1922 года из гавани на Васильевском острове курсом на Германию отошел пароход, на палубе которого стояли, прощаясь с Родиной, крупнейшие философы XX века. Не этот ли рейс проборождал на Балтике роковую ме-

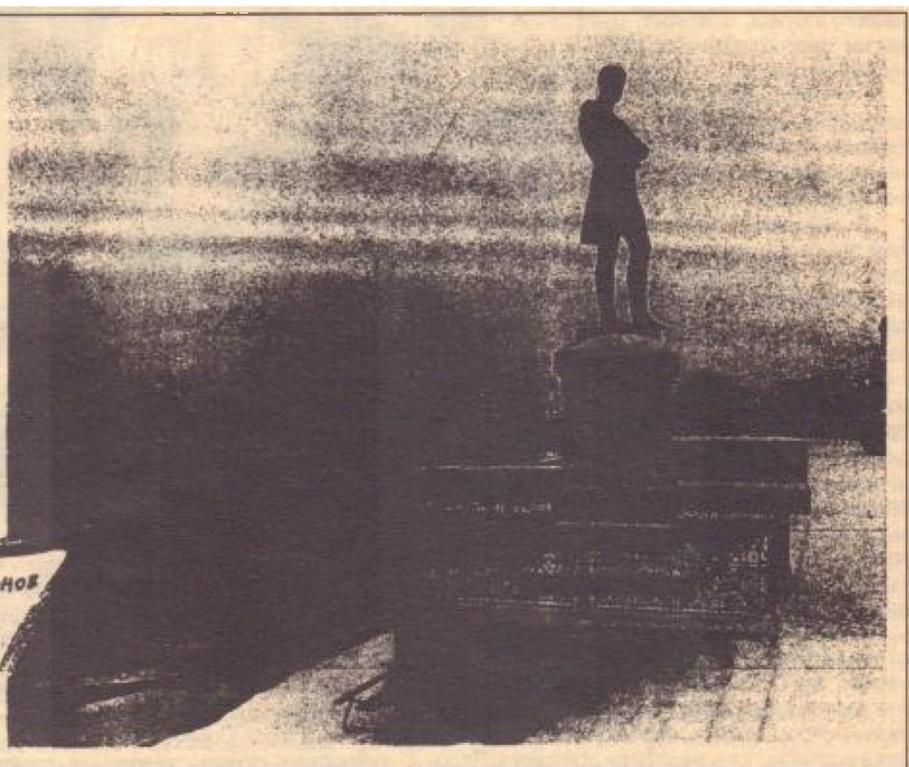
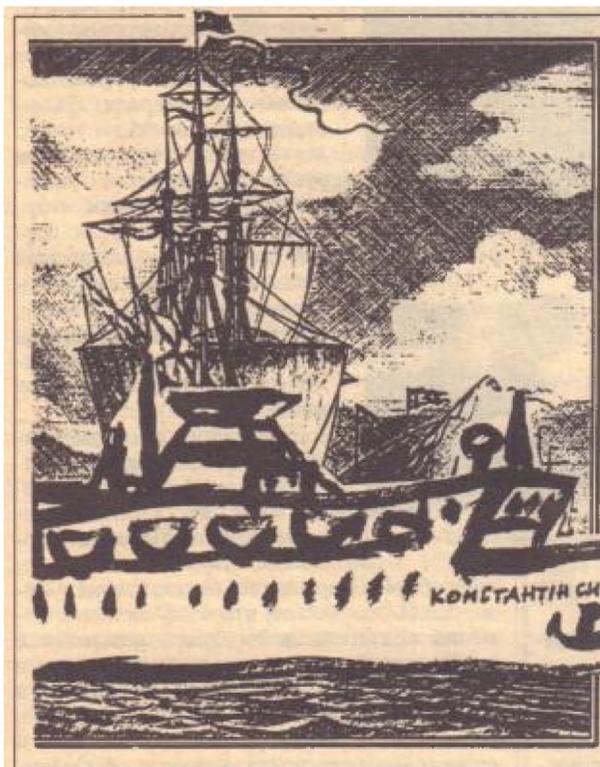
Владимир АРРО

Западе книг могло закончиться (и часто заканчивалось!) получением тюремного срока. Всего лишь год мы работаем без государственной и партийной цензуры, без надзора и сыска. Мы, по сути, первое поколение в России, которое познало, что такое "свобода слова".

Вот почему мысль о конгрессе писателей Балтики с нашим участием была поистине фантастической, головокружительной мыслью, знаком нашего окончательного освобождения.

Честно сказать, поверить в ее осуще-

С РОССИЙСКОГО БЕРЕГА

писатель Владимир Савицкий со свойственным этому возрасту наивным простодушием вслух помечтал об интернациональном писательском корабле. Писатели помоложе наградили его ироническими взглядами: мечтать, мол, не вредно. И я был среди скептиков: какой корабль? На какие деньги? А главное - кто разрешит?

Но год - большой срок, в нашей жизни многое поменялось. И чтобы понять, что для нас-идея писательской солидарности, возможность свободного общения с зарубежными коллегами, надо представить, как мы жили до этого.

Ленинград в годы советской власти был опальным городом. Десятилетиями из него выбивалось достоинство, величие, европеизм. Сталин и его последователи безошибочно чувствовали, что именно отсюда, с берегов Невы бьет мощный источник непокорного духа, самосознания личности, противостоящий тотальному оболваниванию людей. Особым ленинградским грехом считалось "низкопоклонство перед Западом". Вот поэтому все семьдесят лет большевики с маниакальной настойчивостью вели войну с ленинградской интеллигенцией, не брезгуя никакими средствами: убийствами, кле-

жу, разделившую нас на долгие десятилетия?

Петербург - город великой и трагической литературной судьбы. Скажите, в каком еще городе четверть Союза писателей - около ста человек - были убиты, посажены в тюрьмы или сосланы в лагеря как "враги народа"? Где еще рукописи художественных произведений хранятся (до сих пор) в архивах госбезопасности как улики?

Но в самые трудные времена ни на один день мы не переставали верить, что Ленинград-Петербург - литературная столица России.

Как ни старались вытравить из петербургской литературы искренность мысли и переживания, нам удалось отстоять главные литературные школы и направления, родившиеся в разное время в нашем городе, и классические, и модернистские.

Имена осужденных, оклеветанных - Гумилева, Ахматовой, Зощенко, Замятина, Хармса, Бродского - вошли в мировую сокровищницу литературы.

Наши коллеги на Западе должны понять, что страх, чувство опасности, зависимости еще вчера были реальными компонентами художественной атмосферы нашего города. Встречи с иностранцами, чтение изданных на

ствление было трудно, особенно тогда, когда несколько писателей из Стокгольма и Ленинграда сошлись на пароходе под загадочным для европейского уха названием "Ильич". Ведь именно там, покачиваясь на балтийской волне, мы впервые сочинили письмо, разосланное затем во все писательские союзы: "Мы найдем корабль, пригласим на него писателей и переводчиков из всех стран Балтики, возьмем еду и питье и отправимся в десятидневный круиз по нашему прекрасному, но измученному морю".

Я читал эти слова многим людям, меня вежливо слушали, улыбались. Вряд ли кто-то из ленинградских писателей принял это всерьез. Надвигались заботы более реальные: инфляция, экономическая катастрофа в издательствах и журналах.

Пожалуй, один человек выслушал меня с должной мерой серьезного и доверчивого внимания. Это был мэр Петербурга Анатолий Собчак. Партийные бонзы, правившие до него, больше интересовались военно-промышленным комплексом, хоккеем, а если и снисходили до культуры, то в первую очередь до эстрадных певичек. Танки и ракеты на ленинградских заводах выпускались

бесперебойно, а на культурные нужды одного человека тратилось три копейки в год. Понятно, почему в Ленинграде горели библиотеки, разрушались архитектурные ансамбли и росла преступность.

После полуторачасовой беседы в Мариинском дворце писатели из стран-участниц, по-моему, убедились, что обрели надежного единомышленника и покровителя проекта, искренне в нем заинтересованного. Нам потом не раз приходилось обращаться за помощью к мэру города.

После первой конференции мы еще не знали, будет круиз, или нет и в каком году - мнения участников расходились. Ведь не было ни копейки денег, а спонсоры и не подозревали, что мы планируем истратить их тысячи и миллионы.

И вот однажды ночью в моем доме длинно и настойчиво зазвонил телефон. Стокгольм, Курман: - Владимир, я достал доллары! Оказалось, что международная организация АРС Балтика стала генеральным спонсором нашего круиза, а значит, мы могли рассчитывать на весну 1992 года.

А тогда, летом 1991-го, ленинградские писатели разъехались, кто куда и работа по подготовке к круизу приостановилась.

Я отдыхал с женой и сыном на своем хуторе на юге Эстонии. 19 августа мы почему-то встали раньше обычного и за утренним кофе включили радио. Голос московского диктора был отчужденно-бесцветным. Он говорил о болезни Президента, о чрезвычайном положении. И мы поняли, что случилось то, о чем писали пока лишь в антиутопиях и мрачных прогнозах политологов: военно-коммунистический переворот.

Слушая и анализируя документы путчистов, перемежаемые квартетами и симфониями, мы осознали, что рутшатся все наши надежды и упования на демократические основы жизни, свободу и права человека в стране, на атмосферу доверия в Европе и мире. Приходил конец и едва наметившемуся писательскому братству на Балтике.

Радио "Свобода" передавало тревожные сообщения из Москвы и Ленинграда: танки на улицах, войска, комендантский час. Но были вести и о сопротивлении.

Я стал собираться в дорогу. Как депутат Ленсовета, я ощущал потребность быть в эти часы в городе, вместе с Собчаком, и как председатель Союза - рядом с писателями. Соседи-эстонцы меня отговаривали: "Волли, тебя убьют!" Жена понимала необходимость моего отъезда. Мы прощались, не зная, где и когда встретимся, если только нам суждена эта встреча вообще. Я оставил ей адрес наших родственников в Эстонии. А подумав, внизу приписал адрес Петера Курмана. На всякий случай. Я не сомневался, что слова о солидарности, произнесенные участниками конференции много раз в апреле, если понадобится, обернутся делом в августе.

Какое счастье, что наше сотрудничество не вышло из основного, магистрального русла, что мы можем читать друг другу стихи, а не вызывать друг друга из тюрьмы! Но мы в России, в Петербурге, люди пуганые, суеверные и в этом случае не спешим с

утвердительно интонацией. Ведь чем черт не шутит! Поэтому, готовясь к Конгрессу и вспоминая тот августовский день, я без колебаний решил предложить в заключительный документ такие слова: "Мы будем проявлять солидарность в отстаивании наших профессиональных, гражданских и человеческих прав, а в случае их грубого нарушения сообщать апеллировать к правительствам, закону и общественному мнению".

Зато август 1991 года решил одну из задач, стоявшую перед будущим Конгрессом. Ведь мы вместе должны были заявить о нашей поддержке стран Балтии в борьбе за независимость.

Вообще за полтора года, пока мы

солидарности родилась не на волне политической конъюнктуры, а из глубин писательской интуиции, которая подсказывала, что объединиться сегодня - это значит спастись. И хотя мы условились избегать политических проблем, объективно роль нашего Конгресса прежде всего миротворческая. Помимо нашей воли он должен был выйти за рамки чисто литературных проблем. Политики поняли это. Недаром Анатолий Собчак напутствовал нас такими словами: "Страны и города Балтики могли бы показать миру пример истинного сотрудничества, уважения национальных культур, экономической взаимопомощи. "Культурная ганза", созданная прежде всего писателями, могла бы возродить и экономический союз городов, превращающий Балтику в море мира и процветания".

Осенью 1991-го подготовка к Конгрессу возобновилась. Конференция в Хессельбю, хотя и не обошлась без раздумий и колебаний, в целом подтвердила наше общее намерение выйти в море и назвала конкретную дату и конкретный корабль: 25 февраля, "Константин Симонов".

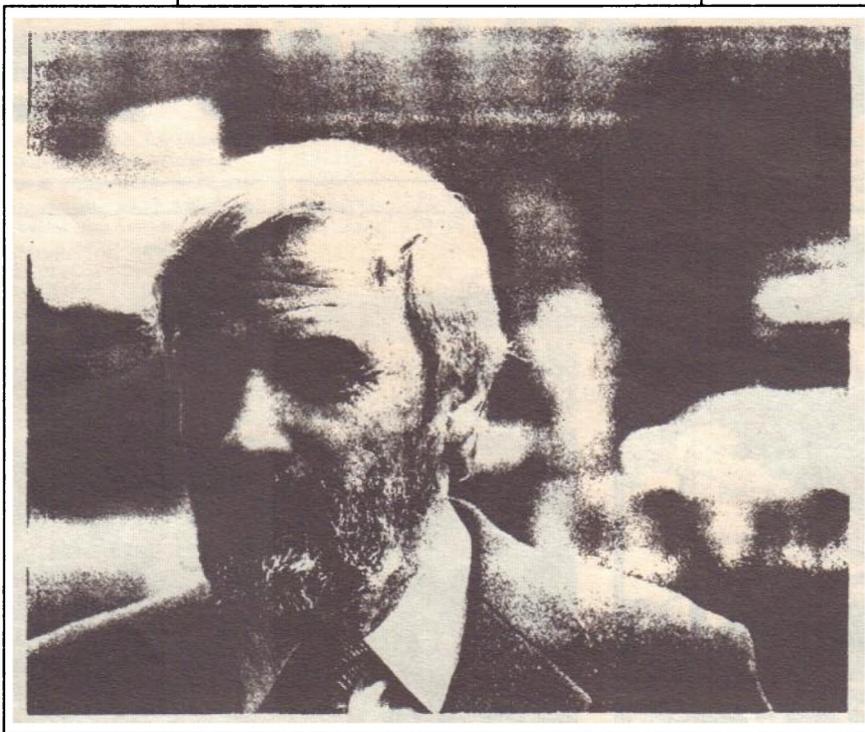
И даже когда у нас на руках был договор, подписанный Балтийским морским пароходством, и другой договор - со Шведским союзом писателей, гарантировавшим финансирование, нас не покидало ощущение нереальности происходящего, утопичности нашего плана.

Директор проекта, писатель Александр Житинский, в двадцатый раз перечитывая договор, подписанный им и Петером Курманом, с неопределенной полуулыбкой задерживался на последнем пункте, где было сказано, что в случае невыполнения обязательств он будет привлечен к ответственности по шведским законам и в шведском суде. - "Ну, вот это реально, это я вижу, - бормотал он, - уютная камера в шведской тюрьме, трехразовое питание, я сижу и, наконец-то, пишу роман... А круиз... нет, не вижу".

Во времена Брежнева, в эпоху развитого соцреализма тому, что писал Житинский, критики никак не могли подобрать подходящего названия. А надо сказать, что это была хорошая проза гоголевско-кафкианского направления. Назвать ее своим именем тогда еще было опасно и замолчать было нельзя, поскольку читали ее с упоением, особенно интеллигенция. И вот кто-то придумал, как это назвать: фантастический реализм! Похоже, что и на этот раз Житинский выступал в своем излюбленном жанре.

Как они работали, мои товарищи по Союзу, объединившиеся в фирме "Балтийский путь"! Давно я не видел таких азартных, таких неутомимых работников в стенах Дома писателей. Навещая их комнаты, где беспрестанно трещала, мигала, мерцала всевозможная аппаратура, где на стенах висели эскизы плакатов и схемы следования, писатели Петербурга, наконец-то, начали понимать, что здесь и в самом деле готовится что-то нешуточное. А когда были объявлены сроки оформления документов, даже самые отъявленные скептики заволновались: что, правда едем?

Кто едет, а кто и нет. Из четырехсот пи-

собирались в круиз, на нашей Балтике чего только не произошло!

Эстония, Латвия и Литва стали независимыми государствами.

Германия перестала быть Восточной и Западной.

Распался Советский Союз, а на Балтике появилось новое суверенное государство - Россия.

Исчезло идеологическое название крупнейшего балтийского города - Ленинград, вернулось историческое - Петербург.

Послушайте, ведь такого масштаба геополитические изменения на карте Европы прежде возникали лишь в результате мировых войн! И может быть, не надо впадать в заблуждение по поводу относительной бескровности этих изменений?

Да, в Балтийском регионе сегодня сравнительно спокойно. А что если невидимые капилляры связывают весь распадающийся бывший "социалистический" мир и "малая кровь" на Балтике оплачена "большой кровью" в Закавказье, в Молдове, в Румынии, в Югославии?

Нет, мы не сможем жить при демократии "в отдельно взятой стране". Мы вообще не сможем жить в мире, если здесь же, на континенте, пусть в самом забытом его углу, полыхает бешенство войны, хотя бы потому, что оно всегда чревато ядерным шантажом, терроризмом. А радиация, выпущенная на волю, не различает границ, не знает правых и виноватых, активных или нейтрально настроенных. Тоталитаризм или война - это наша общая беда, и от них не спрятаться. Я убежден, идея нашей

сателей в круиз могли отправиться не более пятидесяти. Как отбирать? Нам предстояло участвовать не просто в увлекательном путешествии, а в Международном конгрессе с его разнообразными семинарами. С одной стороны, хотелось предстать перед западными коллегами в великолепье петербургских имен, знакомых им по переводам, с другой - трудно было удержаться от соблазна познакомить литературную Балтику с новыми именами. Хотелось также, чтобы участвовали писатели разных поколений, мужчины и женщины. Свои ограничения в список вносили врачи, учитывая неудобства плавания по зимнему морю.

Вскоре стало ясно, что, к сожалению, по разным причинам не смогут участвовать в Конгрессе Дмитрий Лихачев, Даниил Гранин, Михаил Дудин, Владимир Адмони, Борис Стругацкий, Виктор Конецкий и некоторые другие, известные на Западе петербургские литераторы. В конечном итоге жанровые секции сами назвали участников Конгресса с учетом запланированных семинаров. Часть делегатских мест была отдана писателям, редактирующим литературные журналы, газеты, занимающимся издательской деятельностью. Это самая болезненная сфера литературной жизни нашего города. Ведь государственная плановая система книгоиздания рухнула, а новая, рыночная еще не сложилась. Писатели оказались предоставленными самим себе. Поэтому мы намеревались активно поработать на издательском семинаре, набраться опыта. Честно говоря, нам казалось, что существуют пока не найденные и не реализованные формы взаимовыгодного сотрудничества с Западом в этой деятельности. С надеждой отыскать их наши писатели и издатели с большой охотой пошли на Конгресс.

Картина была бы неполной, если бы я не сказал о том, что группа писателей в Петербурге не поддержала идею балтийского писательского сотрудничества. Мне кажется, идеология русского изоляционизма достаточно хорошо известна на Западе. В последнее время она причудливым образом сомкнулась с коммунистической имперской идеологией. Раскол в российской писательской среде, как и в обществе в целом, обострился после августовского путча. Половина писателей Москвы, подавляющее большинство петербургских писателей при поддержке других городов образовали новый Союз российский писателей. Около сорока петербургских писателей накануне Конгресса образовали отдельную организацию на платформе "патриотизма" и остались с Бондаревым.

По факсу мы получили списки зарубежных делегатов Конгресса. Назревала ситуация, достойная книги Гиннеса. Никогда еще в истории мореплавания не было корабля с такой высокой концентрацией литературных дарований. С другой стороны, в истории литературы еще не было случая, чтобы такое количество литераторов вместе так далеко отплывали от берега.

Уникальность надвигающегося события безошибочно почувствовали журналисты. Только почему-то им больше нравилось название "корабль поэтов". Мне ближе название "литературный корабль". Если в 1992 году "философский корабль" поделил Балтику на два враждующих берега - социалистический и капиталистический, то "литературный корабль" своим замкнутым маршрутом соединил берега и вернул людей в единую семью балтийских народов. Мне кажется, я не преувеличиваю. Я даже подозреваю, что с этой миссией и под этим названием он войдет в историю.

Narrskeppet

Ombord på Konstantin Simonov

Книга "Корабль дураков" (на борту "Константина Симонова") рассказывает о путешествии, которое еще несколько лет тому назад не могло представляться реальностью его участникам даже в самых смелых мечтах. Какая великолепная идея - писатели стран Балтийского региона совершают круиз по своему общему морю! Думается, что, поднимаясь 24 февраля 1992 года в гавани Санкт-Петербурга на борт "Константина Симонова", каждый из участников этого круиза поднимался навстречу новым впечатлениям. Кто-то мечтал увидеть новые для себя страны, кто-то - принять участие в жарких дискуссиях, кто-то - открыть неведомый ранее мир душ своих "восточных" собратьев, кто-то - просто приятно провести время.

И вот перед оставшимися на берегу читателями книга, полная самых разнообразных впечатлений. Здесь и путевые заметки, и маленькие художественные произведения в стихах и прозе, и принятые совместно документы, и рассказы об оставленной на берегу жизни.

Русский читатель может быть спокоен: вновь подтвердилась известная мысль о том, что именно Россия является "родиной слонов". Мы - истинные герои книги! Редкая заметка обходится без того или иного упоминания о русских, что, впрочем, и не удивительно, ибо мы - одни из организаторов круиза, это - наш пароход, у нас - самая крупная делегация.

У "восточных" авторов искушенный читатель из России вряд ли найдет для себя что-либо новое. Кто из нас не знает о том, какого было Прибалтике в годы русской оккупации и как тяжело сейчас разбираться с ее последствиями, или как не давали творить нашим собственным соотечественникам? С достаточной легкостью просчитываются и те неизгладимые впечатления, которые оставила, например, у Польши многолетняя "дружба" с Советским Союзом. Вполне естественно, что и здесь, на теплоходе, поляки болезненно реагируют на чрезмерную страсть русских к публичным выступлениям и шутят "руку Москвы" даже в составленном шведами и немцами проекте письма к Салману Рушди.

А что же заинтересовало в загадочной русской душе "западных" авторов из Германии, Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии, впервые получивших возможность в спокойной обстановке всесторонне рассмотреть ее в новом, "открытом" гласностью виде?

Не будем пересказывать пестрого, занимательного, порой анекдотического содержания многих статей и заметок авторов разных стран, составивших эту превосходно оформленную и образцово изданную в Финляндии шведскую книгу. Мы публикуем из нее две статьи главных организаторов Балтийского круиза и сопредседателей Первого Конгресса писателей Балтики - Владимира Арро, возглавлявшего писателей Петербурга (на русском языке его статья публикуется впервые), и Петера Курмана, руководившего тогда Союзом писателей Швеции.

Книга-альбом создана коллективными усилиями авторов и художников, проплывших вместе по Балтийскому морю, а составила и подготовила ее к печати шведская редакция: Мика Ларссон, Ян Хенрик Сван и Роланд Селим. Автор макета - Бенгт Мартинссон, художник Анджей Плоцки, фотограф - Игорь Мухин.

Внимание читателей журнала предлагаем также некоторые фрагменты художественного оформления "Корабля дураков" - веселой, многокрасочной, интернациональной по духу и составу авторов книги.

Петербург почти триста лет назад, САНКТ-ПИТЕР-БУРХ - писали и так, название еще не устоялось; утренний ветер гонит длинную волну по Маркизовой луже, длинная волна грозит наводнением; шум рассветного ветра такой же, как нынче для тех, кто прислушивается на Петроградской (Петербургской) стороне, на Васильевском острове, в центре (Адмиралтейская часть)... Нет, неправда, все-таки другие звуки, другой тон, иной регистр, потому что иной была эта северная земля, вода, дома, улицы, быть может, небеса... Ветер срывает серый дымок с труб, дымок от тлеющей осины, корявого кустарника, ибо приказано было "тщательно надзирать, чтобы леса дубовые и добрые не были весьма искоренены". И уже поднимались жители новой столицы, ибо опять же приказано - велено, чтобы с

ТЕСТАМЕНТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

20 мая, то есть по летнему сезону, начиналась жизнь в пятом часу утра по звуку "шабашного колокола". Как он звучал, этот колокол, где был подвешен - сведений не осталось... А через полчаса предписывалось приступать к работе, "а ежели кто после этого звону на своем деле не будет, у того вычтено из жалования один день".

Царь крепко верил, что умными, дотошными, а то и жестокими указами, рескриптами, регламентами сделает счастливыми своих подданных, и считал он их как бы детьми, которые - говорил он - сами своей пользы не ведают, а когда их научишь да заставишь, спасибо сердечное скажут. Ко времени тому, что идет речь, вера эта царская подтачиваться zelo сильно стала...

Сам Петр тоже вставал в пятом часу, тоже по "шабашному колоколу" - ни в чем не делал себе поблажки, - и наскоро и скудно позавтракав (кофе, хлеб, иногда стопка водки анисовой), он всегда ел помалу, - полчаса прохаживался по кабинету: в приемной комнате отчетливо были слышны его шаги, и по походке кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров точно отгадывал, в каком настроении государь; легкая поступь (как грофатер танцует) - "во благоприятном времени", тяжелая, всей ступнею - в глубоком раздумье. Алексей Макаров - второй по значению персонаж нашей истории, человек Петру вернейший, трудолюбивый и аккуратист, что и требовалось, прежде всего, от кабинет-секретаря, но был он и умен, и пронырлив, и тайны умел хранить; об одной из них - и притом имевшей великое значение - пойдет рассказ.

В 1812 году во Франции появилась объемистая книга Лезюра, называвшаяся так: "О возрастании русского могущества с самого начала его до 19 столетия", книга ученая и добросовестно-фактологическая, однако сенсационный интерес вызвало не само сочинение, а приведенный в нем текст "Завещания Петра Великого", о нем заговорила вся Европа, обсуждала, трактовала, да и было с чего возбуждаться. Завещание состояло из 14 пунктов, и некоторые из них выглядели чуть не пророческими, самое же главное, послепетровские правители словно бы неотступно следовали тем посмертным указаниям императора!

Пункт N1. "Ничем не пренебрегать для освоения русского народа с европейскими формами и обычаями, и в этих видах приглашать из Европы различных людей, особенно ученых, которые, ради выгод ли или из человеколюбия, принципов философии, или же по другим еще побуждениям, способствовали бы достижению этой цели".

Попадание в десятку, не так ли? Сам Петр приглашал иностранцев, давая им весьма высокие должности, хотя, скажем, иностранец не имел права занимать пост Председателя Коллегииума - Коллегии, фактически, министра, но вот первый состав Петербургской Академии наук - сплошь ученые из европейских стран, правда что - и Петр знал, что так будет - вскоре в Академию вошли многие русские, а к концу 18 столетия составили

Александр КУРГАТНИКОВ

большинство. Завет Петра Великого продолжал выполняться и дальше и давал недурные результаты - и в общественно-бытовой жизни тоже: ну, во времена Пушкина булочки в Петербурге - одни немцы, а потом русские перехватили, как это у нас называется, инициативу и филипповские "хлебобулочные изделия" столь отменными сделались, что дай Бог нам кушать такие же караваи, крендели, бублики-баранки.

А вот другой пункт "Завещания": "В супруги русским великим князьям избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы..."

Как мы знаем, и это указание Петра неукоснительно выполнялось Домом Романовых, и супругами всех императоров были немецкие принцессы, исключение Дагмара - жена Александра III, датчанка. Остальные 12 пунктов касались чисто внешней политики, и далеко не все близки были к тому, что происходило в реальной русской истории, - но мы о них говорить пока не станем. Нас другой вопрос занимает, - и очень это живой вопрос - а было ли вообще "Завещание", и что мог завещать первый император своей России и своему народу, ибо понимал он людей своих и общество, и самую сущность его столь тонко и точно, как вряд ли кто-нибудь

другой. И понимание его ничуть не устарело, не обветшало и папиной времени не затянулось по день сегодняшней. Напротив - теперь-то, в период, когда мы возобновляем брачный договор со всем миром и Европой, посаженным отцом которого был Петр, его мнение услышать особенно необходимо.

Итак, мы снова в Питербурхе, год 1723-й, как тогда говорили, от воплощения Бога слова. Тяжелые шаги императора; в эти утренние прохаживания по кабинету он как раз и обдумывал самые важные свои решения; а в приемной - как вы помните - наготове кабинет-секретарь Макаров ждет, какие последуют распоряжения, начнется ли утро с очередного указа или позовет император кого-нибудь из вельмож, или отправится в город наблюдать, как исправляются дела. Неугомонный Петр последнее время болеет, болезнь подкрадывается приступами, воспаление брюшины и мочевого пузыря облегчается марциальными водами, потом снова возобновляется. Лейб-медик Блюментрост (будущий первый президент Академии наук) советует побережиться, почаще отдыхать, не простужаться, ну, поменьше дружить с "Ивашкой Хмельницким", то-бишь хлебной водкой... Советы хорошие, но царь знает, - изучил себя - он не может изменить ритма жизни: ритм, регулярность, какими бы они ни были, поддерживают его. Грустноватые мысли одолевают государя:

"Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры был гоним до зела. Она хитра была и зла. Сын меня ненавидел: он упрям. Все зло от подпускателей" - эту непривычную для Петра жалобу слышал - в те самые, последние годы - близкий ему человек Андрей Нартов, механик и "токарного искусства учитель", мастерская его в Летнем дворце была рядом с покоями царя.

На многое еще мог бы посетовать Петр в последние годы и, прежде всего, на предательство самых близких людей. Как брата любил Меншикова, был даже момент в 1712 году, когда существовали смутные планы завещать свой трон Данилычу, лучше чужому, да верному, чем родному сыну - врагу, а потом обнаружилось, что Светлейший - казнокрад; Петр создал специальную комиссию, комиссия установила - да, крал; Данилыч оправдывался, писал челобитные, следствие тянулось, и, грешен, сам он, Петр, не торопил, оттягивал, как бы нынче выразились, спускал на тормозах... Из старой дружбы, из боязни испытать тяжкое разочарование. И события тех лет стали забываться, и Петр решил - образумится Меншиков. И вдруг опять афера, почепское дело, опять воровство - видно, в крови это у Данилыча и ничем не поправишь. И сам он, уличенный, написал царю:

"Ни в чем по тому делу оправдаться не могу, но во всем у вашего величества всенижайше слезно прошу милостивейшего прощения".

И того хуже, к тому самому почепскому делу применен и обер-прокурор Скорняков-Писарев; и пошло, покачилось, даже за канцлером Гавриилом Головкиным вины

обнаружились, даже за прибыльщиком Курбатовым... Тогда и произошел тот эпизод, что в анекдоте передан так:

"Петр Великий, услышавши о некоторых воровствах, случившихся в короткое время, весьма разгневался и вскричал: "Клянусь Богом, что я прекращу это проклятое воровство!" Потом оборотившись к тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому, сказал: "Напиши тотчас указ по всему государству такого содержания, что всякий вор, который украдет на столько, чего веревка стоит, без замедления должен быть повешен". Генерал-прокурор взял перо и, смеючись, говорил: "Однако ж, Всемилостивейший Государь, разве хочешь ты остаться Императором без подданных? Все мы воруем, только один больше и приметнее другого". - Государь, выслушав в размышлении, засмеялся и оставил приказание свое без подтверждения".

Рассказец этот сообщается столькими лицами, что в его достоверности можно не сомневаться. Взятничество, казнокрадство, подкуп - с этой зловещей триадой Петр "ратоборствовал" всеми методами: и казнями - прилюдно (и сам император присутствовал) казнен был губернатор Сибирский Матвей Гагарин; страшной казнью - колесованием - казнили обер-фискал Нестерова, ну, конечно, Петр "зачел" ему то, что обер-фискал как раз со взятками и должен был управиться; и инсценировкой казни вице-канцлера Шафирова, голову уже на плаху положили - но помилосердествовали, учтя, что сумму он "удружил" своему брату, Михаилу, небольшую; и, конечно, как всегда издавал Петр строгие антивзяточные указы:

"Кто в суде неправду учинит или в каком ни есть деле ему поверенном, или в чем его должность есть... такого нарушителя государственных прав и своей должности казнить смертию натуральною или политическою - по важности дела, и всего имения лишить". Как обычно, Петр вводил в сухой текст государственных рескриптов психологические обоснования, которые и сейчас выглядят тонким анализом, судите сами:

"Понеже, видя другого неправдою богатящегося и ничего за то наказания не имущего, редкий кто не прельстится, и так помалу все в бесстрашие придут, людей в государстве разорят, божий гнев подвигнут".

Взяточничество, казнокрадство, пренебрежение законом! - и если бы в избранное нами утро Петр позвал Макарова и начал читать ему свой Тестамент, свое Завещание, то уж про этих трех "былинных по неумираемости" богатырей русской истории - никак бы не забыл. И сколько российских правителей - наследников Петра - с ними не пыталось сладить? Елизавета в начале царствования взялась было за них, да года через три руки опустила; Екатерина Великая лет семь выдержала - до созыва и роспуска своего парламента, Большой комиссии, а потом - не руки опустила, это не в ее натуре было, а скажем - веки опустила, дескать, считайте, что вроде не вижу. Павел за четыре года своего царствования столько указов выпустил против лихоимства, что толстый фолиант составят, а три братца названных живы-живехоньки; Александр Благословенный, Николай Первый - всех перечислять не стоит...

Великие надежды возлагал царь на Сенат, учрежденный 22 февраля 1711 года - Сенат должен был управлять страной в отлучки царя, а в обычное время решать основные государственные дела, недаром и назван он был Правительствующим. И в первые годы Сенат со своими обязанностями, лучше ли, хуже ли, справлялся. А потом, как говорят в театрах о спектаклях, - разболтался, и вот эту неспособность долговременно выполнять обязанности, "скоропостижную" апатию, отсутствие выдержки, постоянства император считал одной из печальных особенностей отечественного характера. Послушайте, какие удивительные замечания-наставления делает он господам сенаторам:

"Никому в Сенате не позволяется разговоры иметь о посторонних делах, которые не касаются к Службе Нашей, тем паче дерзновение иметь бездельными разговорами или шутками юлитесь, но надобно ведать, что есть оное место, где поступать подобает со всякою надлежашей учтивостью..."

"Надобно, чтобы всякие дела не в особливых домах или беседах приватных иметь, но в Сенате вершить".

"...Генерал-Прокурору Сената иметь песочные часы, и как начнут толковать (без конца!) - тогда, объявив им время и поставив песочные часы на стол, - когда время пройдет, велеть всем сесть по своим местам и подавать голоса, а дольше показанного часами времени - решения не продолжать".

И еще одна скорбная и исконная черта подданных выводила императора из себя: непрерывные ссоры, жалобы, челобитные, доносы первейших людей государства друг на друга. "Где трое русских - там четыре мнения" - эта шуточка в эмигрантских кругах в XX веке гуляла, но мнения разные - это ладно, а тут не мнения - склоки, чуть не братоубийственная война: Меншиков - на Курбатова, Курбатов - на Меншикова, еще "борцовская" пара Скорняков-Писарев - Ягужинский, а два князя Иван Ромадановский и Григорий Долгорукий - те и взаправду подрались и полчаса тузили друг друга:

"Сего декабря 18 числа по отлучении вашего величества князь Иван Ромадановский, умысля за партикулярную свою злобу по факциям моих злохотений, бил меня и всяческими скверными лаями лаил, называл меня вором и предателем государства, и будто ваше величество не

Памятник Петру I. Деталь. 1720-е гг.

только меня кнутом наказать, но и голову отсечь намерение иметь изволили..."

Григорий Долгорукий исчислял все свои заслуги и слезно просил, чтобы царь повелел дать ему "сатисфакцию":

"...дабы мне не остаться навеки в нестерпимом ругательстве, атакж против всенародных прав учиненный публичный afront характеру тайного действительного советника и вашего величества кавалерии без отмищения отпустить не изволили".

Приходилось и в этом разбираться, и старика Долгорукого жалко было, и давнего сотрудника прибыльщика Курбатова жалко (умер во время следствия, всего-то 1000 рублей утаил), и Шафирку жалко (выслал в Новгород, и чтоб 33 копейки в день на прожитие давали), и вора кромешного Меншикова не хотелось добывать, хотя и видеть не хотелось - о чем секретарь Макаров уже предупреден. И вновь Петр издал строжайший указ - на сей раз специально для "руководящего" состава:

"Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, коллегиях и канцеляриях и во всех судных местах всего государства судьям... чинно поступать (то есть, пристойно и честно), понеже суд божий есть: проклят всяк творяй дело божие с небрежением".

За брань и крики положен штраф в 10 рублей, за повторение бесчинства 100 рублей и арест; кто провинится больше трех раз, у того отнимается чин и мнения, если же кто дерзнет рукою (т.е. драться), то казнится политической смертию. Все правители судебных мест должны с челобитчиками учтиво поступать, за брань наказываются штрафом, равным трехмесячному жалованию обиженного, у которого, кроме того, обидчик должен просить

прощения. Так же запрещено отговариваться неведением государственных уставов:

"Бжели о каком указе где при каком деле помянуто будет и кто в то время не возьмет того указа смотреть и пренебрежет, а станет неведением после отговариваться, таких наказывать впервые отнятием чина на время и штрафом, равным годовому жалованию, а в другой раз третьему долею всего имения, в третий раз лишением всего имения и чина вовсе".

Император внимательно изучал законодательства передовых европейских стран, основы вечного, эталонного римского права - многие его установления соответствовали самым высоким, что ли, стандартам своего, да и любого времени (например, о "незнании указов"); меры воздействия? - тут, конечно, своеобразие необыкновенное: так и задача, и работа Петра была сверхсвоеобразная, единственная, может быть, во всемирной истории (или уж во всяком случае, не часто бывавшая):

за два-три десятилетия сотворить из одной страны - другую и притом совершенную во всех отношениях? Утопия? Петр Алексеевич и был по по душевному складу - утопист, как все великие и одержимые (одно без другого не держится!), - и в своей одержимости - жестокие люди...

Все, о чем размышлял Царь в то или (может статься) другое утро - в то Завещание, что в книге Лезюра - не вошло, да и войти не могло, потому что "лезюров текст", скорее всего, был все-таки подделан. Сергей Николаевич Шубинский, впервые подробно его исследовавший, привел любопытные доказательства того, что тот Тестament вообще принадлежал не императору Петру I, а императору Наполеону I (то же утверждал в своих мемуарах английский генерал сэр Роберт Вильсон) и сочинен был перед началом войны с Россией, чтобы начнем агрессивных планов российских, будто бы Петром еще завещанных, обосновать свои собственные агрессивные намерения. Совпадения же иных пунктов мнимого Завещания с историческими фактами - по соображениям Шубинского - вызвано весьма добротной осведомленностью неизвестного автора Завещания (не сам же Наполеон сочинял!) в русских делах или, говоря новопетровским языком сегодняшнего дня, в российских реалиях. Шубинский твердо настаивает: нам, русским, известно, что никакого Завещания Петра Великого не было, и... И, видимо, ошибается! Потому что у старых книг нетолько своя судьба, но и свои загадки - в том же старом и толстом то-

ме "Древняя и Новая Россия", где помещен рассказ-исследование Шубинского, оказалась статья-исследование другого, тоже авторитетного историка Николая Ивановича Костомарова, и из этой статьи следует, что Завещание все-таки было написано Петром и что единственным человеком, видевшим его, был все тот же второй главный персонаж нашего рассказа - Алексей Макаров. Трудно сказать, знали ли оба историка о том, что невольны ведут полемику, суть в том, что под одной обложкой старинного волюма собраны разные выпуски журнала, - и только листая все страницы подряд, автор этого рассказа обнаружил два различных исторических мнения. Но, если согласно Костомарову, Макаров знал и видел Завещание, то, возможно, тайно пытался сохранить его содержание, хотя бы смысл, и какие-то обрывки его попали в книгу Лезюра? Версия не неправдоподобная, ибо сам Алексей Макаров уже в зловещее царствование Анны Иоанновны по политическому поклепу оказался под следствием и умер (или погиб) в застенке, а коробки с хранениями им документами были переданы службистам Тайной канцелярии. Какие это документы и не могло ли быть среди них

относившихся к Тестamentу Петра Великого?

Тот же день, с которого мы начали рассказ, четыре часа пополудни. Дождик давно кончился, и, как часто бывает в Петербурге, погода, словно покапризничавший после беспокойного сна ребенок, вдруг исправилась. Тот же норд-ост, что нагнал облака, угнал их дальше, сошла с неба поволока - и стало негаданно тепло. В Летнем саду готовились к ассамблее, на этих придворцовых ассамблеях хозяином всегда был сам царь, а хозяйкой государыня Екатерина.

Отдохнувший после обеда император снова - в кабинете, сбоку от стола Макаров с бумагами - все, как заведено. Но утренние впечатления не обманули кабинет-секретаря: день намечается необычный - в ящике стола Петра, в конверте - его Последняя воля. Завещание, Тестament, сегодня он передаст конверт на хранение Алексеичу, Макарычу, Макарову, всенадежнейшему другу. Но Петр никогда не сбивает установленной последовательности - вначале докладывает секретарь. Царь внимательно слушает, и странно у него чувство, что все, о чем Макаров докладывает, - уже было, - да так и есть, взять хоть вот этот листок-осьмушку: лет двадцать назад он его уже видел. Видел! Тайное письмо, переписанное много раз и "подпольно" распространяемое как откровение. О необыкновенном клade Александра Македонского и Дария Персидского (были случаи, еще императора Траяна "подключали"). И будто бы зарыт тот клад в горе, где "камень белый и полторы сажени длиной, а шириною сажень пять и на той лещадии вырезаны слова... суть эллинским языком писанные... и при сем камне лежат сокровища Александра царя и Дария... А в клade бочки златых червонных и слитки золотые, и оружия, и конские наряды бесчисленное множество, и царские короны, и каменя драгого, и колесница, и змей великоделанный златой, хоботом свивающийся, и во усех его учинен камень диоманд, от которого свет великий бывает, аки от огня, и воин злат держит на златой цепи льва златого пса ловчего. Мне появился ангел Божий во сне и вода мя, показуя то место..."

Моления о всероссийском чуде! Почему они всегда так бесят Петра? Быть может потому, что за ними - наивная вера в то, что где-то совсем рядом - всеобщее счастье, благоденствие, богатство - только руку протяни?.. Да, и не столь наивная, скорее злонаивная вера, от нее, на самом деле, руки опускаются: лежи на печи и мечтай. Недаром, в том Тестamente, что он приготовил, навязчиво - да, навязчиво - повторялась его собственная любимая заповедь: ORA ET LABORA - МОЛИСЬ И ТРУДИСЬ.

И наверняка были в том Завещании пункты насчет трех неотвязных "Дев", что, как те неумирающие три "былинные богатыря", преследовали царя всю жизнь: именно их суть Магия, Воровжа, Астрология. Не то, чтобы император не верил совсем в предопределенность и в то, что возможны попытки ее отгадать, открыть, - но, если эта предопределенность задана Высшими силами, Творцом - не кощунственны ли попытки эти? И особенно не терпел он стихию массовых предсказаний, ту византийскую стихию чудесничества, что как мор нападает временами на его народ. Уцелели интереснейшие пометки царя к рукописным предсказаниям, весьма мрачным и темным, ну, например, предвещалось, что в конце декабря наступит "великая необеспеченность под ногами", то есть, что наступит для людей опасное время, - на что царь пометил: "Всем и всегда не надежно счастье", объясняя - и себе, наверное, и другим, - что нет для человека неопасного дня или часа...

С 1708 года стали - по его повелению - выходить первые русские печатные календари. А в 1709 году вышел гравированный на меди стенной календарь, известный под именем БРЮСОВА; впоследствии Якова Брюса рисовали чуть не чернокнижником, в действительности то был типичный петровский просветитель, и его календарь пользовался уважением ученых и одновременно популярностью в народе; в нем соседствовали и достоверные по тому времени астрономические сведения, и общепонятные и общепринятые астрологические приметы. Унащен календарь был и занятными картинками со стихами:

*Солнце убо на оризонт сей восходаше,
Осиянием своим свет нам содеваше.
А когда оно оризонт заходаше,
Убо весьма тьма и ночь преспеваше.*

В поэтической форме велась и "пропаганда" научных знаний:

ПОТОМКИ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

(заметки на полях)

*Все добро с тобой отныне умирает;
Был всему учитель в Россах ты един,
Новый государства своего творец.*

В.Тришатовский

*О, премудро Божество!
От начала перво века
Такового человека
Не видало естество.*

А.Сумароков

Он бог, он бог твой был, Россия...

М.Ломоносов

"По Петра I российский народ был единообразен в своих обычаях, тверд в правилах, благодарствен, прозорлив... Незнакомы были мечты распаленного воображения... Никто не выказывал себя знающим то, чего не ведал, и все довольны были тем, что знали..."

*Неизвестный автор,
первый гельможа-
литератор из критиков Петра;
рукопись написана
по-французски, конец XVIII века*

В "Примерном времени" численности во сколько лет могла Россия сама собою без Петра Великого дойти до того просвещения и славы, в каком она есть" (в конце XVIII в.) - князь М.Щербатов устанавливает цифру 210 лет, то есть 1908 году (от 1698 г.); это, как князь пишет, если "не будет никакого помешательства, ни внутреннего, ни внешнего".

"Петр I не страшился народной свободы, неминуемого последствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон".

А.Пушкин

*Солнце убо затмение творяше,
Когда луна его затмеваше.*

Приводились предсказания на различные дела: "сев весенний, сев осенний, овощ древесный, лозы и вино, непогоды и наводнения, болезни и скорби насыльствуемые... Когда кровь из жилы пушать (основное лечение той эпохи для тучных), когда брак иметь, когда долг платити" и прочие, необходимые для наших предков указания. В первой русской газете, в "Ведомостях", читатели "информировались" о предстоящих солнечных и лунных затмениях, чтобы простые (да и не простые!) люди не пугались, а предсказатели тем не пользовались... Да, надо думать, сильно поразился бы Петр Алексеевич, да и сам псевдочернокожничек генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Брюс, очнись они в России через 280 лет и увидя, какой ренессанс переживает астрология и оккультизм - не пора ли снова выпускать петровские просветительские календари?!

СЕКРЕТНАЯ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПЕТРА, некоторые замечания в ней служили набросками для Тестаментга (Сохранена книжка кабинет-секретарем Макаровым)

О пословицах русских.

О краткой истории для внушения молодым.

Против атеистов. Буде мнят законы смысленные, то для чего животное одно другого ест, и мы; на что такое бедство сделано?(По-видимому, фрагмент размышления императора о царящей в мире несправедливости - основной аргумент всех неверующих и богоборцев, от библейского Иова до дня нынешнего.)

Написать в уложенны, что человек; как может быть чист в себе, но не во вред государства... (Тоже из вечных проблем-антиномий: как добиться гармонии между отдельным честным человеком и машиной огромного государства, затягивающего своими маховиками прежде всего, честных и бескорыстных...)

Где навоз класть: против Муханова двора или за шпиталем. (Типичная для Петра чересполосица высоко-го и низкого - торопился, торопился все успеть, исполнить, не забыть.)

"К коринфянам" зачалю. (Послание апостола Павла; и не эту ли главу имел в виду царь: "... не сообщаться с блудниками*; впрочем, не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе". Речь - о лицемерах; точнее, хищниках-лицемерах, клеветниках-лицемерах, корыстолюбцах-лицемерах, гласно порицающих то, чему сами предаются тайно. Столице строчкой ниже, тоже рукою Петра: "Чтоб написать книгу о ханжах" - подкрепляет наше предположение, так же, как его любимая мысль, что следовало бы ввести одиннадцатую заповедь: "Не ханжи, не лицемерь". Надо полагать, "достали", допекли императора многие из тех, кто его окружал, - лицемерием, и, надо полагать, считал он ханжество весьма опасной чертой общества, если столь часто поминал, и уж наверняка помянул бы о лицемерии-ханжестве-фарисействе в своем Тестаменте.)

А вот крохотный сюжет, свидетельствующий, как нешаблонно подходил Петр Алексеевич к проблемам государственного благоденствия, то бишь финансово-экономическим.

Жил на свете в начале того самого петровского семнадцатого века трагикомически прославленный экономист Джон Ло, - трагикомедия в том, что взялся он вылечить больную хозяйственной разрухой Францию, провел свои реформы - лечебные процедуры, и больному совсем скверно стало; Ло осмелил, Ло освистали, и он бежал в Венецию; - и нашелся у него только один защитник, наш император, пославший ему письмо (факт малоизвестный), пригласивший на работу в Россию и предложивший даже титул князя Астраханского - так странно! Ибо считал Петр, что не Джон Ло виноват и не его экономические нововведения, но что никакие реформы не помогут стране, коли в ней разброд с выступающей напо-

каз роскошью одних и злоеюще-раздраженной нищетою других, а то, что так именно было во Франции на исходе царствования Людовика XIV и в эпоху Регентства, видел царь собственными глазами во время путешествия в 1717 году.

Сюжет с Джоном Ло тем и исчерпался - он не решил-ся начать жизнь по-новому в новой стране, но осталось суждение-напоминание Петра о том, что никогда не привьются реформы там, где население к ним психологически не подготовлено или утратило "аппетит" к переменам вообще.

А вот напоминания-заветы Петра Алексеевича о построенной им новой столице, о его любимом Парадизе - в Завещание вошли бы несомненно, ибо о своем Питере не забывал он ни на минуту, сам за всем следил, проверял, наблюдал:

"Некогда Государь ехал в одноколке вдоль по берегу Мойки, имея с собой генерал-полицмейстера (известный Антон Девьер). Подъехавши к небольшому мосту, сделанному через канал, проведенный из Головинского сада в Мойку, против острова, называемого Новою Голландиею, где хранился дубовый лес для корабельного строения, нашли они мост испорченным. Государь так разгневался на небрежение полиции о мостах, что на том самом месте поколотил генерал-полицмейстера своею палкою и сказал: "Впредь, чтоб улицы и мосты были в исправности". Между тем, мост был починен, и гнев Государя прошел. Он сел в одноколку и сказал генерал-полицмейстеру весьма милостиво: "Садись, брат".

Петр недаром столь благополучно завершил "конфликт" с Девьером, тайне был доволен деятельностью генерал-полицмейстера, именно после назначения его в 1718 году Петербург стал приобретать черты самой благоустроенной столицы в Европе, о чем не свои - иностранцы свидетельствовали... Улицы все вымощены булыжником, по ночам освещены фонарями на конопляном масле, фонари изготовлены по особому заказу на Ямбургских заводах; в помощь полиции установлено дежурство жителей; на всех перекрестках - шлагбаумы, и около них опять полицейские, и пожарный инвентарь наготове; и ни в одном городе не была столь тщательно налажена уборка нечистот, как в Петербурге последних петровских лет; и не вошло от него за много верст, как, судя по всем описаниям, - от тогдашнего старого, великого Парижа, и развлечений-празднеств, ну, не как в Париже, но...

Пушечный зал и барабанная дробь. Означают они, что назначенная на пять часов ассамблея открывается и что царь должен встречать гостей. Дела окончены, - осталось, правда, главное, но оно не требовало много времени: Петр достал из письменного стола конверт и вручил кабинет-секретарю, и было на конверте всего одно, написанное острокачающим почерком Петра, слово -

ТЕСТАМЕНТ.

А потом была ассамблея в Летнем саду, и прошла она в тот раз по "полной программе" и даже с превышением. И был весь двор: императрица и обе принцессы - Анна Петровна, старшая, и Елизавета Петровна, младшая, Анна - брюнетка, прекрасная, как ангел (рассказы Берхгольца), а Елизавета - белокурая и очень нежная. "Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убранны драгоценными камнями и жемчугом по новейшей французской моде и с изяществом, которое сделало бы честь лучшему Парижскому парикмахеру". Играл оркестр, а в Гроте звучала водяная музыка, и в Летний сад - по приказу царя - могли

"...в основе западноевропейских обществ лежит насилие, рабство, вражда; в основе Русского государства лежат добровольность, свобода, мир. Порядок этот существовал до Петра, откуда не был им уничтожен".

К.Аксаков

"Петр был очень хороший и очень дурной человек. Последнее не отнимает у нас права признать вполне первое, признать необыкновенное величие человека и дел его..."

С.Соловьев

"Мыслящие люди <...> вызывают великие тени Петра и Екатерины, видят их в собственных гадостях, не желая подумать, что в их собственные головы не влезет и миллионной доли того, что продумали и выносили в душе поругаемые великие наши деятели... Мне жаль тебя, русская мысль, и тебя, русский народ! Ты являешься каким-то голым существом после тысячелетней жизни... Ты, как бесправдая фрявольная невеста, осужден на позорную участь сидеть у моря и ждать благодетельного жениха, который взял бы тебя в свои руки..."

В.Ключевский

Петр I Великий.

"Выдающийся политический и военный деятель. Осуществил ряд важнейших преобразований <...> Реформы Петра I проводились главным образом за счет усиления угнетения народных масс..."

Советский энциклопедический словарь, 1980 год

Проклятие Петру

*Будь проклят, император Петр,
стеливший души, как солому.
За боль текущему былому
пора устроить пересмотр.*

<... >

*Будь проклят, нравственный урод,
ревнитель дел, громада плоти!
А я служу иной заботе,
а ты мне затыкаешь рот.*

Из современной поэзии, 1990 год

*Старое значение слова - уклоняющиеся от праведного пути.

заходить без приглашения все люди в пристойных платьях; и был весь набор танцев: менуэт, англес и польский, а потом еще специальный танец для молодых, придуманный Петром, - так называемый, кеттенданз, а когда все уж очень развеселились - танец с поцелуями, тоже императором изобретенный: дамы целуют кавалеров в губы, а кавалеры целуют им руки... Каждый угощался, чем желал и сколько хотел, но был общий отдых и ужин в две смены; мужчины, подражая Петру, покуривали коротенькие голландские трубочки, а дамы переешивались, немножко натужно, от непривычки, ибо царь терпеть не мог поджатых губ. И, конечно, были опоздавшие, и был неприменный штрафной Большой Орел, от которого подкашивались ноги, и карлики смешили пирующих, царь обожал карликов, в качестве презента ему их присылал даже король Фридрих (а Петр отдаривал его великанами, ибо тот король обожал великанов); а потом снова были танцы, и по позволению Петра ассамблея была продлена до половины одиннадцатого ночи, и как всегда среди дам лучшими в танцах были жена князя Дмитрия Кантемира и совсем молоденькая жена кабинет-секретаря Макарова, а среди мужчин - генерал-прокурор Ягужинский и, конечно, император - он и вообще был в этот вечер ко всем милостив и в ударе, и все это заметили, но о причине этого догадывался, знал только один человек - тот, кому он отдал ровно в пять часов свое царское Завещание.

О Завещании императора, конечно, давно и тайно думали все, а может быть, и говорили между собою: наверное, с того дня 25 апреля 1718 года, когда умер четырехлетний Петр Петрович, объявленный наследником, страстно любимый царем и ласково называемый Шишечкой. Кто будет наследовать трон: жена ли Екатерина, коронованная в 1724-м, или внук Петра и сын казенного Алексея - тоже Петр, еще совсем мальчик. А открыто и громко заговорили об этом, когда в люто-

холодные дни конца января 1725 года император умирал. Умирал долго, мучительно, кричал так, что слышно было за стенами дворца, иногда обращался к собравшимся со словами: "Познавайте из меня, какое жалкое животное человек!" А потом впал в беспамятство, началась агония. И тогда высшие вельможи государства позвали единственного человека, который мог знать о Завещании - Макарова. Вот как рассказывает об этом эпизоде в той самой своей статье историк Костомаров:

"Сановники спросили Макарова, есть ли Завещание. На что кабинет-секретарь отвечал, что некоторое время назад император, действительно, написал Завещание, а потом вдруг раздумал оставлять его и уничтожил, сказав при этом:

"Если народ, выведенный мною из невежественного состояния и поставленный на степень могущества и славы, заявит себя неблагодарным, то все равно не поступит по Завещанию... но, если народ будет чувствовать, чем обязан мне за мои труды, то станет сообразовываться с моими желаниями..."

И кажется нам, что более мудрого и честного Завещания-Тестамент, чем заключенного в этих словах, Великий император и не мог оставить своим потомкам.

Почти триста лет, как не смолкают споры: что было бы с Россией, если б не было Петра? Если бы... Однажды автор этого рассказа спросил английского историка: как, по его мнению, что было бы с Англией, если б не было Кромвеля? Сказать, что вопрошаемый изумился, ничего не сказать, - задохнулся от изумления. Наконец, с самым глубокими и "скрипучими" английскими интонациями он выпалил: But he did exist!

- Но он же был!

РАЗОРЕННОЕ ГНЕЗДО

ИЗ ПИСЬМА В ПАРИЖ

...Я пользуюсь оказией, чтобы послать Вам 3 экз. недавно отпечатанного журнала "Всемирное слово" N 4/5 - единственной книжки, которую нам удалось выпустить за 1993 год.

Основной тираж журнала остается еще в типографии, и мы, к счастью, не успели перевезти его, как обычно, в помещение редакции. Если бы успели, тираж, возможно, погиб бы целиком в катастрофе, которая произошла с Домом писателей Петербурга - бывшим дворцом графа Шереметева, одним из красивейших особняков старого Петербурга, в котором с января 1991 года располагалась и наша редакция. У меня с этим домом связаны лично почти 40 лет литературной и всякой другой жизни.

В ночь с 15 на 16 ноября с.г. после литературного вечера одного достаточно претенциозного поэта на втором этаже Дома вспыхнул пожар, который уничтожил Золотую гостиную и по деревянной запасной лестнице вырвался на третий этаж к конференц-залу. Вызванные пожарные довольно быстро потушили огонь, залили чердаки и проходы водой, отключили в Доме свет и уехали, подтвердив в протоколе, что пожар полностью потушен.

Однако через сутки, в ночь с 16 на 17 ноября пожар в Доме повторился с огромной силой и нанес колоссальный ущерб всему строению и особенно парадной части особняка. Большой Белый зал с богатой лепкой и хрустальными люстрами в стиле барокко конца XVIII века обрушен; кровля над ним обгорела и была сброшена на землю. Уцелевшие белые ангелы остались под открытым небом на ледяном ветру и морозе. Двухъярусный круглый Читальный зал с деревянными резными лестницами и антресолями, с прекрасной старинной мебелью выгорел и погиб вместе с исторической библиотекой графа Шереметева и другими редкими изданиями XVIII-XIX веков, которые хранились в этой части Дома. Основное хранилище

Библиотеки - большой прямоугольный зал с полками книг не сгорел, но был буквально затоплен водой, которую качали прямо из Невы. Ведь своими зеркальными окнами Дом выходит на набережную Кутузова - как раз против крейсера "Аврора".

Лучшие гостинные Дома погибли. Облитые водой книги промерзли. Конференц-зал на третьем этаже прогорел насвозь и через обугленные балки пола, вскрытого при тушении пожара, видны комнаты второго этажа. До помещения нашей редакции - большой комнаты на третьем этаже с тремя окнами на Неву - огонь не дошел. Пожарные остановили его метров за пять по коридору от конференц-зала (бывшей Домовой церкви графа).

При всем том залили нас сверху донизу, промочив все, что можно было промочить: остатки тиражей изданных книг и журнала, запасы бумаги, редакционный архив, полностью готовый оригинал-макет N 6 "Всемирного слова", который лежал у меня на столе, подготовительные материалы к следующим номерам и пр., и пр.

Только к утру пожарные справились с пожаром. Административная часть Дома уцелела, но сам по себе особняк, особенно в парадной своей части, представлял на рассвете удручающее и щемящее душу зрелище. Этот извещнейший в городе Дом, уцелевший во времена трехлетней Ленинградской блокады, не тронутый тогда бомбежками и пожарами, погиб пятьдесят лет спустя по причинам, которые остаются сегодня не вполне проясненными.

...В течение четырех суток, пока не был разобран подвал, мы не могли определить судьбу своих компьютеров. Когда технику подняли на второй этаж соседнего издательства "Детская литература", выяснилось, что из нашего комплекта исчез основной аппарат - лазерный принтер Хьюлетт Пакард, стоивший 1300 долларов, а по нынешнему курсу более полутора миллионов рублей. Был ли он ночью похищен во время пожара или вынесен потом из подвала, который охранялся, сказать никто не может. Мы возбудили через милицию уголовное дело о хищении принтера и некоторых других вещей, принадлежавших редакции, но

надежды на их розыск и возврат у меня практически нет.

Сейчас мы остались без своего помещения и рабочих мест (в Доме нет отопления, света, телефонной связи), без важнейшего аппарата в компьютерном блоке, только-только налаженном для набора и верстки, и должны начинать восстановление редакции по существу заново, на голом месте. Основные редакционные материалы, к счастью, сохранились. Что могли, мы унесли по домам. Верстка N 6 и набор N 7 (переходящих на 1994 год) остались в памяти компьютера и дубликаты статей тоже уцелели.

В ближайшие дни выяснится, куда мы перекочуем с ул. Шпалерной. Возможно, нас примет к себе наиболее близкий нам журнал "Звезда", членом редколлегии которого я являюсь (в декабре так оно и случилось, и мы признательны редакции "Звезды", приютившей нас в трудное время - А.Н.).

Причины пожара в Доме писателей Петербурга сейчас выясняются двумя комиссиями, работает специальная следственная бригада из Москвы. Активно муссируется версия преднамеренного поджога (озлобленных людей после московской политической драмы 3-4 октября с.г. в Питере, действительно, много), но я полагаю, что на первом месте по вероятности остается извечная российская расхлябанность и безответственность, равнодушие администрации к своему делу, недостаточный профессионализм пожарных, которые, по всей видимости, упустили первый пожар и не пресекли возможность второго. И все это в зловещей связке с наклонностями люмпенов к мародерству и воровству, сопровождающими всякое народное бедствие. После пожара в Ленинградской Библиотеке Академии наук, на заре "перестройки", нынешний пожар в особняке Шереметевых зловеще симптоматичен и являет собой такое же крупное несчастье для всей России, а не только для Петербурга.

25 ноября 1993 г.
Петербург

Ваш
А.НИНОВ

Андрей ТОПОРКОВ

дованно влияют на деятельность творческой фантазии человека.

Художественная литература, связанная с мифологией по своему происхождению, находится с ней в сложных, двойственных отношениях. С одной стороны, она всячески стремится оторваться от своих истоков, создать особый замкнутый мир, разработать собственную мифологию и систему оценок и стереотипов. С другой стороны, стоит литературе ослабить самоконтроль, как она начинает спонтанно воспроизводить те же стереотипы мифопоэтического сознания. Особенно характерно это для периферии литературной системы - для низовой литературы, обращенной к массовому читателю и приспособляющейся к его вкусам. Можно сказать, что литература впадает в мифологию, как в ошибку.

Петербург представлял собой идеальный объект для вторичной литературной мифологизации. Он был воздвигнут на косяках его строителей; император-демиург основал его на окраине государства, среди лесов и болот, в месте, подверженном ужасным наводнениям и готовом вот-вот погрузиться в пучину. Ирреальности города способствовали множество рек и каналов, как бы удваивающих город в водном отражении, архитектурные ансамбли, напоминающие театральные декорации, и многое другое.

Мифологии самых разных народов повествуют о победе Космоса над Хаосом и упорядочении вселенной. Противопоставление Космоса и Хаоса, несомненно, актуально и для Петербурга, однако осмысление этой темы чрезвычайно далеко от традиции. Крайне упорядоченный, регулярный Петербург со всех сторон омывается Хаосом, который прорывается то в виде наводнения, то в виде кровавого насилия или человеческого безумия.

Образы городской мифологии и в целом существуют, как правило, на фоне архетипов мифологии традиционной, однако не реализуют их буквально, а пародийно выворачивают наизнанку. Так, например, образ улицы явно соотнесен с мифологемой пути, известной у многих народов древности и Нового времени. В мифологии и фольклоре путь - это всегда движение к некоторой цели; на пути к ней человек преодолевает препятствия и обретает друзей и помощников, познает истину и реализует свое жизненное предназначение.

И в полную противоположность улице, зажата домами, - это дорога в никуда, место, где все кажется не тем, чем является в действительности. На улице человек теряет свою индивидуальность и становится частью безликой и безумной толпы.

Мифологема пути в литературе и коллективном сознании теснейшим образом сопряжена с мифологемой дома. У многих народов мира изба, юрта или другое традиционное жилище осмыслились как своеобразная модель вселенной и в то же время средоточие жизненного пространства человека. На том свете человека ждал новый дом - "домовина", которая мыслилась как посмертное жилище и даже в мелочах соответствовала крестьянской избе (русские и украинские крестьяне порой делали в гробе крошечное окошко, чтобы покойник мог видеть, что делается на этом свете).

И, разумеется, совсем иную модель дает доходный дом в Петербурге. Наемную квартиру (или угол) всегда рассматривают как временное и более или менее случайное жилище. Вместо интимной связи с домом -

Переоценка нашего прошлого, общая смена культурной и общественной ориентации российского общества неизбежно актуализируют проблему Петербурга. Сам акт переименования города в этом смысле необычайно важен как знак определенного исторического выбора.

Возрождение Петербурга - задача чрезвычайно сложная, но вполне реальная. В отличие от центра Москвы, подвергшегося варварской перестройке, центральные районы Петербурга в целом сохранили свой архитектурный облик с начала XX века. Чтобы

причем вовлечение той или иной городской реалии в художественное пространство литературного текста влечет за собой и актуализацию соответствующих мотивов. Так, например, литературному персонажу достаточно пройти по Сенатской площади, чтобы оказаться в сюжетном пространстве "Медного всадника". В начале XX в. образ Петербурга получил наиболее яркое выражение в лирике А.А. Блока и его драме "Незнакомка", а также в известном романе А. Белого.

Петербург и до сих пор воспринимается как сцена, на которой разворачивались некогда сюжеты знакомых литературных произведений, как некая декорация, оставшаяся от сыгранного спектакля. С другой

О МИФОЛОГИИ ПЕТЕРБУРГА

обновить их и привести в порядок, нужны значительные средства, однако ничего принципиально невозможного в этом нет.

Скромная задача филолога заключается в том, чтобы напомнить о Петербурге как целостном культурном феномене и о его связи с петербургским периодом русской литературы. Петербург был не только местом, где жили многие литераторы XVIII - XX вв., но и одним из основных объектов изображения петербургской литературы, дающей ключ к постижению "души" города.

Именно с Петербургом связана главным образом традиция символического истолкования города в России. В 1920-е гг. этой проблеме были посвящены новаторские работы Н.П. Андиферова, а в последнее время - работы В.Н.Топорова и других исследователей. Не предполагая здесь рассматривать проблему в полном объеме, наметим лишь ее основные контуры.

В создание литературного образа столицы Российской империи внесли свой вклад крупнейшие русские писатели и поэты XIX века: К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Вл.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский. Этот литературный образ, с одной стороны, отвечал непосредственному восприятию Петербурга, а с другой - воспроизводил на российской почве европейскую традицию изображения большого города. Так, например, Петербург Достоевского имеет весьма много общего с Парижем Бальзака и Лондоном Диккенса и различить, что здесь идет от литературной традиции, а что - от непосредственных впечатлений, весьма трудно. Еще более углубляясь в историю, можно вспомнить о судьбе великих и в то же время проклятых городов прошлого - Вавилона, Рима, Константинополя.

В начале XX в. символический мир Петербурга стал предметом напряженной рефлексии и перешел в новое качество. Литературные ассоциации, связанные с отдельными точками и архитектурными памятниками Петербурга, приобретают к этому времени почти обязательный характер,

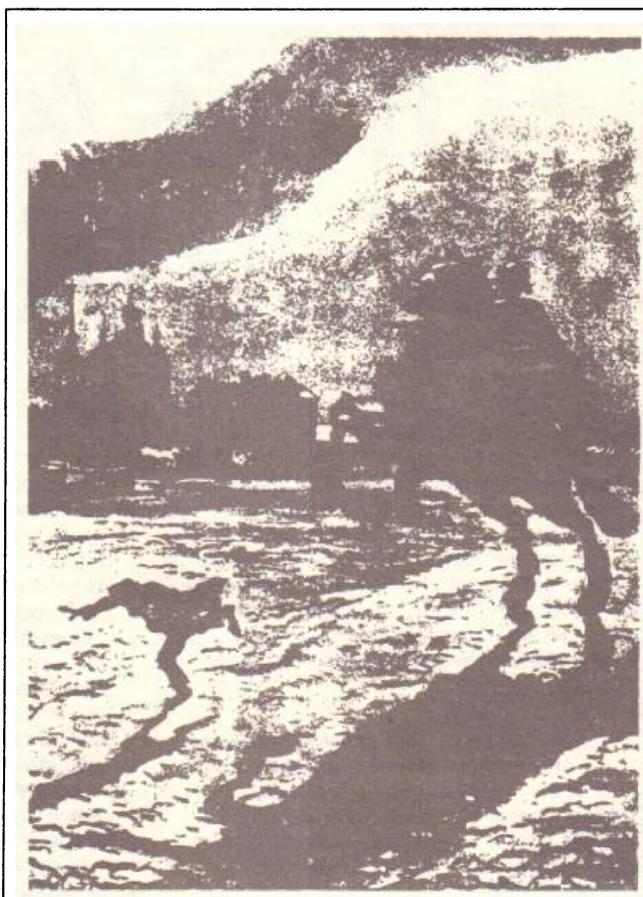

Иллюстрация к поэме А.С.Пушкина "Медный всадник". 1916

стороны, сам спектакль, разыгрываемый на улицах Петербурга, может быть понят как выражение его потаенной сущности, и в этом смысле город не декорация, а основное содержание спектакля.

Вопрос о соотношении художественной литературы со своеобразной городской мифологией неизбежно увязывается с более общим вопросом о соотношении литературы и мифологии. В науке XX в. утвердилась идея о том, что мифопоэтические представления, отразившиеся в языке, фольклоре, стереотипах бытового и ритуального поведения, а в трансформированном виде - в произведениях литературы и искусства, обладают мощным воздействием на интеллектуальный и эмоционально-чувственный мир человека, образуют тот базовый фонд психологических установок и ассоциаций, которые прямо или опосре-

полное отчуждение по отношению к нему. Более того, уже не гроб представляется жилищем, а, наоборот, комната чудится гробом, в котором живо погребен человек (вспомним каморку Раскольникова, которая "очень способствовала" его преступлению).

Интересно также, что "дом" и "улица" существуют сразу и как множество конкретных объектов - домов и улиц, и как некие обобщенные категории - Дом и Улица. При этом тот или иной конкретный дом может быть одновременно и Домом, но может и не быть. Возможна даже такая парадоксальная ситуация, когда дом оказывается вовсе даже и не Домом, а Улицей, а улица - Домом. Эти вопросы не раз обсуждались в литературе начала XX в. Например, отмечалось, что кинематографические залы располагаются в домах, но они мыслятся как продолжение Улицы. С другой стороны, трагедия проституток заключается в том, что Домом для них стала улица.

Символическое осмысление уличного освещения также соотнесено с определенным мифологическим архетипом. У разных народов, в том числе и славянских, источники естественного света - солнце и луна - дали основание для обширной мифологии, породили наиболее значимые символы. Городское освещение на этом фоне неизбежно воспринималось как антипод естественного, фонари - как сниженные, пародийные двойники солнца и луны. Прямой фольклорный аналог вечерним огням туманного Петербурга - это блуждающие болотные огоньки, то ли души умерших, то ли вышедшие на поверхность земликлады.

В поэзии начала XX в. фонари устойчиво сравниваются с луной, а луна, в свою очередь, - с фонарем. Ассоциации, связанные с лунным светом, переносятся на электрический свет, который так же томит и тревожит,

Городское освещение воспринималось прежде всего как призрачное, фантастическое, inferнальное. Оно связывалось с апокалиптическими предчувствиями. Уличные огни представлялись также зловещими, обманчивыми, наглыми. Фонари вызывали ужас и отчаяние, а их вереницы навевали ассоциации с вечностью и дурной бесконечностью.

Когда А.Блок пишет "Ночь, улица, фонарь, аптека", он не просто рисует образ городского пейзажа, но задает некое символическое пространство, которое одновременно и реально, и обращено в вечность. Каждая предметная реальность - и улица, и фонарь, и аптека - обладает здесь не только теми смыслами, которые заданы поэтическим контекстом, но и неопределенным множеством символических ассоциаций, которые связаны с нею в рамках городской культуры.

С другой стороны, литературная символика дома, улицы, фонаря, а также других реалий и локусов городского пространства, в значительной мере определяет и само восприятие города. Так символ, подвластный человеку, становится мифом, управляющим его сознанием и поведением. Литературные произведения потому и сродни мифу, что они создают образы, определяющие собой видение самой реальности и в какой-то мере замещающие ее.

"Где положение земли гладко совершенно, где природа спит, там должно работать искусство во всей силе», - писал Гоголь о Петербурге.

Этот город пригрезился однажды Петру среди болот, да так и затвердел, стал вещественным, каменным и все же - непостижимым. Мистический, неуловимый город, над которым простерлась рука его создателя, охраняя и грозя.

Третий век спорят философы, историки и поэты о деле Петровом; «Блестящей

в Италии, приобрел первую известность в Париже, но как художник принадлежит прежде всего России. Человек эпохи абсолютизма, он не сомневался в ее идеалах и на Петра смотрел, как на «диво своего века».

Впервые Растрелли увидел русского царя в Европе, по дороге в Россию, в 1716 году. Полтава и Гангут уже были у Петра за плечами. Слава бежала впереди него. Европейские художники спешили перенести на полотно черты «великого и славного государя, равного величайшим мужам древности», как писал о нем в ту пору герцог Сен-Симон.

Именно таким, равным величайшим мужам древности, «неподдельно и истинно ве-

ЛИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ошибкой Петра» назвал Н.Карамзин основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных.

«Что же заставило сносить такие неудобства? Ответ один - необходимость», - возражал ему Сергей Соловьев.

Все, что происходит с нами сегодня, мы вновь и вновь адресуем к начатому Петром:

*Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить
Склонениям и нравам вопреки
За сотни лет к ее грядущим дальям.
Он, как и мы, не знал иных путей
Опречь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель -
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.
...Есть дух Истории - безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра...*

Эти строки из поэмы М.Волошина «Россия», может быть, больше говорят нам о подлинном Петре, чем многие страницы научных исследований.

Свое слово произносит и каменная летопись Петербурга. Три памятника Петру под петербургским небом - как три эпохи: каждая судит со стратую и пристрастием.

Первая конная статуя Петра была заказана им самим скульптору Бартоломео Растрелли, «мастеру разных художеств», приглашенному царем для украшения новой столицы.

Растрелли родился и прошел обучение

ликим» задумал Растрелли своего Петра.

Одновременно с конной статуей он получил заказ на скульптурный портрет царя. Для обеих работ скульптор снял с лица живого Петра гипсовую маску.

В портрете, при традиционной барочной пышности деталей, главным стало лицо: властность и нетерпение, борьба страстей, непреклонность воли и первые признаки смертельной усталости.

Совсем по-другому будет решена статуя. Временное и личное должно отступить перед вечным. Триумфатор, победитель - таким будет его конный монумент Петру.

Поставить памятник Растрелли думал на берегу Невы, против здания 12-ти коллегий.

Знал ли художник, что за этими стенами рождаются не одни великие замыслы, но и «самовластные законы, писанные кнутом»? Разумеется. Не только в Петербурге, где каждый был готов к крутой расправе скорого на руку царя - роптали и в Европе.

«Отказываюсь понять Провидение, вручившее такому необузданному человеку безграничную власть над столь значительной частью света», - писал, например, английский епископ Бернет.

Растрелли стоял слишком близко к Петру, чтобы не видеть: великие крайности уживались в этом царе. Простота и скромность его личных покоев, его обихода поражала. Но не меньше поражали пышность и богатство приемов, которые устраивались по царскому приказу во дворце генерал-губернатора новой столицы Александра Меншикова.

Царь мгновенно менял гнев на милость и милость на окрик и дубинку, дирижируя жизнью всей России, как дирижировал он

Памятник Петру I. Деталь. 1782

неуклюжим весельем первых ассамблей в Меншиковском дворце.

В монументе, однако, все отступало перед главной идеей - выразить величие побед Петра и могучую силу страны, пробужденной им к новой жизни.

Торжественная тяжесть масс, неспешность ритмов, обилие пышных деталей, неколебимость всадника и мерное, медленное движение коня, жезл победителя и листья лаврового венка, похожие на языки пламени, - все органически сливалось в единый образ триумфатора...

*Се есть Петр, Отечества отец,
Земное божество Россия почитает.*

(Ломоносов)

Петр одобрил проект монумента и умер, не успев дать приказ об его отливке.

Вдовствующая императрица Екатерина I была к созданию памятника вполне равнодушна. Она поручила Растрелли сделать «Его Величества Восковую персону» и одеть непременно в парадный гродетуровый кафтан, ею самой расшитый серебряными нитями. В этом платье государь присутствовал на ее коронации в Москве всего за год до своей смерти.

«Восковая персона с платьями» - это был Петр, уже никому не страшный, навсегда успокоившийся.

Быстро менялись владельцы трона, и никому из них не было дело до статуи, до славы Петра. Лишь Елизавета Петровна, взяв престол именем отца и штыками его гвардейцев, вспоминает о памятнике и приказывает отлить монумент для установки в царствующем граде. Спешно ведутся работы. Все готово к отливке. И тут... умирает Растрелли.

Закончить работы поручено было его сыну Варфоломею Варфоломеевичу Растрелли, любимому архитектору Елизаветы. Но пока статую изготовили, интерес к ней успел угаснуть. На полвека забывают ее где-то в литейном сарае.

На престол всходит Екатерина II, и опять «не совсем по правилам». Ей нужна слава продолжательницы дела Петра. Установ-

ка памятника входит в ее государственные расчеты. Но статую Растрелли она отвергает: изменился век, изменились вкусы и идеалы. Памятник, который она поставит, должен прославлять власть благодетельную и просвещенную. Государыня обращается за советом к своему постоянному корреспонденту Дени Дидро. Дидро называет имя своего друга, скульптора Фальконе: «Этот человек думает и чувствует с величием». Правда, Фальконе почти уже 50, а он еще не создал ничего великого. Но Дидро не ошибся в своем предчувствии. Грандиозность задачи пробудила силы, дремлющие в скульпторе.

Истинный сын века Просвещения, Фальконе воспринимает своего героя подобно Вольтеру и Дидро. «Создатель. Преобра-

Ирина СВЕРДЛОВА

зователь. Законодатель» - таков будет его Петр. Скульптор отвергает советы украсить будущий памятник аллегорическими фигурами Победенного Варварства, Народной Любви и пр. «Их убогое обилие обличает всегда рутину и редко гений. Мой памятник будет прост. Петр - сам себе сюжет и атрибут. Остается только его показать».

Вместо тяжеловесных повествовательных аллегорий он находит поэтические символы: скала - знак преодоленных трудностей; поднятый на дыбы конь, готовый к прыжку через бездну, и отеческий жест руки. «Эта отеческая рука, эта скачка по крутой скале - вот сюжет, который дает мне Петр Великий... Он осуществил добро, которого не хотели».

Для Фальконе Петр - уже историческая легенда, символ России, к берегам которой причалило Европейское Просвещение.

Екатерина вполне одобрила проект. Но «царь хочет, да министры перечат»... Бецкой, которому были поручены все дела по возведению памятника, - не только руководитель Конторы строений, но и президент Академии художеств. Ему кажется, что это он - истинный автор программы монумента. Бецкой дает советы и требует их исполнения. Самолюбивый и пылкий Фальконе ставит его на место. Бецкой чинит в ответ множество препятствий. Скульптор ищет защиты у Екатерины.

Ее поначалу забавляла роль миротворца: «Презирайте болтунов и идите своей дорогой», - писала она Фальконе и тут же утешала своего «гадкого генерала», как она звала Бецкого, которому почти ни в чем не отказывала.

Самый трудный бой ждал Фальконе, когда ему в голову пришла счастливая мысль бросить под копыта коня раздавленную змею. Это был не только символ победы над силами зла, но и почти невидная зрителю третья точка опоры для вздыбленного коня. Бецкой же увидел в этом лишь

Памятник Петру I. Деталь. 1791

новую прихоть скульптора и новое разорение для казны.

Екатерина колебалась. Фальконе вынужден был прибегнуть к лестии: «Петру Великому перечила зависть... Такова участь всякого великого человека. Если бы я когда-нибудь делал статую Вашего Величества, то я бросил бы зависть внизу пьедестала».

Императрица сделала: «Есть старинная песня - если надо, так надо. Вот мой ответ относительно змеи».

Но все эти трудности поблекли перед творческой бедой: у Фальконе не получалась голова Петра. Он не был портретистом. И он устал. Он вложил всего себя в гениально найденный силуэт... Скульптор был близок к отчаянию. Выручила его любимая ученица, юная Мари-Анна Колло, приехавшая с ним из Франции. Мари пришла к нему когда-то в мастерскую 15-летней девочкой. Она оказалась талантливым скульптором и верным товарищем в работе. Взяв за основу маску, снятую Растрелли с живого Петра, Колло, как говорит легенда, за одну ночь вылепила голову царя. Фальконе принял ее эскиз с восхищением и превратил его в органичную часть монумента.

Так выходил он на свет из небытия - всадник медный на звонко-скачущем коне:

*Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

Нужно было еще отыскать для подножья природную скалу и осуществить доставку ее в Петербург. Чтобы подчеркнуть идею созидательного подвига Петра, Фальконе решил вместо обычного подножья ввести в памятник «кусочек дикой природы». Установка Гром-камня являла собой, по общему признанию, «чудо труда и умения» русских рабочих людей.

Выбором точки для установки памятника - у самой Невы, между старым Сенатом и Адмиралтейством - мы обязаны Юрию Фельтену, победившему в конкурсе на проект установки монумента. Он же руководил последними работами по монтажу памятника, когда Фальконе, едва закончив отливку, покинул Петербург, измученный двенадцатью годами борьбы за свое детище. Екатерина даже не простилась с ним. Не пригласили скульптора и на открытие, которое состоялось 6 августа 1782 года при огромном стечении народа. Памятник оказался отчужденным от своего создателя. Вся слава должна была достаться Екатерине, украсившей монумент гордой надписью: «Петру I - Екатерина II».

Фальконетовский Петр оказался чем-то неизмеримо большим, чем первоначальная идея скульптора, хотя и самой идее нельзя отказать в величии. Памятник давно стал символом города, его гением-хранителем. С тех пор как пушкинский Евгений обратил к нему свое отчаянное «ужо тебе!», сколько раз раздавался этот ропот... Сколько раз повторялось глухое: «Петербург быть пусту!» Но они по-прежнему берегут друг друга - город и всадник, летящий на недвужном скакуне. Искусство, по слову Гоголя, «работает во всей силе».

Громадный успех фальконетовского монумента, казалось, зачеркнул возможность возвращения к статуе Растрелли. Но вот дождался своего часа царствовать Павел I. Он ненавидел все, что досталось ему в

наследство от матери: он не хотел жить в ее дворце - и приказал построить себе среди Петербурга рыцарский замок.

В пику Екатерине Павел приказывает извлечь на свет статую Растрелли и поставить перед замком, написав на постаменте: «Прадеду - правнук». Ведь это он, а не она - законный наследник Петра.

Сам постамент сделали заново, уже во вкусе новой эпохи. Щедро вызолотили любимые Павлом воинские эмблемы на цоколе. Отлили барельефы с изображением знаменитых побед Петра при Полтаве и Гангуте.

И все же блистательная работа Растрелли, явившись не в свой час и не на своем месте, как будто потеряла от долгого пренебрежения часть своего воздействия на зрителя. Петр кажется заблудившимся среди чужих ему зданий, в замкнутом пространстве, откуда не видно ни Невы, ни кораблей.

Может быть, и этой тоской растреллиевского Петра, «узника, закованного в собственном городе», был вызван к жизни дерзкий проект современного художника: поставить новый памятник Петру во дворе Петропавловской крепости, там, где царь своими руками закладывал стены нового града.

Михаил Шемякин отливал свою статую в далекой Америке. Но он - художник, возвращенный Петербургом, его линиями и площадями, его туманами и призраками:

*Царь, ты опять встаешь из гроба
Рубить нам новое окно?
И страшно: белой ночью оба,
Мертвец и город - заодно.*

Художник, изгнанный родным городом...

В юности Шемякин работал в Эрмитаже грузчиком, «носителем культуры», как он острит. Экспонаты Петровской галереи - и маска, сделанная Растрелли, и Восковая персона были ему знакомы, как домашний скарб. Цепкая память вернула все, до пуговиц на камзоле, до пряжек на башмаках. Как своеобразная дань соавторству звучат слова надписи к памятнику:

*«Основателю великого града
Российского
императору Петру I
от итальянского скульптора
Карло Растрелли
и от русского художника
Михаила Шемякина».*

Этот Петр явился на свет на исходе XX столетия, когда все вокруг нас подвержено низвержению и переоценке. Мы живем в новое смутное время. Опять перед нами роковые вопросы: «Куда мы идем? Чьи ошибки искупаем? Какое наследство давит нам на плечи?»

Этот «странный памятник» включается в давний спор о том, чего больше принес Петр России, добра или зла...

Этот Петр весь соткан из противоречий, дисгармоничен, как мы с вами, как наше отношение к своей истории.

Многие не приемлют этот памятник. Что это? - спрашивают они - трагедия? Фарс? Маскарад?

А разве Петр не любил маскарада? Не устраивал Всешутейный собор? Не скакал своими громадными ногами посреди ряженных, карликов и шутов?

Созданию этого памятника предшествует альбом Шемякина, который он так и назвал «Санкт-Петербургский карнавал». На его страницах резвится странная нечисть, напоминающая разом и чудовищ Гойи, и подлинные петровские маскарады.

Своим трагическим и насмешливым искусством Шемякин обнажает связь между историей и нами, между смеховой культурой Руси, столь близкой Петру, и языком современного авангарда.

Каждая эпоха говорит о Петре на языке своего искусства. А город, вмещающий и это многоголосье, - все тот же, блистательный и непостижимый.

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.*

Истинная поэзия - всегда чудо. Но всемирно прославленная книга Элиаса Лённрота "Калевала" - чудо вдвойне и втройне. Чтобы такое утверждение не осталось банальным и пустым комплиментом, попытаюсь разяснить его подлинный смысл.

Прежде всего: карельские и ижорские эпические песни (руны), положенные Э. Лённротом в основу "Калевалы", отличаются уникальной для фольклора народов Европы архаичностью. В рунах поется о происхождении мира из яйца. Это один из самых древних способов объяснения происхождения нашего мира. Главный герой Вайнемей-

но редко. Руны стадиально старше древнеегипетских, древнегреческих и даже ассирийско-вавилонских письменных памятников и скандинавских саг. В этом мы видим первое чудо.

Вместе с тем это не однократная вспышка поэзии на уровне мифологического сознания. Эпические песни карел и ижор известны нам не по памятникам древней письменности подобным "Илиаде" или "Одиссее", сказаниям о нибелунгах, "Песне о Роланде". Не менее тысячи лет они жили в устной традиции, не получая письменного закрепления, то затухая, то вспыхивая, и дожили в быту карел и ижор до первых послевоенных десятилетий. Это второе чудо.

Неслучайно в Петербурге очень рано зародился интерес к карело-финским ру-

Кирилл ЧИСТОВ

ния, самоотверженная деятельность Лённрота чрезвычайно ему содействовала. Записывая отдельные эпические песни, он считал, что они - только осколки древней эпической поэмы типа "Илиады" или "Одиссеи". Национальный романтизм в Финляндии, как и в других странах Европы, искал и находил поддержку в бурном расцвете античной археологии и филологии второй половины XVIII - первой половины XIX века, в длительной дискуссии по так называемому "гомеровскому вопросу". Лённрот занялся тщательным восстановлением древнефинской эпопеи, в существование которой он безусловно верил. Он делал это с большим вкусом и прекрасным пониманием народной поэзии. Европейски образованный ученый, каким он к этому времени стал, проявил себя и как талантливый поэт. Он не только группировал записанные им песни, стремясь выявить логическую последовательность отдельных эпизодов, но и дописывал "связки", подправлял строки, которые считал дефектными или недостаточно архаичными; иногда даже дописывал целые эпизоды. Подтверждение правильности избранного им пути он видел в стремлении некоторых певцов рун (особенно - наиболее знаменитого из них Архипа Перттунена) объединять две-три песни в единый "спев", как говорят фольклористы. Теперь мы знаем, что от "спева" до эпопеи далеко, это разные типы бытования эпоса. Эпопеи возникают только в определенных условиях (например, у некоторых народов Средней Азии).

ПЕТЕРБУРГ И "КАЛЕВАЛА"

нен рождается матерью вод. Подобно Прометею он добывает первый огонь, впервые сеет ячмень - старейший злак на Севере Европы. Он воин, вооруженный мечом, но он же погружает своего врага заклинаниями в болото, заклинаниями строит лодку, делает первое кантеле, родственное русским гуслиям, эстонскому кантеле, латышскому кауклесу, литовскому канклесу. Этот щипковый музыкальный инструмент назван словом, которое, как считают языковеды, восходит к общему для ряда народов балтийского региона корню, обозначающему "колдование", "заклинание". Как древнегреческий Орфей, Вайнемейнен поет песню:

*Белка, весело цепляясь,
С ветки прыгала на ветку;
Подбежали горностаи,
Возле изгороди сели,
Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси.
Волк проснулся на болоте.
На песчанке поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей...
И сама хозяйка леса,
Эта бодрая старуха
Вышла в синеньких чулочках,
Повязав их красным бантом.*

Как в подлинных записях рун, так и в "Калевале" магическое и мифологическое тесно сплетено с художественным, поэтическим, пышно прорастает из него.

Другой герой - Илмаринен - чудесный кузнец, способный выковать небесный свод, солнце и луну, подобен древнегреческому Гефесту. Он мастерит себе из золота и серебра жену, но оказывается неспособным ее оживить.

Этнографы и фольклористы, комментировавшие "Калевалу" и народные руны, собрали многочисленные параллели из фольклора и мифологии других народов мира. Они показали, что при всей своей яркой своеобразности, своеобразности карело-финский эпос, как и всякое великое создание человеческого духа, - явление всечеловеческое, тысячами нитей связанное со всей человеческой культурой. Такое сочетание высокой поэзии и глубокой архаичности в истории мировой культуры чрезвычай-

но и созданной на их основе "Калевале". Самым главным при этом была несомненно выдающаяся во всех отношениях поэзия рун и ее глубокая древность. Но не только это. Петербург возник и развивался как бы в окружении калевальской поэзии. На север и восток от него жили карелы, на юг и запад - ижора, а на северо-западе расположена Финляндия, в которой создавалась "Калевала" как книга, впитавшая в себя карельскую, ижорскую и финскую народную поэзию. Естественно, что Петербург стал одним из наиболее значительных каналов, по которому "Калевала" вливалась в мировой культурный оборот. Но прежде несколько слов о том, как возникла "Калевала".

Отец Э. Лённрота был странствующим портным. Прервав на некоторое время школьные занятия, он должен был работать с отцом. Это сблизило его с крестьянской средой, научило его легко сходиться с людьми. С отроческих лет Э. Лённрот любил и умел петь. Все это ему весьма пригодилось, когда он стал совершать поездки для записи народных песен. Оставаясь близким народу, он проделал необычный для своего времени жизненный путь: окончил университет по двум специальностям - медицине и биологии. В Турку, где он был студентом, Э. Лённрот сблизился с писателями и общественными деятелями - романтиками. Как и в других европейских странах, включая Россию, они живо интересовались народной поэзией и народным бытом. Для Лённрота это увлечение стало не просто увлекательным занятием или даже профессией, оно стало сутью его жизни. Лённрот совершил одиннадцать многоверстных и многомесячных путешествий по Финляндии, Карелии и Ингерманландии (нынешней Ленинградской области) и записал около 65 тысяч строк песен, среди которых эпические в таком числе и таком качестве были настоящим открытием, поразившим его современников.

У финских (точнее - финноязычных) народов был и есть свой эпос, значит, у них было великое прошлое и они достойны великого будущего. Так романтики и вся общественность Финляндии восприняли первые же сообщения о результатах поездок Лённрота. Будучи сама результатом интенсивного подъема национального самосозна-

Он поставил перед собой и другую нелегкую задачу. Тексты, которые существовали как песни, он должен был сделать читаемыми. Создав национальную эпопею, Лённрот одновременно заложил основы современного финского литературного языка. "Калевала" стала неотъемлемой частью финского национального самосознания, как для немцев сборник сказок братьев Гримм, для датчан - сказки Андерсена, для украинцев - "Кобзарь" Шевченко, для шотландцев - стихи Бернса. В этом было третье чудо.

Развивавшийся в свое время спор: кому принадлежит "Калевала" - карелам или финнам - был бессмысленным и нарочито политизированным. В "Калевале" важнейшую роль играют карельские и ижорские

эстонской литературе и современному эстонскому языку.

"Калевала" переведена на 34 языка. Кроме того, еще на несколько десятков языков переведены частичные стихотворные и прозаические отрывки, пересказы для взрослых и детей.

В Петербурге, тогдашней столице империи, так близко расположенной к Финляндии, первые сведения о карельских эпических песнях появились еще в начале XIX века. В 1809 году, после завершения тянувшихся еще с XVI века русско-шведских войн, Финляндия вошла в состав России в качестве автономного княжества. Это событие и взлет финского национального движения, который за ним последовал, не могли не вызвать интереса русских общественных деятелей и ли-

тераторов к Финляндии. В 1820 г. в петербургском "Обществе любителей российской словесности" В.И.Брайкевич прочитал доклад "О северной поэзии, ее происхождении и характере". В том же году другой член этого общества - Е.А. Баратынский начинает публиковать свой цикл стихотворений о Финляндии (поэма "Пир", "Элегия" и др.). Член этого же Общества декабрист, Ф.Н.Глинка, сосланный в Петрозаводск, встретил в Карелии в 1826 году академика Петербургской Академии наук И.А. Шегрена и узнал от него о записях рун. Глинка перевел две из них - "Вена-

манана и Юковайна" и "Возрожденная арфа". Это были первые переводы рун на русский язык; они появились на страницах петербургского журнала "Славянин". Э.Лённрот в 1835 году издал малый вариант "Калевалы". Интерес к этой книге в России и, прежде всего, в Петербурге был столь велик, что еще до выхода в свет полного издания в 1849 году П.А. Плетнев (друг Пушкина и издатель "Современника" после смерти поэта) печатает в своем журнале большую статью одного из крупнейших русских филологов XIX века Я.К.Грота "О финнах и их народной поэзии". Появлению этой статьи способствовали события, сыгравшие большую роль в истории русско-финских культурных отношений. На юбилей университета в Гельсингфорс была приглашена целая группа русских писателей и филологов (П.А. Плетнев, В.Ф. Одоевский, Ф.В. Булгарин, Я.К. Грот и др.). После этой поездки в русской печати

появилась целая серия статей, очерков, рассказов о Финляндии, ее быте и культуре. Часть из них была объединена в русско-финском альманахе (1842). В 1845 - 1847 годах в Петербурге выходил журнал "Финский вестник". Возник вопрос о преподавании в Гельсингфорском университете русского языка и литературы. Заведовать новой кафедрой был приглашен Я.К. Грот, петербургский швед, хорошо владевший родным языком, на котором велось в те годы преподавание в университете, только позже перешедшем на финский язык. Грот около 12 лет прожил в Финляндии, живо интересовался ее языком, литературой и фольклором, подружился с Э.Лённротом и в своей обширной статье довольно подробно пересказал "Калевалу" по изданию 1835 года, включив в нее стихотворный перевод 28-й руны размером, который уже был опробован Ф.Н. Глинкой и который, если и не вполне адекватен (что, видимо, невозможно, т.к. в русском и финском языке разные акцентологические системы), то все же близок к подлиннику. В русской печати 30 - 40 годов XIX века неоднократно упоминалась "Калевала". Знал о ней и В.Г. Белинский, и многие другие, но все же прозаический пересказ Я.К. Грота, при всей его корректности, тонкости и даже изяществе, не мог заменить полный стихотворный перевод.

В 1841 году малая "Калевала" была переведена на шведский язык выдающимся лингвистом и стипендиатом Петербургской Академии наук М.Кастреном. Таким образом, первый перевод "Калевалы" на европейский язык был в известной мере связан с Петербургом. Э.Лённрот тем временем продолжал свои путешествия и в 1849 году издал ее, наконец, в полном варианте (50 рун). Интерес к "Калевале" еще более возрос. В 1852 году появился перевод ее на немецкий язык. Осуществил его петербургский востоковед академик А.А.Шифнер. Это дало возможность многим литераторам и ученым, не знавшим финский язык, познакомиться с ней в полном поэтическом переводе. Именно благодаря переводу А.А.Шифнера "Калевала" стала известна во многих европейских странах. Читающих на немецком языке было неизмеримо больше, чем на финском или даже на шведском. Известно, что перевод А.А.Шифнера стилизовал переводы на французский, английский и испанский языки. Таким образом, старт европейского марафона "Калевалы" был дан в Петербурге.

Шифнеровский перевод окончательно убедил русских знатоков фольклора в необходимости создания русской "Калевалы". Живейшее участие в поисках человека, который мог бы взяться за это, принял Ф.И. Буслаев, в то время еще профессор Московского университета, а позже избранный академиком и переехавший в Петербург, и Я.К. Грот, который за это время стал вице-президентом Академии.

Ф.И. Буслаев (как и его крупнейший ученик А.Н. Веселовский) был создателем русского сравнительного литературоведения и фольклористики. Его научные труды составили эпоху в истории русской культуры. И А.Н. Веселовский, и Ф.И. Буслаев, знакомые с переводом А.А. Шифнера, первые начали говорить о "Калевале" в университетских лекциях и обращаться к ней в своих исследованиях. Ф.И. Буслаев побуждал студентов-финнов, учившихся в Московском университете, заняться переводом "Калевалы". Некоторые из них, действительно, опубликовали частичные переводы (С.Хельгрен, Е.Гранстрем). Однако, к сожалению, поэтами они не были и русским стихом не владели. Особенно несостоятель-

руны, но литературным явлением они стали именно на финской почве. И не только литературным - "Калевала" дала и продолжает давать десятки тем финским живописцам и графикам (А.Галлен-Калела и др.), финским скульпторам (В.Аалтонен и др.) и музыкантам (Ян Сибелиус и др.) и, разумеется, оказала самое значительное влияние на всю последующую финскую и карельскую литературу вплоть до наших дней.

Поэтическое явление такого масштаба не могло остаться в границах своей страны. Отражения "Калевалы" мы легко находим в знаменитой поэме Г.Лонгфелло "Гайавата" (1855; в русскую культуру вошла в переводе И.А.Бунина - 1896), построенной на сказаниях североамериканских индейцев; в поэме Ф.Крейшвальда "Калевипоэг", в основу которой были положены эстонские народные сказания, в известной мере родственные карельским и ижорским эпическим песням, и тоже положившей начало современной

вайна" и "Возрожденная арфа". Это были первые переводы рун на русский язык; они появились на страницах петербургского журнала "Славянин".

Э.Лённрот в 1835 году издал малый вариант "Калевалы". Интерес к этой книге в России и, прежде всего, в Петербурге был столь велик, что еще до выхода в свет полного издания в 1849 году П.А. Плетнев (друг Пушкина и издатель "Современника" после смерти поэта) печатает в своем журнале большую статью одного из крупнейших русских филологов XIX века Я.К.Грота "О финнах и их народной поэзии". Появлению этой статьи способствовали события, сыгравшие большую роль в истории русско-финских культурных отношений. На юбилей университета в Гельсингфорс была приглашена целая группа русских писателей и филологов (П.А. Плетнев, В.Ф. Одоевский, Ф.В. Булгарин, Я.К. Грот и др.). После этой поездки в русской печати

ной была попытка передать стихи "Калевалы", стилизуя их под русскую народную песню. "Калевала" теряла при этом свой поэтический аромат. И, наконец, среди учеников Ф.И. Буслаева нашелся студент, Л.П. Бельский, писавший не очень оригинальные, но довольно приличные русские стихи. Он не знал финского языка, но по совету Ф.И. Буслаева прилежно занялся им (переводить, пользуясь подстрочником, считалось позорным) и овладел не только литературным языком, но и лексикой "Калевалы", обогащенной карельскими, ижорскими и финскими диалектизмами. Эти занятия и собственно сам перевод заняли у него больше пятнадцати лет. Без преувеличения можно сказать, что это было героическое деяние. Бельский как бы во много раз превзошел свои собственные поэтические возможности. В этом смысле он вошел в историю русской поэзии как "человек одной книги" - случай не первый и, вероятно, не последний в истории литературы. Его перевод стал одним из лучших стихотворных переводов эпических памятников. В нем немало пассажей, которые являются бесспорными поэтическими шедеврами. Таков, например, рассказ о сотворении медведя:

*Миеликки, хозяйка леса,
Мудрая жена Метсола
На воде клочки собирает,
Шерсть мягчайшую на волнах.
Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленавши положила
В короб из коры кленовой
В прехорошенькую люльку.
И цеплями золотыми
Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым...
Так качался этот милый,
Так баюкали младенца
Под цветущею сосною,
Под развесистою елью
Посреди лесов медовых,
Посреди медовой роши.*

Перевод Л.П.Бельского был напечатан в 1888 году в петербургском журнале "Пантеон литературы", созданном специально для публикации переводов избранных произведений мировой литературы. С тех пор перевод выдержал 14 изданий. В 1889 году по рекомендации Буслаева и Грота он был удостоен высшей литературной награды - Пушкинской премии, которая присуждалась Петербургской Академией наук. Рецензентом выступил известный финский фольклорист К.Крон, хорошо знавший русский язык. Внимательно просмотрев перевод, он обнаружил на 22 с лишним тысячи строк только шесть погрешностей. "Все помянутые ошибки так редки, - писал К.Крон, - что они никаким образом не мешают наслаждению читателей".

Издав перевод, Л.П. Бельский до последнего года своей жизни продолжал работать над ним, внимательно следя за переводами на другие языки и за финской фольклористической литературой.

В 1915 году перевод Бельского вышел в усовершенствованной редакции в серии "Памятники мировой литературы", издававшейся М. и С.Сабашниковыми. Переводом Бельского постоянно пользовались переводчики на другие языки, особенно славянские - например, украинский поэт Е.Тимченко (1901 и 1928), сербский переводчик И.Шайкевич (1935) и др.

Среди 14 изданий перевода Бельского надо особенно отметить два, подготовленных ленинградскими учеными - крупнейшим советским финно-угроведом Д.В. Бубрихом (1933) и видным этнографом Е.Г.Кагаровым (1940). До сих пор они остаются лучшими прокомментированными из-

даниями "Калевалы" на русском языке. Петербургские ученые сыграли также значительную роль в изучении "Калевалы" в нынешних странах СНГ. В этой связи должен быть назван доклад академика В.М. Жирмунского, прочитанный им на юбилейной сессии, связанной со 100-летием полного издания "Калевалы" в 1949 году в Петрозаводске, написанная в том же году статья В.Я. Проппа "Калевала" в свете фольклора" и подготовленная к юбилею публикация переписки Э.Лённрота с Я.К.Гротом, хранившейся в Архиве Академии наук СССР и других архивах*.

Уже Бельский предпринимал попытку приспособить "Калевалу" для детского чтения. Однако наиболее удачным из всех подобных опытов оказался пересказ для детей - петербургской писательницы А.И.Любарской, сотрудницы, известной в истории нашей детской литературы маршакской редакции "Детгиза", много сделавшей для издания фольклора для детей. Пересказ А.И. Любарской в первый раз вышел в 1953 году и завоевал прочное место среди любимых детских книг.

В нем с большим искусством сочетается слегка стилизованный прозаический пересказ с вмонтированными в него стихотворными отрывками из перевода Бельского (подредактированными И.С.Хмельницким). "Калевала" А.И.Любарской выдержала 10 изданий на русском языке (Петрозаводск, Ленинград, Москва, Новороссийск, Ташкент) и переводилась на белорусский, молдавский, словацкий и некоторые другие языки.

В заключение несколько слов об иллюстрациях к "Калевале", созданных ленинградско-петербургскими художниками. Первые опыты предпринимались еще в XIX веке (В.Крюков к изданию Е.Гранстрема 1881 г. и Н.Живаго к изданию Бельского 1905 г.). Особенно замечательны иллюстрации П.И.Филонова и его учеников к изданию 1933 г. ("Academia"). Стилистическая

манера филоновцев, стремившихся к синкретическому искусству, изображению не только видимого, но и мыслимого, как нельзя лучше подходила к "Калевале". Это издание до сих пор воспринимается как выдающееся модернистское явление книжной графики. В более спокойной манере, но тоже по-своему развивающей эстетику филоновской школы, были иллюстрации А.И.Порет - ученицы Филонова (участвовавшей в издании 1933 года) к изданию 1940 года. Несомненно интересны графические работы ленинградского художника В.И.Курдова (1956 и 1979 гг.).

Таким образом, Петербург был не только городом, в котором очень рано возник интерес к карело-финскому эпосу и к "Кале-

валю". Здесь "Калевалу" издавали, иллюстрировали, читали и изучали. Благодаря переводам Л.П.Бельского, А.А. Шифнера и пересказу для детей А.И.Любарской, Петербург стал центром культурной иррадиации "Калевалы", отсюда началось ее вхождение в мировую культурный оборот.

валю". Здесь "Калевалу" издавали, иллюстрировали, читали и изучали. Благодаря переводам Л.П.Бельского, А.А. Шифнера и пересказу для детей А.И.Любарской, Петербург стал центром культурной иррадиации "Калевалы", отсюда началось ее вхождение в мировую культурный оборот.

*Из работ, вышедших в Советском Союзе, следует особенно отметить исследования Е.М. Мелетинского, Э.Г.Карху, О.И.Мишина, публикации записей рун В.Я.Евсеева и его двухтомную монографию "Исторические основы карело-финского эпоса" (Л., 1957-1960).

Артистка балета Наталья Сахновская и ее муж, выдающийся характерный танцовщик Роберт Гербек, по личным обстоятельствам вынуждены были оставаться в Ленинграде в дни блокады. Сахновская продолжала вести дневник, послуживший ей опорой для написанных позднее, уже после войны, воспоминаний, ныне неопубликованных. Хотя о блокаде написано немало, думается, страницы этих воспоминаний, посвященные самому тяжелому периоду первой блокадной зимы, с редкой достоверностью рассказывают о том, что большинству читателей все еще неизвестно в полной мере.

Надвинулись холода... Зима 41-42 гг., декабрь.

Невозможно было оставаться жить в нашем доме, но невозможно было и попробовать заняться его ремонтом.

Райсовет начал переселять пострадавших в опустевшие квартиры других домов. Нам предоставили две комнаты в доме 26/28 по Кировскому проспекту. Это было нашим спасением вообще и потому, что я чувствовала, что от этой страшной картины разрушения перед нашими окнами я теряла душевное равновесие. Мне все мерещились эти группы детишек, так недавно гулявших во дворе. Их было так много. Одна девочка так и застыла, закрываясь куклой, другие просто ручонками защищали головки, как это делают люди, когда на них что-то падает. И так вот, в таких позах их вытаскивали и складывали на машины... Столько погибло жизней.

Наше переселение на новую квартиру оказалось очень нелегким. Роберту с трудом удалось найти старого дворника, имевшего тележку, и они вдвоем перевезли вещи и мебель в несколько рейсов. Много сложнее было провести отца три квартала пешком. С трудом опустилась я с ним по лестнице и со страхом шагнула на улицу, каждую минуту ожидая налета или обстрела. Мама повела сестру вперед. Я несла стул и отец делал частые остановки. Резкий ветер бил в лицо сухими, колючими крупинками снега. Я с волнением смотрела, как тяжело дается отцу каждый шаг, как выбивается он из сил и каждая остановка становится все продолжительней. Завыла сирена... этого я опасалась больше всего. Отец продолжал сидеть... Я стою как приговоренная. Снаряды начали рваться в соседнем квартале, отец встал, сделал несколько шагов и снова сел. Он явно нервничал, я успокаиваю его и прошу не торопиться, хоть обстрел усиливается. Но что делать? Впереди еще целый квартал. Мы прошли еще немного, я пытаюсь его поддержать, но вижу, что он дальше идти не может, и мы окончательно остановились. На улице никого нет,

мы одни. По радио повторяют, что хождение опасно, всем надлежит пройти в укрытие... Но сил у отца нет больше... он сидит... Прошу отдыхать спокойно, пройти осталось немного и мы пройдем, только надо не волноваться. И вдруг вижу - мой дорогой Роберт бежит к нам. Он управился с вещами и спешит на помощь. С большим трудом добрались до ворот нашего теперешнего дома, но надо пройти весь двор насквозь, наша квартира выходит на другую улицу, это еще квартал. Стало совсем грозно, снаряды грохали близко, зенит-

серьезно болел летом и осенью и не успел полностью поправиться, как начался голод. И вот наступил день, когда он окончательно ослабел и не может больше не только танцевать, но и вообще двигаться. Слег мой Роберт. Я осталась без любящего друга рядом и без партнера.

Академик Михаил Дмитриевич Тушинский взял Роберта к себе в больницу, в свое отделение. Он поддерживает Роберта, чем только может, и лекарством, и последний порошок глюкозы отдал ему, и свои полстакана чаю. Дорогой Миха-

Наталья САХНОВСКАЯ

Свечей у нас нет. Выгорел малый запас керосина в коптилке, вышел из строя карманный фонарик, и тянутся долгие, долгие часы... дни... впотьмах... Пасмурно выгнает из мрака дневной свет на несколько часов и пуливно спрячется, точно боясь полностью осветить наши бедствия, и снова ночь... ночь... и все ошупью... и эти страшные темные

В ДНИ БЛОКАДЫ

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

ки палат всю, загудели самолеты... Мы все трое выбились из сил. Уж как мы преодолели это расстояние, один Бог знает. Роберт почти нес отца, я поддерживала с другой стороны. Еще несколько ступенек пролета первого этажа, отец уже не держался на ногах. Роберт внес его на руках. Но какими мы вдруг почувствовали себя счастливыми, оказавшись в квартире с паровым отоплением, в тепле, за метровыми стенами, на первом этаже шестизэтажного массива, тремя своими фасадами выходящего на три улицы. В изнеможении бедный отец просто упал на кровать, мы помогли ему лечь, а сами плюхнулись рядом на диван, взяла такая слабость. За окном война, возле окон находится опасно, но нам не подняться, чтоб перейти в переднюю, защищенную со всех сторон добротными стенами. Хорошо нам стало на новой квартире, тепло и можно пользоваться электричеством, замаскировав окна. Мы так намучились без тепла и света, с выбитыми окнами и дверьми.

Рацион наш ничтожно мал и быстро уменьшается с каждым днем. Недолго мы пользовались и теплом, отключили паровое отопление, не стало топлива, грянули морозы, полопались трубы... Дымоходов не оказалось в комнатах, квартира быстро выстывает,

Мы решили перейти на казарменное положение либо в наш Кировский, либо в Пушкинский или Малый Оперный театры, но нигде нам не разрешают взять с собой родителей, а как мы можем их бросить?

На рынке редко можно что-либо выменять или купить, совсем не стало никаких продуктов. Мне только попались два пучка тонких-тонких корешков хрена, не знаю, зачем он, но я все же купила с отчаяния. Дома бросила его в буфет. Роберт катастрофически теряет силы, он так

ил Дмитриевич, как я благодарна ему за то, что спасает жизнь Роберта.

На обед в больнице давали ложку очень жидкой каши, вернее, навару. Хорошо, что тогда я купила два пучка корешков хрена. Навешаю Роберта ежедневно, ношу ему его долю хлеба и натертых на терке корешков хрена. Он добавит их в порцию жидкого навару из крупы, которую дают в больнице на чайном блюде (столовую ложку!) и все же получаю гуще и немного больше порция.

Оборвалась наша артистическая деятельность. Изменилось все. Уже я не меняю красивые чашки, как с Робертом. Мы с ним пили пустой кипяток из всех дорогих чашек, которые имели, и сидели за красиво сервированным столом для иллюзий... Теперь властвуют другие заботы. В квартире так холодно, необходимо установить печурку в комнате, где лежит больной отец. Много пришлось мне зря побегать по разным адресам, прежде чем я нашла человека, который изготавливает печурки и меняет их на папиросы, которые у нас были, мы их получили когда-то по карточкам. Несу я через дворы кипяток, навстречу идет солист Музкомедии, любимец публики Валентин Свидацкий. Узнав о нашем бедствии, он снял у себя в ванне трубу и отдал мне. Я так обрадовалась, что теперь мы будем в тепле, только остается установить. Случайно к маме зашел отец ее бывшего ученика по музыке, увидев трубу и печурку, он предложил свои услуги. Но его попытка вывести дымовую трубу в форточку не удалась, только зря выбил и лишил нас стекла, дым валил в комнату, не было тяги. Он извинился и ушел. Я разрыдалась от отчаяния, надежда на тепло не оправдалась.

*****

парадные лестницы... и это хождение по темным улицам по колено в снегу под обстрелом и во время налетов... и эти мысли, сосредоточенные на одних страданиях, и голод... голод...

На стенках дома в квартире появился иней. Мы во всем зимнем не только днем, но и спать ложились так под одеяла. Утром о мытье нельзя и помыслить, протираю руки и лицо вазелиновым маслом, которое оказалось в домашней аптечке. У всех начала развиваться дистрофия. Роберт в больнице, мама, отец, сестра лежат дома. Я выстаиваю очереди за кусочком хлеба с большой долей суррогата, делю на всех, отношу мужу в больницу его долю. Добываю топливо: доски от заборов, щепки от разбомбленных домов. Печурку установила на кухне, в дымоход большой кухонной плиты. Один раз попыталась зачерпнуть воду из люка на нашей улице, но ведро оказалось слишком тяжелым для меня, вытащила не до конца, оно опрокинулось мне на ноги. Прибежала домой в слезах, с мокрыми ногами, а обогреться негде. Вместо воды приношу снег. А вода, кроме того, что тяжело добывать, дома замерзает и разрывает посуду. Температура такая низкая, что, пока мы пьем кипяток, на блюде успевает образоваться корочка льда. Мучительно стынут руки. Мы уже не выходим во время налетов в переднюю прятаться, нет сил, отец совсем не встает, мама и сестра поднимаются с постелей к столу только пить кипяток со своей долей хлеба.

Наши соседи, семья в четыре человека, неожиданно выехали из нашей квартиры, осталась одна жилища, кроме нас. Она не возражает против того, чтобы мы обосновались на кухне, где все же теплее, когда топится печурка. Для тепла и светомаскировки я плотно занавесила окно одеялом, которое днем откидывалось. Две кровати родителей встали по стене, напротив плиты, рас-

кладушка для сестры вдоль окна, а я ложусь на плитку. Все же стало немного легче. Печурка нагревала воздух, правда, быстро выстывало. Нужно топилва побольше, и я тужусь, тащу домой доски, раскалываю на щепки. Что это стоит мне и моим израненным рукам?

***

Вчера я пришла в больницу, когда уже стемнело, и дверь вдруг оказалась закрытой. Тщетно я стучала. Какой-то гражданин, проходя мимо меня, посоветовал обойти здание и войти через запасной вход, объяснив мне, что я попаду в это же отделение больницы, только с другого конца коридора. Я пошла. Поднялась по темной лестнице, нащупала дверь и шагнула в помещение, судя по кафельному полу, это был вестибюль. Постояла, прислушалась. Темно и тихо, где-то издали приглушенно гудели голоса. Медленно, протянув вперед руки, я двинулась в крошечной тьме по направлению к шуму. Сделав несколько шагов, вдруг наткнулась на что-то вроде кровати, нащупала и, поняв, что это труп на носилках, отпрянула. Не успела податься в другую сторону, как наткнулась на другие такие же носилки, повернулась, ноги подбило, потеряв равновесие, я упала вперед: руками на холодное мертвое тело, лежавшее на низких носилках. Все помещение оказалось заставленным мертвыми людьми, и куда бы я ни пробовала шагнуть, всюду стала наткаться на мертвеца. Как ни пыталась держать себя в руках и подавила готовый был вырваться крик, все же очень испугалась еще и потому, что потеряла ориентир и дорогу обратно и не представляла, как выбраться из этого склада покойников. Видимо, крутилась на одном месте. Стараясь успокоить дыхание, я стояла, не знаю, покаялось, вечность... и вдруг услышала тяжелые, шаркающие шаги. Повернувшись в том направлении, я уловила по ту сторону, что кто-то чиркнул спичку и прошел мимо заочной скважинки с огоньком. Тихонько нащупывая ногой край носилок, стала продвигаться вдоль них и в конце концов добрела до стены, нашла дверь ощупью, осторожно нажала ручку и, наконец, выбралась из этого лабиринта с трупами. Постояла, чтоб немного прийти в себя, и тихо пошла по коридору. Больница не отапливалась, муж лежал в шубе и шапке. Света не было, в нужные моменты больные жгли лучинки или жгутики из бумаги. Мое неожиданное появление доставило Роберту большую радость и мне тоже. Но я с ужасом думала, что надо идти обратно через тот вестибюль и потом по темным, безлюдным улицам, и надо идти скорей, так как город на военном положении и после восьми часов вечера хождение запрещено. В мирное время я редко

ходила одна, без провожающих, а сейчас, когда так страшно, темно, бомбят, дорога заснеженная, со всех сторон подстерегает смерть, - я совсем одна и едва передвигаю ноги. В этот вечер долго стояла, придерживая парадную дверь открытой, прислушиваясь, присматриваясь, обращаясь с вопросом... не помню, как вошла домой, как легла, силы покинули меня, душу охватило отчаяние.

Я навещала мужа ежедневно, но мы встречались в темноте и не видели друг друга и не подзревали, как мы изменились, какими стали страшными, исхудавшими, отеками, постаревшими... Сегодня на окнах приподняли светомаскировки, и Роберт увидел меня. Из глаз его полились слезы. "Бедная, как ты изменилась", - посмотрел на мои руки, красивые, опухшие, и сказал: "Ведь у тебя же были ручки..." А меня пугал его истощенный вид больше, чем мой... Я старалась его подбодрить, уверять, что, если переживем, вернется еще молодость. Но сама этому не верила. Тяжело нам приходится, как и всем блокадникам. Мы стали не люди, а какое-то страдающее подобие, дрожащее от холода, голода, страха... На слабых, отеках ног плетемся на рынок в поисках какой-нибудь еды, которой давно нет. Существуем от утренней чашки кипятка из талого снега до дневной и вечером - третий раз с кусочком блокадного хлеба в 100 грамм.

Говорят, что люди варят студень из столярного клея и едят, варят кожаные ремни... не знаю, этого у нас не было, а вот баночка скипидарной мази оказалась. Я выложила ее на сковородку и выпаривала неделю, скипидар улетучился и остался чистый свиной жир. Мы его съели. Несколько раз я перебирала нашу аптечку, но больше ничего не нашлось.

***

В городе не осталось ни крошки еды, четвертый день не выдают хлеба... страшно... смертность достигла своего апогея... город вымирает...

***

Несмотря на большую слабость, я решила пойти в театр, может быть, там, в столовой я сумею по карточкам получить дрожжевой суп. Чуть забрезжил рассвет, я встала, закуталась во все платки и шарфы (поверх шубы), какие только были дома, взяла посудину и с трепетом переступила порог дома. Пугал такой далекий путь, ведь мы живем на Петроградской стороне в доме 26/28 по Кировскому пр., а театр... как далеко, на другом конце заснеженного города. Дойти бы только... но надо еще и вернуться тоже, успеть засветло. Ой! Как жутко на улице, мороз, темно, ни души, где-то далеко пальба...

В городе тихо, город, как мертвый, занесен снегом, дома замерзшие, заиндевелые, ни огонька, ни звука... а может, лучше вернуться? А то убьет в пути, занесет снегом, никто и не узнает. Убить может и дома, смерть везде хватает, надо идти. Может быть, получу суп, принесу его домой, хоть немного, хоть по ложечке всем нам. Вдруг тишину прорезал дикий крик. Упало сердце, прислушалась, это кричит женщина, у нее отняли хлебную карточку. Плач переходит в тяжелый, надрывный вой несчастного, обреченного на голодную смерть человека. Голос выкрикивал: "Смерть мне, смерть..." - удалялся и замер где-то там, откуда возник. И опять тишина... А я бреду одна, под ногами хрустит сухой снег... на душе плохо, в ушах только что умолкший крик несчастной. Скорей бы хоть наступил рассвет. Где же люди? почему не встречаются прохожие? Выхожу на Большой проспект, наконец, вижу, впереди маячат такие же, как я, закутанные, бесформенные тени... Все же не так страшно. Но как далеко до Тучкова моста, а там еще через Васильевский остров до другого моста Лейтенанта Шмидта, он длинный, затем площадь Труда, театр... а потом весь этот путь обратно... Нет! Нет! Так нельзя думать, сил не хватит, упаду, замерзну. Главное дойти вон до того угла, это близко, дойдя, думать - теперь до этого дома... там отдохну, а там уж и театр, и я получу суп, пусть просто навар, самый жиденький, но горячий. Выбываясь из сил, я видела этот суп, я почти ощущала его во рту, и ноги шли, шаг за шагом, утопая в снегу. Мечта о супе заполонила страх и придает мне силы. Я дошла до театра, но... супа не оказалось... трудно, трудно осознать, что и сегодня, третий день не съедим ничего, только попьем талый снег. Обессилев, опустилась на ступеньку и заплакала. Так хотелось есть, так мучительна ноющая боль пустого желудка. Мною овладело отчаяние, страшное отчаяние... Унизительно умирать от голода, слабость и чувствовать, как жизнь уходит из тебя. Ведь я же здорова, совсем здорова, только бы ложку супа или кусок хлеба, и вернулись бы силы... Но, надо идти домой. Обратно я поплелась другой дорогой. Я иду по улице Плеханова на канал Грибоедова, через Марсово поле, на Кировский проспект. Рядом оказался какой-то человек. Он говорит, что вчера на Плехановой упал снаряд, кого-то убило, сколько-то человек ранило, что там идти не надо, он не пойдет и мне не советует. Но мне было все равно, страха нет, есть усталость, изнеможение и апатия. Сверлит мысль, что сил не хватит дойти, что непременно упаду и жизнь оборвется. Я тащи-лась, срезая углы на переходах, выигрывая каждый лишний

шаг, я даже перестала замечать, по какой улице иду. И вдруг... что-то яркое ударяет по глазам... трудно сосредоточиться, мысли не было и думать не хотелось, но... глаза смотрели, и душа медленно выходит из состояния отупения... Густо заснеженный сад тянет ко мне свои обремененные снегом ветки, сдерживающая их натиск решетка полукругом, вся в инее, легкая как кружево, разделена колонками - башенками, выступающими из сугробов. Все это, залитое ярким солнцем, ослепительно горит и сверкает тысячу огней. Где я? Стою, опираясь на парапет канала Грибоедова. Направо - угол левого крыла Русского музея, желтая стена которого тоже подернута инеем... Приковавшая глаза решетка окаймляет маленькую площадь вокруг церкви. Нежные тона мозаики художника Васнецова и купола церкви под вуалью инея на фоне чистого, голубого неба гармонично сливались с общей картиной торжествующей красоты... Глаза видели, и медленно теплом вливалось в душу восхищение, возвращая к жизни. Когда же вышло солнце? Почему я не заметила? Полной неожиданностью предстал передо мной яркий день, предвещающий приближение весны. Нет! Нет! Жить! Хочу жить, я не упаду, у меня хватит сил, раз я способна увидеть красоту и обрадоваться ей, значит я еще не сломлена. Это дивное видение, созданное природой и человеческим гением, будет для меня знаменательным, придаст мне силы и мужество, вернет угасающую надежду на то, что помощь не опоздает... Стало легче на душе, даже будто радостно. Я пошла, оглядываясь, продолжая любоваться, на миг предав забвению войну и голод. Марсово поле тоже выглядело красиво в этот тихий, морозный, солнечный момент. В следующий вернулась усталость, чувство голода... Где-то разорвался снаряд, грозно напоминая о войне. Но надежда прочно вошла в душу и не покидала. Кировский мост тянулся долго, длинно. Начался обстрел где-то дальше. Я шла и шла, едва передвигая ноги. Сосало под ложечкой, мучил голод и к тому же я очень замерзла. На Кировском проспекте, квартала за два до дома, вдруг раздался знакомый голос: "Наташа, это ты?" Передо мной стояла Настя Костанди, солистка балета нашего театра, очень исхудавшая, с отечностью на красивом лице. Мы были друзьями и очень обрадовались друг другу. Мой вид произвел на нее плохое впечатление. Она уговорила меня зайти передохнуть у ее матери, жившей в доме, около которого мы стояли. Нас встретили приветливая, истощенная женщина в пальто и шерстяном платке на голове. В маленькой комнате с откинутыми портьерами на окнах светло и теплее,

чем на улице. Мне предложили сесть, я была в полном изнеможении. Поговорили. Вдруг Настя вынула из своей сумки кусок пиленого сахара, наколола его на блюдце и протянула мне. Боже мой! Сахар. Я забыла, что он существует. Но я настолько отказалась, я не смела воспользоваться добротой Насти. Я уверена, что сахар у нее случайно, и не может быть его много, просто она делится со мной тем, что имеет сегодня, не думая о том, что будет сама есть завтра, а ведь ничего не окажется, голод будет длиться и длиться... к горлу подступил комок..., а Настя настоятельно требовала и держала передо мной блюдце, говоря: "Нет, ты возьми, нет, ты съешь", и, чтоб успокоить меня, добавила, что это Иван Плешаков, ее муж, отличный певец, тоже солист нашего Кировского театра, ездил с концертами в Кронштадт и ему удалось получить этот сахар по карточке. И я не устояла. О! Какое блаженство я испытала, ощутив на языке эту сладость, я боялась проглотить и дольше продержала во рту, чтобы продлить этот вкус... Но... он прошел, этот вкус, а то тепло, которое вошло в душу от доброты, сердечности, жертвенности такого же голодающего друга, я знаю, никогда не пройдет, как и чувство большой благодарности навсегда останется в моем сердце.

Кто не испытал такого голода, не сможет понять, какое значение мог иметь маленький кусок сахара, и что жизнь подчас зависит от вовремя поданного глотка воды, кусочка хлеба или вот сахара...

***

Наконец, начали выдавать хлеб после четырехдневного перерыва. Очередь в булочную была длиннющая, выстаивать не только холодно и утомительно, но и страшно. Все знали о катастрофе, случившейся на Васильевском острове, когда снаряд угодил прямо в такую же очередь. Вместе с осколками взметнулись человеческие руки, ноги и другие части тела... А чья-то оторвавшаяся от туловища голова будто летела вдоль улицы, как бомба, настигла и убила шедшего человека... Сколько крови... сколько жертв... Я совсем очоленела. Но вот, наконец, вошли в магазин. Крошечное помещение, забито людьми. Очередь вилась змеей. Не знаю, как это произошло, но вдруг меня обвинили в том, что я сбита порядок, завернув не в ту сторону. Поднялся крик, меня стали выталкивать, и я оказалась вне очереди, простояв столько часов. Я разрыдалась... Какой-то интеллигентный гражданин сжалился надо мной и поставил меня перед собой, строго приказав быть внимательной и следовать за тем, за кем стою. Я

получила хлеб. Он был такой ароматный, почти без примесей суррогатов, теплый, показался нам таким настоящим, совсем не такой, какой выдавался прошлые месяцы. Счастливая, спешила я домой... Говорят, будто наши партизаны позаботились о нас, снарядив обозы с мукой, прорвались к нам в Ленинград.

***

Меня очень тревожит Роберт, он так слаб, не может вставать. Встретившийся товарищ сказал, будто в Управлении по делам искусств можно что-то получить из продуктов. Оно помещалось в Большом драматическом театре им. Горького на набережной реки Фонтанки. Дни стали длиннее и много светлее, хотя морозы еще держались большие, но солнце пригревало днем, с крыш капало, местами на дорогах подтаивало. Переходя площадь Ломоносова, я дружок по колени провалилась в воду. Оказалось, под люком растаял снег, сверху корочку льда припорошило, и дорога казалась ровной. С трудом выбралась из этой кругом обледеневшей ямы. Какой же толстый слой снега лежит на дорогах, крышах, во дворах. Мокрые ноги схватило морозом, я поспешила, чуть не плача. В Управлении оказалось тепло, в окна светило солнце, топилась печурка. Мне сказали, что относительно какой-либо помощи я должна обратиться в Кировский театр к директору Белякову. Я попросила разрешения погреться у печурки и подсушить ноги. Обувь и чулки промокли насквозь. Предстоял такой длинный путь до дома в мокрой обуви в мороз. Я была в отчаянии. А здесь, в Управлении совсем не чувствовалось бедствия, служащие сидели, нормально сняв пальто и платки. Показалось даже, что не было такого голода. Вдруг остро засосало под ложечкой. Я решила хоть воспользоваться теплом и просушить ноги. Вид у меня, конечно, был очень жалкий, а недовольные, холодные взгляды служащих меня угнетали. В комнату вошла начальница Госэстрადы Юлия Петровна Нивэ. Из очень полной женщины она превратилась совсем в стройную даму. Перемена во мне поразила ее, она за улыбкой и шуткой поспешила скрыть это впечатление и сказала, чтоб меня подбодрить: раз целы кости, мясо всегда нарастет, и что я еще затапчую с таким же успехом, как раньше. Но получилось наоборот, нервы мои сдали, хлынули слезы и я дала им волю, надо было выплакать все свое отчаяние от постигших меня неудач - напрасно совершенный далекий путь сюда, мокрые ноги и, главное, то, что я совсем не напоминаю бывшую себя, и на то, что когда-нибудь затапчую, нет и не может быть надежды, я стала старухой. Попав в нормальную,

как мне показалось, обстановку, по сравнению с той, в какой я жила, я это остро и с болью осознала. Юлия Петровна прибавила топливо в печурку и предложила сесть поближе, и сразу все сидящие в комнате проявили участие, просили, чтоб я сушила чулки и сапоги без стеснения. В конце концов все подошло и я пустилась в обратный путь.

***

Сегодня я ходила в театр. Директор Беляков ответил, что у него ничего нет, будто все в Управлении. Создалось впечатление, что мне верно подсказали, что все же что-то имеется. Я ходила несколько раз туда и сюда, пока не столкнулась в дверях Управления с начальником Борисом Ивановичем Загурским, который сразу спросил, что с Робертом Гербеком, и, выслушав меня, тут же дал распоряжение некоему Гаврилову В.П. выдать масла и шоколад. Услышав в ответ, что ничего нет, Загурский повторил настоятельно: "Надо дать, Гербек заслужил, чтоб его поддерживали". Гаврилов позвал меня и в каком-то закутке предложил пакетик крупы и немного сахара. Я была счастлива и этому.

Встретилась с народным артистом И.Я. Янетом. Он не сразу понял, кто я, пришлось отрекомендоваться. Янет признался, что его ужасает мой измученный вид. От него я узнала, что театр Музкомедии готовится к открытию сезона. Больно жаль было сердце при мысли о себе. Так захотелось стать полезным человеком, вернуться к своей деятельности. Я сказала об этом Янету. Он посоветовал обратиться к режиссеру А.В. Пергаменту, который собирает группу артистов в Доме культуры им. Промкооперации.

Я решаюсь обратиться к Пергаменту. Я готова согласиться на любую работу, примершей или костюмершей, и на что угодно. Ни на что не надеюсь, я пошла. Несколько раз обошла здание ДК, пока во дворе не нашла дверь, которая была незаперта. Долго бродила по пустому зданию и, наконец, встретила человека, который указал мне, где находится Пергамент. Я постучала в дверь, голос ответил: "Войдите". Я вошла. Холодное помещение, сырые стены, железная кровать. Человек лежал под одеялом в пальто, шапке, обмотанный шарфом. Я сказала, что ишу Пергамента. Подняв голову, он посмотрел на меня, ответил, что это он, и снова опустил голову на подушку. Я назвала себя. Он быстро поднялся и сел на кровати, спустив ноги, тоже трудно узнаваемый. Извинившись передо мной, что не узнал меня, огорчил тем, что собирает артистов драмы и вряд ли может предложить мне что-либо, но все же любезно записал мой адрес и

обещал дать знать, если окажусь нужной. Разочарованная, вернулась домой, хоть сама не представляла, на что смогла бы быть способна. Но сердце щемило... больно... больно...

***

В конце марта вышло распоряжение всему населению выйти на трудовые работы по очистке дворов и улиц от снега и нечистот. Я получила повестку и наутро вышла во двор скалывать лед. Конечно, работать ломом было не под силу, снег обледенел, слой толщенный, но я не одна, все измучены, но вышли убирать... В толще снежного слоя находятся замерзшие люди...

Прошло две недели, дворы нашего большого дома и улицы очищены. Как справились, не понимаю, все были такие же, как я, качаются от ветра. Когда загрузили доверху последнюю грузовую машину, наша бригадирша вдруг сказала, что отвезет и выгрузит ее тов. Сахновская. Села я в кабину машины, как приговоренная: как я смогу одна выгрузить целую машину? Шофер, молодой паренек, был прислан с фронта, он покосился на меня и стал расспрашивать, кто я и что, и как думаю справиться с выгрузкой. Все обошлось просто: он открыл борта и сам все скинул.

***

К середине апреля завершена уборка города, дворы и улицы стали чистыми. По одному маршруту пущен первый трамвай. Открылись бани. Увеличились немного пайки населению, а специалистам, имеющим звание, назначены дополнительные. В Елисейевском гастрономе я получила спецпайек на Роберта Гербека. Пакетик крупы, муки и сахара. Добрая Мария Ивановна Иванченко, директор магазина, сама заботливо привязывает его мне на спину. Паек очень поддержал нас. И в больнице улучшается рацион и постепенно у Роберта начали восстанавливаться силы, он уже может сидеть на кровати. И наконец, настало утро, когда его впервые две санитарки, поддерживая под руки, поставили на ноги. Как он выразился, пол ушел из-под ног, в глазах потемнело, закружилась голова, лицо стало серым. Его сразу уложили. При этом присутствует сам профессор Михаил Дмитриевич Тушинский. Он успокоил нас, что все естественно; и Роберт научится снова ходить, а там и затапчет лучше, чем прежде.

Очень мне не понравилась речь В. Чем она отличалась от речи К.? Что же это - речи порядочных людей ничем уже не отличаются от речей подонков?

- Но отличается позиция, несмотря на речи.

- Ну, это возможно только отчасти. Конечно, слова и дела... Но слова - это тоже дела.

Оно и верно и неверно. Верно, что речь - тоже поведение. Поведение, значит, плохое. А предпосылки и последствия поведения все же отчасти положительные. Трудно разобраться, если не разделить на уровни этическое существо человека. Разделение, преодолевающее этический наивный реализм, столь свойственный моему поколению в ранней юности, когда мы думали, что все рабовладельцы - плохие люди, а рабы - хорошие.

Есть историческая функция человека, его положение в расстановке сил, которую люди определенной ценностной ориентации считают положительной или отрицательной (концепция вполне релятивистская, конечно). Есть, далее, конкретное общественное поведение человека, соотношенное с его функцией, но ей не тождественное, отклоняющееся под давлением обстоятельств. Есть, наконец, личные свойства.

Оценочные знаки трех этих пластов могут совпадать, могут не совпадать и вступать в разные сочетания. Плюсы и минусы, проставляемые с относительной, но вовсе не субъективной, а в своем роде обязательной (групповое сознание) точки зрения.

Оценочные знаки трех этих пластов могут совпадать, могут не совпадать и вступать в разные сочетания. Плюсы и минусы, проставляемые с относительной, но вовсе не субъективной, а в своем роде обязательной (групповое сознание) точки зрения.

Х. уверял, что в определенных исторических ситуациях только негодяи могут сделать хорошее (если хотят). Потому что они обладают властью. Он подразумевал определенные социальные результаты. Очень уж просто. Оставим в стороне разные душевные градации. Но схематическую градацию дает хотя бы моя старая теория разделения людей на порядочных (которые в основном не сохранились), полупорядочных, мерзавцев, которые хотели делать то, что они делали, полумерзавцев, которые не хотели делать то, что они делали, и потому делали немного меньше.

Те, кто помоложе, смотрят из дали, стирающей оттенки; мы же познали оттенки на собственной шкуре. Нам было безразлично, что Д., скажем (для них - суммарно мерзавец, для нас - полу...), делал минимум положенного, и сам убивать не хотел. Такой оттенок мог спасти кому-нибудь жизнь. А. - хотел. Его оттенок в том, что он верил, и, когда перестал верить, - ему расхотелось. Издали видна только чистая историческая функция и не видно соотношений функции, поведения, личных свойств.

В свое время этика была либо религиозной, либо рационалистической. Религиозная этика предлагала сверхличных и сверхчувственные обоснования своей обязательности. Рационалистическая убеждала человека в том, что хорошо быть естественно, выгодно, приятно. Никакой обязательности из всего этого не получалось; поэтому религиозная этика очень логично могла объявить: если Бога нет - все дозволено. Если же на практике атеисты ведут себя хорошо, это значит, что они бессознательно религиозны.

Современная социология показала, что человек - это социальное устройство, управ-

ляемое не личным произволом, еще менее логикой, но разными механизмами, внушающими ему групповые ценности и нормы (так уже у Маркса, с его учением о превращении интересов в идеалы). В своем поведении человек легко уклоняется от социальных норм (как и от религиозных), но ему не уйти от групповых критериев, потому что они уже стали оценочной формой его сознания. Эта обязательность - по сравнению с религиозной, - в сущности, абсурдная, алогическая, но достаточно крепкая для того, чтобы на ней кое-как все держалось.

Поведение - выбор между предложенными возможностями, и выбор ограниченный. Выбор прежде всего предлагает история, у которой в определенный момент, для определенной среды есть свои варианты. Чем активнее в данный момент социальная среда, чем напряженнее, тем выбор уже.

СОБРАНИЕ

В 1810-1820-х годах все молодые образованные русские дворяне в большей или меньшей мере были декабристами. История не вообще предлагает свои возможности, но предлагает их группе, среде. А среда предстает человеку сначала в конкретной форме семьи. Значение семьи чрезвычайное - первая социализация человека. И все же из данных семьи поведение еще невыводимо, непредсказуемо. После истории, среды, семьи следуют определяющие варианты подробности - личных свойств, обстоятельств, удач и неудач...

В тех условиях, которые были даны на протяжении десятилетий, самой решающей, вероятно, подробностью были способности. Способности - те же личные свойства, направленные на определенную деятельность. Способные, то есть заинтересованные, потенциально продуктивные, обладающие ресурсами, - естественно шли в одну сторону, бездарные в другую. Борьба умеющих и неумеющих - большая общественная борьба; и неумеющие вооружены в ней как нельзя лучше.

Что касается умеющих, то в среднем их этический потенциал выше. Но не будем преувеличивать. Талант в этом плане как-то сам собой срабатывает. Он ставит свои условия. Сосредоточивает на одном и приглушает многие вождения. Главное, человек непроизвольно выполняет условия. Изнутри ему даже кажется - это он от слабости, от вялости ведет себя хорошо, оттого что стесняется, храбрости не хватает вдруг перевернуться и заговорить другими словами. В этом мы знаем толк. Жизнь вся прошла в выполнении условий; и никогда это не сопровождалось горделивым переживанием осуществляемого этического акта.

Обратимся к нынешней расстановке сил. Есть уклоняющиеся - от воображаемой точки - вправо, есть уклоняющиеся влево, есть наглевательски настроенные, свекорыстно ориентированные и т.д. Нет только находящихся в точке, потому что точка эта уже не действительна (в гегелевском смысле). Кстати, водораздел, довольно зыбкий, проходит не между имеющими партбилет и не имеющими (это не так уж релевантно), но между силами охранительными, то есть охраняющими свое положение, и силами продуктивными или потенциально продуктивными

Лидия ГИНЗБУРГ

(усиление первых приводит к отмиранию вторых). И это в любой сфере.

Правые, в свою очередь, есть чиновничьего типа и националистического. И множество между ними гибридов и переплетений. Есть почвенничество органическое, с семейными навыками и связями, даже с предполагающей внешностью, в виде, например, хорошо растущей бороды. Туда же ведет и многое другое - неистребимость жестоких расовых инстинктов, потребность выхода из идеологического вакуума, мода, то есть неудержимое примыкание, подключение к существующей ценностной ориентации. Но, может быть, всего больше соблазн неизъяснимой легкости, простоты, с которой добыва-

ется столь нужное человеку чувство превосходства, избранности, а заодно врожденное право на житейские преимущества. Не трудом, не умом и волей, а брожением соков в физиологически темных, хлюпающих недрах. Какой ужасный соблазн!

Тип этот, нередко смыкаясь с чиновничьим, не исключает, однако, продуктивности (чем бездарнее человек этого типа, тем он страшнее и ближе к охотничьей модели). В конечном счете поэтому они подзвучивают чиновникам, полагающим, что лучше не иметь и таких идей, на первый взгляд симпатичных. Когда же оказывается, что это только на первый взгляд, - их готовы стукнуть, но очень сильно, но довольно охотно.

Есть еще кочетовская ориентация (те самые правые, которые на Западе - левые, с прибавлением отсутствующей у кочетовцев анархической окраски). Представителей ее мало и становится все меньше, то есть идеологов. Их вытесняют практики, чистые функционеры. Те, кто знают, чего им ожидать от продуктивных сил. Типологические их предпосылки - бездарность, невежество, неспособность к производительному труду. Для автоматического включения в ряд не на своем месте сидящих хватает и этого, но еще прибавляется - для более перспективных - властолюбие, жадность до всяческих благ (подобные страсти заводят в этот стан порой и талантливых).

Функционеры породили в нашем литературном быту любопытнейшее явление. Когда речь шла о напечатании Белого, Цветаевой, Мандельштама, - они всякий раз оказывали сопротивление столь мощное, сложное, многоступенчатое, столь проникновенное ужасом, как если бы с выходом именно этой книги должны были рухнуть устои, как если бы именно эта книга должна была открыть людям нечто, что сделает их неуправляемыми. Но книга после многолетних противоположно направленных усилий выходила, а устои оставались на месте. И все начиналось сначала в ожидании подобной книги. Наконец, для меня прояснилось: дело не в устоях, дело в штатных единицах. Чем спокойнее будут выходить эти книги, тем меньше будут нужны редакторы, цензоры, члены редколлегии, заведующие отделами и многие другие.

Функционер жиреет, но жиреет как-то только физически. И он вовсе лишен той розовой гладкости, которой иногда удивляют люди западного делового мира. Он расплывается беспокойным бытием, всег-

дашним нервным ожиданием. Преданность его негативна; она ипостась его страхов. И она не мешает раздражению против устройства, если устройству случится наступить на его интересы.

Есть еще правые поневоле. Бывшие люди бюрократического мира. По причине смены формаций, по национальным или другим причинам управлять они больше не могут. Иные из них - в том числе репрессированные или реабилитированные - пребывают в уже несуществующем. Другие не прочь бы даже начать сначала, в духе новых ожиданий среды. Но совсем к этому не приспособлены. Им никак не повернуть окаменевшие смолоду мозги.

Левые имеют свои разновидности - от собственного мнения, более или менее откровенного, до умения отмолчаться; также до юношей, заявляющих своеволие длинными волосами и разрисованными кофтами. Есть среди них и желающие исправить. Желание, в свое время характерное для основной новомировой группы. Понятно: некоторые ее вдохновители сами вышли из гуши проработчиков (Дементьев - особенно), и сами исправились.

Есть люди поведения конформистского и карьерного (разной степени), но приобщенные к интеллигентским ценностям, что обеспечивает им чувство превосходства над неприобщенными. Есть, наконец, по существу своему чиновники, в чьем мышлении появилась категория общественного мнения (как категория силы). Предусмотрительнее - они считают - быть на всякий случай умеренным, благожелательным к интеллигенции.

К интеллигенции... Можно ли подвести под такое понятие весь этот пестрый социальный материал? Можно, если в значительной мере изменить содержание понятия. Интеллигенция в классическом понимании - это сознательные носители целенаправленной общественной мысли. Если таков основной интеллектуальный признак русской интеллигенции, то основной ее этический признак - готовность претерпеть. Она возникла не из личных нравственных качеств (это само собой), но была непременным условием, важнейшей составной частью этой социальной модели*. От готовности народовольцев взойти на эшафот до готовности либерального профессора в знак протеста уйти в отставку, до готовности студента быть выгнанным из университета. Они обычно не извинялись, не просили, а главное, не удивлялись, считая, что это то самое, чего и следовало ожидать. Декабристы, те, напротив того, удивились. Они, их друзья и родные долго даже не хотели верить тому, что с ними в самом деле поступят жестоко. Декабристы еще не были интеллигентией, а были интеллектуальным слоем господствующего класса. Мерещилось им, что раз дело не вышло, то можно еще все обратить, стереть, что с ними могут еще столкнуться, проявить понимание... Между ними и властью не развилась бездна, и гражданское мужество у этих бесстрашных офицеров оказалось поэтому меньше, чем у любой курсистки восьмидесятых годов.

В совсем других общественных обстоятельствах мы видим сейчас опять жалующихся и удивленных. Желающих не соглашаться и за редкими исключениями совсем не желающих страдать. Существование в двух планах; и в план официальный (профессорский, литераторский и т.п.) со всеми его законами они вкладывают талант, энер-

*Как, например, храбрость кадрового офицера является профессиональным условием, а вовсе не свойством хорошего офицера.

гию, добросовестность и ждут взамен процветания. В каждом плане свои удовольствия. Подписывание писем протеста - возбуждающая роль взрослых людей, имеющих свое мнение. За это ничего особенного и не будет... Особенного и не было. Но опыт показывает, что для устрашения не обязательно крайние меры (при частом употреблении они иногда даже притупляют реакцию), что страх перед гибелью и страх перед потерей работы, ненапечатаньем книги и даже отказом в заграничной командировке могут дать одинаковые результаты - отступничество, покаяние.

Интеллигенция без интеллигентского принципа поведения? И все же в этом переплетении неустойчивых социальных форм есть нечто противоположающее его силам механическим. Потенция возможностей, способностей, а следовательно, интереса к делу, а не к его отчужденным оболочкам.

Пусть в этот стан влечет мода или расчет - более сложный, чем у чиновника. Пусть! Нет такой формы поведения (кроме экзотического, быть может), которая - наряду с другими, жертвенными мотивами - не определялась бы - расчетом, тщеславием, властолюбием, эгоизмом, модой.

Мода, в частности, - это очень серьезно; это исторический инстинкт, потребность подключиться к предлагаемой исторической ориентации. Не предавать проклятию должно все эти могущественные механизмы, но стремиться к тому, чтобы они вырабатывали положительную социальную энергию.

Управляющие расположены решительно на всех уровнях, даже самых низших. Как в системе зеркал, они повторяют повадки вышестоящих. Кроме того, есть просто работающие, проживающие. Из этой материи получается и то, и се. Кого куда повернет. И положительные, и отрицательные реакции этого пласта удивительно непосредственны. В каждом частном случае они определяются соответствием или несоответствием интересам. В целом же предпочтение отдается стабильности. Изменения? - как бы они не пошли на пользу лучше живущим (привилегированным)...

Если там нужна свобода, то не свобода мнений; скорее, свобода реализации законного стремления к жизненным благам.

В схематически жестких границах истории и среды колеблющиеся мотивы выбора, выбора поведения, - социальные и биологические, сознательные и бессознательные, закономерные и случайные. Некий сдвиг - и функция человека могла стать противоположной. В 1920-х годах одна и та же среда давала порой - героических комсомольцев, богоскательей, аполитичных эстетов. Человек не может выдумать для себя несуществующую форму поведения, но он может выбрать свой исторический характер из моделей, заготовленных историей.

Сходные механизмы действуют в самых разных жизненных сферах. В том числе в заштатной области литературных дел. Но и в ее пределах какие-то ситуации могут служить микрокосмом социальных закономерностей.

Вот, например, собрание некоей секции (середина семидесятых годов), с выступающими разного возможного типа.

Когда люди действуют механически - без двигателей эмоций и интересов, - пружины обнажаются до предела. Собрание сплошь посвящено подменным темам, то есть предназначенным замещать те подлинные, которые могли бы возникнуть из данных обстоятельств. Подменные темы выполняют разные функции. Они создают видимость деятельности, что собравшимся практически нужно, и видимость высказываний, ра-

зумных, даже либеральных и благородных, - что всегда приятно высказываемымся.

Темы: творческие дискуссии (необходимо их активизировать); единение писателей и ученых (в свете современного движения научной мысли); сетования о том, что еще недостаточно сделано для издания некоторых замечательных книг, и о том, что критики, вместо того чтобы писать о современных писателях, - ищут службу с зарплатой.

Среди всех призрачных тем подробнее всего обсуждается самая призрачная - отсутствие творческой смены; осязаемым образом оно выразилось в том, что за два отчетных года секция не пополнилась ни одним молодым критиком. Все с либеральным единодушием обвиняют косный аппарат, который затрудняет прием. По ходу собрания выясняется, что аппарат не может принимать молодых, потому что секция выдвигает только немолодых.

Речь, однако, идет не о действительных препятствиях (самое действительное из них - состояние литературы*), но об идеальных, таких, какими они должны бы быть. Поэтому виноват аппарат, виноваты журналы-газеты, которые критику мало печатают, вузы, которые плохо готовят критиков.

Один из участников обсуждения от имени писателей обвинил вузы в том, что они не воспитывают. Другой от имени вузов обвинил журналы в том, что они не предоставляют площадку, а без площадки невозможно воспитывать. Молодые критики не хотят воспитываться, если знают, что их не будут печатать.

Когда смена есть, - она приходит сама, и иногда даже совсем невоспитанная. Смена приходит - хотят ее или не хотят. Чаще всего ее не хотят, потому что люди, натурально, не любят уступать свое место. Чем менее возможна смена, тем охотнее ее призывают. В данном же случае сменить не только некому, но и некого. Потому что призывающие к тому, чтобы их сменяли (таков порядок), сами давно уже критикой не занимаются и не намерены заниматься - неинтересно, небезопасно, нерентабельно.

На этом негативном базисе надстраиваются сожаления о том, что творческие дискуссии, хотя и проходят на хорошем уровне, но не заняли еще подобающее им место в жизни творческих организаций. Словоупотребление это того же типа, что, например, - Дом творчества. Эти сочетания до такой степени утратили свой первичный смысл, что, произнося фразу: «Я еду в Дом творчества», - даже самые разумные из нас почти не краснеют.

Среди напыщенной и сонной бутафорской скуки оживляющим было выступление секретаря секции. Он говорил не именем творческих сил, а в качестве делового функционера. Он доложил секции ее возрастные цифры. До 35-ти - ни одного. От 35 до 40 - два, кажется. От 40 до 50, от 50 до 60 - количество членов в сильно возрастающей прогрессии. Все очень веселились.

За подменными темами - подлинные конфликты действующих сил, воплощенные людьми с их исторической типологией. И в малых масштабах этого собрания различимы - власть имевшие, власть имущие и только еще хотящие иметь. Сконструируем пятерых выступающих в обнаженности этих механизмов. Один из них принадлежит к поколению 20-х годов, двое - к формации 30-40-х. У двоих годы учения приходятся на послевоенную эпоху, годы деятельности - на ее сменяющую. Согластники (выражение Герцена) дифференцированы, в

*Есть хорошие писатели, но они не образуют литературу.

свою очередь, разными обстоятельствами.

Самый архаический пласт представлен первым выступающим, - до инфарктов помятым всеми отпущенными на его долю прижизненными перевоплощениями. От прочих выступающих он отличается тем, что когда-то верил в то, что когда-то говорил. Эта разновидность в высшей степени выигрывала на том, во что она верила. То есть, это не дурак, герой, интеллигент (разновидность, до тонкости нами изученная), а напротив того, продукт местечковой бедноты, перед которой распахнулась вдруг ослепительная возможность образования, деятельности, власти, - о хорошей жизни тогда еще как-то не принято было думать.

Одна из его сопластниц рассказывала - уже в 60-х годах - как в 20-х годах она управляла каким-то селом. Для развозов ей полагалась лошадь. Она пожаловалась в местный центр, что лошадь стала плоха; надо ее подлечить или заменить. «Что же, - спросили ее в центре, - лошадь-то у вас старая?» - «Нет, зачем, - сказала она, - молодая. Лет восемнадцать!».

Зато они верили. Четырнадцать лет первый выступающий поступил в своем городе на работу, одновременно учился в вечерней школе. С 1925-го журналист, потом прошел через университет - все это на периферии. С начала 30-х годов разворачивается в Ленинграде. Этот исторический тип был тогда еще чрезвычайно активен. Он имел свои подвиды, в том числе более буржуазный (некоторых в детстве обучали немецкому языку и игре на рояле). Были среди них лихие раповцы, были при раповцах ученые гегельянцы. Первый выступающий принадлежал к подвиду скорее прагматическому. Был хороший администратор (ни сколько не злостный). При некультурности, в своем роде был умен. Имел дар речи. Прорабатывал поэтому красноречиво. В качестве проработчиков все они, впрочем, - сущие дети, по сравнению с пребывавшими тогда еще в зерне. Они не хотели убивать, ни лишать свободы или хлеба (хотя все это могло, разумеется, проистечь само собою). Они хотели, чтобы противник смирился и, главное, поосторонился с дороги.

Он набирал силу перед войной, а во время эвакуации стал уже значительным лицом в научном учреждении. И вот тут, как рябь по только что гладкой воде, побежали тревожные слухи. Когда учреждение вернулось из эвакуации, он был уже чем-то очень ответственным, потому что именно с ним надо было вести разговор о поступлении в аспирантуру. Он был ответственный и в то же время, как многие возвращавшиеся (они поначалу даже без особой нужды заискивали перед блокадными), - еще очень растерянный, еще непохожий на начальство. Настолько непохожий, что, по ходу разговора, он спросил у претендовавшего на аспирантуру (из блокадных): «А как тут у вас обстоит с этим самым... с национальным вопросом?..» И застенялся.

Для него обстояло еще сравнительно благополучно. Он руководил теперь научным учреждением, при фиктивном директоре (из старой гвардии). Он стал вполне похож на начальство и, уже не конфузаясь, сидел в своем кабинете за большим столом красного дерева, первой четверти XIX века. Теперь уже речь шла не о том, чтобы верить или не верить, но о том, чтобы как-то усидеть за красным столом. Для этого, в частности, надо было не принимать в аспирантуру-докторантуру тех самых, с которыми обстояло...

Так оно шло до катастрофы 49-го. Из Института его выбросили, и он кое-как зацепился за свою профессорскую ставку в Университете. По этому поводу Г. говорил:

"Он будет в Университете полы мыть, если декан ему прикажет". Речь шла о молодом декане, достигшем деканства неукоснительной проработкой своих учителей.

Двадцать лет со страхом пополам профессорского существования закончились для выступающего тем, что завкафедрой, проработчик последней марки, затравил его и выгнал на пенсию.

Вот он собирается говорить на собрании - пенсионер о двух инфарктах. Через что он прошел за свою долгую жизнь, этот неглупый человек, скорее благожелательный? Через какие медные трубы предательства и жестокости?

Н.М. был с ним в хороших отношениях. Когда Зоценку прорабатывали, руководитель учреждения выступал особенно развернуто. После чего с надеждой спросил Н. М. у себя в кабинете:

- Ну как, удало мне сохранить осанку благородства?

- Не заметил, - ответил ему собеседник. Вот он стоит, некогда взявший меч, тощий, остроносый и произносит оптимистическую речь (докладчик напрасно выражал тревогу...) с перечислением замечательнейших наших статей, с призывом усилить в работе секции дискуссионность и творческий накал. Он мог бы произнести речь и в другом жанре - самокритическом. Оптимистический он выбрал - сознательно или инстинктивно - как более соответствующий желанию показать, что он еще может принять участие... Тем более что ему уже оказали внимание, включили в апробированный список подлежащих избранию в бюро.

Таков власть имевший. Второй выступающий - власть имеющий. Он всего лет на пять моложе, но историческая дистанция велика. Он из тех, кто формировался в 30-х годах, а развернулись в послевоенных, 40-х. То есть из тех, кто если чему-нибудь верили, а еще больше инстинктивно сочувствовали, то установкам этих лет.

Это тоже периферийное завоевание Ленинграда. В 20-30-х годах инкубационный период (студенческо-аспирантский) в провинциальных педвузах. Потом годы работы в республиканском центре. После войны база переносится (постепенно) в Ленинград. Начинаясь большая карьера; развивалась она бурно и неровно, потому что резко выраженные личные свойства не всегда притирались к его исторической модели.

В своем стремлении к власти он был способен на все, что требовалось, и даже на большее. По своему устройству он насильник, но он не чиновник. Это человек даровитый, с охотничьим чутьем на материал, с утробной жадностью всего - власти, жирной и пьяной жизни. Его не тронула ни цивилизация, ни культура, вконец разнуздали неустойчивые военные годы, проведенные не на войне. В своем роде екатерининский вельможа, выходящий драться на кулачках, а скорее купчик, бьющий зеркала в трактире. По природе пьяница, дебошир, истерик. Знает, что для процветания нужен расчет и удерж. Но часто не может удержаться. Это как скорпион в притче о скорпионе, который на полпути ужалил лягушку, перевозившую его на спине через ручей. «Скорпион! Скорпион! - воскликнула лягушка, - ведь ты погибнешь вместе со мной» - «Знаю, - сказал скорпион, - но такой уж у меня нрав...»

Ну конечно, не образуясь с реальностью, он вообще не мог бы усидеть. И свои импульсы он то спускает с цепи, то придерживает. Но придерживать противно. Поэтому в нем эта злость и постоянное беспокойство, переходящее в потребность дразнить и дергать людей.

Карьера его большая, но странная. Он жадно хватал любые подвертывавшиеся ему

ответственные посты, совмещал их, потом довольно скоро бросал или его побуждали их бросить. Вот уже, впрочем, несколько лет, как он большой начальник. Сотрудникам с ним очень трудно, так как нет в его поведении бюрократического стереотипа. И потому, кроме неприятностей полагающихся и предвиденных, он доставляет еще множество непредсказуемых.

Притом он самодур по салтыковской формуле: «А может быть, я тебя - ха! ха! - и помилую!» Самодур с пристрастиями и фаворитами. Собственная даровитость влекла его к настоящим ученым. И в своем роде он, действительно хорошо к ним относился (что, понятно, не помешало ему в пору проработок обойтись с ними надлежащим образом). Это от понимания подлинного, которое часто приходилось скрывать, а иногда для самоутверждения хотелось обнаружить; это от презрения к своим дуракам и бездельникам, которое соблазнительно довести иногда до их сведения.

Разводил он их, впрочем, охотно. Некто как-то спросил его доверительно: «И зачем вам такое дерьмо?» - «А я это люблю», - ответил он без запинки.

Доволен ли он? Нет, конечно. Гложут зависть, злость, опасения, вождления. Инфаркт уже был. В членкоры пока что не выбрали.

Речь свою на собрании он произносит с оттенком директивности. Но он красный, с вздувшейся шеей, с рассеянными глазами в очках. То ли нетрезв, то ли присутствующим так кажется, по привычке.

Говорит он все больше о необходимости единения писателей и ученых. Ленинград должен брать пример с Москвы, где подобные контакты уже осуществились.

- Они там контактируют в ресторане ЦДЛ, - говорит кто-то из публики довольно громко.

Третий выступающий - сверстник второго. Кое-чем даже похожий: данными биографии (парень из глухого городка, до университета работа на заводе; в университете с первого курса - комсомольский деятель); личными свойствами - жадность к жизни, к успеху, хамех.

Итак, комсомольский организатор; подготавливалось дальнейшее развитие определенной исторической функции. И вдруг его повернуло. Повернула его встреча с молодым профессором университета. Едва хлебнувший культуры, он почувствовал вдруг, что похож на этого интеллектуальнейшего, ученейшего, блистательного молодого ученого. Не то что подобен, но что этот профессор всем своим обликом и поведением открывает ему какие-то, до сих пор неизведанные возможности - ораторского воздействия, педагогической власти над людьми, возвышенного строя личности, свободного парения среди слов и мыслей. И, главное, он чуял всеми инстинктами, что этот открывшийся ему захватывающий мир как будто не требовал жертвы; напротив того, сулил процветание (обманчивое обещание). И не грубое чиновничье процветание а патетическое. Дальнейшее его поприще - популяризация пленительной модели, некогда представшей ему, первокурснику, на кафедре. От учителя он взял многое, но все, адекватное собственному психологическому строю - необузданный пафос, актерство (потом он и лекции свои читал со всеми этими приемами). Он применял, изменяя, то, что было совсем другим в контексте большого таланта, безостановочного мышления и труда; что было в этом контексте предсказанием гибели.

Импульсивность порождала разные дела. Одни потому, что он не хотел и не умел подавлять свои вождления; другие потому, что он не был равнодушен, что соприкосно-

вение с людьми могло вызвать у него реакцию интереса, сочувствия, сострадания; и люди были для него полем приложения энергии. Так, в дни блокады он с успехом заботился о себе, но потому именно мог заботиться о других, подчиненных, товарищах. Он охотно делал добро.

Сокрушительный жизненный напор его учителя, напор ученого, честолюбца, как-то был отрешен от чувственности (он принадлежал к типу семейному). В атлетическом ученике модель материализовалась, стала плотской. Поведение человеческое противоречиво, потому что питается разными источниками ценностей, расположенных на разных уровнях. Ученик открыл для себя два источника наслаждения - сферу хорошей жизни, с карьерой и всякими удовольствиями, и сферу пафоса, высоких мыслей и чувств, где пребывание было радостно и удовлетворяло его ораторский темперамент.

Поведение, соответственно, было пестрым, и поступки совершались разные. Общественная же функция в целом определилась как положительная. Определила ее на ходу встреча с учителем, и она же закрыла, в конечном счете, большую карьеру. Для карьеры, казалось бы, много данных - видный, почвенный, напористый. Ученый, но, главное, без той культуры, которая раздражает. Казалось бы, свой. Нет, все-таки не свой. И не тот наследственный интеллигент, который своей чуждостью как-то импонирует втайне. Этот же не свой, но подобный - опасный конкурент, притом шумный, беспокойный, с прожектами, из тех - кому больше всех надо. В работах его, правда, получается все, как следует, - но с душой, без успокоительной жвачки; получается как бы в порядке непредвиденного совпадения.

Подозрительна им также и смесь либерализма, хамежа, высокомерия. Многие позиции на своем веку он терял, многие игры проигрывал. Наконец, отвели ему в академическом мире место среднего значения. Выше не пустят. Это он понял, устал, постарел. И, кажется, не надо ему уже больше всех. Но речи он произносит еще патетические - по привычке и в силу физических данных, голоса, роста. О том, что без поддержки журналов нельзя воспитывать смену, он говорит на собраниях так, как если бы это было интересно - ему и всем здесь присутствующим.

Четвертый выступающий - это уже другое поколение. Это молодой, преуспевающий литературный бюрократ. Ориентацию определяет яркая бездарность; только аппарат может обеспечить ему процветание. Уж этот без завиральности, без самодурства, даже без хамства; напротив того, даже ласковый. Он являет собой идеальное бюрократическое равновесие. Он по-молодому жирный, благообразный. Хорошо одет. Улыбается. Глаза припухшие и беспокойные, на что-то нацеленные или ищущие, к чему-то готовые. У глаз свое выражение, другое, чем у лица в целом. Говорит гладко.

Жадность, напор целеустремленно направлены на блага жизни. Способен потенциально на все, без ограничения; не столько от жестокости, сколько от старательности. Как-то он выступал после того, как ему оказали доверие. Он был в состоянии экстаза. Он любил всех присутствующих. «Это счастливый день в моей жизни...» - «Ну этот, - сказал кто-то из присутствовавших, - только его помани, он по телам поползет...»

Не знаю, вполне ли он циничен... Скорее всего, у него есть оправдательные понятия. То есть, он считает себя оплотом.. Чего? Чего-то очень для себя удобного. Выступает он с административной самокритичностью, но и с административным оптимизмом суммирует все затронутые темы - от воспитания молодой смены до повышения творчес-

кой активности и особенно роли творческих дискуссий.

Того же поколения пятый выступающий. Примерно та же формация. Среда, уровень способностей и культуры, рано сложившаяся служебная ситуация - все предreshало бюрократический стереотип. Но он умнее и гибче. Он поэту современнее, из тех, для кого существует уже категория общественного мнения. Оно дальновиднее, но пока что чревато неприятностями. Правые экстремисты уже пытались его потеснить. Речь он произносит ортодоксальную с современным научно-статистическим оттенком. Необходимо обратить внимание на наши возрастные показатели, особенно потому, что в США обратные показатели (приводит цифры преобладания в науке молодых). Это опасная конкуренция, и надо принять меры.

Он без лишних жестов. Округлый. Но без жира, улыбочности и гладкости. Он еще большого не достиг, а только собирается достигнуть. Он закрытый, потому что еще неизвестно, какой он будет, когда достигнет.

Власть имевшие, власть имущие и только еще хотящие иметь.

Очень разные по характеру люди выполняют сходные исторические функции. Переменная соотношенность исторических функций, личных свойств, ситуаций - устойчивых и преходящих - определяет общественное поведение человека.

Т. сформирован еще периодом, когда история предлагала молодому человеку из буржуазно-интеллигентской среды несколько вариантов: комсомолец (не формально, а всерьез), богоскатель (ориентация на пост-символистическую культуру) и другие еще варианты, конформистские и неконформистские. Для отпрысков одной семьи разный выбор могли иногда решить оттенки, незначительные обстоятельства.

В рассматриваемом случае - решающее значение первых социальных впечатлений. Отец - военный. Отсюда сильный, по-видимому, «ребяческий империализм», детская игра в военный склад. Это один из путей к элитарному самоощущению. Пути к нему бывали разные; например, через избалованность богатой семьей или через отрочески напряженную духовную жизнь - рефлексия, в 14 лет решение мировых вопросов.

Несмотря на пестрый состав (и непринятые в другие вузы, и просто барышни), Институт истории искусств для элитарных ощущений был самым подходящим местом. Т. тогда был мальчик розовый и очень важный. Важность была у него какая-то физически непосредственная, и потому, несмотря на розовость, в нем не смешная. Как все тогда, он был беден, но подтянутый, отглаженный, он без всяких усилий имел вид человека, заранее предназначенного для жизни сытой и привилегированной.

Институт для него, как для многих, был второй - после детства - социализацией. Там набирались формального метода, новой поэзии, элитарности, со всем ее кодексом. И там же, кто мог, учился у учителей думать и хорошо работать. Хорошо работать - это Т. действительно мог и сохранил на всю жизнь эту привычку*.

Вырабатывалась очень определенная модель. Некоторый снобизм, оформляющий настоятельную потребность в чувстве пре-

*По поводу хорошей и плохой работы: есть хаптурщики легкие, и бог с ними («светлый пивизм», как говаривал Алекс. Ник. Нечаев). Но есть напыщенные тяжеловесы, вообразившие, что они рождены для высших материй, а не для фактов, текстологии, аппарата, библиографии - всего того, к чему больше филологи всегда относились с почтением. Всякий раз, как кто-либо объявляет, что он выше того-то, следует проверить, не ниже ли он этого самого.

восхождения, - в удобном для благополучной жизни сочетании с работоспособностью, деловой добросовестностью и хорошей научной школой. Способный управлять, он был бы изобретательным организатором смелых литературных предприятий, если бы смелость начала 20-х годов подлежала дальнейшему развитию.

Вместо того - крушение попутничества и всей интеллигентской самодеятельности. Перестройка ролей. Опять выбор. И какой! - в сущности между возможностью жить и невозможностью.

Есть разные формы официального непризнания. Есть форма лестная и бодрящая, когда переживание авангардизма, свободной умственной деятельности, подъема вполне возмещает отсутствие чинов и даже денег. Такова была ситуация в ГИИИ (в основном она совмещалась там с принятием революции, с политической лояльностью). Но есть формы непризнания, прекращающие деятельность, почти прекращающие существование.

Люди большого напора, направленного вовне (экстраверты), направленного на овладение и властвование, неотвратимо влеклись в стан побеждающих. Тщеславие, честолюбие, потребность в комфорте, разные другие свойства определяли градации поведения. Решающим определителем была также бездарность, потому что бездарность порождала безоглядность. Только талантливые могли крутиться; так, чтобы сквозь формулы у них просвечивала какая-то суть. Крутились же все, во всяком случае, все, пытавшиеся осуществиться. Это было первичным условием, а градацию можно было выбрать. Очень важно. Градация определяла ценность осуществляемого и цену вознаграждения - от жирного пирога до пайка нищеты.

Итак, сначала приспособление, потом овладение ситуацией. Т. - человек вовне направленного напора, организатор. Это материал для сановника. Пригодилась и с годами созревшая юношеская важность. Постепенно - потребовался долгий срок - он и становится сановником средней руки. Модель доброго сановника. В ее оформлении принимают участие личные свойства. Свойственная ему первичная способность реагировать на положение другого человека, способность сочувствия. Т. внимателен. Его любили подчиненные. Именно это доставляло ему удовольствие.

Другие личные свойства образуют злого сановника, вредоносного. Например, В-ов. В-ову удивлялись - зачем большому ученому, талантливому человеку это карьерное бешенство (уничтожившее в нем ученого), это раболепство, не нормально бюрократическое, а иступленное. Знавшие В-ва смолodu удивлялись и другому. Молодой, он был дерзким задирой, ниспровергателем любых авторитетов, стоявших на дороге его необузданного самоутверждения. Как же так? Именно так. Молодой В-ов страстно хотел оскорблять людей и не выносил ни малейшего противодействия. Что же нужно для того, чтобы невозбранно оскорблять людей и не получать отпора? Нужно для этого стать вельможей. А для того, чтобы стать вельможей, нужно все вышеописанное.

Т. был добрым сановником, и сановником несравненно меньшего масштаба. Так что сановничество не заполняло всего пространства, отведенного в человеке под переживание автоценности. Чашечка оторваться от соблазнов и навыков молодости - это значило бы отказаться от вкоренившегося самоощущения, разрушить первичные формы жизни; а формами жизни он дорожил, потому что умел их строить.

Отсюда двойное бытие. Эстетизм в частном быту, плохие стихи в умеренно совре-

менном роде. Но двуплановость проникла и в общественную функцию этого человека, сделала ее положительной - по практическим достижениям и целям. Задача: пользуясь самыми конформистскими и даже приносящими процветание средствами, стремиться к обнародованию непризнанной литературы. Формула, конечно, чреватая жесточайшей путаницей, вплоть до оплевывания писателей в качестве единственного способа их издать. Кое-что здесь от старого некрасовского комплекса: какова цена существования "Современника" и до какого предела позволительно ее повышать?

Выстраивается цепочка оправдательных понятий. Цепочка протягивается в прошлое, к кругу порядочных людей, деятелей большой культуры, который человек считал своим. Любопытнейшее явление - это защитная иллюзия необратимости. Выработывалась установка, и кажется, что это и есть суть личности, а все, что напластовалось потом, - все уступки, грехи, ошибки, все это детерминированное обстоятельствами, вынужденное, проходящее, несубстанциональное. И человек замораживает свою бывшую модель, давно уже отколовшуюся от поведения.

Но чем-то нужно все же питать этот призрачный образ. Воспоминаниями молодости - они становятся все нежнее, все лиричнее, воспоминания предаваемой молодости; отношения с людьми, которые оттуда, из этой молодости. Особенно с людьми, сознательно оставшимися за порогом признания. О таких говорят ласково, интонацией самоосуждения: «Этого человека я уважаю. Он построил свою жизнь, как хотел». Да, как хотел. Только большая часть этой жизни ушла на темную работу, только порой он не имел рубля на обед. Но вам он не сообщал об этом.

Сохранение уже не существующего своего образа позволяло человеку сохранять критерии суждения и осуждения, казалось бы, несовместимые с его поведением. Эта кажущаяся несовместимость - явление самое распространенное; объясняется оно тем, что поступки и оценочные суждения детерминированы по-разному. Есть люди, которые не любят умыться (лень, холодно, мокро), но знают, что это следует делать, и посвящены в правила гигиены. Они с искренним презрением и брезгливостью относятся к людям, не умывающимся простоудно. Поведение детерминировано страхом, страстями, желаниями, способностями, ситуациями; суждения - идеалами и нормами, внушенными средой, вкоренившимися. Человек видит себя изнутри и делает скидку на желания и страх; другого он видит извне и применяет к нему нормы. Для согласования собственного поведения с нормами нужен строй общества или общественной группы либо отчетливо традиционный, либо проникнутый живой идеологией.

Несовместимость поведения и суждений порождает любопытные казусы. Один литератор, заморозивший свою юношескую модель, был шокирован, когда его приятель, приехав на несколько дней, остановился у бывшего проработчика. Приятель, с его мнительностью и мизантропическим нравом, сразу забеспокоился. Знающие ситуацию объяснили ему, что напрасно. Проработчик, довольно злостный в молодости, давно уже успокоился на достигнутом, зная, что дальше его не пустят. Занимается сейчас даже мирными делами, даже модными. И он сейчас не позволил бы себе ничего, по раболепству и неприличию подобного некоторым статьям шокированного литератора. Но все же тот, по воспоминаниям молодости, уверен, что из них двоих именно он принадлежит к хорошему обществу. И никого это не удивляет.

Что же касается Т., то существование его

протекало в двух сферах, официальной и неофициальной (книги, стихи, комфорт). Вторая сфера просвечивала сквозь первую, где-то мерцала в глубине, придавая Т. специфику, отличавшую его от стадного бюрократа. Такие тоже нужны, и скорее, дефицитны; что и способствовало достижениям в первой сфере. Но в этих же соотношениях таился и зачаток катастрофы.

Для каждой среды существуют свои и не свои. Категория эта не определяется ни поведением, ни занимаемой должностью; она почти иррациональна и осязаемых определенных не имеет. Т. был своим все же в другой среде, совсем не в той, где он проявлял усердие и где интеллигентность не прощали. Не помогают ни старания, ни заслуги. Попытки обойти этот закон погубили многих.

Большие представители среды ему не доверяли, малые завидовали, он раздражал их высокомерием, чужеродными манерами и привычками. Падение с неизбежностью назревало. С разных сторон подстерегали ошибку и, как всегда в таких случаях, дождались. Падение было шумным, с проработками на высоком уровне, с уходом по собственному желанию с ответственного поста. Со всем набором сопровождающих явлений.

После катастрофы в сознании Т. неофициальное начало, разумеется, оживилось. Теперь-то можно было без помех осознать себя пострадавшим борцом за культуру, принимать дань сочувствия и, главное, осуждать. "Такой-то? Ну, что о нем говорить. Темный человек. Просто прихвостень директора. Играет поэтому самую двусмысленную роль..."

Или: "Черт знает что все-таки делают из поэтов! Ортодоксов каких-то. Конечно, я в свое время тоже... Но тогда это было необходимо, чтобы... И не до такой же степени..."

Но тут же старания возратить утраченное, хоть частично. Все то же. В психологическом выражении - жизнь на два душевных дома, и переживаете она не как дурное - лицемерие, обман, а как своего рода правила игры в двух разных играх. Когда-то, помню, это поразило меня при общении с молодыми, преуспевающими писателями 30-х годов (мы были воспитаны иначе). Они же вовсе не чувствовали себя обманщиками. Они просто знали, что литература - эта такая область, вступая в которую нужно врать. Это было свойством, профессиональной принадлежностью данного рода деятельности. Позднее появилась теория, что в официальной сфере моральные нормы заранее сняты (такое условие), а для частной жизни они остаются. Теория эта должна была помочь жить и выжить. Не помогла.

Если человек не прекращен окончательно, то постепенно, со скрипом он возвращает утраченное. Так и Т. понемногу опять завоевывает доверие. Т. конформист по всему своему душевному устройству. Именно это позволяет ему оставаться доброжелательным. Не надо делать зла, но надо соблюдать существующие условия, правила. И, соблюдая, стараться быть хорошим. Бессмысленная фронда этого не понимает - тем хуже для фронды. Фронда раздражает его, потому что пыгается опровергнуть избранное им поведение.

Рассказывал кто-то о нашумевшем выступлении Галича, кажется, в Новосибирске, и Т. сразу сказал: «Да, да, он там в далеких местах сразу распустился. Зато его здорово и стукнули...» Он сказал это с удовольствием и со вкусом. Когда в Секретариате допрашивали давнишнего знакомого - подписанта, он тоже допрашивал, но без снисходительности, но важно и обстоятельно. Что ж, каждая ситуация имеет свои правила. А вскоре самого Т. прорабатывали

на собрании у очень значительного лица, и лицо, подзавав его, не предложило ему сесть. Эта ситуация также имела свои формы.

Частичное возвращение к власти потребовало особых стараний. Опять предоставили возможность возглавить важную комиссию. Оправдать доверие... Уже лицо (другое, но тоже ответственное) сказало, что это хорошо, что Т. возглавил комиссию, что это ручательство за ее работу.

В гостях у приятелей Т. со вкусом, в качестве интересной истории, рассказывал о том, как они в комиссии прорабатывали такого-то. Рассказывал, не стеснясь. Действуют по своим правилам необходимые механизмы, и он нужная часть механизма. Компенсацию тоже надо учесть. После глубокого унижения соблазнительно подержать другого в своих руках - даже добродушному человеку.

Но, оказывается, порядочность - это как лютеранская благодать: осеняет и от дел не зависит. "Приятно,- говорит Т. кому-то по телефону, - возглавлять эту комиссию. Там все собрались вполне порядочные люди".

Действие механизмов все знают про себя и признают для себя; извне же оно не нравиться. Взаимные извне оценки выстраиваются в любопытную цепочку. А со вкусом рассказывает о Б. - как он в угоду вышестоящим пытался провести кого-то в Союз, минуя несговорчивые промежуточные инстанции. "Но мы его, конечно, остановили. Пусть все делается законным порядком". Но о Б. дурно говорит В.: "Нехорошо себя вел Б., когда выносили выговор. Кричал на человека. "Мы его предупреджали..." И причем тут "мы"; говори за себя ..." Но о В. дурно говорит Г., работая с ним в одном аппарате. "Связался с самыми темными людьми. Злостная антиинтеллигентская позиция". Но о Г. говорят после заседания: "Очень странно он себя вел. Говорил, а уверены ли вы в том, что вам надо печататься? А вот Мандельштам выгнал молодого поэта, представившего к нему с тем, что его не печатают". - "Ну, Мандельштам Мандельштамом... А Г.-то как-никак сам хочет печататься ..." Путаются звенья цепочки взаимных осуждений. Разобраться трудно. Ориентиром может служить трехчленное соотношение - общественная функция, поведение, личные свойства - с его несовпадающими показателями ценности. Общественная функция - это результат деятельности, и у Т. результат был положительный.

Функциональная социология утверждает, что социальную роль человека определяют ожидания среды. Но социальные роли - это также формы воздействия на среду. Типология этих форм простирается от очень конкретных определений до самых общих социально-психологических предпосылок; она неотделима от этики поведения, так как свой тип воздействия на среду человек мыслит в категориях ценностей - иначе зачем бы он стал воздействовать?

Организаторы. К этому типу принадлежит описанный здесь Т. Это - деспоты, вожди; администраторы. Сочетающие волевой напор с умением и желанием управлять. Они властолюбивы в большей мере, чем честолюбивы или тщеславны. Этот тип встречается на любых социальных уровнях. Даже среди домашних хозяек.

Обольстители. Это тип проповедника, наставника, актера, очаровательной женщины. Этим нужно непосредственное воздействие. Обязательное переживание прямого, физического осязательного, сиюминутного контакта. Всякая художественная среда кишит самолюбиями. Но нигде все же нет таких адских самолюбий, как в театре. Это потому, что успех свой и соперника там материализован. Он синхронен творческому акту.

Он: измеряется на глаз и на слух, и не оставляет лазеек для самообмана.

Созидатели. Они не хотят управлять, и для них необязательно очаровывать. Волеизъявление их опосредствовано продуктами их творчества и труда. Так овладевают они душами и умами. Нет созидания без упрямства и воли. Но воля бывает порой целенаправлена только на созидание. В остальном они могут быть рассеянны и безвольны. В остальном они могут быть управляемы.

Практически черты этих типов предстают, конечно, в смешанном (иногда до аморфности) виде. Но есть и решающая направленность, позволяющая различать типические формы воздействия на среду (оставляя в стороне всяческую другую типологию личности).

Первому типу (организатор) необходимо активное, волевое воздействие вовне. Поэтому он, в зависимости от различных данных и обстоятельств, дает и деспотов, и революционеров, и администраторов, которые применяются к любым позволяющим действовать условиям. Администраторы не притязают на высокую этическую оценку, а ценность их исторической функции зависит от тех начал, к которым они применились.

Третий тип, тип созидателя более других способен к независимому поведению. Поскольку свою историческую функцию он реализует в самом творческом процессе. Социальная реализация вовне есть необходимое завершение этого процесса; необходимое, но не прямолинейное, не непосредственное. Личные свойства людей этого типа могут быть притом самыми жесткими. Даже должны быть, потому что неизбежен самозащитный рабочий эгоизм.

Второй тип (обольститель) в чистом виде - женская разновидность (в других разновидностях сочетается с чертами первого и третьего типа). Это жажда непосредственного воздействия своим телом и духом; не отчужденными продуктами своего творчества или результатами своих волеустремлений. Непосредственность воздействия сплетена с любованием своим телом и духом, до патологии (нарциссизма) дошедшем, например, в дневниках Башкирцевой.

В тех случаях, когда обольститель одновременно деятель, созидатель, он особенно резко ощущает свою роль, маску, person'u; ему нужно, чтобы им любовались, любителю и он сам. Это может породить поведение стойкое, смелое. Иначе ведь маска распадется.

Вот большой ученый. Один из вождей авангардистской группы в науке, связанной с авангардистской литературой. Таков он по своей общественной функции. По типу воздействия на среду он великий шармер. И это как бы женское начало его натуры, - совмещающееся с твердостью, работоспособностью, дисциплиной. Женское начало - ключ к значению его неповторимых улыбок, к изяществу его страшных полемических реплик, к его горестным сетованиям на то, что вот ему исполнилось уже сорок лет, и к прочему, что в мужчине сбивало с толку, а в женском характере сразу находило себе место. И даже та самая форма честолюбия, непосредственная, актерская. Нужны не высокие звания, не включение в иерархию властей, а другое - физически осязаемый успех, любующаяся аудитория.

Он встречает гнев учеников улыбкой, в неопределенности которой не раз имел случай убедиться, а возражения противников - справками из своей биографии. Доказательства - верхний слой, а под ним толща шарма, нескромной и неотразимой игры фактами личного бытия.

Женское начало: прелесть автобиографических реминисценций, простодушная

небрежность в обращении с теми, кто любит, и отвращение к горечи, накопившейся в этой любви, и желание заменить всех новыми, легкими людьми, без горечи, без претензий и путаницы застарелых умолчаний. Все это, переключенное в регистр отношений: учитель - ученики.

Личные свойства... Что ж, личные свойства, присущие шармерам-созидателям: холодность, жесткие реакции на запредельное их созиданию. От равнодушия к людям - неразборчивость. Не все ли равно? К пошлякам их даже тянет.

Зато поведение общественное - единственное в своем роде. Поведение было возведено в осознанную историческую роль. Ценою лишений и риска платил он за то, чтобы сберечь person'u. Это был истинно бесстрашный человек. Что не противоречит натуре - избалованные женщины бывали порой особенно бесстрашны. Собрание. Ритуальная формула председательствующего: «Кто за? Кто против?» Никого против. Единогласно. И вот почти в нулевом промежутке между «никого против» и «единогласно» он поднимает руку - один в задержавшем дыхании зале. Позднее ему стали нравиться должности и знаки отличия. Но относился он к ним отчасти как к игре или к экзотике, то есть к чему-то, ему не подobaющему и поэтому для аудитории занимательному. Игрушки эти ему то давали, то опять отбирали. Когда давали, - тщеславились; когда отбирали, у него тут же, всегда наготове, было его великолепное упрямство. ТТ. тоже ученый новой формации и большого размаха. Но это уже другое поколение. Разные были судьбы людей этого круга и поколения, его сверстников и товарищей. Среди них были люди исследовательского склада и высокого напряжения, которые при всех обстоятельствах продолжали работать про себя, потому что не могли иначе. Другие, того же склада, но слабого напряжения, заторможенные, растворялись в общей нереализованности.

У ТТ. как раз было двое друзей, научно и человечески очень близких, которые воплощали собой оба эти типа. Они являлись втроем любопытную градацию применения возможностей.

ТТ. был из тех, кто от бездействия физически болен, реализацию же мыслит только вовне. Но ТТ. - это особое, сложное психологическое устройство. Он тоже был из числа обольстителей, только просветительского, ораторского типа - учитель, проповедник. Он писал коряво, а говорил стройно. Он сам утверждал про себя, что думает - когда говорит, и что истинное его признание быть проповедником. Оратор в нем скрепился с организатором. Он не мог бы удовлетвориться любованием аудитории. Он хотел вести за собой, управлять, овладевать душами и умами. Та же нервная возбудимость, обращенность вовне порождали интерес к чужой жизни, сочувствие, но только к находившимся в орбите его воздействия (ученики); к прочим он относился благожелательно (как человек, скорее, добрый) и равнодушно.

В науке ТТ. начинал вольными мыслями, авангардизмом. Когда же он понял, что действовать и воздействовать можно только в узаконенных формах, он эти формы принял и по своей необузданности в их применении не знал ни удержу, ни разбору. А сквозь них продиралась мысль... Сильная мысль, огромный исследовательский темперамент мучительно не прилаживались. Воля к воздействию уходила в бюрократические игры, чреватые гибелью.

Если бы шармер дожил до Ренессанса, он с удовольствием занял бы место патриарха, окруженного почитанием, тем осязаемым

любованием его личностью, которое и есть суть отношения шармера со средой. ТТ., забыв начисто свои уступки, вернулся бы к первоначальным средствам восхищения умов.

Другое дело Т., не шармер и не ловец человек. Он администратор, и ему нужно занимать положение. Он администратор способный, поэтому положение он хочет занимать добросовестно, профессионально, с пользой для дела. Занимающему положение сановнику незачем ни возбуждать личное восхищение, ни владеть ни умами - он к этому и не способен. Но то, к чему человек не способен, раздражает его, вызывает сопротивление, сознательное и бессознательное. Отсюда косность, которую Т. проявляет, устно и печатно. Он даже не заметил перемены, совершающихся процессов. Остался при наборе, от которого уже отказались самые отъявленные. Все удивляются, а в сущности, оно понятно.

Три личности положительной исторической функции и разного поведения, разного соотношения между поведением и свойствами человека.

ТТ., при личных свойствах, скорее, доброго человека, присуще поведение отрицательное, потому что ему во что бы то ни стало нужно активно владеть средой. А это оказалось возможным только в казенной форме. Губительная смесь мыслей с официальными формулами.

В структуре сановника (тоже неплохой человек) к подобному поведению приводят противоположные причины - отсутствие интереса к духовному воздействию, порождающее косность позиций.

Если установить последовательность: функция - поведение - личные свойства, то получается:

+ - +
+ - +

Разумеется, это схема грубо функциональная, игнорирующая действительные сплетения душевной жизни.

Устроили как-то дружескую встречу старики, поминая молодость 20-х годов.

Спели свою студенческую песню. Выпили.

Из тех, кто сидел за дружеским столом, двоих прямо подозревали... Может быть, и напрасно. Сидели за столом - и издательский комбинатор, и усердный чиновник, и цветисто умильный литератор. Лучшие из присутствовавших только применяли формулы - кто побольше, кто поменьше.

Пели про стойких, хвалили смелых. Играя отраженным светом, испытывали удовольствие от собственных похвал.

Механизм этот выше мною уже описан. Служившим, халтурившим, спекулировавшим - всем показалось, что за этим столом они возвращаются к собственной сущности, спихнув за скобки ну то, без чего просто нельзя было жить, и чем они жили лет сорок.

Как человек любит быть хорошим, когда это для него удобно!

Путаница. И в путанице мерцает представление о собственной исторической функции. Они издатели неодобренных погов, о которых они невесть что писали в предисловиях, но издавали... Они ученики великолепных ученых, от которых отрекались, но у которых научились... Отрекались же изнутри, с пониманием.

Вот она где, черта, отделяющая человека, с которым мы садимся за дружеский стол, от человека, с которым не садимся, который без понимания, и не поет о стойких и смелых.

Ездили к Анне Андреевне. Шел дождь, оставили машину у самой калитки. За оградой, посреди куска густого, молодого бора с седым мохом, в котором и впрямь торчали в одном месте четыре шоколадные шапочки собственных ахматовских боровиков, стоит там зеленая "будка" Анны Андреевны. Она сидела за столом на веранде с пришпиленными полосатыми занавесками по стеклам, с разнокалиберной мебелью и разным чемоданно-раскладушечно-тряпичным хаосом по углам. Она была в светло-сером своем платье, с белой шалью с кистями, в черных бусах,

чтобы она прислала для перевода новые стихи, новое издание поэмы, статьи о Пушкине, автографы и прочее. "Это же просто жулик, он ничего не знает из моих стихов" - а предложение было чисто деловым, только явно безнадежным, так как нельзя же пересылать за границу ненапечатанные у нас рукописи.

"Ничего они не понимают и не знают, был тут американец, решил откуда-то, что у Мандельштама была дочка Липинька, Люлинька, - какие дети, - у Нади вовсе не было детей. Я его спросила про "Поэму", она уже была напечатана в Америке. Он сказал, что не читал ее еще. Вранье, говорит так, потому что ничего не понял".

Я сказала: "Поэма" трудна для них, и не

Елена ЛОПЫРЕВА

Еще о Пушкинских местах, где она никогда не бывала, о том, что Пушкин очень русский. Что какой-то Миндлин написал воспоминания о Мандельштаме и "выдумал целыми кусками разговоры, которых не было", и Надя (вдова) должна теперь же это прекратить".

Так негодовала и бранила, а сама улыбалась и очень была довольна всем.

Публикация
Андрея БЕРКОВСКОГО

У АХМАТОВОЙ

ИЗ ЗАПИСЕЙ 31 АВГУСТА 1962 ГОДА. КОМАРОВО

обыкновенно и удобно неподтянутая, без вставных зубов и в (удобно) заколотых волосах - впрочем, все это весьма красиво и к лицу. В ней это есть - она, наверно, так про себя и думает: "Буду я себя стеснять - вот еще!" Сидела довольная - гости приехали, да и вообще понаехали в дом разные женщины и мужчины, что-то делают по хозяйству нужное, которого она не умеет и без которого теряется и беспомощнеет сразу. Кто-то уезжает - сообщила ей молодая ее гостя в брюках, - но "кто-то другой будет жить до пятнадцатого". А ей, странной богемной даме, только и надо обеспеченности "даждь нам днесь". Выспросила нас учтиво, что и как, и видно, что ждет не дождется, когда дойдет до настоящего - до стихов и поэтов.

Потом принесла книгу в картонном футляре - изданные в Италии ее стихи en regard* с итальянскими переводами. Книга красиво издана и переведена грамотно. Она сердилась - зачем дана канва жизни - "стыдно как, впервые такое читаю и все глупости, неверно". Выбрала составителя - "ведь это же цикл, и все перепутали". И так, видимо, довольна книгой при всем при том. И с удовольствием внимала хвалам по поводу старых стихов.

Принесли также письмо из "Международной книги". Письмо пересказывало предложение одного американца, который хотел,

только для них, - нужен ключ к ней".

- "Какой ключ, никакого ключа нет". Потом подумала и сказала:

- "Поэма" написана так же, как и Маяковского "Облако в штанах". Нет здесь, нет классицизма. Тут, как и в "Облаке в штанах", и время, и люди, только связи незаметные, как нити паутины, а сюжета и развязки нет, Нет, какой же классицизм!"

Очень возмутилась, что в какой-то статье в Америке или в Италии, или у того же ее собственного шведа написано о письме Блока к ней, как он писал, что "не надо ни кукол, ни "экзотики", и что-де "вероятно поэтому-то после этого письма Ахматова изменилась в стиле". Это от письма Блока, которого мы не считали больше за живого, считали мертвецом". И тут же непоследовательно - "мы не ожидали, что он может потребовать живой жизни, что он не вовсе мертвец".

"Зачем в статье (Македонова), приговоренной для издания Мандельштама, так много о Блоке, ведь известно, как Мандельштам относился к Блоку, Мандельштамовы "хруст сторублевок", "мне не плясала цыганка" - это ответ на Блокское "Эх вы, сашки-канашки" (в "Двенадцати"). Еще о "Поэме" говорила, что там есть еще поздний, трагический Гумилев ("Заблудившийся трамвай"). И что лучше всего о "Поэме" говорил Берковский "в тот вечер, когда горел костер", "то ли что начало на танцевальных ритмах". "Жаль, что не записано". А он и сам не помнил.

Автор публикуемых записей Елена Александровна Лопырева (1904 - 1983) известна как специалист по романо-германской филологии, переводчик произведений английской и французской литературы; ей принадлежат исследования о карельском эпосе «Калевала», русских народных песнях, французской народной сказке и др. Жена и помощник знаменитого ленинградского профессора и литератора Наума Яковлевича Берковского, Елена Александровна на протяжении многих лет поддерживала знакомство с Анной Андреевной Ахматовой и вместе с мужем бывала у нее в гостях, чаще всего на даче в Комарово, где с конца пятидесятых годов Ахматова проводила обычно свои летние месяцы. Об одном из таких посещений вместе с Н.Я.Берковским и говорится в записях Е.А.Лопыревой от 31 августа 1962 года, извлеченных из ее домашнего архива. Записи эти не предназначались для публикации, они сделаны быстро, свободно, «для себя», и кое-какие подробности требуют дополнительных пояснений.

Полное название «Поэмы», о которой идет речь, - «Поэма без героя» - одно из центральных произведений Ахматовой, она возвращалась к поэме на протяжении четверти века почти до конца жизни. К осени 1962 года «Поэма без героя» еще не была завершена; в это время создавалась новая ее редакция, отрывки и варианты из поэмы, тогда не опубликованной в России, Ахматова читала в кругу близких друзей и знакомых.

Письмо А.А.Блока к молодой Ахматовой по поводу ее ранней поэмы «У самого синего моря» от 14 марта 1916 года содержало, в частности, такой совет: «... не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестными; надо еще жестче, неприглядней, больнее. - Но все это - пустяки, поэма настоящая, и Вы - настоящая» (А.Блок. Собр. соч. в 8-ми томах. Т.8, Письма, М.-Л., 1963, с. 459).

Статья Андриана Владимировича Македонова о поэзии и судьбе Мандельштама предназначалась для несостоявшегося в шестидесятые годы издания стихотворений Осипа Мандельштама в большой серии «Библиотеки поэта»; Анна Андреевна Ахматова и Надежда Яковлевна Мандельштам читали эту статью в рукописи.

Воспоминания Эм.Миндлина, которыми была недовольна Ахматова, вошли в книгу: Эм.Миндлин. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. Изд. 2-е, М., 1979, с. 86 - 107.

К многочисленным, пространственным и не всегда достоверным воспоминаниям современников об Ахматовой записи Е.А.Лопыревой добавляются несколько новых, точных и вполне документальных штрихов.

А.Н.

*En regard (фр) - перевод, напечатанный на параллельных с оригиналом столбцах.

Как ни странно, но Виктора Борисовича Шкловского - самого самобытного, своеобразного, ни на кого не похожего, парадоксального писателя начала века - я увидела и услышала впервые тогда, когда он обучал классической формуле построения литературного сюжета. Это было зимой 1920-21 года в Доме искусств, на Мойке, в Ленинграде.

В те годы я занималась в поэтической студии при Доме искусств и постоянно бывала там. Нашим мэтром был большой поэт - Николай Степанович Гумилев.

словами: "Предлагаю предоставить слово самому виновнику сегодняшней встречи".

Я и мой муж, Басалаев Иннокентий Мемнонович, литератор, сотрудник журнала "Звезда", пришли на этот вечер, чтобы послушать и запечатлеть, сохранить для будущего выступление автора книги. Стенограмма не велась. И мы оба старательно записывали его. Эти записки сохраняют манеру говорить писателя: рисуют его личность, непредсказуемый поворот его мышления, своеобразный язык.

В.Шкловский, вставая с бокового места и идя к столу, в центре комнаты, размышляя вслух, начал так:

"Что говорить о книге? Надо рассказать с самого начала. Все началось в этом городе,

Ида НАППЕЛЬБАУМ

Поливанов. Кто такой Поливанов? Потомок Лобачевского. Вот он учится в Рижской гимназии. Однажды гимназисты гуляли и заспорили о смелости и храбрости. Поливанов утверждал, что положит руку под поезд и не отвернет. Кто-то крикнул: "Колья трус!" Поливанов положил руку на рельсы. Прошел поезд. Руку отрезало. "Самое интересное, - рассказывал он мне впоследствии, - извозчики шарахались, увидя, как я нес в другой руке за пальцы отрезанную руку". Потом он учился в Университе-

ОДИН ВЕЧЕР В ЛЕНИНГРАДЕ

Однажды, узнав, что в тот вечер для группы молодых прозаиков "Серапионовых братьев" будет вести лекцию Виктор Борисович Шкловский, я тоже пришла в соседнюю комнату, чтобы послушать этого уже известного писателя. Оказалось, что темой его беседы было размышление о классических законах построения литературного произведения. О развитии сюжета. Он как бы давал план работы: вначале, мол, экспозиция, затем развивается тема и ведется к кульминации. Затем пик сюжета, основная идея вещи, и за ней идет падение, развязка. Конечно, могут быть исключения. Как пример называлась пьеса Леонида Андреева "Катерина Ивановна". В ней пьеса начинается с кульминации, с выстрела. Затем сюжетная лента разворачивается в обратном направлении. Шкловский как бы поучал молодых писателей "грамматике", чисто формальному построению произведения.

В наши дни, оглядываясь назад, видишь, как сам он, Шкловский, не следовал этим канонам, а, наоборот, в своем творчестве был образцом свободного обращения с литературным материалом. И в своей прозе, и в киноработах, и даже в статьях.

***

Но вот прошло множество лет. Декабрь 1960 года. И я вновь пришла послушать В.Б.Шкловского. Собственно, предполагалось обсуждение его книги "Художественная проза. Размышления и разборы" (1959г.). Это происходит в Ленинграде, в Доме писателя им. В.Маяковского. Но обсуждения не получилось. Собрание вылилось в блестящий монолог самого писателя.

Мы сидели в Красной гостиной. Виктор Борисович пришел с женой, Софьей Нарбут и с дочерью Б.М.Эйхенбаума, Ольгой Борисовной. Виктор Борисович начал с того, что упрекнул ленинградских писателей в том, что прошла годовщина со дня смерти Бориса Михайловича Эйхенбаума, а Союз никак не отметил эту дату. Он сказал: "Сорок лет он читал нам лекции. А прошел год, и вы не устроили ни вечера, ни доклада. Что вы сделали? Чем вспомнили его? А ведь он умер в этом самом Доме, в Большом зале на авторском вечере поэта Мариенгофа. Выступил, сошел с эстрады, сел в первом ряду и умер..."

Здесь он перебил себя и радостно приветствовал вошедшего с опозданием М.Слонимского. "А вот и Миша!" - и направился он навстречу другу, представителю "Серапионовых братьев".

Обсуждение открывает Анатолий Горелов

еще в Петербурге, в 1918 году. Началось со споров. Нам надо знать, в какой обстановке все происходило. Еще никто не предвидел будущего. Дарвин в своей автобиографии писал: "Трудно увидеть то, что надо увидеть". Студентом-натуралистом он был послан собирать окаменелости в одной долине: но он не увидел тогда самой долины, не оценил, только впоследствии понял ее значение для его работы. (Ходит от одной стены гостиной к другой.)

Надо представить себе, как это все происходило тогда на улице Антона Рубинштейна (тогда Троицкой улице) - в маленьком театрике в 13 году: выступал Владимир Владимирович Маяковский. Оппонентом его был Блок. Некоторые из вас Блока видели: темнотлицый, светлоглазый. Спокойно говорил. Говорил, будто читал написанное на стене. Мы были талантливы, но не были гениальны, как он. Блок понимал Маяковского, хотя и не любил. Он говорил: "Маяковский, я чувствую вашу талантливость, но вы неинтересно рифмуете: булкая - булку я! Это плохая рифма. Это не поэзия".

Время идет. Мы быстро проходим сквозь годы. Когда я в Ленинграде, я вспоминаю. Все дома для меня наполнены воспоминаниями. Теперь все изменилось и даже медные дощечки на дверях позеленели и разрушились. А тогда у нас был азарт. Мы были смелыми, мы были полны веселости сотворения мира. Один известный ботаник говорил: степь нуждается в вытаптывании ее дикими зверями. Мы родились, чтобы переделывать мир. Революцию трудно делать. Революция нуждается в разрушении старого. Но революция - это и купель. В этой купели и исцеляются. Революция изменяет людей, изменяет и тех, которые не согласны с ней. Молодежь всегда идейная, самая полезная. Если же не знать, зачем переделывать мир, зачем тогда рождаться! Надо идти к этой радости познания. Я радуюсь, я сам принадлежу к тем, "кто посетил сей мир в его минуты роковые: его призвали всеблагие, как собеседника на пир".

В те годы существовали три группы лингвистов. Только сегодня мы усвоили: чтобы понять прошлое, надо знать прошлое. В группе работали: Поливанов, Якубинский и Жирмунский, хотя он уже был почтенный, носил звание приват-доцента. На собрание ОПЯЗа раз приехал Блок. Он послушал наши высказывания, а потом сказал странно и печально: "Я первый раз это слышу. Но все, что говорилось здесь, это для художника, для поэта - вредно".

те у Бодуэна де Куртенэ. Изучал языки. Кроме европейских, он знал китайский, японский, карельский, финский, эстонский. Он был у нас в ОПЯЗе. Он говорил мне: "Ты - лингвист, ты даже что-то понимаешь".

Так будем теперь думать. Мы не додумали, мы просим всех жить дольше нашего. Будем думать - познаваема ли жизнь, или мы познаем лишь системы.

Поэзия освежает жизнь, освежает наше восприятие мира. Но вот представим себе наше механизированное будущее. Все будут делать машины. Машины будут ходить стадами. А кто будет познавать мир? Мы и есть глаза мира. Я старался по-своему объяснить мир и ошибался. Я буду писать книги, а вы обсуждать их. Надо говорить о совести художника. художник - это секунданта мира.

Я знал старика Гауптмана. Он не знал Пушкина, но знал Блока. Его "Скифы". Он говорил, что Россия отвечает за мир. Художник видит трудные задачи и по-своему решает их. Большая часть запрещенных книг не написана.

Это время напоминает мне грозу. Молнии сверкают, их не слышно. Это так же, как вытряхивают пыльный коврик.

Вспоминаю Сергея Михайловича Эйзенштейна. Коротконогий, с высоким лбом, всезнающий, умел шутить. Было задание: сделать картину о 1905 году, на любую тему, но конец не должен быть гибельным. Так возникли "Броненосец "Потемкин"" и "Мать". Мы пришли в кино почти на пустое место. Нас встретили захлапленные помещения, заржавленные машинки, в зубах машинок торчали старые куски дореволюционных сценариев. А через три года была создана новая кинематография.

Вы помните лестницу в "Броненосце"? Ноги солдат, все убыстряющие шаг, женщину на лестнице? Потом снимали "Октябрь". Это было рядом, на набережной. Нева была запружена дровами, разгружали барки, и, освобождаясь от дров, они подымались, вырастали из реки. Дрова тогда стоили семь рублей за сажень. Начали снимать. Эйзенштейн заложил в один из залов Зимнего дворца ракету. Она, как и положено было, взорвалась. Полетели стекла, лепные украшения, карнизы. Пришел старый капельднер дворца и сказал: "Когда ваши брали Зимний, они меньше били". Показали картину Надежде Константиновне Крупской - она не понимала кино, но понимала революцию, и она сказала: "Посуда никакой роли в революции не играла".

На большом мосту через Неву положили женщину с пышными, распущенными волосами - женщины тогда ходили нестриженными, я, может быть, доживу и увижу их опять нестриженными! - мост стали разводять, волосы женщины зашевелились, тело ее лежало на одной половине моста, а волосы - на другой. К сожалению, кусок этот не вошел в картину. Помните, там еще пролетка была и мертвая лошадь лежала. Словом, я хочу сказать: удача бывает тогда, когда смысловой ключ попадает на нужное место. Так вот желаю вам удачу.

Что еще сказать? Еще одна вещь. За последнее время меня не ругают даже в рецензиях, видимо, считают, что я подлежу консервации, что я заболел. Но я не заболел, я устойчив. Я работал еще при жизни Горького. Вот сейчас пишу воспоминания. Но многое забылось. Как вспомнить?

Надо самому взглянуть. Вот хожу по Ленинграду. Вот мост. Тогда он был деревянный. Дальше улица. Там жил Алексей Максимович. Зима. Дров нет. Он наблюдал из окна, как напротив мальчишки ломали дом, и восхищался. Мальчишки лестниц не ломали - они были им нужны: по ним они спускали доски и балки. "Организованный народ!" - говорил Алексей Максимович. Мальчишки, действительно, чисто сломали дом, как будто сдуло его. В комнате Горького стояла изразцовая печка. Труба накалялась и становилась малиновой.

Горький в старом пиджаке, рукава в чернильных пятнах. Поверх накинут китайский халат. Пишет. Распределяет академические пайки. Они тут же, в мешках. Все ходят по черной лестнице. Тогда везде ходили по черным лестницам, а парадные были закрыты. Закрытыми они оставались еще

лет десять. Вот поднимается по этой лестнице Глазунов. Все знали его толстым, оплывшим. А тут похудевший до того, что просторный сюртук на нем висит. Он запахивается им. Глазунов пришел, чтобы сказать Горькому: "Нам требуется еще один паек". Горький спрашивает: "Кому? Сколько лет?" - "Пятнадцать". - "Скрипач?" - "Нет, композитор". - "А вам нравится?" - "Совсем не нравится. Это первая партитура, которую, когда читаю, не слышу". - "В чем же тогда дело?" - "Это его музыка". Это было сказано о молодом Шостаковиче. Помню, Шостакович получил этот паек и увез его на ланоман, без днища, опрокинутом стуле, превратив его в салазки.

У Горького есть два рассказа. Один из них называется "Садовник". Действительно, жил тогда тут садовник. Он всех учил: "Не так делаешь!" Даже если бы наступил Страшный суд и затрубила труба, то он и тогда бы сказал: "Ты трубу сначала почисти!" Другой - в пьесе Горького "Егор Бульчов". Есть там трубач. Его призывает к себе умирающий купец Бульчов и велит трубить. И тот трубит, вспоминая весь дом. Зовут его Гавриил. Это не просто - за ним стоит большое понятие. Это тот самый архангел Гавриил, который, по преданию, трубит на Страшном суде. У Горького он трубит не о нас, не нас он жалеет - он радуется, что все кругом рушится, он познает мир. Есть разные способы познания мира.

Я хочу везти баржу искусства - блоковскую, маяковскую, есенинскую. Я пишу вдохновенно. Я хочу судить жизнь, я не собеседник на пиру, а тот, кто там овощи носит, посуду моет. Помню выступал Луначарский. Я сидел в первом ряду. На

Луначарском были старые брюки, потертые, запачканные, с бахромой.

Горячо споря, он бросил на ходу, в упор, в меня: "Ну вот скажите сразу, на кого я похож?" Я ответил: "На редакционную корзину!" Он хмыкнул, пробормотал: "Остроумно!"

Еще хочу сказать о кинематографе. Я долго болел им. Это ведь, знаете, какое дело: вход - рубль, выход - десять! В кинематографе трудно работать. Вот поставили "Воскресение" Толстого. Но как поставили? Так сделано, будто автор жалеет именно ее, Катюшу Маслову. А вы помните, как сказано это у Толстого (цитирует на память). Он жалеет всех, весь этот протитущий мир, осуждая порядки. Не на том ударе сделано.

О чем говорить? Очень хочется вспоминать. Особенно белые ночи. Я много ходил в белые ночи. Досмотрите белые ночи - досмотрите не досмотренный мною город. Мы ходили втроем - Тынянов, Эйхенбаум и я. Мы были молоды. Однажды мы хотели влезть на Медного всадника. Никак не могли. Но я догадался: снял ботинки и влез...

Ну, я устал! Все.

Никто не бросился к вешалке. Обступили его. Стояли. О чем-то спрашивали. Благодарили. Чувствовали себя переполненными огромным духовным миром Шкловского.

Однажды Виктор Борисович в частном разговоре сказал о себе: "Я гейзер, а пора уже стать рекой". Но он не мог изменить самому себе, острее познания мира, остановить стремительный бег своей мысли, и остался для всех неповторимым.

Дуся, Сережа. Простите меня, я не смог приехать, послать телеграмму. Измучен я тем, что книга об Эйзенштейне застряла в цензуре, тем, что Ираклий Андроников не написал 15 страниц предисловия к собранию сочинений. Книга выпала из графика. Мне 80 лет без трех месяцев, а я человек без своего места в жизни и сердце содеет, я не могу стоять у гроба... Не люди уходят, ушла жизнь. Была у нас большая веселая стая. Любили мы Мишу. Нет нас. Живые не ошиблись. Они забыли себя в жизни, как прежде забывали калоши в передней.

Я очень люблю Мишу. Его тихий голос. Спокойное неприятие зла. Любовь к лите-

к Юре (Тынянову - прим. наше!), к Боре (Эйхенбауму - прим. наше!), к Зоценко, к Мише, но все проволоки, все нити, все дороги заросли, засыпаны. Осталось одиночество. Я уже не жду, что кто-нибудь ко мне придет. Не перед кем говорить, меня в мире прочли, тогда, когда я уже не мог обрадоваться. Дорогая Дуся, трудно умирать. Сережа, трудно жить одному. Трудно как кузничком под трактором жить в колючей траве. Я не смог приехать. У меня нет сил нести это горе. Я еще бреюсь, но не начинаю новых книг. Душа замощена злым камнем. Петербург. Нева. Миша. Неверный Горький. Бедный Иванов. Каверин, который сам себя

ПИСЬМО И.И. И С.М. СЛОНИМСКИМ

ратуре, к книге и спокойное неприятие соблазна зла. Хотел ехать, был убежден, что поеду, доктор не пустил. Не думайте, что я бессердечен. У меня полсердца. Это называется «блок ножки» или «левостороннее сердце». Сердце уже отболело, ушло, достучивает свое вполголоса. Скоро уйдет. И мне некого и нечего ждать. Есть у меня один только внук. Миша счастливей, у него Сергей Слонимский. Я перестал уже гулять. Отвык плакать. Перестал спорить и добиваться правды. Нет Серапионов, нет Опояза, нет кино. Оторвались все нити. Дусенька, девочка, я помню Вас девочкой. Помню начало любви Миши, помню как он боялся пойти к Вам, сказать о любви. Мы были рождены для продолжения русской славы. Мы очень любим, любим из старости, из могилы свою родину. Но родина не видит нас. О Мише будет помнить родина через десятилетия? Человечество так занято злом, что не может читать. Темный конь Слонимского уплыл через Вислу. Дусенька, у Вас сын, у сына море музыки, у Вас дыхание жизни в квартире. Я совсем одинок с Симой. Когда я плачу, я хочу писать

обманывает. Федин, заклеенный склерозом. Прощай, прощай, прощай жизнь. Я любил тебя. Тебя нет. Прощайте, слезы. Даже Пушкин, прощай. Миша Слонимский, дорогой брат. С кем я буду молчать теперь. Кого буду вспоминать, когда идет дождь как, в Питере. Какая злая, долгая жизнь. Прощай Мойка, Невский проспект, прощайте надежды на то, что наш голос слышен. Я почти не пишу! Боже мой, сколько живого для меня умерло с Мишей. Нет меня для отчаяния. Могу еще, могу говорить, не могу слышать. Дуся, дорогая, как тяжело. Крутая лестница без лифта досталась Вам, светлы окна на двор. Только Сережа, только (наше море?), которое я, может быть, уже не увижу. Больно жить. Больно помнить, жизнь уплывает, как берег, уплывая без Питера, без дорог. Целую Ваши руки. Мы никогда не говорили долго, понимали друг друга. Запустил Питер, Петербург, Петроград, нуст Ленинград. Какую бумагу положить перед собой, чтобы писать и нет, нет - молодости, чтобы говорить, чтобы с ней (надеяться?). Мне не с кем плакать. Прощай, Казанский собор, и тот го-

род, который меня вырастил. Прощай, канал Грибоедова, прощай, Миша Слонимский, питерская семья. Я верно и честно, и долго <...> любил Михаила Слонимского. Как долга старость. Целую. Простите мою старость. Где похоронен Миша? Не бросайте меня. Ответьте. Сима Вас целует. Мы хотели ехать вместе.

Ваш Виктор ШКЛОВСКИЙ
1972, 11 октября.

Письмо отправлено из Москвы в Ленинград 11 октября 1972 года, через несколько дней после похорон ближайшего друга В.Б.Шкловского - Михаила Леонидовича Слонимского, его вдове - Иде Исаковне и сыну - Сергею Михайловичу, уже известному музыканту. (Хранится в семейном архиве Слонимских.)

Последний раз я был у Михаила Дудина в конце июля 1993 года. На телевидении предложили сделать передачу о его новых стихотворениях. Надо было встретиться, поговорить, послушать поэта.

Дорогу на Малую Посадскую, где он жил, знал хорошо. Сколько раз за четвертьвековое знакомство и дружество с радостью ходил сюда! Знал, что непременно будет праздник общения.

Никаких мелочей! Никаких околелитературных сплетен, на которые так падка наша братия. Только о написанном, о том,

творений «Дорогой крови по дороге к Богу». Прочитал добрую половину стихотворений.

Впервые в разговоре прозвучала печальная нота: - Сделал книгу и уже оформление готово, а кому отдавать? Боятся издательства: недоходное нынче дело - поэзия.

И словно отмахнувшись от грустных мыслей, достал маленькую книжечку - на ладони уместилась, - изданную в Пудожии. Я знал, что в свое время Дудин помог возрождению церкви в тех местах, теперь на церковные средства издали сборник его новых стихотворений.

Я перечитал их уже после ухода из жизни автора. Щемяще зазвучали строки:

Владимир ЛАВРОВ

И уже когда прощались, достал книгу в белом переплете: - Видели? Нет? Тогда дарю. Берегите ее - очень редкое издание.

Это была книга армянского критика и литературоведа Левона Мкртчяна «Для человека ход времен печален...» Штрихи к портрету Михаила Дудина (Ереван, 1992).

Книга, действительно, редкая, уникальная. В аннотации к ней сказано, что напечатана она автором, «не за счет автора, а самим автором» (оформление, набор на ком-

«НЕЗАМЕТНО К ПОСЛЕДНЕЙ ТОЧКЕ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ СТРОКА...»

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДУДИНА

где был, что видел, что прочитал. Он умел - редкое качество! - радоваться успеху другого как своему. И не только хвалил, но непременно читал новинку. То главы из поэмы Давида Кугультинова «Бунт разума», то новую подборку стихотворений Глеба Горбовского. Жадно следил за периодикой. Помню в его руках свежие номера «Иностранной литературы»: - Обязательно прочитайте роман Маркеса «Сто лет одиночества». Такого вы еще никогда не читали.

Все время возвращался к классике, особенно к любимому Бунину. К его стихотворениям и прозе:

- Садитесь поудобнее. Я прочитаю вам «Ночь».

И когда кончил: - Вот такое бы написать, можно и умирать спокойно. Но ведь никогда не напишу.

В последние годы не расставался с «Философией общего дела» Николая Федорова. Купил, истратив все деньги, опубликованное в Финляндии репринтное издание полного текста этой удивительной фантастической и пророческой книги. А рядом столь же полубившийся сборник философских работ Ортеги-и-Гассета...

И вот в первый раз я шел к поэту с чувством внутренней тревоги: уж очень тяжелые настали времена. Боялся, что поэт начнет сетовать на трудную жизнь, на развал издательского дела. Словом, услышать от него все то, что говорят в метро, в магазинах, в редакциях. И не будет такого привычного праздника общения.

Я ошибся. Михаил Александрович встретил меня у своего дома.

Такой же, как всегда, подтянутый, элегантный, легкий: - Я знал, что вы сейчас подойдете, вот и вышел на улицу.

А как только поднялись в квартиру, оказались в его светлом, солнечном кабинете, сразу стал рассказывать о недавней поездке в Ярославль на Некрасовский праздник, о том, что на обратном пути был в Костроме, и, конечно, в Иваново. Съездил в Вязовское, где на старом погосте, рядом с белой церковью похоронена мать, Елена Васильевна.

Достал рукопись новой книги стихо-

«Незаметно к последней точке поворачивается строка»; «И душа ничего не просит, покидая земную вервь»; «И сердце бьется, бьется, бьется и - умирает от любви»; «Есть торжество и таинство рождения, риск Жизни и Свобода умереть»; «Смерть не погибель творческого духа, а перевоплощение естества».

В последнюю встречу читал мне Дудин свои переводы из Абая. Собрался в Казахстан - там эти переводы готовились к печати. Увлеченно рассказывал о судьбе и творчестве поэта. С таким же увлечением в свое время он говорил мне о Бараташвили, Исаакяне, Эдит Седергран - поэтах, которых переводил, выделяя чувство родства и близости.

пьюторе и размножении на ксероксе) и НЕ рассчитана на широкий круг читателей - тираж 50 экземпляров.

И очень жаль, потому что для «широкого круга читателей» она была бы интересной. Сужу по себе. Сел в парке, рядом со «Стерегищим», чтобы перелистать книжку, и не встал, пока не прочитал от начала до конца. И было такое чувство, что продолжил разговор с поэтом.

Вот страницы из книги-дневника, написанного армянским другом питерского поэта.

«...15 декабря 1975 года. Зал заседаний Большого Кремлевского дворца. Первый день работы IV съезда писателей Российской Федерации. Меня, как гостя из Армении, пригласили в президиум съезда. Здесь же, в президиуме, чуть поодаль сидят Михаил Дудин и Кайсын Кулиев. Получаю написанную им записку:

*Уважаемый Левон,
Ты прекрасен и умен
И снаружи и внутри,
И откуда не смотри...*

Был удостоен эпиграммы Дудина Михаил Соколов, автор романа «Искры»:

*«Искры» гаснут на лету,
Не достигнув леты.
Вот, товарищ Соколов,
Все твои приметы.*

Это было написано сразу после выступления означенного Соколова в прениях. Он, в частности, попрекал Бориса Полевого: "А ведь вы, товарищ Полевой, их (Евг.Евтушенко и Андрея Вознесенского - Л.М.) сами вырастили".

В перерыве мы с Дудиным прогуливались в фойе Кремлевского дворца. Навстречу нам шел Михаил Соколов.

- А вот и сам себя вырастивший Соколов, - улыбнулся Дудин,»

«... - Знаете, - спрашивал Дудин, - как арестовали Ярослава Смелякова во второй или в третий раз? Он издал книгу «Кремлевские ели». Какой-то мерзавец сказал: «Кремлевские ели, а остальные голодают».

« - Михаила Зошенко не печатали. После долгого перерыва, - вспоминает Дудин, - в «Новом мире» напечатал его «Парти-

занские рассказы» Константин Симонов. Встретил я Зошенко и спрашиваю, как дела.

- Да вот Симонов напечатал мои рассказы и гонорар прислал. Большой гонорар. Я вот два пылесоса купил.

- А зачем вам два пылесоса?

- В случае чего один пылесос можно продать, - ответил Зошенко».

«...Зашли с Дудиным к Гранту Матвеевскому. Грант и Дудин хорошо беседовали.

Грант сказал, что русские взяли форму французского романа и вложили в роман совесть, русскую страдающую совесть, получили великий русский роман...

Дудин увидел у Гранта однотомник Торнтон Уайлдера.

железнодорожных составов потрясла Дудина. И как бы без какой-либо связи с увиденным он вдруг сказал:

- Знаешь, «Марш победителей» навеян событиями в аэропорту Звартноц.

Весь мир объемлет сразу

Смертельная тоска.

Выходят по приказу

Конвойные войска.

Идут железным строем

С редута на редут

И время под конвоем

В Историю ведут.

Их постоянный спутник -

Решиительный успех.

Весь мир для них - преступник,

Они превыше всех...

Михаил ДУДИН

"...Я верю, что победит Земля
и мы вернемся к ней, чтобы
исцелить наш оскопленный городом дух"

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАСSET

*Незаметно к последней точке
Поворачивает строка
В одиночество одиночки
Одинокого старика.*

*Ниагарю век грохочет,
Сбросить в пропасть меня маня
И, с погибелью мира, хочет
Объясниться через меня.*

*Гибель гибнет со мною рядом,
Превращая движенье в лед,
И над гибелью водопадом
Звонкой радугою поет.*

*И душа ничего не просит,
Покидая земную верфь.
А навстречу летят лососи
Через гром водопада вверх.*

Май-июнь 1993

- У него сказано, что ненависть разрушает того, в ком она живет. Ненависть бесплодна. Это я говорил всегда...

- Совесть и ненависть вместе не живут...»

Калейдоскоп дневниковых записей, хранящих голос поэта, его манеру разговора, соединившего шутку, стихотворный экспромт, анекдоты и серьезнейшие размышления о жизни, литературе, человеке. А когда для Армении наступят тяжкие времена - все думы поэта будут о ее трагедии. После страшного землетрясения Дудин побывал в Спитаке, Ленинакане.

«Ездили на станцию Масис, - записывал в дневнике Мкртчян. - Сюда для пострадавших от землетрясения армян прибывают товарные составы с гуманитарной помощью. Какой-то отрезок пути составы идут через Азербайджан. И здесь какие-то ублюдки, очевидно, считающие себя патриотами, ломают все, что может быть сломано...

Картина разграбления к разрушения

Дудин имел в виду побоище, устроенное внутренними войсками в июле 1988 года в ереванском аэропорту Звартноц».

«...За обедом у Наташи (питерского критика, друга Дудина и Мкртчяна - В.Л.) только и говорили о положении в стране.

- Если начнется гражданская война, Россия погибнет, - сказал Дудин.

- Если мы не способны защитить Карабах, мы не способны защитить и Россию, - печалится он. Читает стихи:

*Везде развал и некуда деваться
И нечему Россией называться.*

*Идет бардак, идет борьба за власть,
Где каждый хочет в главные попастьь.*

Самые печальные письма были посланы в Ереван в конце 1991 года:

«...Что-то плохо мне спится. И все чаще вспоминаю блокадное время 1942 года в Ленинграде. Она, блокада, меня пресле-

дует, и ощущение ее приближения страшит своей беспощадной масштабностью и беспомощностью. Но тогда была молодость и надежда (несмотря ни на что) выжить, а сейчас безразличие - будь, что будет».

«...Сегодня, 3 декабря, в час ночи исполнилось ровным счетом полвека, как наш корабль «Сталин» на пути из Гангута в Кронштадт подорвался на mine... Как быстро пролетела, утратив свой великий обманчивый и обманутый одновременно смысл, не что-нибудь, а жизнь».

«...Слушаю и смотрю на то, что происходит у вас в Армении и на всем Кавказе. Но больше всего и чаще всего представляю себе, как ты, Левон, стоишь в молчаливой очереди на автобус, чтобы ехать в университет. Ты сидишь у окна, смотришь на Арарат и думаешь о веках и мгновениях. Дай тебе Бог найти выход к утреннему рассвету в этих твоих раздумьях над компьютером памяти, убеждающим тебя, что эта память уже была на земле, гуляла по ее могильникам и осталась вечно».

Преодолеть такое печальное, отчаянное настроение помогала работа, вера в творчество. Во время нашей последней встречи он вдруг сказал: - А ведь литература никуда не исчезнет, не пропадет, пока длится жизнь на земле. Вот был я в Костроме, Ярославле, Иванове. Там шевелятся, что-то делают. Вышли альманахи, готовятся новые издания. Вообще, мне кажется, мы спасемся провинцией. Там больше жизни, чем в столицах. Нет, творчество возродится.

Так случилось, что всю осень и первый зимний месяц меня не было в городе. Вернулся в конце декабря. Стал спешно звонить близким, знакомым, чтобы хоть по телефону поздравить с Новым годом. И о скольких потерях я узнал! И о том, что Дудин в тяжелом состоянии лежит в больнице.

Тридцать первого декабря 1993 года Михаила Дудина не стало.

Мы хоронили Дудина на Ивановщине, на старом погосте, около белой церкви рядом с могилкой матери. Был снежный белый простор. И можно было лишь догадаться, что за ближними холмами - деревенька Клевнево о четырех домах. То место, о котором Дудин написал: «единственная родина моя». Я вдруг вспомнил начальные строки «Жизни Арсеньева» И.Бунина: «Вещи и дела, еще не написанные бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написанные же яко одушевленные...» Не знаю, что будет в дальнейшем с Клевневым, Вызовковым, но уверен - они навсегда сохранятся и в поэзии сына этой земли. Она одарила его нежным, тонким чувством природы, певучей речью и даром отзываться на людскую боль той отзывчивостью, которой всегда была сильна русская литература. Отзываться на боль и беды родины, великого города на Неве и далекой Армении.

Я взял на память несколько веточек черемухи, росшей на погосте. Они были ледяными, корявыми и казались мертвыми. Вернувшись домой, поставил их в воду. Через несколько дней появились нежные, робкие листочки, а потом и цветы с тонким, чуть уловимым ароматом.

...Смерть не погибель творческого духа, а перевоплощение естества.

из Огюста БАРБЬЕ

1793

*Когда корабль столетний государства
Устал греметь горохом недовольства,
Открытый всем, как решето дырявый,
В крошечный мрак, в барашковое море -
Террора ветер в парусах раздутых -
Он наудачу вышел за свободой.*

*И со своих гранитных побережий
Следили жадно короли Европы
За оползанием медленным империй.
Как будто горбоносые пираты,
Как чайки трупоядные, монархи
Наметили плавучий гроб французов.*

*А он, худой, гигант с прозрачной кожей,
На удивление выпрямился килем,
Народ героев нанизал на реи,
Поднес фитиль к давно оглохшим пушкам
И выстрелил четырнадцать армий, -
И в берега свои вошла Европа!*

*О мрачный год, о девяносто третий,
Большая тень в крови и темных лаврах,
Не поднимайся с сумрачного ложа:
Тебе нельзя глядеть на наши войны,
В семье отцов мы - жалкие пигмеи,
Ты посмеешься нашей тощей битве.*

*Твое старинное погасло пламя,
Кулак разжался, и душа заглохла, -
Нет к побежденным мужественной ласки,
А если в сердце иногда проснется
Запальчивость - короткое дыханье -
Не более, чем на три дня, хватает.*

МЯТЕЖ

*Как будто ураган верхи дерев нагнул,
Летит предместьями глухой и низкий гул:
Дверные молотки бьют в бронзовые доски,
Страх бьет без промаха. И женщин, и детей
Простоволосый плач до старческих ушей
Добрался. Все дрожат. Еще одна минута,
И каждый добежит до своего закута.
Попрыгались, и вдруг колючая метла
Весь многолюдный сор на улицу смела.
Тогда мятеж, мятеж на каблуках дерзаний
Народный гонит вал, в ладоши*

бьет восстанье.

*В щетине криков весь, сам тысяча голов,
Сверяет мощь своих набухнувших рядов
И набережных вдоль, на каменной постели
Кричит, как женщина, тяжелая от хмеля.*

Есть знаменательные сближения и совпадения, и мы их не избежим политологической строгости ради. Стихотворение Огюста Барбье «1793», переведенное Осипом Мандельштамом семьдесят лет назад, в наши дни, на рубеже 1993 и 1994 годов, звучит злободневно, как газетный отклик: «Когда корабль столетний государства устал греметь горохом недовольства, открытый всем, как решето дырявый, в крошечный мрак, в барашковое море - террора ветер в парусах раздутых - он наудачу вышел за свободой».

Ситуация, в которой оказалась Россия после августа 1991 года, этими торжественными ямбами описывается очень точно.

РОССИЯ: НАУДАЧУ ЗА СВОБОДОЙ

И «горох недовольства», и «решето», и «мрак», и «барашковое море», и, конечно, «ветер террора». Все это закономерные следствия тяжелой имперской наследственности, которую не бросить за борт: она сама и есть «корабль столетний государства». И чем сознательнее либералы пытаются наследственность Империи преодолеть, тем более обнаруживается, что речь идет об органических свойствах, вытекающих частью из геополитической судьбы России, частью из ментальности населяющих ее людей, каковую (ментальность) множество мыслителей прямо выводило из суггестивных свойств бескрайней русской равнины. В результате возникло сильнейшее напряжение между имперской судьбой и намерениями реформаторов от судьбы убежать. Напряжение разрешается в регулярных кризисах и постоянной борьбе.

ИМПЕРИЯ: МЕДЛЕННОЕ ОПОЛЗАНИЕ

Три наиболее существенных формы борьбы тоталитаризма с либерализмом западного типа суть: геополитическая (Россия как наследница советской империи); региональная (взаимоотношения российского Центра и регионов, «внутренняя геополитика»); экономическая (качание политико-экономического маятника между рынком и государственным управлением).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ситуация определяется проблемой территории, у которой отсутствуют удобные выходы к незамерзающим морям. Именно стремлением к обеспечению себя достаточно протяженной незамерзающей береговой линией объяснил в свое время знаменитый Хэлфорд Джон Маккиндер континентальную экспансию России. (См.: Mackinder H.J. Geographical Pivot of History // The Geographical journal. 1904. Vol. 23. P. 421-437; изложение доклада, сделанного 25 янв. 1904 г.) Маккиндер исходил из постулата, впоследствии утвердившегося в геополитике: *государства, не имеющие выхода к морю, существенно отстают в развитии*. Основная береговая линия России приходится на скованный льдом Северный Ледовитый океан и отдаленное от цен-

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

тральных областей Тихоокеанское побережье. Отсюда вечное стремление России к овладению прибрежными странами с незамерзающим морем. Нетрудно понять, что значит для России с точки зрения геополитики отпадение Прибалтики и Украины в 1991 году.

Другим открытием Маккиндера, также имеющим самое непосредственное отношение к нашей теме, было описание глобального противостояния сухопутной и морской сил. Сухопутная Евразия была определена как «сердце Земли», а занятия Россией всей территории Евразии Маккиндер квалифицировал как такое же ес-

тественное событие, как океаническое расширение Западной Европы. В итоге «сердце Земли» оказалось окруженным двумя полумесяцами, страны которых противостоят России экономически и политически (вплоть до военных конфликтов): «внутренний серп» составили Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай; «внешний серп» - Британия, Южная Африка, Австралия, США, Канада, Япония.

Исходя из этих предпосылок, нетрудно понять то значение, которое имеют, например, острова Курильской гряды: именно здесь «сердце Земли» встречается с «внешним серпом». Не меньшее значение имеют и зоны встречи с «внутренним серпом»: Кавказ и Туркестанский край, находящиеся на границах краевых стран континента, служащих портами для государств «внешнего серпа».

Поскольку противостояния, открытые Маккиндером, не «отменены», и географическая детерминированность истории и политики по-прежнему действует, перед Россией стоят все старые задачи сохранения контроля над Евразией и выхода к теплым морям плюс новые задачи удержания за собой влияния на окраинах, граничащих с «внутренним серпом» и ныне стремящихся в этот «серп» влиться (происламская политика среднеазиатских республик, протурецкая ориентация Азербайджана, стремление в НАТО стран Балтии и Украины). В то же время Россия обречена выполнять роль регионального жандарма (в смягченной терминологии - «миротворца»): квазидемократический отказ от обязанности поддерживать мир на территориях, ранее от нее зависимых, сразу стал дестабилизирующим фактором.

Борьба либерализма с имперским «генотипом» составляет основное противоречие в макрополитике, с которым Россия вступит в XXI век: либерализация - и преодоление контраста между площадью территории и отсутствием протяженных морских незамерзающих границ; демократический имидж «новой России» - и «вечные» интересы в Средней Азии, на Кавказе, на Украине. Дело усугубляется тем, что именно геополитика избрана антиельцин-

ской оппозицией в качестве главного инструмента спекуляции: не случайно автор «Дня» и главный редактор «Элементов» А.Дугин старательно мифологизирует войну «атлантистов» и «евразийцев», доказывая, что события 1985 года и последующих годов - это результат победы «атлантистов». Не случайно и агрессивные внешнеполитические идеи Жириновского сводятся к упреждающему удару по «внутреннему серпу» и выходу к теплому морю на юге Евразии.

РЕГИОНАЛЬНАЯ форма борьбы имперского и либерального начал - это сложный бюрократический торг между Центром федерации и ее регионами. В 1993 году он конституировался и политически: во-первых, в виде Совета Федерации - с 1996 года невыборной верхней палаты Федерального Собрания (Совет - точный аналог германского Бундесрата, с него и скопированный); во-вторых, в виде актуального принципа партийного деления: партии чиновников федерального уровня, объединившихся в блоке «Выбор России», теперь противостоят партия регионального лоббирования ПРЭС во главе с Сергеем Шахраем и фракция Думы «Новая региональная политика».

Борьба Центр - регионы не исчерпывается хлопотами о льготных кредитах. Речь может идти о буржуазной революции на уровне регионов, за которой стоит перераспределение власти и объема законодательства между Москвой и местными элитами. Имперское управление «местами» сменяется буржуазной свободой, обусловленной экономическими факторами и финансовыми договоренностями. Но при этом защиту от феодальных посягательств и гарантии прав собственности реально получает не «частный» человек, а регион. Отсюда замена ключевой западной категории «личности» восточным «субъектом Федерации»: права второго защищены гораздо надежнее и реальнее, чем права индивидуального субъекта экономической и политической деятельности.

Центр с его имманентными имперскими устремлениями в целом не противится буржуазной революции регионов, ибо не имеет ни сил, ни воодушевляющей «государственной идеи», скрепляющей с Москвой отдельные области и автономные территории. Вместе с тем заметно желание эту революцию затормозить, для чего используются различные средства. Во-первых, блокирование буржуазной революции как бы в интересах отдельного гражданина. Экономическая и политическая свобода, которая дается «субъекту Федерации», гораздо «свободнее» свободы личности. Но свобода региона вместе с тем изначально ограничена целым рядом естественных факторов - прежде всего, собственной территориальной судьбой, национальным составом, наличием природными ресурсами, географическим уделом (приграничная или внутренняя область, промышленная и сельскохозяйственная и т.д.). Регион более управляем, чем индивид, он не может «усхать», уйти от своей судьбы, наконец, число регионов ограничено, и они бдительно следят друг за другом, нуждаясь в Центре как в арбитре. Во-вторых, Центр умело создает противоречия между регионами, ставит их в ситуацию конкурирования за блага, что усиливает значение Центра и существенно сдерживает самостоятельность регионов. В-третьих, Центр содействует возврату к власти прежних элит, жертвуя демократией ради стабильности и традиционной ориентации элиты на Москву. В-четвертых, Центр проводит специальную экономическую политику, сохраняя важные элементы централизован-

ного фондирования и финансирования, а также покупая верность льготными кредитами - прямым источником обогащения «директорского корпуса». Все это мощные средства борьбы с буржуазной свободой и региональной автаркией. Не случайно весь 1993 год прошел под знаком конкуренции, с одной стороны, правительства и Верховного Совета за право покупать политическую верность в обмен на денежный дождь льготного кредитования; с другой стороны, двух типов лоббирования - регионального и отраслевого (впрочем, было и «персональное», адресное лоббирование через конкретных депутатов-ходатаев).

Таким образом, существует острейшее противоречие между буржуазной революцией, стремящейся к обособлению регионов, и линией на поддержание целостности и стабильности империи. География усердно борется с историей.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ борьба выражена качанием маятника между стремлением к рынку, либерализму, монетаризму и государственным регулированием экономики, замораживанием цен, дотированием убыточных предприятий и колхозов. Отставка Гайдара в декабре 1992 года, его возвращение в сентябре 1993 года, его повторный уход в январе 1994 года иллюстрируют «колебательный режим» постсоветской экономики весьма выразительно. Колебания определяются стандартными для стран запоздавшего капитализма трудностями, а «социализм» периодически возвращается вследствие того, что существует большое количество предприятий, производящих неликвидную продукцию, и большое количество низкоквалифицированной («неликвидной») рабочей силы, являющейся социальной базой централизованного управления и всей распределительной системы, не сдавшей своих позиций и в 1994 году. Эта рабочая сила - прямая жертва монетаристской драмы, авторы которой, как правило, не знают, что с ней делать. Слабость социальной политики реформаторов-монетаристов неизбежно делает их «сменной командой», что и подтвердили выборы 1993 года. В то же время нельзя забывать и о специфическом поведении «директорского корпуса», желающего похоронить реформу. Директора не увольняют рабочих, не закрывают производства, не меняют технологические линии, но все поддерживают в состоянии перманентного полуразвала и «тлеющего огня». Тем самым они сохраняют «могильщиков реформ» в виде масс низкоквалифицированных и очень плохо оплачиваемых рабочих, в любой момент готовых устроить «революцию». Все делается для того, чтобы закрытие нерентабельных предприятий могло случиться в один момент, в один критический «час X».

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЧЕМПИОНАТ ПО ПЕРЕТЯГИВАНИЮ КАНАТА

Описанное выше - предлагаемые обстоятельства российского политического спектакля. Три крупнейших противоречия отделились в 1993 году в форму конфликта между законодательной и исполнительной властью, конфликта между Президентом и верхушкой системы советов - Съездом нардепов и Верховным Советом РФ. Фактически речь шла о двоевластии, причем, реально никакого деления на законодательную и исполнительную ветви не было и в помине: оба властных центра претендовали на то, чтобы издавать законы, управлять промышленностью, заниматься распорядительной деятельностью и в дополнение к этому управлять средствами массовой информации.

Таково было противостояние 93-го го-

да, за которым стояла ошибка двух непримиримых систем: демократического тоталитаризма и авторитарного либерализма. Первая система воплотилась в прокоммунистическом большинстве съезда-ВС; вторую систему олицетворила команда Президента. И демократический тоталитаризм, и авторитарный либерализм были средствами, с помощью которых, в свою очередь, отстаивали себя социалистический традиционализм и буржуазный реформизм. Именно в 1993 году Россия в полной мере испытала их столкновение, обнаружив свою суть как страны задержанного капитализма. В качестве реакции на попытки капиталистической модернизации возник стандартный набор идеологием (идея некапиталистического пути развития, пропуска капитализма, напоминания о разрушительном воздействии капитализма на традиционные экономические и социальные структуры и т.д.), а также ряд естественных кризисных форм первоначального накопления. Происходила деструкция системы государственно-монополистического социализма (она продолжалась весь 1993 год и продолжится в 1994-м). В ходе этого болезненного процесса не столько создаются новые структуры, сколько разрушаются старые; распадаются прежние связи; в систему традиционного коллективизма проникает индивидуалистическое начало; растет имущественное неравенство и социальная несправедливость. В обществе меняются жизненные стандарты, «просыпаются» новые материальные потребности, однако возможности их удовлетворения у большинства остаются минимальными.

В итоге в 1993 году обнаружили себя три политических конгломерата, вызванные к жизни всей политико-экономической обстановкой: буржуазный реформизм, консервативный неотрадиционализм и популизм. Именно они столкнулись на выборах в Федеральное собрание 12 декабря.

Путь к выборам был нелегким, он пролегал через политический кризис, продолжавшийся целый год. Ибо желая создать надежное политическое обеспечение экономических реформ, команда Президента в течение всего 1993 года боролась за новую, буржуазно-демократическую Конституцию. Еще в начале марта 1993 года казалось, что Ельцин достиг политического истощения и должен уйти. Однако 20 марта Президент начал крайне рискованную игру, сделав хитрый маневр, имитировавший роспуск Съезда и ВС. Тем самым Ельцин спровоцировал острый политический кризис, в то время ему необходимый для дестабилизации ситуации, умело скомпрометировал своих противников (прежде всего, председателя Конституционного Суда Валерия Зорькина) и узнал, какие меры для борьбы с Президентом заготовлены в команде Руслана Хасбулатова. В итоге Ельцин добился того, что IX внеочередной Съезд народных депутатов назначил общенародный референдум о доверии Ельцину и его экономической политике на 25 апреля. На референдуме жители России поддержали не только Ельцина, но и «шоковую терапию» Е.Гайдара. Этот результат оказался неожиданным не только для антиельцинской оппозиции, но и для реформаторов. Однако, не имея достаточной поддержки среди технократической элиты (директоров предприятий), реформаторы не могли углублять реформы в монетаристском духе (имея целью финансовую стабилизацию и резкое снижение инфляции). Поэтому активность команды Президента сосредоточилась на разработке новой Конституции, нового избирательного закона и компромата вице-президента Александра Рудко-

го, которого антиельцинская оппозиция была вынуждена сделать своим знаменем (за неимением чего-либо лучшего).

Создалась парадоксально-тревожная ситуация: Съезд и ВС во главе с председателем ВС Р.Хасбулатовым и его первым заместителем Ю.Ворониным готовились к смещению Президента посредством игр с бюджетом, принятым ими в начале лета с заведомо катастрофическим дефицитом. Президент и его команда, не обращая внимания на высшие законодательные органы, готовили на Конституционном совещании текст нового Основного закона и закон о выборах в Федеральное Собрание. Противостояние разрешилось знаменитым указом Ельцина N 1400 от 21 сентября 1993 года: он распустил Съезд и ВС и назначил новые выборы одновременно с референдумом по Конституции. Следствием указа N 1400 стало вооруженное сопротивление сторонников ВС, его разгон силами армии, что вызвало сотни человеческих жертв. Были арестованы Хасбулатов и окончательно скомпрометированный Ручкой (в январе 1994 года обнаружилось, что уголовные обвинения против него не имели достаточных оснований). За решеткой оказались и другие лидеры вооруженного мятежа, начатого в воскресенье 3 октября не без некоторой провокации с президентской стороны, подтолкнувшей события.

За всеми этими бурными и кровавыми событиями стояла борьба буржуазного реформизма и коммунистического традиционализма, находившего надежную политическую опору в тексте старой Конституции, которая не гарантировала ни одной буржуазной свободы. Демократические голосования на заседаниях Съезда и ВС, безграничная власть коммуноидного большинства (70% от общего количества депутатов Съезда), сделавшего себя сувереном, единственным источником прав, могли - в соответствии с принятыми этим же большинством законами - легко сместить Президента, единственного гаранта реформ. В результате разгона ВС, успевшего превратиться в оружейный арсенал и казарму боевиков, открылся путь к принятию Конституции, устанавливающей авторитарное президентское правление, которое призвано стоять на страже экономического либерализма. Правда, его реальная либеральность не столь глубока, как об этом можно подумать, читая коммунистические газеты, но это есть прямое следствие значительных остатков законсервированного государственно-монополистического социализма.

В результате 12 декабря 1993 года была принята новая Конституция, но итоги выборов в Федеральное Собрание демократически настроенное население обескуражило: партия буржуазных реформ, партия столичного чиновничества («Выбор России» во главе с первым вице-премьером Егором Гайдаром) не набрала в Думе (нижняя палата) необходимого числа голосов, достаточного для создания думского большинства и формирования «правительства реформ» во главе с Гайдаром: вместо 226 голосов было набрано только 76. Вопреки всеобщим ожиданиям, реформаторы на выборах не одержали победы над популистами и неотрадиционалистами (коммунистами), получившими в Думе контроль над половиной голосов. Провалу «Выбора России» во главе с Гайдаром способствовали: дистанцирование Президента от Гайдара; раскол реформаторских сил во время предвыборной кампании; раскол демократически настроенного электората; смутность образа реформ практически во всех социальных группах; неумение вести предвыборную борьбу; недовольство большинст-

ва избирателей низким уровнем жизни; некомпетентность окружения Ельцина, допустившего серьезные просчеты в правовом обеспечении «информационного режима» на время предвыборной кампании (был серьезно нарушен закон «О средствах массовой информации»).

Популистская партия во главе с национал-социалистом Жириновским получила в Думе значительное число мест, что стало поводом для заявлений об усилившейся угрозе русского фашизма. Через полтора месяца после выборов Генеральная прокуратура возбудила против Жириновского уголовное дело, обвинив его в пропаганде войны. Можно предположить, что это обвинение продвинется не дальше, чем суд над членами ГКЧП 1991 года или организаторами вооруженного октябрьского мятежа 1993 года.

ГАЙДАРОВСКИЙ РЕМИЗ

До 12 декабря в «Выборе России» видели едва ли не «вторую КПСС», возможную «правящую партию» (в партийный список входили одни высокопоставленные чиновники, среди них несколько членов Кабинета), а в ельцинском авторитаризме, гарантированном Конституцией, - реальную опасность то ли монархии, то ли диктатуры.

К февралю 1994 года ситуация проявилась, и, когда рассеялся лирический туман, все оказалось иным: реформаторы были удалены из правительства, и оно оказалось составленным пропорционально партийному раскладу в Думе. Практически это привело к победе в правительстве консервативных неотрадиционалистов, именующих себя прагматиками и отрицающих монетаристские методы и финансовую стабилизацию. Таким оказалось первое следствие гайдаровского ремиза, таким стал штраф за недобор числа взяток в политической игре.

Обнаружилось, что президент Ельцин по каким-то неизвестным причинам не способен на авторитарные действия, направленные на активную защиту курса на буржуазные реформы. Одновременно выяснилось, что буржуазная элита в России пока слаба, средний класс отсутствует (без надежд на его создание в объеме 60% от общего числа населения), но очень сильна традиционная технократическая элита, не обнаружившая и малейших признаков деградации. Эта элита образовала правительство и обеспечила ему поддержку. Характерно, что удаление из Кабинета людей, с именами которых связываются реформы, проходил при молчаливом одобрении Думы (демонстративно не вмешивавшейся в этот процесс) и при вялых попытках Президента противодействовать премьер-министру Черномырдину в его реорганизаторской работе.

Иными словами, Президент своими авторитарными правами (включающими право роспуска Думы в случае ее трехкратного несогласия с предложенной Президентом кандидатурой премьера, скажем, Е.Гайдара) не воспользовался, что и открыло на 1994 год малопривлекательную перспективу стагнации. При этом осуществилась давняя мечта антиельцинистов, выраженная газетой «День» в феврале 1993 года и в выступлениях на VIII и IX съездах нардепов в марте: перехватить правительство у Президента, дать ему возможность проводить собственный, непрезидентский, курс. Одновременно оживились все те три противоречия, о которых шла речь в параграфе 1, причем, самой «живой», естественно, стала экономическая форма борьбы либерализма и тоталитаризма: маятник от толчка элек-

тората резко пошел влево. У этой «левизны» есть, однако, «восточная» особенность: на Западе «влево» означает поддержку частных предприятий, ослабление конкуренции и безжалостного рыночного отбора. В России «влево» означает, что государство собирается поддерживать государственные же предприятия, т.е. само себя. Отсюда и резкое усиление активности отраслевых и региональных лоббистов, ходяки от которых сразу потянулись в правительство к «котлам раздачи». Обратимость /необратимость реформ, их гарантированность новой Конституцией опять оказались под вопросом, надежды на скорую ликвидацию высокой инфляции (20-30% в месяц) потухли.

Итог прост: закономерным и давно предсказанным взрывом популизма на выборах воспользовалась ЛДПР Жириновского, а в правительстве - хозяйственная бюрократия коммуноидного типа, под «рынком» понимающая спекуляцию льготными госкредитами (выбитыми у доброго Виктора Степановича) и экономический беспредел в условиях монополизма и отсутствия правовой инфраструктуры. Любопытно, что народу эту «новую экономическую политику» предлагают в качестве передышки - о которой говорили коммунисты на VII, VIII и IX Съездах в начале 1993 года. Фактически ни выборы 12 декабря, ни новая Конституция справиться с антиреформаторами не помогли. Все усилия Президента и его команды отчаянно боровшейся в течение 1993 года, пропали даром: Россия пока так и не готова к капиталистической модернизации, не обнаружившая способности к экономическому реформированию. Тень 1993 года легла и на нынешний 1994 год, с которым связывались большие, но тщетные надежды на удачу. «О мрачный год, о девяносто третий, большая тень в крови и темных лаврах...»

Стало очевидно, что без самых активных авторитарных действий Президента, никакое продолжение реформ невозможно. В противном случае экономика будет спонтанно регрессировать в ожидании президентских выборов 1996 года, к которым все партии и фракции, представленные в Думе, начали активную подготовку. Это, в частности, означает, что экономическая реформа и реальное повышение уровня жизни вследствие снижения уровня инфляции для нынешней Думы и команды Президента оказываются не целью, а лишь одним из аргументов в политической борьбе, одним из возможных средств для победы над противником. Начались расчеты: не выгоднее ли поступиться интересами экономики ради победы над противником? О народе и его нуждах после декабрьских выборов девяносто третьего года политики, взявшие в свои руки практическое управление тяжелым кораблем российской государственности, и думать позабыли.

Эстонский народ считает своим правом и долгом обратиться в настоящий поворотный момент мировой истории и судьбы своей ко всем цивилизованным народам со следующей декларацией.

Эстонцы издавна жили свободным независимым народом на берегах Балтийского моря. Пришедшие с запада семьсот лет тому назад, немцы, преимущественно силой сломили самостоятельность маленького народа и уничтожили его свободу. Тщетными оказывались предпринимаемые время от времени отчаянные попытки освободиться

ЭСТОНИЯ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Россия как мачеха обращалась с ним. Эстонский народ знает, что Русское государство пренебрегло существовавшими условиями для создания прочной внутренней связи между собой и эстонским народом. Более того: эстонский народ с горечью вспоминает всю несправедливость, которую

Русское правительство оставалось глухим. Неоднократно приведенные в отчаяние, крестьяне прибегали к мятежу. Кровавой расправой отвечало на это правительство, тогда как серьезно регулирования наиболее земельного вопроса не следовало. Немцам крупным землевладельцам разрешалось переселять сюда чужих немецких колонистов из внутренних областей России, русские чиновники измышляли способы поселения русских крестьян на землях, которые эстонцы должны были уступить, дабы самим переселиться в города или покинуть родину; значительному же большинству эстонского народа предоставлялось

ДЕКЛАРАЦИЯ ЭСТОНСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И НЕЗАВИСИМОСТИ ЭСТОНИИ

из-под чуждого ига. Но в душе народа не померкла память о прошлом. Вопреки гнету и унижениям, продолжали таиться твердая надежда и непоколебимое желание: должно вернуться и вернется то время, когда эстонский народ снова возьмет в собственные руки определение своей судьбы. Когда началась мировая война, эстонский народ увидел смысл этой страшной борьбы в освобождении народов от проклятия империалистических стремлений мировых держав и в восторженном существовании малых народов на существование. Ради этого лучшие сыны нации с непоколебимой твердостью духа приносили в жертву свою кровь и жизнь на чужих полях, неизменно веруя, что их жертва вызовет поворот и в судьбе эстонского народа. И когда, наконец, из хаоса мировой войны взошло, как яркое солнце право самоопределения народов, эстонский народ в числе первых приветствовал его и приступил к осуществлению его. Теперь настало время эстонскому народу, среди страшной и напряженной борьбы за право независимого существования, отражая грозную волну разрушения, вступить в число самостоятельных народов и требовать себе прочное место в союзе народов в качестве суверенного государства.

Что дает эстонскому народу право на такой решительный шаг? То естественное право на самоопределение и на свободное самоуправление, которое коренится в жизненном инстинкте каждого народа; право, которое может быть временно угнетено насильем, но потребность которого никогда не может быть вытравлена из души жизнеспособных народов; право, которое ныне куплено страданиями и кровавыми жертвами народов мира и всеобщее признание которого достигнуто; право, действительное проведение которого в жизнь единственно сделает возможным тот мир, который жаждут обрести все цивилизованные народы после всех ужасов войны. Эстонский народ ни на мновение не хочет и не может допустить мысли, что это всеобщее право по отношению к нему останется лишь пустым звуком.

Эстонский народ сознает, что этот шаг означает разрыв тех связей, которые соединяли его в течение двух последних столетий с русским государством. Но эстонский народ знает и то, что обширная

он терпел от русского государства или его попущением.

Едва Швеция, с которой эстонский народ прежде был объединен в государственном отношении, предприняла некоторые меры по улучшению быта народа и закреплению за ним человеческих прав, как Эстонию присоединили к России. Вместе с тем настал конец всем улучшениям. Русские цари беспрекословно утверждали все далеко идущие вождения и притязания помещиков касательно народа и земли. Выданный душой и телом на неограниченный произвол помещика, без всяких человеческих прав, приниженный до состояния неодушевленной вещи, которую продают и покупают, так владели эстонский народ свое существование в течение первого столетия под русским владычеством. Возникшее на западе в начале 19 столетия освободительное движение уничтожило, наконец, рабство эстонского народа, но существенной перемены на первых порах оно не принесло. Народ, действительно, пользовался личной свободой, но земля, питающая и носящая его, была и осталась за помещиками. Чтобы жить, крестьянин должен был брать землю у помещика на условиях, которые сковывали его. Другого выхода не было, ибо свобода передвижения крестьянина была решительно ограничена в самых тесных рамках. Нельзя было эмигрировать, городские ворота также были закрыты перед ним. Только несколько десятилетий спустя получил крестьянин возможность селиться по городам, но и там, благодаря узким сословным привилегиям и учреждениям, ремесло и торговля были долгое время ему недоступны. Обстоятельства заставили, наконец, дать крестьянам право арендовать землю и покупать ее в свою собственность. Но условия были так тяжелы, что лишь небольшая часть народа смогла со временем воспользоваться этим правом. Между тем, враждебное народу крупное землевладение возрастало за счет уничтожения хуторов и деревень. Сотни тысяч сынов народа должны были выселиться, чтобы, превращая в пашни равнины России и леса Сибири, добывать себе средства пропитания земледелием, сделавшим их излюбленным трудом. Неотступно пытался народ посредством своих представителей и печати привлечь внимание к своему плачевному положению.

пребывать в состоянии земельного голода.

Благодаря своей работоспособности и прилежанию эстонский народ со временем достиг высокой ступени культуры, но ему не дали даже того самоуправления, которое давно было предоставлено стоящему на низшей ступени развития русскому народу. Руководство и регулирование земельных и публичных отношений, кроме самых простых крестьянских сословных дел, находилось в руках кучки крупных землевладельцев, над всем возвышалась, однако, власть и произвол русских губернаторов и чиновников. В городах, после упразднения ограничений передвижения, эстонцы скоро оказались в большинстве. Деятельность правительства была сознательно направлена на то, чтобы воспрепятствовать тому влиянию в делах городского самоуправления, на которое они имели право по своей численности. Управление в городах осталось за небольшим кружком немцев.

В эстонском народе глубоко заложено стремление к просвещению. Принося неисчисленные жертвы, работая днем и ночью, родители посылают своих детей в школы; борясь с тяжкими лишениями, эстонская молодежь стремится достичь высшего образования. Те, однако, которым удавалось достичь этого, должны были уходить в чужие края, ибо на родине им были закрыты все пути. Сюда же назначали чиновников из России, которым чужд язык и дух народа, его обычаи и условия жизни.

Не сплочения производительных сил народа, не увеличения благосостояния народа старались достичь эти полчища чуждых по духу чиновников; они стремились задержать проведение в жизнь сознательных стремлений народа, препятствовать его самобытному развитию и уничтожить его национальные устои.

Чужой чиновник мог оскорбить душу народа самым жестоким образом, мог топтать его священнейшие чувства и истреблять лучшие его стремления - за это ожидало его не наказание, а повышение в чине и лучшее место.

Наиболее решительные приемы применялись в целях обрусения эстонского народа. Русский язык сделался господствующим в учреждениях самоуправления и в судах. Бесконечно трудным стало ведение дел с чиновниками, не знающими языка, невыразимо тяжким искание справедливости в судах,

где судьи, привыкшие к другим условиям, должны были решать вопросы, касающиеся жизненных интересов народа, при помощи малочисленных переводчиков.

В училищах господствовал прежде немецкий язык, потом его превратили в чисто русский. даже в школе, где преподавание велось сначала на родном языке, последний был заменен русским. С ранних лет насильно таким образом эстонскую молодежь умственно и душевно, пытались возбудить в ней чувство презрения ко всему самобытному и задерживали ее естественное развитие.

Беспощадным было русское правительство даже по отношению к своему собственному народу, тем несправедливее было оно к инородцам. С какой радостью приветствовалось поэтому падение самодержавия всеми народами русского государства, в надежде на изменение своего положения. Их ожидало горькое разочарование, ибо в действительности прежний дух продолжал господствовать в Российском государстве. По настоянию своих представителей, эстонский народ получил временное самоуправление, утвержденное Русским Временным Правительством 30 марта (12 апреля) 1917 года. Стремления к централизации власти, однако, не исчезли, продолжались попытки русских чиновников вмешиваться в наши дела и выказывать недоброжелательность к эстонскому народу.

В училищах, за исключением народных, осталась преподавание на русском языке, самым неотложным нововведением ставились планомерно препятствия в учреждениях самоуправления, эстонскому языку было отказано в тех правах, на которые свободный народ может претендовать на родной земле.

Вскоре власть в Эстонии перешла к русским советам солдатских и матросских депутатов. Они осуществили в Эстонии самоопределение народов, обнародованное на самом широком основании, насильным разгоном эстонского сейма вместе с Земским Правительством; силой оружия прекратили предпринятые на самых широких демократических началах выборы в Эстонское Учредительное Собрание, на полном их ходу. Эстонскому народу было отказано даже в праве на защиту своей родины против грозившего немецкого нашествия, так как препятствовалось собирать для этого на родине эстонских воинов из разлагающейся русской армии. Наконец эстонский народ совершенно, вопреки его воле и не спросив его мнения, был принесен в жертву на основании Брестского договора империалистическому аннексионизму Германии. Эстонский народ упорно стоял и под железным гнетом германской оккупации за свою самостоятельность и свои жизненные интересы. Самый тяжкий гнет и наиболее систематическое насильствие желаний народа не смогли уничтожить его глубокого влечения к свободе и государственной самостоятельности. Рухнула оккупационная власть под тяжелыми ударами союзников и снова эстонский народ начал дышать свободнее, смотреть увереннее в будущее. Но его ожидали новые испытания, тяжелее прежних. Войска русского советского правительства напали на Эстонию. Они знали, что эстонский народ, после тяжких испытаний, утратившая свою государственную жизнь, стремится лишь устранить несправедливость и создать лучший и более справедливый порядок общежития, но это не препятствовало им ворваться в утомленную войною и борющуюся с нуждою страну, принося новые страдания и несчастья: сжигая деревни и хутора, уничтожая жизненные припасы и культурные ценности, безжалостно

убивая невинных людей, беспощадно уводя заложниками женщин и детей.

Перед лицом таких страданий, существуют ли для эстонского народа еще обязательства к сохранению тех связей, которые его соединяли с русским государством? Сознательно остаться в соединении с такой страной равносильно самоубийству. Не в ненависти и вражде, но в добрососедских и дружественных отношениях хотели бы мы жить с русским народом, если он предоставит нас самим себе. Нам было чуждо и чуждым останется всякое стремление к распространению власти за свои границы. Лишь у себя на родине хочет эстонский народ использовать свое естественное право и устроить свою жизнь независимо и свободно.

Сумеет ли эстонский народ управлять собою и сможет ли он содержать самостоятельное независимое государство?

Прошлое эстонского народа дает на это безусловно утвердительный ответ. Самые тяжкие обстоятельства и условия существования не смогли уничтожить в эстонском народе способности к жизни и развитию. Настойчиво и последовательно использовал эстонский народ каждую возможность самопроявления в целях улучшения своего быта, для создания культурных ценностей и для поднятия своего человеческого достоинства. Когда явилась возможность приобрести землю, часть народа своими неустанными заботами и трудом заложила твердое основание своего благосостояния; когда открылись для крестьян ворота городов, другая часть посредством ремесла и торговли достигла экономической независимости. Из создавшегося таким образом слоя мелких землевладельцев и мещан выросла в течение короткого времени многочисленная интеллигенция, большая часть которой полна самоотречения и верности и посвятила себя работе на поднятие культурного уровня народа. В течение последнего полувека, когда условия жизни стали свободнее, в Эстонии происходит энергичная и неустанная самодеятельность народа на всех поприщах материальной и духовной культуры. Сельское хозяйство и ремесло, торговля и промышленность, просвещение и наука, литература и искусство находят все более и более сознательных и энергичных деятелей. Вся страна покрыта сетью разнообразных экономических, кооперативных и культурных обществ и товариществ. Несмотря на все препятствия со стороны русского правительства и чиновников, устранение которых стоило бесконечно больших усилий, результатом этой деятельности является сравнительно устойчивое экономическое положение и высокий культурный уровень. В отношении народного образования Эстония одна из передовых стран, ибо уже 30 лет как грамотность является всеобщей; литературные произведения читаются в большом количестве; многочисленные эстонские газеты и журналы расходятся в народе в сотнях тысяч экземплярах. В политическом отношении, с тех пор, как это стало возможным, эстонский народ успешно организовался и посредством самоуправления и всеобщего голосования твердо и сознательно осуществил свои убеждения и желания. Самую большую сознательность и зрелость проявил он, однако, во время навязанной ему тяжелой войны. Вследствие деятельности немецких оккупационных властей, эстонский народ без организованной армии и с совершенно голыми руками должен был встретить многочисленные и хорошо организованные и снабженные войска русского советского правительства, которые пере-

шли границу одновременно с уходом немецких войск. Шестой месяц длится кровавая борьба с превосходящим своими силами врагом. В течение этого времени, непрерывно сражаясь, эстонский народ смог очистить страну от неприятеля, защитить свои границы, создать свою регулярную армию, поставить на твердое основание свою государственность и создать в Учредительном Собрании действительное народное представительство и общепризнанное правительство.

Все это укрепляет веру и оправдывает надежду на то, что эстонский народ, освободившись от ужасов войны и получивши возможность всесторонне развить свои силы и способности сообразно своему характеру свободно и беспрепятственно, создавая себе политически независимый и социально-справедливый порядок, особенно урегулировав крайне болезненные земельные отношения соответственно жизненным интересам народа, несомненно, в состоянии будет поставить на твердое основание свою государственную независимость и поддерживать необходимый государственный порядок, самоуправляясь по принципам и требованиям, присущим культурным народам. На основах естественного права, во исполнение задач, унаследованных от прошлого, и в сознании серьезной ответственности за будущее, эстонский народ положил основание своей государственной независимости нижеследующими актами, обнародованными полномочным представительством:

Эстонским Земским Советом от 15/28 ноября 1917 года о верховной Власти, советом старейшин Земского Совета от 19 февраля 1918 г. об учреждении Комитета Спасения; советом старейшин от 24 февраля 1918 года о прокламировании Эстонской Республики, Комитетом Спасения от 24 февраля 1918 года об учреждении Временного Правительства и Временным Правительством от 11 ноября 1918 года о возобновлении своей прерванной деятельности.

Эстонское Учредительное Собрание, избранное нашим народом пропорционально, на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, независимо от пола, веры и народности, где представлены все наши общественные и политические течения, изъявляя суверенную волю эстонского народа, торжественно доводит до сведения народов всего мира, что упомянутые акты выражают твердую и непоколебимую волю эстонского народа, что Эстония, в тех границах, где живет эстонский народ, совершенно свободна от всех обязательств подданства к Российскому Государству, что 24 февраля 1918 г. окончательно порвалась государственная связь между Эстонской Республикой и Россией, и что Эстония есть самостоятельная независимая демократическая Республика.

Шесть месяцев уже лучшие сыны нашего народа защищают эстонскую государственную самостоятельность и независимость, принося бесчисленные жертвы. Эстонский народ ведет напряженную сверхчеловеческую борьбу с насильственной большевистской Россией за свое право на жизнь и это свое драгоценнейшее достояние эстонский народ намерен защищать до последней капли крови.

Эстонское
Учредительное Собрание
РЕВЕЛЬ, 19 мая 1919 г.

Текст Декларации Эстонского Учредительного Собрания и другие редкие документы были представлены на специальной выставке в Таллине 24 февраля 1993 года в день 75-летия независимости Эстонской Республики. Этот пожелтевший от времени документ дал мне поддержать и прочитать директор Частного Русского Архива Александр Васильевич Дормидонтов.

Тогда, в 19-м, эти большого формата листы с текстом Декларации на трех языках - эстонском, немецком и русском - широко распространялись среди населения. Да лишь редкие экземпляры уцелели. Начиная с 1940 года, советский режим в Эстонии репрессировал не только людей, но и документы. НКВД перетряхивал архивы арестованных в поисках таких вот текстов, - сама память о них должна была исчезнуть бесследно.

Порой документ спрятать было не легче, чем человека. Этот экземпляр - из личного архива Г.Н. Александрова - полковника царской армии под командованием Юденича, бежавшего в Ревель, поселившегося там, арестованного и расстрелянного НКВД в 1940 году. Архиву полковника повезло больше. Главным хранителем частных архивов жильцов дома в Романовском переулке в Ревеле (теперь улица Фелмана в Таллине) стал владелец дома Е.А. Бежаницкий. Эмиграция, арест, ссылка - вот участь большинства обитателей этого дома. Предчувствуя роковые события своей жизни, жильцы отдавали Бежаницкому на хранение семейные архивы, которые невозможно было забрать с собой, а уничтожить не поднималась рука. Как удалось Е.А. Бежаницкому сохранить эти многочисленные свидетельства когда-то бывшей жизни, - отдельная тема. Скажу лишь, что наследником и дальнейшим хранителем этих частных русских архивов в Таллине стал его внучатый племянник А.В. Дормидонтов, нынешний представитель этого большого семейного клана учителей и священнослужителей, потомственных граждан Эстонии. Уже в годы перестройки Эстонский фонд культуры дал этому собранию статус Русского частного архива, что, впрочем, мало чем улучшило его содержание и условия хранения. А.В. Дормидонтов, разбирая груды бумаг, туго закатанные в трубки, зашитые в мешки, упакованные в ящики, время от времени извлекает на свет божий такие вот редкости, как подлинный экземпляр типографского текста Декларации Эстонского Учредительного Собрания.

Еще не написан учебник эстонской истории, где была бы представлена полная хроника исторических событий, связанных с обретением независимости Эстонией. Попробуем восстановить по обнаруженным ныне документам самые главные из них.

... Март 1917-го, Петроград. По Невскому проспекту, четко печатая шаг, по направлению к резиденции Временного правительства движется колонна вооруженных эстляндцев. Они несут петицию с прошением об автономии Эстонии. Временное правительство России, ошарашенное этим неожиданным демаршем, специальным указом предоставляет бывшей Эстляндской губернии автономию и самоопределение в составе России. Между тем, в Эстонии разгорается своя политическая борьба между различными партиями. Время работает на эстонских большевиков, и во главе с В.Кингисепом они главные претенденты на власть. Во время их недолгого правления К.Пяст, буду-

щий первый президент Эстонской Республики, создает Комитет спасения Эстонии. И в феврале 1918 года, когда большевистское правительство бежит в Финляндию, спасаясь от немецкой оккупации (по Брестскому миру территория Эстонии отходила к Германии), Комитет спасения оглашает Манифест о независимости Эстонской Республики. Было это 24 февраля, а 25-го в Ревель вошли немцы.

В марте 1919 года оккупация прекращается в связи с революционными событиями в Германии. Немецкие оккупационные войска спешно покидают Эстонию, держа путь на родину. И уже в мае того же года было создано Эстонское Учредительное Собрание, закрепившее своей Декларацией

Татьяна ЗАЖИЦКАЯ

удирали из города на Запад, а другие входили в него с Востока, и до сих пор невозможно понять, кто же были освободители, кто победители; люди гибли и под этими, и под другими гусеницами. Сколько танковых маршей через такой маленький город, через такой маленький народ...

...Путчевые дни августа 1991-го впечатались в сознание моих соотечественников всплеском ужаса перед новой чрезвычайщиной; ожиданием реакции на объявление Эстонией о своей полной независимости и

ЭСТОНСКИЙ ПУТЬ

75 лет независимости

Манифест о независимости от 24 февраля 1918 года.

Несмотря на обращение к странам и народам мира, голос нового независимого государства был еле различим в грохоте революций и кровавой сумятицы войн. И лишь в феврале 1920 года, после подписания Тартуского мирного договора, Эстония получила полное признание своей независимости со стороны России, а вслед за ней и другими государствами мира. Такова краткая хроника важнейших политических событий, связанных с обретением Эстонией независимости и собственной государственности, развитие которой было насильственно прервано в 1940 году. Начинаясь глобальный беспредел Сталина-Гитлера...

В АВГУСТЕ 1991 ГОДА

Никогда не знаешь, в каком она приходит обличье - Свобода. На этот раз она явилась в балетной пачке на экране ЦТ, под грозные звуки па-де-де, переходящие в тяжелый рокот танковых машин.

...Они ползут по Тартускому шоссе в Таллине словно сами по себе, и совсем непонятно, кто там внутри, сколько их и какие у них намерения. Таллинцы шпалерами стоят по обе стороны мостовой; моторы режут; люди тихо плачут или тихо молятся, а в общем, все молчат. Рядом со мной, прижав сумочку к груди, стоит опрятная старушка-эстонка, в летней шляпке на аккуратной причесанной седой голове; бесцветные старческие глаза напряженно глядят куда-то поверх танков, в пространство... Может быть, в 40-й год, последних год «эстонского времени», когда вот так же без выстрелов, входили в чистый уютный город с Востока танки соседней великой державы и расплзались по хрупким таллинским улицам? Или в 41-й, когда катили на полном ходу, но уже с Запада, танки другой великой державы, по этим же улицам, но уже тронутым разрушением и смертью? Или видится ей 45-й, когда одни

выходе из состава СССР; признанием этого акта демократической Россией и ее первым Президентом. Вслед за этим пришло и мировое признание независимого государства на карте Европы.

Год спустя, национальная объединенная партия «Исамаа» («Отечество»), победив на осенних выборах в Госсобрание Эстонской Республики, провозгласила себя правопреемницей независимости, объявленной Манифестом 24 февраля 1918 года. Выбор этой точки отсчета носил принципиальный характер: к историческому акту 75-летней давности не имели отношения ни эстонские большевики, ни дарственный жест России.

«PLATZ PUHTAKS!»

«Расчистить площадку!» - под таким девизом эстонская национальная партия

ФОТО ИОСИФА МАЛКИЭЛЯ

«Исаама» («Отечество») провела свою предвыборную кампанию осенью 1992 года, пришла к власти, сформировала в Госсобрании свое правительство и определила свое понимание эстонского пути. При всей простоте и краткости девиза «Расчистить площадку!» оставался не вполне ясным сам характер действий. Но девиз сработал в массовом сознании потомственных граждан, допущенных к выборам, так как вполне отвечал ностальгии эстонского общества, измученного имперскими играми перестроечных лет, по стабильности и порядку.

Сама концепция правопреемственности предполагала, что как бы не было полувековой истории Эстонской ССР в составе союзного государства со всеми ее атрибутами; что первая республика, с ее правительством в эмиграции, и в годы советского режима продолжала существовать в генетической памяти народа; что пришло время восстановить и реставрировать ее, как храм, по чертежам прошлого.

Насколько все это возможно, покажет будущее. Однако уже сейчас ежедневная парламентская практика новой власти показывает, что законоположения более чем полувековой давности нередко оказываются прокурсовым ложем при попытках втиснуть в их рамки сегодняшнюю жизнь с ее экономическими, политическими и правовыми реалиями конца XX века. Похоже, что решение всех этих проблем требует не реставрации законов, по которым жили деды и прадеды современного эстонского общества, а нового политического творчества.

К примеру, Закон о гражданстве 1938 года считался одним из самых либеральных в Европе. Но при введении его в жизнь сейчас оказалось, что он оставил под прикрытием «серпасто-молоткастого» паспорта несуществующего СССР более трети некоренных жителей Эстонии. С 1991 года идут напряженные дебаты по поводу статуса этих людей, живущих преимущественно в городах и работающих в сфере промышленности, торговли, образования, здравоохранения и т.д. Как быть с этими людьми? Даже законные граждане Эстонии неравны в своих правах: потомственные граждане по сравнению с «новыми» гражданами - «равнее»... Всеобщая Декларация прав человека, принятая ООН, европейские союзы, включая Союз Северных стран, с мнением которых Эстония не может не считаться, настаивают на либерализации Закона о гражданстве. Время от времени эстонский парламент возвращается к этому закону и обсуждает, как его либерализовать? В пользу младенцев-иностранцев, родившихся в Эстонии, или старцев, разменявших в ней седьмой десяток лет? Или в пользу женщин-"правопреемниц", имевших неосторожность родить дитя от иностранца? Или в пользу этого "нечистого" потомства? Дать «иностранцам», прожившим на этой территории не один десяток лет, вид на жительство или, как того требует недавно созданный фонд «Деконизация», объявить эту треть населения Эстонии «незаконными иммигрантами» и выселить за пределы республики столько людей, чтобы восстановить демографическую ситуацию 1938 года?

...Закон о государственном языке вступил в полную силу с 1 февраля 1993 года. Департамент по языку разработал для иностранцев 16 категорий владения эстонским. Незнание или плохое знание эстонского языка стало, по существу, главным препятствием для этой части населения к обретению гражданства и праву на профессию. Эстонцы обучались русскому в годы советского режима по специальным учебным программам, и народ заговорил на втором языке, это входило в политику русифи-

кации национальных республик и стоило государству немалых средств. Как, в какие сроки, какими материальными средствами решать проблему «эстонизации»? В политических дискуссиях по всем этим нештучным для жизни и судьбы каждого человека вопросам нередко вновь и вновь вынимается из политической колоды «русская карта»; в Эстонии она разыгрывается столь же бестрепетно, как это делается национал-патриотами всех мастей в России.

Итак, «Расчистить площадку!». Этот призыв до сих пор остается смутным, и вся толкует его по-своему. От «чужаков»? От рудиментов социалистической экономики? От старого для нового или еще более старого?

Политические ристалища в зале парламента на Тоомпеа приобретают все более мистический характер. Резкие разногласия по всем этим вопросам разделяют и тех, кто делает сегодня национальную эстонскую политику. В недавние еще времена эпитеты «агрессивные» и «прокоммунистические», звучавшие в зале парламента, имели отношение исключительно к группе русских депутатов «За равные права»; нынче этнически чистое правительство бросает эти же обвинения в лицо своей этнически чистой оппозиции; та, не оставаясь в долгу, называет политиков из коалиционной правящей партии «Исаама» «детьми Брежнева», имея в виду их молодой возраст и методы, позаимствованные у предшественников...

На страницах первого номера «Всемирного слова» (он верстался накануне августовского путча 1991 года) в диалог с читателями журнала вступили писатели, поэты, публицисты Эстонии. Они высказали тогда свою убежденность в праве своего народа на собственную государственность, выразили веру в его умение отстаивать это право методами цивилизованного европейского парламентаризма в самых сложных политических ситуациях.

...Прошло два года. Эстония - независимое государство, она стоит на пороге Европейского дома, готовясь стать полноправным членом этой семьи народов. Как сегодня живется-дышится в новом государстве? И вновь я пригласила к размышлению и диалогу с читателями журнала писателей, социологов, журналистов, граждан и неграждан. В нашей подборке есть и голоса эстонской свободной прессы - ежедневный фон нашей жизни, во многом определяющий настроение и самочувствие людей. Мы печатаем также некоторые документы и личные мнения участников Представительной Ассамблеи русскоязычного населения Эстонии и взгляд со стороны на наши проблемы художника и журналиста из Дании, принимавшего участие в таллиннской международной выставке «Линии через Балтику».

ФОТО ИОСИФА МАЛКИЭЛА

Моя тема - описать как чувствует себя в постсоциалистическую эпоху писатель, пишущий на своем языке, на языке государства, только что ставшего независимым. Разумеется, я могу говорить, лишь исходя из своего личного опыта. Но убежден, что, несмотря на индивидуальные различия и партийную принадлежность, в настроениях творческой интеллигенции обнаруживается много общего.

Чтобы понять нынешние ощущения, следует мысленно вернуться в оккупационное время и представить картину того, как чувствовал себя при предшествующем режиме эстонский писатель, неизбежно сознававший себя противником этого режима.

Жить в каком бы то ни было обществе и при каком бы то ни было строе и отрицать его - дело весьма изнурительное. Если человек не мазохист, он в окружающей действительности ищет то, что делает жизнь более приемлемой и достойной. Большинство людей замыкаются в личной жизни, ограничиваются семьей, исподтишка обманывают государство и стараются урвать от рабочего времени, мысленно объясняя это тем, что государство обкрадывает их еще больше, что их труд только с обманом и отождествляется.

Писатель на виду. Он так или иначе соприкасается с господствующей идеологией: или отдается ей в услужение, или пытается своей деятельностью придать ей человеческий облик, борется с ее наиболее отвратительными чертами, или в открытую выступает против всей системы. Остается также возможность максимально игнорировать эту идеологию, причем писатель неминуемо присоединяется к какой-нибудь другой, известной в мире идеологии. Ведь его сознание состоит из фрагментов различных учений и истин. Все перечисленные отношения к советской идеологии были представлены и в эстонской литературе, задохнувшейся в советской оккупации на протяжении 50 лет.

Себя я скорее отношу к противникам этого режима, чем к его переустроителям. Оба этих вида были распространены среди писателей моего поколения. Само собой понятно, мы не могли открыто проявлять свое неприятие, однако читатель находил его в произведениях. Порой даже больше, чем там было. Потому что он жаждал его найти, это поддерживало в нем самый дух сопротивления.

Мой друг, ныне покойный, с которым мы в свое время были вместе в Сибири, сказал много позже: «Не огорчайся, если твои произведения не печатают. Ты должен отдавать себе отчет, что ты - противник этого режима.

Если они тебя напечатают, это будет их ошибка». И действительно, осознание этого довода сделало мою жизнь намного проще. Неизмеримо труднее было тому, кто считал, что поддерживает режим, и старался улучшить его и чьи произведения, тем не менее, «пощипывали». Он чувствовал себя обиженным, и вполне оправданно. Я же воспринимал относительно спокойно, когда цензура в очередной раз вымарывала страницы из романа или выкидывала рассказ из сборника. Если удавалось пуститься с редактором в пререкания,

я не верю, что в этом смысле есть избранные, хотя каждая эпоха имеет свою окраску и свое напряжение, каждая местность - свой рельеф и свой климат, у каждого народа свои характер и ценности. Если кому-то предназначено стать писателем, скорее всего он им и станет - вопреки обстоятельствам. И нет смысла говорить о тех, кто не осуществил себя - в каких же небесных книгах они записаны? Предполагать, конечно, можно...

Однако условия определяют, кто станет каким писателем, с какими трудностями ему придется

Арво ВАЛТОН

художнику, в творчестве которого возникала «навязчивая идея», а общественное бытие побуждало обращаться к гротеску и всевозможным изощрениям.

С одной стороны, писатель был народным любимцем, в его произведениях искали весть, истину между строк. Поскольку и общественные науки, и открытые выступления были извращены, то иносказание и усложненные об-

САМОЧУВСТВИЕ ЭСТОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

ФОТО КАЛЮ СУРА

ния, приходилось, конечно, доказывать, нет, мол, ничего антисоветского тут нет. Несмотря на пронизательность тех, кто решал, в советское время у меня вышел целый ряд книг. И отнюдь не только потому, что я прикрывался историей или уходил в абсурд, но и благодаря тому, что молчаливое сопротивление жило и в редакторах, и в функционерах, и при мало-мальской возможности представить дело «в выгодном свете» они пропускали рассказ. Естественным было и то, что мы в своих художественных произведениях занимались не только политикой. Ведь оставалось немало общечеловеческих тем, которые присутствовали в наших произведениях и вели более или менее ту же жизнь, что и в литературе демократических стран.

Никому не дано выбирать время и место своего рождения. Безусловно, к тому, что он, рождаясь на свет, обнаруживает вокруг себя, человеку приходится так или иначе приспосабливаться. При этом по мере сил и упорства он стремится сделать эти условия более благоприятными для себя и своих соратников.

Во все времена, во всех странах и среди всех народов Бог раздает талант и бездарность, ум и глупость, красоту и уродство, здоровье и хвори более или ме-

АРВО ВАЛТОН

Родился 14 декабря 1935 года

Учился

- в Таллинском политехническом институте, закончил в 1959 г. по специальности горный инженер,

- в Москве, во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИКе), закончил в 1967 г. по специальности киносценарист.

Работал

- в 1959-1968 гг. инженером, затем был свободным художником, в 1975-1989 гг. на киностудии «Таллифильм».

Член Госсовета с 1992 г., никогда в партии не входил.

Новеллы публиковал с 1960 г., первая книга вышла в 1963 г.

До настоящего времени на эстонском языке вышло 32 книги (новеллы, романы, афоризмы, детские книги, стихи, пьесы, сценарии).

Переведен на 30 языков.

ся столкнуться, как раскроется его талант, у кого он сможет поучиться, что из его своеобразия в данный момент и в данном месте окажется читателям ближе, что отдаленнее.

В советской действительности писателю принадлежала престижная роль. Писателями стремились стать и те, кто в условиях большей свободы осуществили бы себя в политике, стали бы общественоведами или философами. Большинство интеллигенции раздвоилось (кто не сумел на публике быть одним, а перед самим собой совершенно другим, зачастую оказывался в психушке с обвинением в шизофрении или в раздвоении личности), и писатели тоже. Возможно, такая принудительная раздвоенность в какой-то степени даже подходила

разы в художественной литературе точнее и вернее характеризовали эпоху, чем какая бы то ни было газетная статья. С другой же стороны, власти - поскольку совсем подавить свободное творчество отнюдь не просто и надо же перед всем миром строить хорошую мину, - власти пытались купить писателя. В этом смысле писатель в уравниной советской бедности был человеком довольно обеспеченным. Более ловкие из них лавировали в литературе, стремясь одновременно быть и на трибуне, и в подполье, быть угодными и властям, и народу, который во все времена противостоял правителям, а в годы тоталитаризма особенно - несмотря на все угрозы.

Вот из таких обстоятельств мы и выходим. У многих писате-

лей новая обстановка, которой мы страстно желали, вызвала шок.

Во-первых, появилась свобода писать о чем угодно и как угодно. Но те, кто привык противиться давлению, находятся в растерянности: о чем и как писать? От цензуры мечтали избавиться все, и стремление писать не так, как дозволено, открывало возможности для намеков. И вот вдруг все разрешено, экспериментировать и поддразнивать теперь-то зачем, когда чувствуешь, что твой запал растворяется в равнодушии публики.

В периодике сейчас свободно говорят на все запретные ранее темы, и кое у кого, привыкшего к прежнему положению, зарождается чувство, для чего, мол, нужна еще и художественная литература. Речь идет именно о чувстве, потому что на самом деле - когда мы приходим к ясности в самих себе и убедимся, что мы как личности не безнадежно устарели - это обстоятельство даст возможность обратиться к истинно литературной материи - к эстетике, игре слов, исконной природе совершенного образа. Нет более необходимости извлекать пользу из политической остроты, прибегая к разного рода изощрениям, надо делать по-настоящему хорошую литературу.

Во-вторых, наступило время активного и деятельного предпринимательства. Далеко не каждый, кто на протяжении 50 лет ощущал, что от его потуг мало что зависит (ведь кто-то где-то за него решает!), может перенастроиться и найти возможность издаться и существовать в качестве писателя.

В третьих, писатель обеднел, как он относительно беден и в западном обществе и как он был беден в довоенной Эстонской Республике. Да и в эмиграции он должен был поддерживать жизнь другим трудом, литература же оставалась для него либо хобби, либо миссией.

Мы за два года достигли такого же положения: тиражи книг упали в десять раз, средний гонорар за книгу меньше, чем среднемесячная зарплата, а если попытаешься издать свою книгу сам, то придется еще немало доплатить.

С этим действительно очень трудно свыкнуться, ведь всего лишь пару лет назад любой работающий писатель мог прожить писательским трудом и позволить себе радости того общества, а теперь у бывших когда-то обеспеченными господ в тисках всепожирающей инфляции не осталось денег даже на похороны и каждодневное существование сопряжено с тяготами и лишениями, крохотной пенсией едва хватает на оплату квартиры-люкс, полученной некогда от государства практически ни за что.

Так оно и есть, зато о свободе творчества, о независимости, о свободной самореализации мы

мечтали все эти годы нажима, и я еще не слышал ни от одного эстонского писателя, что он хотел бы вернуть то время назад. Может быть, кто-то так и думает, но мне или любому другому говорить об этом не станет. Кое-кто, правда, сетовал, что раньше, мол, писателю было лучше, да ведь все зависит от того, с какой стороны поглядеть.

Все мы мечтаем об идеальном устройстве своего общества, собираем в своем воображении все преимущества и огрехи разных миропорядков. Для кого имеет преимущественное значение резкое ухудшение предметного ряда и снизившийся читательский интерес, тот признает объявившуюся творческую свободу кривя губы и считает, что это само собой разумеется, будто сам только что не страдал от нажима. А для другого духовная свобода стоит на первом месте, он не жалуется на нехватку денег, он находит возможность для прожития, и ему удается издать свое произведение в каком-нибудь новом издательстве, кои возникли десятками на месте монопольного государственного издательства.

И естественно, что для эстонского писателя в новых обстоятельствах имеется куда более важный аспект, чем его личное самоосуществление, сытая жизнь или успех у публики. Это перспектива орудия его труда - языка, смысла жизни, основы культуры и существования народа. Как долго им приходилось говорить не столько о развитии и положении в большом мире, сколько просто о сохранении.

Еще десять лет назад в мрачные минуты казалось, что исчезновение нашего языка, культуры, а вместе с ними и всего народа лишь вопрос времени. Как факт, именно это подтверждающий, перед глазами вставала картина исчезновения многих других народов в Российской империи за самые последние годы. В том числе и ужасное положение наиболее родственных нам угро-финских народов. В течение жизни нашего поколения практически исчезли води, ижоры, ливы, на грани вымирания находятся саамы, вепсы, карелы России, не говоря о десятках сибирских народов. Достаточно вспомнить всего две цифры: по народной переписи 1926 года в Советском Союзе проживало свыше 150 национальностей, в 1959 году - менее 100. Насильственное вымирание народов, разного рода геноциды продолжались во все возрастающем темпе. Даже хваленая хрущевская оттепель стала роковой для многих народов. Методы уничтожения народностей, уничтожения наций стали весьма разнообразны, в большинстве своем они носили экономический характер, а идеология поддерживала их в полный голос, хотя выдвинутые ею лозунги произносились на другом языке.

Положение прибалтийских и кавказских народов, имеющих древнюю культуру, было более выгодным, но в затхлой атмосфере того времени и наша гибель казалась неминуемой. К началу 80-х годов во многих учреждениях Эстонии невозможно было вести дела на эстонском языке, документация повсюду велась на русском. И выхода не предвиделось.

Разумеется, такое состояние дел причиняло даже самому красному эстонскому писателю душевную боль. Каждый из нас рассчитывает на посмертную жизнь своих произведений, мы в своем тщеславии воображаем, что кто-то прочтет нас через 200 лет. И хотя мы понимаем, что это всего лишь приятная иллюзия, такая мысль помогает писателю жить и ежедневно творить. А когда творец должен думать, долго ли просуществует народ, читающий книги писателя на языке оригинала, то его пером неизбежно водит удрученность и вся его душа отчаянно сопротивляется.

Теперь - благодаря и нашим, писателей, усилиям - мы завоевали себе передышку. Наш язык и культура на сей раз, кажется, спасены от повального обрусения. И хотя алчный сосед продолжает косо поглядывать в нашу сторону, хотя его имперски настроенные идеологи грозятся «восстановить» державу, как только они оправятся от внутренних коллапсов, мы понимаем, что история вновь подарила нам возможность.

Как малочисленный народ и слабое государство, мы должны неизбежно думать о том, чтобы интегрироваться в Европу, потому что лишь вхождение в более широкое сообщество может спасти нас в дальнейшем от угрозы России.

Немногие из интеллигенции прибалтийских стран желают в душе такого исхода. Мы недавно вырвались из одного «объединения» и не хотим пока попасть в другое. Хотелось бы стоять на своих ногах. Но все новые угрозы со стороны России вынуждают нас устанавливать самые разные контакты с Европейским сообществом. При этом мы отлично сознаем, что и оттуда исходит угроза нивелирования нашего языка и культуры. Давление, исходящее оттуда, разумеется, несравнимо с прежним, но, с другой стороны, - добровольный шаг навстречу чужому укладу даже опаснее. Что проявляется хотя бы в укореняющемся скверном английском или монстрах-вывесках на дверях всевозможных фирмочек.

Так что для писателя и сейчас есть вещи, с которыми нужно бороться.

Культура - это сопротивление, как говорят французы. И сегодня кое-кто думает, что уровень эстонской культуры не так уж низок был в советское время именно потому, что у нее была

миссия - противостоять. В ситуации, когда любое физическое сопротивление - если не считать перманентных итальянских забастовок на рабочих местах, каковые случались и у нас, и у склонных к удобствам русских, - было до конца подавлено, духовное противостояние, реализуемое в искусстве, в науке, в родном языке, неизбежно должно было вырастать. Но уже сейчас очевидно, что эстонская культура продолжает сопротивляться, на сей раз надвигающемуся на Европу американскому образу жизни, потребительству и убогому английскому языку.

В этой исторической борьбе за свою независимость, в которой эстонские писатели приняли самое непосредственное участие и которая, возможно, будет продолжаться вечно, надо настроить себя оптимистически. Не надо гнаться под суровыми трудностями жизни, их следует принять как временные - как, впрочем, и саму жизнь.

Мы часто спрашиваем у себя сегодня, о каком эстонском государстве мы мечтали? Конечно же, о таком, где нет недостатков ни сокрушившегося от своей нежизнеспособности социализма, ни сомнительно процветающего капитализма. Эти последние мы начинаем ощущать на собственной шкуре - как в недавнем прошлом испытали на себе все «прелести» социализма.

К сожалению, идеалы в жизни не осуществляются. Мы слишком малочисленны и слишком бедны, чтобы совершать исторические эксперименты. Множество раз подтверждалось, что подобные попытки заканчиваются крахом. Но у нас нет выбора. До смерти уставшие от изъятий советского социализма, мы погружаемся в пороки капитализма, которые поначалу вызывают отчуждение, но тем не менее возбуждают любопытство.

Экономические системы, к сожалению, целостны, смешанные варианты не срываются. Сейчас нам хочется верить, что насаждаемые пороки капитализма все-таки терпимее, чем были при социализме. Нежизнеспособность последнего доказывается самим фактом его скоростного разрушения. Вероятно, человечество научится чему-то на этом витке истории, какие-то лучшие стороны исчезающей системы в будущем могут быть применены и на Западе, но освободившиеся страны восточного блока вряд ли сумеют стать в этом пионерами, - несмотря на предшествующий опыт.

Разумеется, хочется, чтобы будущая Эстония избежала многих известных мирового опыту ошибок, но сможет ли она с этим справиться? Сумеет ли мы, например, миновать безжалостную власть денег? Едва ли. Конечно, человек мечтает о лучшем будущем, но благо уже одно то, что мы наперед знаем, что

нас ждет впереди, и попытаемся смягчить удар.

Во всяком случае, среди эстонцев, как и среди других народов Средней Европы, не заметно ни особой эйфории, ни ощущения обвальной гонки в ад. Очевидно, осторожная поступь поможет людям не споткнуться.

С надеждой легче жить изо дня в день, легче идти навстречу своей индивидуальной смерти, думать о вечно прорастающем семени, о продолжении в детях и внуках - и телесном, и духовном.

Что же касается эстонской литературы, то я убежден, что она не останется прозябать под натиском массовой культуры, коммерции и китча. Ведь какое-то давление даже необходимо, чтобы лучше найти себя и определиться.

Задача литературы сейчас - разобраться в нашем недавнем прошлом, чтобы было из чего делать выводы на будущее, вернуться к запретным доселе темам, быть голосом угнетенной части народа, нести людям устремленную в будущее мысль, удовлетворять потребность в красоте, делать жизнь, испытывающую ежедневный натиск коммерции, более радостной и сопричастной к так называемым вечным ценностям жизни.

Чем сильнее наше уже сформировавшееся культурное поколение, тем более мощно должно выступать новое, чтобы отрицать нас и в то же время учиться у предшествующей генерации.

У эстонцев хватает недостатков, но они все же народ ищущий и восприимчивый к новому. Внушает надежду их стремление избежать односторонности, ведущей, как правило, на неверный путь. Они духом чувствуют, что желание попасть в Европу отнюдь не означает забвения восточных мудростей, отказа от поддержки соплеменников, бедствующих в тисках империи, отрицания растущей в мире духовности.

Представление, будто основная проблема эстонского народа заключается в том, что в Эстонии слишком много русских, своей простотой привлекательно и для дворника, и для политика. Еще недавно эстонцев пугали тем, что вступление большого числа русских в эстонское гражданство может стать роковым для эстонского народа. Может быть, назрело время взглянуть на проблему с другой стороны?

Рейн Таагепера указывал, что если в начале века эстонцы составляли 0,07 процента населения земного шара, то теперь их чуть

Яан КАПЛИНСКИ

нация, а не общество. Общество времен довоенной Эстонской Республики уничтожено, страна потеряла сотни тысяч людей, погибших или эмигрировавших. В Эстонии возникло новое общество, с иными структурами - экономическими, социальными, национальными. Советская Эстония была вроде бутерброда с мясом, причем эстонцы являлись тем самым куском мяса между двумя ломтями хлеба - русской номенклатурой и русским пролетариатом.

Сейчас в известной степени моделью

ОТКУДА ВЗЯТЬ ЭСТОНЦЕВ?

больше 0,02 процента и этот процент постоянно снижается. Подготовленный в Таллине «Прогноз социально-экономического развития Эстонии на 1993 год» предсказывает, что в 1992 году в Эстонии умрет на 1,5 тысячи человек больше, чем родится, а в 1993 году - уже на 3,5 тысячи. Так что количество эстонцев снижается и в абсолютном исчислении, к тому же все ниже становится доля трудоспособного населения.

Главная беда эстонцев не в том, что в Эстонии слишком много русских, а в том, что в ней слишком мало эстонцев. Вопрос можно поставить так: способен ли народ, численность которого не достигает миллиона, сохранить и развить современное государство в регионе, где так тесно переплетены интересы великих держав? Иначе говоря, может ли Эстония просуществовать с населением в миллион человек, среди которых все возрастающую долю составляют пенсионеры?

Я не знаю точного ответа на этот вопрос. Некоторые поверхностные подсчеты говорят, что эстонцев слишком мало, чтобы держать государство с собственными вооруженными силами, шестью высшими учебными заведениями, рядом научных учреждений, современной промышленностью и сельским хозяйством, а также, естественно, огромной армией всевозможных чиновников. В одном только налоговом департаменте их должно быть не менее тысячи и почти тысяча - в таможенном.

Я не знаю, изучал ли кто, как распределяются теперь рабочие места между русскими и эстонцами и какова здесь тенденция развития. Практика, однако, подсказывает, что социальный статус эстонцев в настоящее время растет, а русских - снижается. Бывшая русскоязычная номенклатура отстранена от власти, управление государством и большинством местных самоуправлений целиком перешло в руки эстонцев. Закрепляется традиционная приоритетная позиция эстонцев в науке, образовании и искусстве. Закон о языке, который, впрочем, применяется не в полной мере, отсеивает тех, кто не владеет эстонским языком. Часть русских, относящихся к среднему классу, очевидно, покинет Эстонию, часть - уйдет в предпринимательство.

Частное предпринимательство в настоящее время - единственный способ престижной самореализации русских в Эстонии. Основную часть здешней русской общины в ближайшем будущем будет составлять рабочий класс, социальный статус русских будет явно ниже, чем у эстонцев.

Несчастье эстонцев в том, что они -

общества в Эстонии является дворец Тоомпеа. Когда-то в нем было много говоривших на русском языке высокопоставленных чиновников. Теперь в кабинетах сидят исключительно эстонцы, а среди obsługi по-прежнему много русских. Нынешняя тенденция такова, что эстонцы станут в Эстонии господами, а русские - слугами. Ясно, что русские долго мириться с ролью слуг в эстонском обществе не станут, и государство ожидают крупные и опасные конфликты.

Так не лучше ли, чтобы Эстония состояла из одних эстонцев?

Это возможно только теоретически, но никак не практически. Мы не сможем восстановить эстонское общество 1939 года, как бы нам того ни хотелось. Но эстонцы этого и не хотят. Мы хотим жить, как в Скандинавии или в других высокоразвитых странах, но не как в развивающихся странах. Нижний слой, простые рабочие должны братья откуда-то со стороны. Сейчас в Эстонии нижний слой составляют русские и другие бывшие советские, приехавшие сюда. Но и русские проявляют явные признаки западничества: у них мало детей, и они пытаются подняться в средний класс.

Если процесс в самом деле будет протекать таким образом и если эстонская экономика станет развиваться по восходящей, то уже через дюжину лет у нас может возникнуть нехватка рабочей силы, и неудивительно, если через поколение у нас рабочими будут темнокожие иммигранты из Турции или Индии. Путь, избранный эстонцами, нельзя пройти в одиночку. Мы нуждаемся как в финансовой помощи развитых стран, так и в рабочей силе из развивающихся стран, по нраву нам это или нет. Национальным государством Эстония может быть только условно. Необходимость в либеральной «русской политике» диктуют нам не только гуманистические принципы Запада, но и национально-государственные интересы Эстонии. Кажется, что это начали понимать даже наиболее дальновидные политики национал-радикального толка.

«Ээсти экспресс»

Моя жизнь оказалась почти пополам рассечена двумя городами. Один, рядом с «окном в Европу», ныне стал самой маленькой европейской столицей, другой является центром евразийства в географическом и переносном смысле.

Я родился на Урале, в Свердловске (ныне Екатеринбург), там же окончил университет и стал работать телерадиожурналистом. А детство, отрочество и начало юности пришлось на Таллинн, куда я вернулся в 1987 году.

Переехал по нескольким причинам. Ти-

рое, увы, не состоялось) книжки я затеял чрезвычайно хлопотное, дорогостоящее и рискованное дело.

Перетащил пожитки и перевез бабушку, горячо любимую бабушку оторвал от родных корней и могил.

Мне стало жить невмоготу. Жить и работать. НЕВОСТРЕБОВАННЫМ.

И я не жалею ни о чем. Потому что, если мне и придется «перепрыгивать», то с легким карманом и легким сердцем, в котором только одна тяжесть - вины - перед бабушкой и мамой. Той мужской вины за то, что не обеспечил, не сохранил, не приумножил, не защитил.

Безумные нужны безумным, любящие любящим, ненавидящие ненавидящим и т.д.

Андрей ТАНЦЫРЕВ

КАДРИОРГ

*Люблю старинный парк Екатерины.
Люблю бродить по северной аллее
с доверчивою книжкою стихов,
потом присесть на старенькой скамейке
у озера в полднейвой тишине
закрыть глаза и предаваться мыслям
о чем угодно, вспоминая детство,
как собирали крепкие каштаны
и желуди, как сильно пахло дымом
в осеннем многоцветном парке...
А вы мне говорите: «классицизм».
Попробуйте иначе описать
тот холодок в тени столетних дубов
и синебу, в которую вырастают,
чуть было не сказал я: исполнины.
Да разве в нашей жизни нет чудного?
Вот думаю: какой чудесный парк,
и люди в нем чудесные какие,
и лебеди, и белки, и собачки,
и голуби, и рыбы золотые
в воде недвижной паркового пруда.
И как не жить, когда аллеи солнцем
зальет, и нежно вспенится листва,
от ветра зашумевшая как море...
Люблю старинный парк Екатерины -
бессмертный, англо-русский, аварийный.*

P.S.

*Здесь, в мимолетном обозренье
оскудевающих красот
твои века, стихотворенье,
твое зерно и недолет.*

*Я по темному берегу сна
добреду, может быть, до трамвая
и поеду, глаза закрывая
от усталости. Сон. Крутизна*

*бесконечного спуска к чему?
Зоопарк аммиаком вздохнет.
Поднимаясь, спускаться начну,
и наоборот.*

*Мне тепло от дыханья воды.
Пар клубится над зеркалом ГРЭС.
Спят разбитые возле сады.
На сосне застывает подрез.*

*Покачнувшийся лес тишину,
как младенца мне дал подержать.
А еще я увидел страну,
что решила - куда? - уезжать.*

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

*Море больше не придет.
Сизой наледи налет.
Облака, как снег, не тают,
и случайный вертолет
смотрит, как они светают.
Я по берегу иду,
подзывая, как беду,
чью-то черную собаку
и любуюсь на слоду,
как на свежую салаку.
Снег, конечно, нафталин,
соль, слода, отчасти сода.
Снег - холодный господин,
снег - надменная природа.
Нет на свете ни души,
корабли и те исчезли.
Снег, мерцающий в тиши,
как сознание в болезни.*

Я НЕ ЖАЛЕЮ НИ О ЧЕМ...

СТИХОТВОРЕНИЯ

ичным для того времени и нетипичным для этого. Говорят, один переезд равен двум пожарам. Сейчас люди не переезжают, а перепрыгивают с одного тонущего корабля на другой. Спасаются от ночей длинных ножей, от безработицы, от безлудья и от страшного желания взять в руки «туку», «ижевку», берданку или «калашникову» и стрелять, стрелять, стрелять, как нью-йоркский безумец, по людям, машинам, родным, в себя.

Из Свердловска в Таллинн я переехал, потому что «что-то кончилось». Я исчерпал и город, и свое терпение, и терпение моих друзей. У меня была престижная работа, хорошая квартира, отличные друзья. Нашу семью, наполовину состоящую из металлургов (инженеров, ученых, руководителей), а на другую половину из врачей, хорошо знали в городе. Это помогло мне дважды: когда да меня собирались вышвырнуть с I курса университета за какую-то сущую безделицу - нарушение идеологического стандарта во время выступления в спектакле первокурсников; и второй раз, когда меня хотели уволить с работы за длинный и острый язык и постоянное желание, которое прорывалось иногда и в передаче, вопить, что «король-то голый, братцы!»

Я никогда не был диссидентом, как не был и поклонником существующего режима. Я смутно понимал, что впереди нас ждут «большие перемены», и старался использовать эту пролонгированную передышку, которую окрестили впоследствии «эпохой застоя» для того, чтобы много прочесть, увидеть, услышать и написать. Я купался в «роскоши человеческого общения», а мне казалось, что у меня нет настоящих друзей.

Я никогда мучительно не гадал, куда позвонить или пойти, когда мне было плохо или, напротив, весело, что тоже требует соучастия.

Ни в какой Америке, ни в какой Эстонии у человека не может быть столько друзей, сколько их было у малоизвестного поэта и чуть более известного тележурналиста Андрея Танцырева в городе Свердловске 70-х и 80-х.

А печатали меня раз в два года, в Таллинне, в журнале с одноименным названием. А потом сказали, что печатать меня уже нельзя, потому что я не живу в Таллинне.

И я переехал. Нет, конечно, не ради публикаций и обещанного издания (кото-

Поэты не нужны России, не нужны они Эстонии. Не нужны поэты государству, бедным и богатым, толстым и худым, горбатым и красивым.

Моя садомазохистская любовь, мой неизданный роман с Отечеством, с тем отечеством, которое отождествляется не с любимыми домами, улицами, лесами и людьми, а с Тенью, с Драконом и подземными чудовищами Даниила Андреева, с этим отечеством мой роман завершен. На этот раз не человек потерял себя, а отечество. Но я, ставший «безродным космополитом», до сих пор надеюсь, слабея и срываясь в отчаяние, на возрождение великого маленького народа, имя которому **ЧЕЛОВЕЧЕСТВО**.

АМАДЕУС

Убогий катафалк под дождиком унылым.
Футляр, в котором - я,
покрашен в черный цвет.
Пора меня спасти родным
небесным силам:
какого черта он ушел во цвете лет?

Я ветром был набит,
как все сквозные ноты.
Приструнил я дуэт свободы и вины.
Но стиснул шею мне
не воротник гарроты,
грудная жаба - вот! - кредита и сумы.

Спеленутый тряпьем,
лишь дырочка для носа,
я не услышал, как пастух огрел коров.
Тут почва тяжела,
тут нет в помине лёсса,
вот почему меня зарыли в общий ров.

Любовником я был музыки вдохновенной,
вином кропил батист сорочек и вином
удерживал себя на грани дерзновенной,
чтоб не пришла беда
в одолженный мне дом.

Я не очнусь вовек,
присыпанный известкой,
спеленутый холстом
из бедных мастерских.
Опять никто не шел за темною повозкой.
О музыка, зачем ты выше сил людских?

Уйти не в зеркало, а в библию.
Не в зазеркалье жить, в пустыне.
Среди овечьего обилия
не думать о вчерашнем сыре.

Не плакать о судьбе отечества,
обремененного войною.
Уйти от жрания и жречества,
в песок зарыться с головою.

Сидеть у огонька чадающего,
держа ягненка на коленях.
Летит, летит из настоящего
конь блед на самолетных тенях.

Как много стихов о врагах,
как мало стихов об отчизне,
троллейбусах, птицах и жизни,
о женщинах и о цветах.

Как кормится разум разладом,
и темной душе невдомек,
что рядышком с Дантовым адом
дурашливый блеет раек.

Забуты и роды, и броды,
и версты оплять не видны.
Расколоты тяжкие своды
великодержавной страны.

Кому-то от этого легче,
кому-то темней и трудней.
Беда от беды не излечит,
когда нет просветов у ней.

Но в светлом теченье небес
купаются слабое око.
И хочется жить так высоко,
что падают слезы в замес.

Давид Самойлов был любимцем и enfant terrible российских интеллектуалов 60-80-х годов. Родился в Москве, умер в Таллинне.

*Хорошо уехать в Таллинн,
что уже снежком завален
и уже зимой застелен,
и увидеть Эллиен с Яном,
да, увидеть Яна с Эллиен.*

*Мне ведь многого не надо,
мой приезд почти бесцелен:
побродить по ресторанам,
постоять под снегопадом
и увидеть Яна с Эллиен,
да, увидеть Эллиен с Яном.*

Самойлов воспел Таллинн задолго до переезда в Эстонию, задолго до смерти, не подозревая, что он станет его последним городом.

Любимый поэт Самойлова сказал:

*Если выпало в империи
родиться,
лучше жить в глухой
провинции у моря.*

Самойлов поселился в Пярну и прожил там четырнадцать своих последних лет. Купил дом на берегу моря, на Черемуховой улице - улице Тооминга. Здесь даже прохаживать редки, не говоря о машинах. Тротуар подметают половой щеткой, как паркет в доме, а пыль собирают в совок. Далеко в море уходит мол с маяком. Летом пестреют паруса яхт, зимой залив промерзает, его заваливает снегом так, что не видно границы воды и суши. Беззаботно спуют белки. Однажды гуляем мы с Самойловым, навстречу две дамы. Приезжие.

- Белочка! Ах, белочка!
И к нам:
- У вас нет конфетки?
Самойлов не терпел фальши. Спросил:
- А деньгами она не возьмет?

Дамы так и шарахнулись. Einelaud по-русски буфет. Гуляя по Пярну, Самойлов любил зайти в эйнелауд и выпить коньячку.

- Все дороги ведут в эйнелауд, - объяснил он мне, когда я впервые приехал к нему в Пярну. - Я даже расстояния здесь измеряю в эйнелаудах. Такая мера длины. До автобусной станции три эйнелауда, до театра - два эйнелауда.

Книгу стихов, написанных в Эстонии и об Эстонии, и переводов из эстонских поэтов Самойлов так и назвал: «Улица Тооминга». Прислал мне ее в подарок, включив заглавие, напечатанное на титульном листе, в дарственную надпись:

*Легко найти меня в сем мире:
УЛИЦА ТООМИНГА, 4.*

Уйдя на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы, поэт необыкновенно плодотворно работал. За эти 14 лет у него вышло книг больше, чем за всю предшествующую жизнь.

Он написал стихотворение «Приморский соловей». Он сам был таким приморским соловьем.

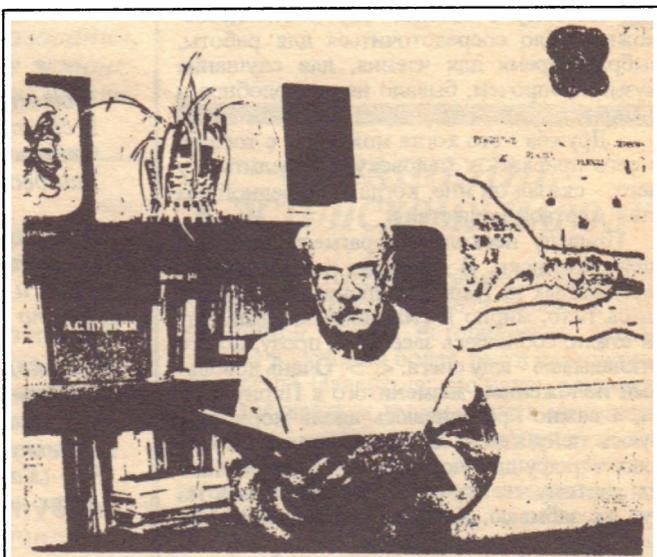
Вадим БАЕВСКИЙ

Написал прекрасное стихотворение «Залив»:

*Я сделал свой выбор. Я выбрал залив,
тревоги и беды от нас отдалив,
а воды и небо приблизив.
Я сделал свой выбор и вызов.*

*.....
Я сделал свой выбор. И стал я тяжел.
И здесь я залег, словно каменный мол.
И слушаю голос залива
в предчувствии дивного дива.*

ХОРОШО УЕХАТЬ
В ТАЛЛИНН...

*Книгу надо проглотить,
и не кричать никому
Д. Самойлов*

Написал превосходные «Пярнуские алегии».

Естественно, что он написал здесь поэму «Сон о Ганнибале»: с Пярну связаны драматические эпизоды жизни пушкинского прадеда - как было пройти мимо такого сюжета? Но и в лирической поэме «Беатриче» оказалось значительно больше эстонского, чем итальянского. Вот что достойно внимания и удивления.

Он издавна дружил с эстонскими поэтами Эллиен Нийт, Яном Кроссом (это о них «Таллиннская песенка»), Леоном Тоомом (его памяти посвящены пронзительное стихотворение «Здесь, в Таллинне, бродили мы с Леоном...» и весь сборник «Улица Тооминга»), переводил стихи Лидии Койдулы, Деборы Вааранди и молодых авторов. Можно сказать, что он создал маленькую антологию эстонской поэзии в собственных переводах на русский язык. Поэтому он сразу вошел в литературную жизнь Эстонии: участвовал в вечерах эстонской и русской поэзии, где эстонские поэты читали свои

ФОТО ВИКТОРА ПЕРЕЛЫГИНА

стихи в оригинале, а Самойлов читал их стихи в своих переводах на русский язык, встречался со студентами Тартуского университета, с читателями в библиотеке, выступал по эстонскому радио и телевидению. Из Пярну он ездил в Литву и Латвию: дружеские и творческие отношения с писателями этих стран связывали его на протяжении десятилетий.

Несколько раз в год Самойлов приезжал в Москву, в Ленинград. Выступал с чтением стихов, записывался на телевидении и радио, встречался с друзьями.

Но такое внешнее благоприятное распределение времени, занятий между Эстонией и Россией оказалось внутренне драматичным. В Пярну Самойлову, коренному москвичу, остро не хватало шума большого города, привычной литературной среды, приятелей и приятельниц. Не всегда пребывание там оправдывалось результатами литературного труда: подобно многим поэтам, Самойлов знал периоды бесплодия, сомнений. Тогда он особенно рвался в Москву. А там его подстерегали другие проблемы. Он обладал огромным обаянием, огромной притягательной силой. Вокруг него постоянно роились (роились - это его слово). Поэтому в Москве ему почти невозможно было сосредоточиться для работы, выбрать время для чтения, для слушания музыки. Впрочем, бывало нечто подобное и в Пярну.

- Дружба - это когда можно ни с того ни с сего приехать к человеку и поселиться у него, - сказал он мне, когда в очередной раз стал жертвой нашествия.

Приведу несколько фрагментов из нашей переписки. В одном из первых писем, полученных из Пярну, я прочитал: «Живу я здесь тихо, мирно и смирно. Наклеиваются стихи, собираюсь засесть за прозу, но все откладываю - жду снега. <...> Очень довольный положением знаменитого в Пярну поэта, я важно прогуливаюсь вдоль моря, люблю пейзажем и от нечего делать сочиняю строфу-другую, вернее - запоминаю их, потому что на ходу сочиняю всегда, но тут же забываю. Дети и Галя здоровы. Мы еще не устали радоваться здешнему житью. А в Москве - суета и разнообразие эмоций, положительных и отрицательных, но всегда утомительных» (16.11.1976). Упомянута Галина Ивановна Медведева, жена Самойлова.

«У нас все в порядке, нарушаемом детскими кашлями. Я настолько вошел в ритм работы, что уже не укладываюсь в утренние часы и сочиняю, что под руку подвернется, и вечером: песни, либретто, переводы, рецензии, заявления, дружеские и угрожающие письма. До дела я, впрочем, еще не добрался, хотя уже пошевеливаются стихи. Снова приближаюсь к прозе» (4.3.1978).

Однако приходили из Пярну и другие письма. «Дела мои запущены. Вопиют переводы, чертыхаются рецензии. Стихи помалкивают» (18.5.1981). «Наконец-то собрался Вам написать. Была какая-то апатия и невозможность ударять в машинку» (6.10.83). «Давно не писал Вам по трем причинам. 1. Поездки. 2. Болезни. 3. Хандра. (20.6.84). «Милые-дорогие Баевские! Простите, что долго не писал вам. Не сердитесь, дорогой В.С., ничего не случилось, пожалуй. Просто шла кавалерия вниз. Тоскую. Изредка пишу стихи.<...> У нас - великий ремонт, съевший все деньги и силы» (восьмидесятые годы).

При такой разнице потенциалов шла жизнь.

Параллельно с нормальным, так сказать, обменом письмами мы с Самойловым более или менее регулярно переписывались стихами. В его дружеских посланиях, то ли-

рических, то юмористических, его бытие на берегу залива предстает ярче, чем в эпистолярной прозе. В 1985 году, вернувшись из отпуска к началу занятий, я получил письмо-сонет.

*Вот лето кончилось, мой добрый друг.
Разъехались друзья и их подруги.
Покуда лето шло, я на досуге
Насочинял стихов с полсотни штук.*

*Стихи любовные. «Распался круг...»
Ну и так далее... У нас в округе
Уже к деревьям осень тянет руки.
И грустновато от ее потуг.*

*А впереди обычные работы:
Писать статейки без большой охоты,
Переводить, наказывать детей.*

*Почитывать, если позволит зренье.
Порою накропать стихотворенье.
И дальше жить. Ведь нет иных путей.*

Я ответил стихотворением в форме рондо и тотчас получил отклик.

В.БАЕВСКОМУ

*В ответ на Ваше милое рондо
Я снова расплачусь сонетом с Вами.
Отбросив лень, я нынче замордо-
Ван бесконечными статьями.*

*Я бы послал их к этой самой маме,
Но детям нужно что-нибудь съедо-
Бное, и обувь, и пальто,
За что расплачиваются деньгами.*

*А летом написал не два, не три
Стихотворения, а целых сорок
(Не знаю сам, откуда взялся порох)
И циклу дал название «Беатри-
Че» (Как всегда - «шерше ля фам»)
Я как-нибудь пришлю сей цикл и Вам.*

А завершилась наша переписка так. Уже после известия о внезапной кончине Самойлова я получил последнее его послание, отправленное за два дня до смерти. Как бы из-за гроба. В нем открыто не прозвучала эстонская тема, но ощущение конца целой эпохи, непрочности дома на берегу залива, предчувствие смерти выражены с подспудной трагической силой. Перепад потенциалов по сравнению с предыдущим ритмическим.

В.С.БАЕВСКОМУ Сонет вместо письма

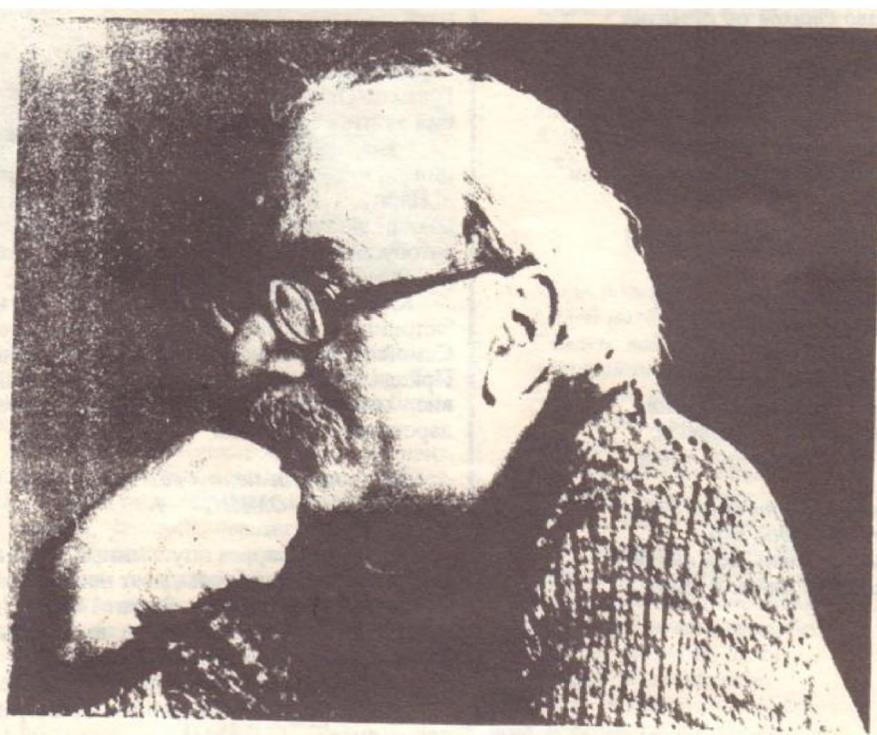
*Нет у меня особых новостей.
А общие, конечно, Вам известны.
Колечатся основы крепостей
И ноздри чуют серный запах бездны.*

*Поэзия все суше и пустей.
И все ее потуги бесполезны.
Пишу друзьям и жду от них вестей.
И Вы пишите, будьте так любезны.*

*О современном же житье-бытье
Не уложиться и в большой статье.
Да все статьи опаздывают на год.*

*Итак, я весь погряз в полубыту.
Порою забываюсь. Но во рту
Все тот же терпкий привкус
волчьих ягод.*

Обнимаю.
Д.Самойлов
21. 02.90.

ЗАЯВЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Мы, люди разных национальностей, вероисповеданий, политических взглядов, социальных статусов,

- делегированные различными общественными, культурными, национальным движениями, объединениями, организациями;

- представляющие ту часть населения Эстонии (преимущественно русскоговорящую), чьи интересы в настоящее время не представлены в государственных институтах Эстонской Республики (прежде всего лиц, лишенных гражданства):

- объединенные убеждением, что защита наших интересов возможна только общими усилиями, приняли решение о создании

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ.

Мы поручаем Ассамблее представление и защиту наших интересов в сферах:

Правовой - для обеспечения участия во всех государственных структурах власти, муниципальных органах, международных организациях и т.д., способствуя тем самым интегрированию и стабилизации общества;

Социально-экономической - для достижения одинаковых условий владения собственностью, трудоустройства и оплаты труда, охраны здоровья и социального обеспечения;

Гуманитарной - в деле обеспечения доступности образования, включая и высшее, на базе эстонской или русской (по выбору) школы,

поддержания и развития национальных, культурных и конфессиональных объединений.

Мы доверяем Ассамблее осуществление связей с государственными структурами Эстонии, России и других государств. С различными организациями и учреждениями, в том числе и международными, для реализации целей нашего объединения.

Мы уверены, что наши намерения будут правильно поняты всеми жителями Эстонии.

Мы надеемся, что законодатели и правительство Эстонии оценят конструктивность нашего подхода и сделают все, чтобы совместная с ними деятельность стала плодотворной.

ОБРАЩЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТАМ ЭСТОНИИ И РОССИИ

Эстонская Республика, являясь членом ООН и участницей процесса СБСЕ, приняла на себя обязательства, вытекающие из решений этих организаций. В Конституции Эстонии записано: "Общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью правовой системы Эстонии".

Выборы в Государственное собрание Эстонской Республики, состоявшиеся 20 сентября 1992 г., прошли без участия более трети ее постоянных жителей, которые лишены гражданства Эстонии и, следовательно, ущемлены в своих политических, экономических и социальных правах.

Игнорирование Эстонией некоторых общепризнанных принципов и норм международного права может привести к межнациональным конфликтам, возникновению напряженности в отношениях Эстонии с другими государствами.

В этих условиях мы, представители различных общественных, общественно-политических, национальных и культурных организаций и движений, осознавая ответственность за судьбу Эстонской Республики, желая вместе с эстонским народом преодолеть объективные трудности и устранить искусственно возводимые препятствия, считаем необходимым свое конструктивное участие в строительстве в Эстонии демократического, процветающего, внутренне стабильного государства, в котором каждый житель чувствует себя достойно и уверенно.

С этой целью мы на своем Учредительном собрании приняли решение о создании нашего полномочного органа - Представительной Ассамблеи.

Основной задачей Ассамблеи является достойное представительство, защита и реализация социальных, экономических, культурных, политических интересов и прав русскоязычного сообщества на всех уровнях как внутри республики, так и за ее пределами.

Мы уверены, что наши стремления и намерения будут вами правильно поняты, и надеемся на вашу поддержку.

Принято Учредительным собранием 30 января 1993 г.
г. Таллинн

ОБРАЩЕНИЕ К ЭСТОНСКОМУ НАРОДУ

Многие столетия на земле Эстонии вместе живут и трудятся люди разных национальностей. Волей исторической судьбы сегодня в Эстонии более трети населения - неэстонцы. Надеемся, что наше государство естественным путем станет мононациональным, - нереально; формировать его насильственным путем - опасно и противоречит гуманным принципам международного сообщества.

Мы, участники Учредительного собрания, выбирая наш представительный орган, ставим своей целью способствовать формированию в Эстонской Республике общества равных прав всех ее постоянных жителей. Наши представители должны иметь возможность защищать интересы неэстонской общины на всех уровнях государственной власти, предлагать пути к сотрудничеству ради блага и процветания всего народа Эстонии. Мы считаем, что только совместными усилиями сможем найти выход из экономического тупика и политической нестабильности, и ожидаем от эстонского народа встречного движения в деле формирования в обществе трезвого взгляда на создавшееся в Эстонии положение.

Признание эстонским народом Ассамблеи как представительного органа большей части неэстонского населения поможет устранению национального экстремизма и позволит приступить к налаживанию взаимопонимания между всеми жителями Эстонии.

Участники Учредительного собрания Представительной Ассамблеи обращаются ко всем эстоноземельцам с призывом крепить уважение и взаимопонимание, оказывать поддержку друг другу в наше нелегкое время.

Принято Учредительным собранием
30 января 1993 г. Таллинн

Дмитрий КЛЕНСКИЙ

В ЕВРОПУ - ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

Недавно довелось слушать руководителя Департамента миграции Эстонской Республики г-на Коллиста, который заявил публично: «Не могу себе представить, будучи гражданином Эстонской Республики и жителем Таллина, чтобы в будущем городском Совете Таллина был бы хоть один депутат-негражданин». Эта позиция, а также наша бурная реакция на такие заявления - типичное проявление взаимной межнациональной глухоты и слепоты, общественно-политического дальтонизма. Мы все оказались жертвами Клио.

Но жаловаться на историю - то же самое, что упрекать своих родителей за то, что они не такие, как нам хотелось бы. И тем не менее эти жалобы, особенно с эстонской стороны, продолжаются. Это - не вина, это - беда эстонского народа, которому веками, в том числе и в нашем, XX, не позволяли жить самостоятельно. Мы имеем дело с серьезным национальным недугом, и относиться к этому, как к любой болезни, надо с пониманием и состраданием. Вопрос: удастся ли это русскоговорящему населению, организациям, защищающим его интересы? Скорее всего, нет. Во всяком случае, так было до недавней поры. Хотя и этому найдется много оправдательных аргументов и объективных причин.

Сегодня, когда часть эстонского общества парализована путями болезненного становления национального самосознания, когда многие прогрессивные, истинно демократически мыслящие представители эстонского народа не всегда имеют возможность выступить публично и душа их кричит полупшепотом, так вот, как это ни странно, в этой ситуации русскоговорящая община Эстонии на наших глазах избавляется от другого недуга - имперского мышления. Уходит главный козырь из рук тех эстонских политиков, которые любили разыгрывать «русскую карту» в своих внутренних политических столкновениях.

Мы должны заняться рассчитанной на десятилетия кропотливой работой. Мирный путь к диалогу иным быть не может. Ибо, согласитесь, все трудности эстонцев, это наши трудности, если мы считаем Эстонию своей, родной. Надо, чтобы позиция русских демократов, оказавшихся между двух огней, под градом стрел русских и эстонских националистов, была очевидно искренней и бескорыстной. Чтобы нам верили, чтобы наши дети не жили в обществе, где есть внешние приметы европейского лоска, но люди относятся друг к другу с предубеждением и подозрительностью.

Мы должны помочь себе, мы должны помочь всему эстонскому обществу. Но для этого надо, чтобы нас понимала и другая сторона. Ибо только в таком случае нас будут ждать в Европе. Когда большинство населения Эстонии поймет, что в Европу мы войдем только вместе, что примут нас туда только всех, а не порознь, только тогда задача и цели Ассамблеи исчерпают себя.

В Европу - только вместе!

Из выступления на Учредительном собрании Представительной Ассамблеи

ИНТЕРВЬЮ УЧАСТНИКОВ АССАМБЛЕИ

Создавая Представительную Ассамблею, русскоязычное население Эстонии продемонстрировало добрую волю и лояльность по отношению к новому независимому государству, на территории которого оно живет. В отличие от русской диаспоры в некоторых других республиках развалившегося Союза, Ассамблея берется решать болезненные проблемы «русских вне России» не путем конфронтации и политического давления, а путем терпеливой и многотрудной работы с властями, что, я уверена, принесет свои плоды. Люди отстаивают свои права цивилизованными, законными способами, и в наши дни это почти беспрецедентно.

Русскоязычная община Эстонии выдвинула на этот раз людей совершенно нового типа. Не закоренелых политиков и политиканов, одержимых имперской идеей, а специалистов в области экономики, промышленности, науки, бизнеса, образования. Я бы сказала, что члены Ассамблеи - это люди с европейской ментальностью; они нуждаются в поддержке, и, может быть, даже не со стороны России, а со стороны Запада. Я не исключаю того, что в Эстонии найдутся определенные круги, которые обвинят Ассамблею в неконституционности и постараются всячески препятствовать ее деятельности. Но большая часть эстонского общества все-таки является здоровой, и я убеждена, что здравомыслие в эстонской политике все-таки победит. И тогда начнется настоящее взаимопонимание и сотрудничество с русскоговорящей общиной через Ассамблею, при создании которой мы только что присутствовали. Мои исследования как социолога показали, что 3/4 русскоязычного населения психологически готовы к жизни в демократическом обществе, не чувствуют себя людьми «второго сорта», не впали в социальную депрессию, не сломались под гнетом тех социально-психологических трудностей, которые для них были созданы.

*Алла Литвинова
социолог*

Эти интервью были взяты нашим корреспондентом в день выборов в Представительную Ассамблею в Таллине в зале Русского драматического театра.

Г-н МЫКСКЮЛА,
депутат Госсовета Эстонии -

...В этом зале слишком много говорят о правах. Между тем люди, живущие в Эстонии, имеют прежде всего обязанности перед нашим государством; но они, по старым меркам, больше всего говорят о правах: дайте нам права! Быть гражданином - это определенные права, которые надо иметь или заслужить, и обязанности перед государством, где живешь. Я слышал тут выступления и разговоры в кулуарах; мне показалось, что тут собрались люди, которые действительно ищут выход из положения и готовы служить Эстонской Республике. В отношении Представительной Ассамблеи у меня пока точной позиции нет, я еще должен тщательно изучить ее документы. Если она не требует государственного переворота, не отрицает Эстонскую Республику, при-

знает ее законы, уважает Конституцию, то пусть будет...

Владимир КАЛИНКИН,
педагог, г.Нарва

Я считаю, что следует закончить политические споры и заняться защитой социальных прав, в частности, образования. Здесь есть элементы дискриминации. Много говорится о «рентабельности русской школы». Значит ли это, что «нерентабельные» русские школы будут закрываться? Я изучил документы и проекты по этому вопросу и выяснил, что «рентабельность» - понятие отнюдь не экономическое. Оно означает прежде всего необходимость знания преподавателями русских школ эстонского языка на категорию «Д» (этих категорий в Законе о языке - 16) и сдачи соответствующего экзамена специальной комиссии. Именно это должно будет определять право учителя на профессию. Могу с уверенностью сказать, что многие школы в результате просто закроются. Сколько лет потребуются для того, чтобы подготовить новое поколение учителей русской школы, учитывая, что в Эстонии отсутствуют государственная система обучения языку, финансирование, учебники, методики и т.д.? Сейчас обсуждаются две тенденции среднего школьного образования: полная эстонизация русской школы, или сохранение национальной русской школы. Я - сторонник сохранения в Эстонии русской школы для тех, кто желает получить образование на родном языке, наряду с полноценным преподаванием в этой школе эстонского языка, чтобы наши дети свободно и естественно входили в языковую среду страны, в которой они живут. Но преподаватели эстонского языка для русских школ - это тоже огромная проблема; насколько мне известно, еще в середине 70-х годов Министерством образования Эстонии в русских школах был отменен эстонский язык и перестали готовить преподавателей этого профиля. Плоды этой политики мы и пожинаем сегодня. И я считаю очень правильным в программе Ассамблеи особый акцент на проблеме русскоязычного образования.

Эльдур ЕГИМАА,
пенсионер,
вышел из КПСС 30 лет назад

Меня привело сюда любопытство. В эстонской прессе меня принимают очень тяжело; я пишу о том, что нельзя из дня в день называть людей «оккупантами», «колонистами», «чужеземцами», «пришельцами». Это приводит к отчаянию и ненависти; люди, жившие много лет в одном доме добрыми соседями, перестают здороваться, будто не видят друг друга. Я сейчас слепой, инвалид 1-й группы; постоянно слушаю радио; где-то в очереди разговариваю с людьми и получаю много информации о душевном их состоянии. Русские люди, особенно женщины, жалуются, плачут; увольняют с работы хорошие специалисты за то, что не говорят по-эстонски; а раньше, в этом же коллективе, их уважали и ценили. Муж-эстонец не может защитить свою русскую жену, потому что боится. Страх поселился в душах людей. Никакой справедливости и демократии в этом нет. 40% населения выброшены за борт. Эстонцы делают из себя привилегированное сословие, и попробуй сказать моим соотечественникам, что это нацизм, что они наци. А разве это не так? Сортируют население - это пер-

вый сорт, это второй сорт. У нас в Эстонии появился неонацизм, я так считаю.

В России 20 августа провалился переворот, и Эстония получила независимость. А теперь на русских плюют, унижают, компрометируют. А куда им деваться? У очень многих нет своего дома в России и никогда не было, дом только здесь. Не надо думать, что я белая ворона среди эстонцев, раз считаю так. В прошлом году мы проводили референдум, надо ли допустить незстонцев к выборам в Госсобрание. 52% сказали: нет, а 48% - да, допустить. Это же почти фифти-фифти.

Вольфганг КРАФТ,
журналист, ФРГ

Я внимательно слежу за созданием Представительной Ассамблеи неграждан Эстонии. Сложно понять, что происходит в Эстонии, я живу и работаю здесь один год. Я обратил внимание на юридический аспект. Выступавший г-н Лебедев сказал, что мы создадим Ассамблею, даже если власти Эстонии признают ее неконституционной, нас поставили в такие условия. Правомерна ли такая постановка вопроса? Вроде бы в Конституции Эстонской Республики сказано, что объединения граждан могут носить только культурный характер. Какой будет Ассамблея? Будет она носить политический характер? Эти вопросы пока для меня остаются открытыми. Другой аспект - вопрос избирательного права. К выборам в Госсобрание не были допущены около 40 % населения. Сейчас обсуждаются законопроекты, по которым на муниципальном уровне неграждане могут быть допущены к выборам, но не имеют права быть избранными, т.е. им дадут пассивное избирательное право. Если сравнить с Германией, то там иностранцы, проживающие в этой стране, не имеют никакого права ни избирать, ни быть избранными, даже на муниципальном уровне, не говоря уже о высших органах власти. Таким образом, оказывается, что, с юридической точки зрения, права неграждан в этой сфере в нынешней Эстонии либеральнее, чем в странах Западной Европы, в частности, в Германии. Для постороннего наблюдателя, вроде меня, это выглядит именно так. Остается нерешенным вопрос: кто такие местные русские? Иностранцы или коренные жители? Опять-таки все зависит от правовой оценки. Исходя из событий и документов 40 года, можно утверждать, что была произведена оккупация и насильственные демографические изменения. Конечно, нельзя на этом основании начать насильственную депортацию русских из Эстонии. Но, с правовой точки зрения, можно понять позицию эстонской стороны. Я считаю, надо обязательно вести политику гуманизации законов; например, дать гражданство рожденным в Эстонии; смягчить слишком суровые требования к сдаче экзаменов по языку и т.д. Но это должно быть прерогативой только эстонских властей. Как будет ставить все эти вопросы Представительная Ассамблея, я пока не знаю, время покажет.

Ханон БАРАБАНЕР,
доктор техн. наук, член Президиума
Представительной Ассамблеи

Произошло важное, я не побоюсь этого сказать, историческое событие. По существу, впервые создан на демократической

основе, хотя и с большими трудностями, представительный орган, которого не имело 40% населения Эстонии. Более того, это первый прецедент такого рода во всех бывших республиках распавшегося Советского Союза. Мне представляется, что впервые очень четко обозначились позиции и мнения, и болезненные проблемы, бытующие в среде русскоязычного населения Эстонии. Вместе с тем, обозначилось очень четко, что решение наших проблем возможно только на основе объединения между собой. Очень важно уточнить - объединения людей, которые решили для себя остаться жить в Эстонии, хотя бы благоденствия этой стране, хотя бы, чтобы все населяющие ее люди жили полноценно и счастливо. Нам представляется, что возникает большая конструктивная программа действий этого органа. В первую очередь, по трем направлениям:

- В правовой сфере. Мы четко понимаем, что существующая законодательная система Эстонии имеет очень много изъянов, если не сказать резко. Мы будем добиваться, чтобы она подверглась адаптации к той исторической реальности, которая здесь есть. Я говорю прежде всего о представительстве в основных органах власти - высших и муниципальных - неграждан, живущих в Эстонии уже в течение нескольких поколений. Для одной лишь цели: чтобы правительство Эстонии знало о наших проблемах и научилось их решать.

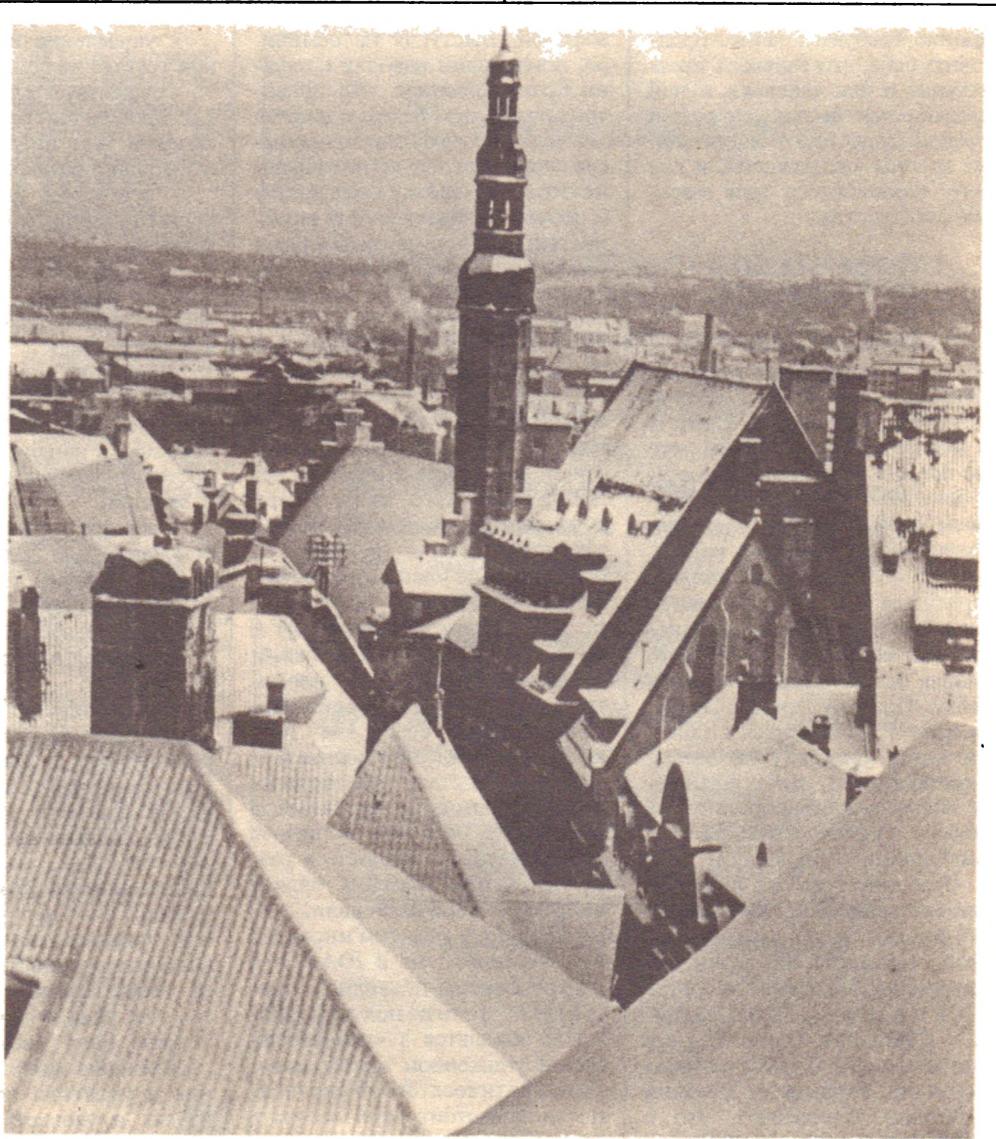
- В сфере экономической. Кризис и нищета, в которые мы все глубже погружаемся, могут быть остановлены только общими усилиями. В среде русскоязычного населения

Эстонии, которое, по существу, вытесняется (выдавливается) из многих сфер жизни, есть огромный потенциал квалифицированных экономистов, промышленников, технической интеллигенции, специалистов, которыми дорожит каждое цивилизованное государство. Они готовы отдать свои знания и умение на благо Эстонии. А необходимость таких людей в силу политических или политиканских соображений является трагедией и личности, и государства.

- В области образования и культуры. Мы должны помочь и Эстонскому государству, и себе создать новую полноценную систему образования, учитывающую новые жизненные реалии. Чтобы доступность высшего образования в Эстонии стала вопросом не политическим, а гуманитарным.

Вот это главные задачи, которые ставит перед собой Представительная Ассамблея той, почти полумиллионной части жителей Эстонии, чей социально-правовой, политический, человеческий статус пока никак не определен, и состояние этой неопределенности затянулось уже почти на 2 года.

Надо понять, что сотрудничество, которое предлагает Представительная Ассамблея правительству (Госсобранию) Эстонии - это процесс, длительная кропотливая работа, которая, мы надеемся, даст в конце концов желанные результаты - создание процветающей, подлинно демократической и, я бы сказал, внутренне дружелюбной Эстонии.

В середине января в Копенгагене прошел семинар экспертов по теме «Законодательство о гражданстве и языке в новых независимых государствах Европы». Организаторами его были Датский, Хельсинкский комитет, Датский центр прав человека, Норвежский институт прав человека и шведское отделение Международной комиссии юристов, а также датское отделение Группы прав

лжна идти не о «новых» странах, но о государствах, восстановивших свою независимость «де-факто», и что эта независимость никогда не прерывалась «де-юре» - так называемый принцип правопреемственности. Из этого делается вывод, что полными правами гражданства этих стран могут обладать лишь те, кто был таковыми до вхождения в состав СССР, а также их прямые потомки. Остальные, в большинстве своем русские, жители этих государств, такими правами обладать не могут. Их, в зависимости от обстоятельств,

ГРАЖДАНСТВО КАК ДИСКРИМИНАЦИЯ

Директор Института прав человека в Осло Асбьерн Эйде взял на себя труд детально проанализировать эту необычную проблему. Он констатировал, что хотя идеология правопреемственности, ставшая официальной в Латвии и Эстонии, формально не нарушает каких-либо отдельных положений позитивного международного права, но само направление рассуждений противоречит принципам современной правовой мысли, а

Алексей СЕМЕНОВ

общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

С правовой точки зрения не подлежит сомнению, что бремя доказательств должно лежать на тех, кто вводит различия и ограничения и настаивает на их законности. Они обязаны показать, каким образом отказ в гражданстве для одной части населения обеспечивает признание и уважение прав и свобод других?

ГРАЖДАНЕ И НЕГРАЖДАНЕ В БАЛТИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР В КОПЕНГАГЕНЕ

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

меньшинств.

Уже состав участников - в большинстве это правозащитные организации - говорит о том, что тема семинара представляет не только академический или юридический интерес. Через 47 лет после окончания второй мировой войны европейская общность столкнулась с почти уже позабытой проблемой: наличием больших групп людей, оказавшихся в ситуации без гражданства. Требуется заново представить себе, что означает такая ситуация и для человека, в ней оказавшегося, и для страны, в которой существуют значительные группы «неграждан», и для всего европейского или мирового сообщества.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ «НЕГРАЖДАНЕ»

Новые независимые государства, о которых шла речь на семинаре - это страны Балтии и бывшей Югославии. Сходство между ними в том, что все они прежде находились в составе большой федерации и с распадом этой федерации обрели независимость и начали решать свои проблемы самостоятельно. Первейшая из этих проблем - поиск собственной идентичности: каково наше новое место в мире, и кто, собственно, эти «мы»? Поэтому многие вещи, которые в устоявшихся странах считаются как бы сами собой разумеющимися, здесь возникают впервые и приобретают не столько юридическое, сколько символическое значение.

Особенно ярко это видно на примере стран Балтии, которые в 30-х годах были самостоятельными государствами, затем насильственно включены в состав СССР и в течение 50 лет входили в Советский Союз. Потому многие лидеры борьбы за независимость, особенно в Эстонии и Латвии, утверждают, что в данном случае речь вообще до-

называют то «нелегальными иммигрантами», то «колонистами», а то и «иностранцами», хотя нелегко понять, к какой иной стране должны относиться эти «иностранцы». Пока же их положение крайне неопределенно, и они, так сказать, «не выходя из дома», оказались в ситуации, в которой в послевоенной Европе пребывали массы «перемещенных» лиц.

Трудно принять такую логику человеку, оказавшемуся ее жертвой. Выступая на семинаре, лондонский адвокат Стефани Грант пояснила, что правовой результат безгражданства для человека - в буквальном смысле слова - тот, что он не принадлежит ни к одному государству и просто выпадает из-под юрисдикции любых национальных законов. Например, любой человек имеет право покинуть свою страну и вернуться в нее - но к лицу без гражданства это не относится, и, будучи за границей, он рискует тем, что может не возвратиться к себе домой. Никто не несет ответственности за его дипломатическую защиту. Более того, даже у себя дома он, согласно внутреннему законодательству, не является полноценным членом общества, от него не ожидается лояльности по отношению к государству и он не обладает политическими правами. Стефани Грант процитировала доклад Секретариата ООН, который еще в 1949 году констатировал, что состояние безгражданства ставит человека «в ненормальное и униженное положение, которое понижает его социальную ценность и разрушительным образом влияет на чувство самоуважения».

И вот не в «третьем мире», не в Палестине и не в ЮАР, а в центре Европы появились страны, где от трети до половины жителей находятся в «ненормальном и униженном положении». Демократической общественности предстоит ясно осознать этот факт.

кумулятивный эффект законодательств позволяет рассматривать их как нарушение прав человека.

Ключевым здесь является принцип недискриминации. Процитировав различные международные документы и конвенции, А.Эйде пришел к выводу, что говорить о дискриминации можно в том случае, когда наличествуют три основных элемента такой ситуации:

- ущемление прав человека или группы людей;
- существует классификация, т.е. проводятся различия, ограничения или предпочтения относительно разных групп;
- основания для классификации произвольны либо несправедливы.

Очевидно, что лишение гражданства является явным ущемлением прав человека, которого это затрагивает.

Очевидно, что это сопровождается классификацией, т.е. проведением различий между людьми - в нашем случае между постоянными жителями Латвии и Эстонии.

Остается вопрос: являются ли основания для таких различий обоснованными, либо их следует признать произвольными и несправедливыми? Иначе говоря: с какой целью проводятся эти различия?

Во всеобщей декларации прав человека ООН 1949 года, которая является основой современного правопорядка, можно найти четкие указания на те случаи, когда дифференциация и ограничения прав могут считаться оправданными. Эти ограничения не могут быть неопределенными, они должны недвусмысленно фиксироваться в законе. Но этого мало. Целью ограничений, т.е. тем, ради чего они вводятся, должно быть «исключительное обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворение справедливых требований морали,

Каким образом лишение гражданства значительной части населения служит удовлетворению справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе?

Сомнительно, чтобы официальные лица Латвии или Эстонии смогли представить подобные доказательства. Весь опыт Европы и Индии, США и ЮАР, Латинской Америки и стран Африки свидетельствует как раз об обратном - чем больше людей участвует в осуществлении демократии, тем выше стандарты морали, общественного порядка и общего благосостояния в обществе. Поэтому в попытках защитить свою позицию официальные представители этих стран снова и снова оперируют принципом преемственности с навязчивостью, которая приобретает характер магических заклинаний.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ БЕЗГРАЖДАНСТВА

Самое непосредственное выражение идея преемственности находит в представлении, будто Эстонская (или Латвийская) Республика продолжала существовать все послевоенные годы и нынешняя Эстония - та же самая страна, что была в 1940 году. Отсюда стремление непременно восстановить «все, как было» - вернуть собственность прежним владельцам, вернуться к прежним границам, реставрировать государственные институты, гражданство, язык и т.д., и т.п.

Это опасная иллюзия, считает Рейн Мюллерсон, бывший заместитель министра иностранных дел Эстонии, ныне преподаватель Лондонской школы экономики. Нет уже ни того государства, ни его институтов, ни большинства людей, которые его населяли. Пятьдесят лет не могли пройти даром, и теперь все

иное: и сознание людей, и состав населения, и международное окружение. Попытки же втиснуть эти наивные мифологемы в прокрустово ложе реальности приносят лишь новые осложнения и страдания ни в чем не повинным людям. И относится это не только к непосредственным жертвам - «негражданам», но и ко всему обществу. Ведь переход от тоталитаризма к демократии и без того труден и чреват лишениями, о чем говорит весь опыт Восточной Европы. Но намного труднее и опаснее он для тех, кто вместо конструктивного решения реальных проблем вот уже два года назойливо бьется в замкнутом кругу словесных формул «гражданин - негражданин», раскалывая тем самым и без того неоднородное общество. И это тем опаснее, что за формально-юридическим разделением фактически скрывается раскол по этническому признаку.

В своем выступлении Рейн Мюллерсон вспомнил историю древней Трои - пример того, как люди и государства, ослепленные иллюзиями, действуют вопреки очевидным собственным интересам. То, что делают нынешние эстонские и латвийские власти по отношению к негражданам, полагает Р.Мюллерсон, напоминает ситуацию, погубившую Трою. Надо ли прилагать столько усилий, чтобы самим для себя создавать врагов? Может ли государство ожидать лояльности от людей, которых отталкивает? Следует ли собственными усилиями формировать в маленькой республике, рядом с могучим соседом, «пятую колонну»?

В самом деле, с какой стати эти люди должны чувствовать себя врагами Балтии? Ведь в большинстве своем - это мирные законопослушные обыватели, приехавшие сюда в полной уверенности, что передвигаются в пределах единого государства - СССР. Они многие годы честно работали, платили и платят налоги, многие из них родились в Балтии и не представляют себе иной родины. Да, аннексия Советским Союзом балтийских стран была незаконной, ныне это никем не оспаривается. Но почему люди должны чувствовать себя наказанными за действия правительств, на которые они не могли влиять и которые произошли еще до рождения большинства из них?

Наконец, сколько ни называй неграждан «колонистами», «иммигрантами», «оккупантами» и т.п. - они ведь все равно остаются гражданами. Гражданами в смысле реальных отношений с государством: они являются членами сообщества, вступают с ним в юридические отношения и отношения собственности, обладают определенными правами и обязанностями. Но не всеми, т.е. являются в полном смысле «гражданами второго сорта».

ФОТО КАЛЬЮ ЛИИВА

Кому это может быть выгодно?

Кстати, представители бывшей Югославии на семинаре настойчиво предупреждали прибалтов, пытались предостеречь их от неразумной и иллюзорной политики, порождающей вполне реальные конфликты. Там, в Югославии (как и на Кавказе, и в Молдавии) тоже все начиналось с вопросов языка и гражданства. А теперь идет война. Льется кровь, гибнут люди. И мировое сообщество, в который раз проглядевшее зарождение конфликта, посылает гуманитарную помощь, старается спасти мирное население, присылает миссии, устраивает конференции...

Но когда маховик конфликта раскрутился, остановить его уже трудно. А когда говорят пушки, молчат не только музы. Молчат и юристы. В огне войны уже невозможны переговоры, разумный компромисс, обмен мнениями.

Семинар, устроенный правозащитными организациями в Копенгагене, - попытка предотвратить конфликт, пока еще не поздно. Услышат ли их голос правительства и парламены - и не только в странах Балтии?

ОТ РЕДАКЦИИ

Тяжелые обстоятельства журнальной жизни последних двух лет не позволили редакции своевременно провести литературный конкурс, объявленный в 1992 году. Тем не менее редакция печатает некоторые произведения участников Первого конгресса писателей Балтики, состоявшегося на борту теплохода "Константин Симонов" - Владимира Арно, Петера Курмана, Станислава Мисаковского, Руди Штраля, Аллана Морея Вильямса, Сергея Махотина, Валерия Попова и Михаила Яснова, а также благодарит всех, кто проявил готовность к продолжению международного литературного сотрудничества.

А

видывал ли Питер Белли* Таллинн с высоты полета «Дугласа-9»? - подумал я, когда наш самолет «SAS-736» из Стокгольма прорвал облака и эстонское побережье стало просматриваться сквозь завесу падающего снега. Редкие огни внизу казались матовыми жемчужинами на темных, тронутых снегом полях, а сам Таллинн окутывала типичная для восточноевропейских городов желтоватая дымка.

Для въезда в свободную Эстонию нынче с меня тоже потребовали паспорт и визу, как и при прежних хозяевах. Около года назад республика провозгласила свою независимость. И Дания не замедлила признать маленького соседа по другую сторону Балтий-

оналисты. Но еще я обязательно хотел поговорить о толерантности. И о том, что, по крайней мере, осталось позади время непрестанной лжи и моим прибалтийским коллегам не нужно больше жить двойной жизнью: частной и официальной.

Работы, которые привезли датские карикатуристы, иллюстрировали все это много лучше моих слов. Право на критику. Право подсмеиваться над властями предрезающими.

В Таллинне было повсюду холодно. На утопающих в снежной слякоти мощеных улочках Старого города. В высоких залах Ратуши, где проходили дебаты и выставка. В ресторанах, где кормили тяжелой, но обильной пищей с датским баночным пивом в придачу. В квартирах, где смело можно было не снимать пальто, потому что именно так поступали и хозяева.

Лайф ДЭВИДСЕН

диктата. Но не странно ли, когда прибалты, несмотря на блестящее знание русского, упорно предпочитают говорить, например, по-эстонски - с переводчиком или на ломаном английском или немецком?

«Мотором» идеи прочертить «линии через Балтику» был датский писатель Тэдди Педерсен из АИДы - ассоциации в защиту художников и интеллектуалов, борющейся за их права и свободы. И он настоял на том, чтобы языком общения на конференции стал английский с переводом на русский. Иначе переводить пришлось бы на эстонский, латышский, литовский и русский - в этой ситуации вариант Педерсена казался ком-

ЛИНИИ ЧЕРЕЗ БАЛТИКУ

ского моря.

Это не забыто. Датчан в Эстонии встречают тепло. В свою очередь и мы обязаны Таллинну (что в переводе означает «датский город») своим национальным флагом. В 1219 году, когда в битве под Таллинном силы уже оставляли датских воинов, красное полотнище с белым крестом было ниспослано с небес епископом Андерсом Сунесеном. В прошлом году на городской стене близ поля сражения была установлена бронзовая мемориальная доска.

Но ее уже и след простыл. В условиях посткоммунистической бедности бронза - вождельный металл, и однажды в кромешной ночной тьме доска была со стены похищена. Так что память о датском флаге давно переплавлена - Бог знает во что.

Я впервые прилетел в Таллинн напрямую из Скандинавии. Ведь в советские времена без участия Москвы не обходилось ни в большом, ни в малом. И в первый раз я приехал в независимое эстонское государство.

Но, к сожалению, к этой радости примешивается тревога за то, что происходит с бывшими национальными меньшинствами после падения железного занавеса.

Проверка паспорта и таможенный досмотр прошли гладко и без проблем, но вызвать улыбку на устах новых государственных служащих оказалось так же трудно, как в свое время рассмешить солдат КГБ. Очевидно, представлять государство - это по-прежнему такое тяжелое бремя, что, будучи при исполнении, никак нельзя допускать шуточки и прочие фривольности с заезжими датчанами...

Я приехал в Таллинн с группой датских карикатуристов. Совместно с прибалтийскими и русскими коллегами они организовали конференцию и выставку. Я же, как писатель, присоединился, чтобы повести разговор о роли художника в постсоциалистических странах. Прежде всего, мне хотелось напомнить, что «добрые старые времена» все-таки были отвратительны, но слишком многие уже позабыли, насколько.

Кроме того, мое мнение - художник должен «кусать за пятки» тех, кто добрался до власти, даже если нынче это эстонские наци-

единственное место, где было хоть как-то тепло, это гостиница. Правда, за две недели до этого не было в «Олимпиа» ни отопления, ни горячей воды. Но при нас грели на полную катушку, потому что отель вот-вот ждала приватизация. Понятно, перед скандинавскими, немецкими, французскими и американскими дельцами, которые сейчас присматриваются к товару, надо показать себя с лучшей стороны.

Таллинн подслеповат и мрачен в ноябрьской тьме. Республика физически расплавляется за свою независимость. Россия поставляет газ и нефть только по мировым ценам или за твердую валюту. Как следствие - в Эстонии энергетический кризис, и температура в домах не поднимается выше пятнадцати градусов.

Перемены даются Таллинну нелегко. Его обитатели, как тени, скользят вдоль фасадов. В кафе и ресторанах полно свободных мест. Выбор товара везде хорош, но на новое, импортное и дорогое у людей не хватает средств. Раньше было все наоборот. Деньги были, да купить было нечего.

Таллинн по-прежнему очень чистый город, люди сдержанны и хорошо одеты. Здесь не встретишь нищих попрошаек и торговцев с рук, как повсюду в Москве и Санкт-Петербурге.

Но Таллинн, пожалуй, еще и молчаливый город. Две большие группы его населения общаются между собой перестали. Половина живущих в Таллинне - русские, но эстонцы и русские друг с другом больше не разговаривают.

Я понимаю реакцию, последовавшую за долгими годами

промиссом. Открытие транслировалось и на эстонском, и на русском, а дебаты шли на английском с русским переводом.

Скажете - мелочь. Обернулось кровной обидой. Все очень старались быть цивилизованными, но кое-кто из балтийских художников с трудом скрывал раздражение и начинал порой откровенно злиться, когда в предвыставочной суматохе слова Тэдди Педерсена переводчица Марина воспроизводила на русском. Недоброжелательность витала в воздухе. Быть может, и сама Марина чувствовала за спиной враждебность, потому что временами краснела пятнами и сбивалась.

Марина и другая переводчица Ольга были предложены «Комтуром». Это частная фирма, которая взяла на себя функции советского «Интуриста». Родилась Марина в Эстонии, но в русской семье. Свободно говорит по-эстонски. Ольга переехала в Таллинн одиннадцать лет назад. Эстонским владеет так себе, но вскоре собирается на курсы.

Обе они в определенном смысле люди без гражданства.

К сентябрьским выборам в Госсобрание, выдвинувшим правоцентристское крыло, ни та, ни другая допущены не были.

*Питер Белли - датский певец, в одной из исполняемых им песен есть такие слова: «Видел ли ты Копенгаген с высоты полета «Дугласа-9»?»

Как и 400 тысяч других русских, 39 процентов населения. И к власти пришло эстонское националистическое правительство.

Нелегко заставить эстонцев признаться, что исход выборов мог бы быть иным, если бы русскоязычному меньшинству тоже было дано право голоса.

Все это в целом затрагивает один очень тонкий вопрос. Превращения меньшинства в большинство. Слушать эстонских карикатуристов было как-то грустно. Самостоятельность и независимость они завоевали лишь год назад, но впечатление производят подавленное. Или не знают, как и на что свободу употребить? Уж во всяком случае не на выяснение отношений.

Один из художников извинился, что среди прибалтийских карикатуристов мы не увидели молодых. То есть все - со времен доперестроечных. И начнешь сегодня остро выступать на злободневные политические темы, пожаловался говоривший, - немедля навесят партийный ярлык. Да и заказ такой получить непросто.

Слушал я его и думал: вот взглянул бы хоть на датчан. Двенадцать совершенно разных художников, но каждый по-своему хорош. Плурализм, юмор, изящество, дерзость - всего этого было с лихвой в их работах, развешенных в те дни на нескольких квадратных метрах подвала под Таллиннской Ратушей. Хотя, конечно, мы в привилегированном положении: мы не просто являемся - но и ощущаем себя гражданами свободной страны.

А в Таллинне я с горечью обнаружил очередное подтверждение тому, с чем сталкивался повсюду в Восточной Европе: художники и журналисты с легкостью подчиняют себя новой власти, которая, пусть даже демократически выбранная, требует уступчивости. И они слишком быстро сдаются. Они не думают о себе.

В Дании мы чувствуем, попробовал было я им объяснить, что государство служит нам, в то время как в Эстонии, странах СНГ люди по-прежнему убеждены до мозга костей, что это они должны служить государству.

Со мной тут не согласились. Не понимаю, почему многие уже «подняли лапки»? Или действительно думали, что демократия и свобода решает все проблемы? Считают, что борьба закончена? И готовы согласиться с тем, что в процессе становления демократии в обществе развивается гражданский конфликт?

Датчан и эстонцев по-прежнему разделяет пропасть, хоть между нами - всего лишь Балтийское море. Я увидел это в рисунках, в боязни высказать свое мнение. Увидел и в политической жизни, в новоизбранном парламенте, члены которого пытаются внедрить демократию путем давления большинства на меньшинство. И как-то забывают о том, что в условиях демократии большинство обязано обеспечить меньшинству все общечеловеческие права и ощущение полной безопасности.

Примерно в эти же дни, когда мы были в Таллинне, на выборах в Литве победу одержали бывшие коммунисты. Но в Эстонии это не произвело большого впечатления - здесь были заняты другим.

В пятницу, 6 ноября, после обеда, член Госсобрания Яак Роосаре, иммигрант из Канады, представил на рассмотрение законопроект от имени правительства.

Законопроект гласил, что каждую очередную сессию парламентарии должны начинать с совместной христианской молитвы. Как обычно по пятницам, к этому часу многие члены Госсобрания уже разбегались на выходные. В итоге законопроект был принят 33 голосами против двадцати восьми. И появился закон, несмотря на то, что по эстонской конституции церковь формально отделена от государства.

Ну что тут делать - смеяться или плакать? Эстонский писатель (член парламента и атеист) Яан Каплински смеялся, но не без горечи: вот так, простым большинством голосов берется и вводится принудительная молитва для всех. А если я мусульманин? Могу требовать, чтобы молились и Аллаху тоже? А что насчет буддистов? А может, на одном дыхании, и вовсе сменим председательское кресло на алтарь?

Эстонцы - протестанты, и к церкви относятся примерно так же, как и датчане: к ней прислушиваются, но не она диктует жизнь.

Поговаривают о том, что введение молитвы было не случайно - таким образом правящие партии расплатились с христианами Западной Европы и церковными организациями США и Канады за финансовую поддержку выборной

кампании. Размеры этой помощи неизвестны.

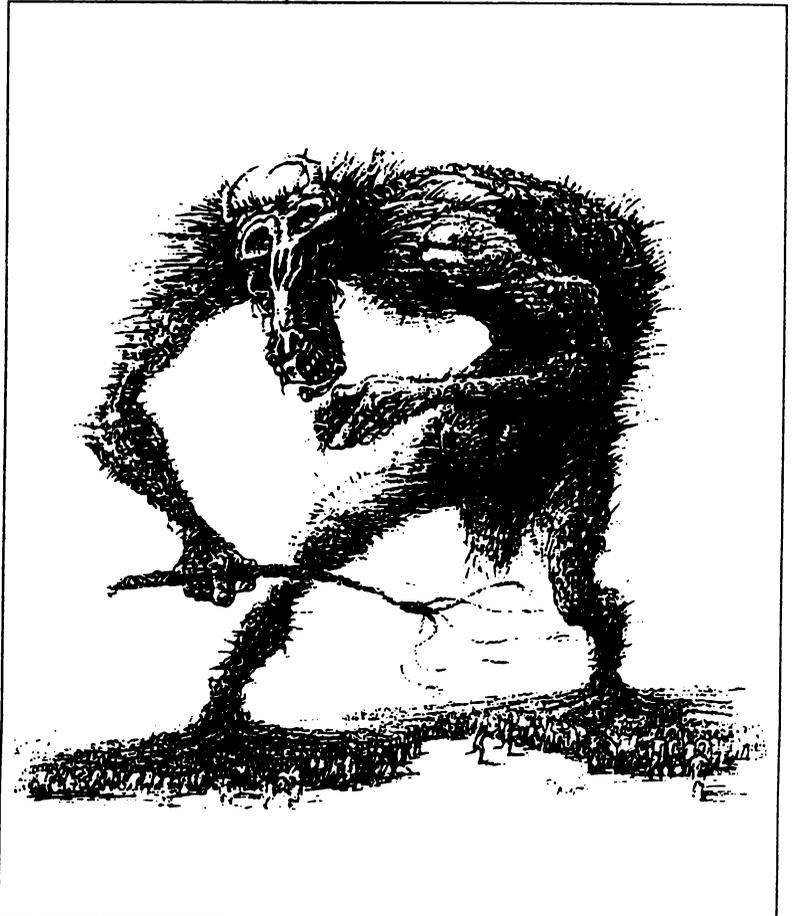
Президент Леннарт Мери от дискуссии на эту тему, очевидно, воздержался. Встретиться мне с ним на этот раз, к сожалению, не удалось. Впервые мы виделись в 1981 году, когда Мери был только что смещен с поста председателя эстонского Союза писателей. В бытность его министром иностранных дел мне несколько раз доводилось брать у него интервью. Сейчас Леннарт Мери занят обустройством своего президентства, и добраться до него, наверное, непросто. Хотя я бы и не отказался быть принятым так, как говорят, он встречает послов и прочих визитеров. Перед входящим распахиваются двустворчатые двери, в центре комнаты ожидает президент, а двое в ливреях объявляют: «Его превосходительство, Президент Эстонии!»

Я понимаю, это неизмеримо трудно - построить государство на обломках империи. Но не менее трудно заставить моих коллег понять, что власть, даже демократически избранная, должна быть подконтрольна. Что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Что, наконец, власть большинства вовсе не должна оборачиваться крахом меньшинства.

Яан Каплински видит проблему в недостатке политической культуры, неумении уважать других и чужое мнение.

Он преподавал своим соотечественникам неплохой урок, когда на одной из встреч в Таллиннской Ратуше заявил, что большинства или меньшинства в чистом виде вообще не существует. Так, например, русские - меньшинство в Эстонии, но большинство в масштабах Европы. Эстонцы - большинство в Эстонии, но меньшинство в Европе. Все мы в большинстве в одной точке земного шара, но в меньшинстве - в другой.

- Единственный, кто всегда в большинстве, - это Бог, потому как он один, - сказал Яан по-английски. И от его улыбки стало чуть светлее в молчаливой таллиннской тьме.

СЫН ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ ПАПА РИМСКИЙ ИОАНН ПАВЕЛ II

Уже шесть столетий литовцы являются католиками. Но впервые за эти шестьсот лет, насыщенным множеством потрясений, нередко на религиозной почве, а в последние полвека и преследованиями даже за одну лишь веру в Бога, Литва, как и соседние Латвия и Эстония, с волнением ждали папского визита папы римского Иоанна Павла II. Как сказал при встрече Святого Отца в Вильнюсском аэропорту президент Литвы Альгирдас Бразаускас, Ватикан, еще в 1921 году признавший Литовскую Республику, "не признал ее инкорпорацию в состав Советского Союза. Дипломатическая миссия Литвы действовала при святом престоле на протяжении всего послевоенного периода. Это был маяк надежды и моральной твердости для всей Литвы и ее церкви".

Встречал папу римского весь Вильнюс - в аэропорту и на улицах литовской столицы, по которым должен был проследовать Иоанн

Павел II, Республика ждала папу у экранов телевизоров и у радиоприемников. И сердца всех тронула не только задушевность его речи, но и то, что она была произнесена на литовском языке. На языке его матери.

Будущий папа римский Кароль Войтыла родился в Польше под Краковом в 1920 году. Его дедушка со стороны отца был портным в деревне Сзанеце недалеко от Кракова. Другие предки похоронены во дворе костела в Сзанеце. Уже будучи кардиналом, Кароль Войтыла читал в этом костеле проповеди с увлечением вспоминал своих предков, которые когда-то водили пилигримов в Калварии. Его отец, тоже Кароль, служил в администрации Австро-Венгерской, а затем Польской армий. Вышел в отставку в звании поручика. Мать, Эмилия (в девичестве - Качераускайте) была учительницей. Родом она из Силезии. Ее родители туда эмигрировали из Вильнюсского края.

Как предполагает сам папа римский, ее отец, вероятнее всего, бежал от службы в царской армии и, как многие литовцы, оказался в рудниках Силезии. Умерла мать молодой, при родах, когда Каролю было 9 лет. Рано потерял он и единственного брата, врача, который, спасая больного, заразился от него и скончался. Кароль очень тяжело пережил эту утрату.

В 1931 году он поступил в мужскую гимназию. Многие соученики стали близкими друзьями. На протяжении многих лет до 1978 года Кароль Войтыла ежегодно приглашал в Краковский епископат группу из двадцати двух своих одноклассников.

Юный Кароль Войтыла оказался очень способным к языкам. Трудней давалась физика и химия. Рано он стал проявлять большой интерес к философии. Однако увлечение учебной работой не мешало много и охотно заниматься спортом.

В 1938 году, переехав с отцом в Краков, он поступил в Университет Йогайлы, где изучал польский язык и литературу. В годы фашистской оккупации продолжал учебу в Краковском подпольном университете (с 1939 г.), работая сначала в каменоломне, а затем на фабрике химических изделий. Интенсивно изучал труды мистиков. Кароль Войтыла - один из создателей Краковского подпольного театра поэзии; сам в этом театре играл, писал для него пьесы и стихи, выступал в качестве постановщика.

В 1941 году умер отец. Через год Кароль Войтыла стал в Краковской подпольной семинарии готовиться к принятию сана ксендза. С 1945 г. продолжал изучать теологию уже официально, во вновь открытом Университете Йогайлы.

В 1946 году Кароль Войтыла был посвящен в ксендзы

и направлен в Рим для продолжения занятий в университете Ангеликум. В 1948 г. защитил диссертацию о теологии веры Иоанна Св.Креста.

По возвращении в Польшу, ксендз Кароль Войтыла был духовным наставником в Неговицах и Кракове. Кроме положенных по программе занятий и конференций, организовывал групповые походы со студентами на лыжах, байдарках, велосипедах. Но по настоятельному совету кардинала Сапеги оставил обязанности приходского vicaria и сосредоточился на научной работе, написал и защитил диссертацию о взаимосвязи между теорией родоначальника экзистенциальной философии Макса Шелера и христианской этикой. В 1953 г. начал преподавать в Краковской духовной семинарии. С 1956 г. - профессор этики в Люблинском католическом университете. Свой досуг предпочитал проводить в туристических походах со студентами, считая в своей пасторской деятельности особенно важными индивидуальные взаимоотношения между людьми.

В 1958 г. папа римский Пий XII назначил ксендза Кароля Войтылу помощником Краковского архиепископа, а пять лет спустя, в 1963 г., уже папа Павел VI назначает его архиепископом Кракова.

В 1962-1965 гг. архиепископ Кароль Войтыла принимал активное участие в работе II Ватиканского собора, в подготовке Догматической конституции о Церкви ("Lumen Yntium"), Пастырской конституции о Церкви в современном мире ("Gaudium et Spes") и Декларации о Религиозной свободе ("Dignitatis Humane").

26 июня 1967 года Кароль Войтыла был провозглашен кардиналом. Он активно защищал свободу вероисповедания в Польше, расширил сотрудничество Польского костела с Ватиканом. Стремился к тому, чтобы при воплощении в жизнь решений Ватиканского собора не было уклонов ни в сторону боязливой осторожности, ни в сторону крайнего радикализма.

16 октября 1978 г. кардинал Кароль Войтыла становится папой римским Иоанном Павлом II, первым со времен Адриана VI (1522-1523) не итальянского происхождения. Позже он сам объяснил: "Я выбрал те же имена, которые были у моего любимого предшественника Иоанна Павла". По свидетельству его окружения, Иоанн Павел II - удивительная личность. Он в корне изменил представление об образе жизни папы. Он открыто и доступен. Его предшественники назначали аудиенции, а Иоанн Павел II, когда надо решить какую-нибудь проблему, приглашает на обед или на ужин. Во время этих трапез, которые даже получили название рабочих обедов, папа выслушивает, что каждый думает по данному конкретному поводу, затем высказывает свою мысль, и таким образом экономит время. Он очень трудолюбив, работает по 16-18 часов в сутки. Подлинным центром его жизни является папская часовня, в которой он ежедневно молится в полном уединении не менее полутора-двух часов. Много путешествует. Посетил более 60 стран, притом не только католических. Папу приветствовали беднины арабских пустынь. Со Святым Отцом, выражая величайшее уважение, касались носами маоры Зеландии. Трубку мира ему подарили индейцы. Иоанн Павел II побывал в лютеранских общинах, благословлял мусульман и богомольцев, исповедующих ислам, участвовал во многих мероприятиях, объединивших людей разных вероисповеданий в их стремлении к миру.

Пастырская поездка папы в Литву в сентябре 1993 г. тоже была весьма насыщенной. Иоанн Павел II встречался с дипломатическим корпусом, с деятелями культуры и науки, с представителями польской общины, с членами конференции епископов Литвы. Глубокое впечатление оставили его речи в Архиепархиальном соборе, молебны в "Аушрос Вартай" ("Восточных Воротах"), в парке Вингиса. На кладбище Антакальниса папа посетил могилы погибших за свободу Литвы, там при его молитве присутствовали только семь жертв кровавых событий января 1991 г. в Вильнюсе и вероломно убиенных на таможе в Медининкай. На стадионе в Каунасе Иоанн Павел II обратился с речью к молодежи. Тысячи людей внимали его словам в Сантаке, в святом для всех литовцев месте Шилуве. С Крестовой горы под Шяуляем он благословил все поколения Литвы, христианскую Европу и весь мир. Прощаясь с Литвой, Иоанн Павел II сказал: «Я уезжаю полон впечатлений, которые, я уверен, станут молитвой».

Редакция "Всемирного слова" публикует полные тексты трех речей, произнесенных Иоанном Павлом II в Сантаке, в Вильнюсском университете и на Крестовой горе, а также прощальную речь президента Республики Альгирдаса Бразаускаса при завершении визита папы римского в Литву.

ЗНАЧИМЫЙ СИМВОЛ

Речь в Вильнюсском университете
5 сентября 1993 г.

Уважаемый Министр образования и культуры,
Уважаемый Ректор,
Уважаемые Профессора,
Представители культуры и мира искусств!

НАШ ДОКУМЕНТ

ственной партии. В силу всего этого эта система, вознамерившаяся в начале освободить человека, в конце концов сделала его рабом.

Однако марксизм - не единственная трагедия нашего века. С другой стороны, не меньше зла, принесли «правые» режимы. Они от имени «нации» и «традиции» также попирали достоинство, которое не зависит от расы, убеждений и личных качеств и принадлежит каждому человеку. Как тут не вспомнить жуткого насилия нацизма, особенно

ежедневно растет число людей, которые поднимают или заново остро обсуждают важнейшие вопросы: что есть человек? Каков смысл мук, зла и смерти, если, несмотря на весь прогресс, эти явления еще продолжают существовать? Кому нужны купленные такой дорогой ценой успехи? Что человек может дать обществу? Что он может ждать от него? Что будет после этой, земной жизни?» (Gaudium et Spes, 10).

Перед лицом таких неизбежных вопросов Бог и Тайна, из которой и все обретает смысл, постоянно оказываются в сердце человека, пробуждают глубокую и спаситель-

ТРИ РЕЧИ ПАПЫ ИОАННА ПАВЛА II В ЛИТВЕ

Я первым из пап римских посетил страны Балтии и действительно рад, что могу встретиться с вами в этой Альма Матер. Уже много веков это - живое сердце вашего города, своей многоликой интеллектуальной деятельностью стремящееся осознать особое призвание этого перекрестка наций и культур, о котором только что говорил Ректор этого знаменитого храма науки: за все его почести, за слова, сказанные от имени вас всех папе, глубоко благодарю.

Этот сердечный прием, устроенный Вами в мою честь, не удивляет, потому что он идет от благородства Ваших чувств и вливается в глубокую историю дружественных и плодотворных отношений между Вашей Родиной и Католической Церковью. Это может засвидетельствовать и этот Университет. Как известно, епископ Валерийонас Протасявичюс основал его, чтобы и Вильнюса коснулось то культурное и апостольское наследие, которое пробудило в Европе и во всем мире Общество Христово. Кроме того, в 1579 году мой предшественник Григорий XIII и король Польши - великий князь Литовский Стефан Баторий одарили университет правами и привилегиями. Таким образом в основании и росте вашей Альма Матер католическая церковь сыграла не второстепенную роль.

К сожалению, сложившиеся в начале дружественные отношения на протяжении истории не всегда уважались. Особенно когда в недавние времена в этих стенах раздавались критические по отношению к Церкви и ее учению голоса, полные подозрительности или даже открытой враждебности. Поэтому моя сегодняшняя беседа с вами особенно значима. Она открывает новую страницу в культурной жизни Вашей страны.

В прошлом - долгая и горькая история. Поэтому мы чувствуем неодолимую необходимость глядеть в будущее. Чтобы прошлое этих бесконечно долгих десятилетий обогатило нас, историческая память не должна быть стерта. В этот период и Ваша страна пережила жестокую диктатуру, которая именем справедливости и равенства попрали свободу и достоинство личности, общества. Как все это могло случиться?

Анализ был бы сложным. Мне кажется, надо сказать, что не последняя причина тут - воинствующий атеизм, в котором марксизм черпал вдохновение. Этот атеизм оскорбил и самого человека, ибо топтал основу и прочный залог его достоинства. К этой ошибке добавились другие: материалистическое понимание истории, крайняя конфликтная точка зрения на общества, «мессианская» роль, отведенная правившей в государстве един-

против еврейской нации, осужденной на уничтожение именем якобы существующего равского пресовходства и ради безумных замыслов господства?!

Во-вторых, на основе принципов правового государства при других «демократиях» еще и сегодня, несмотря на формальное признание свободы, прав человека, можно видеть многие несправедливости и социальную дискриминацию, резкие противоречия, к которым относятся толерантно. На самом деле мы имеем в виду социальные модели, где принцип свободы не всегда совместим с моральной ответственностью. Грозная демократическим строям опасность - стать определенной системой правил, недостаточно укоренившихся в ценностях, от которых нельзя отказаться, так как они внедрены в саму человеческую сущность. Они должны быть основой каждого общества, и никакое большинство, не вызвавшее губительных последствий для человека и общества, не может отбросить их. Церковь решительно поднимала голос против такого искажения свободы как в политической, так и в экономической сфере. В этом смысле с самой энциклики *Regum Novarum* Льва XIII вместе с социализмом был осужден и экономический либерализм, не признающий никаких пределов и не учитывающий требований солидарности. Церковь и сегодня настойчиво противится тем общественным сдвигам, которые якобы именем права на свободу должным образом не оберегают достоинство человеческой жизни рождающихся на свет и самых слабых классов общества. Историю нашего века потрясли всякие тоталитаризмы и нездоровые демократии. Сменяющие друг друга и противоречившие друг другу строи имели собственные отличительные черты, но, думаю, я не ошибусь, сказав, что все они были порождены той имманентной культурой, которая в последнее столетие так широко распространилась по Европе и принесла не признающие Бога, не считающиеся с его планами в отношении человека личные и общественные проекты.

Только может ли человек существовать и «сохраниться» без Бога? Второй Вселенский Ватиканский собор очень справедливо напомнил, что «произведения без Творца исчезают» (Gaudium et Spes, 36). Беда, если эта главная истина забывается!

Счастье еще, что Бог, которого атеистическая культура тщетно пыталась вычеркнуть из жизни человека, снова возвращается и указывает путь среди множества вопросов, на которые наука и техника не умеет и не может дать ответа. «Перед лицом современной эволюции мира, - подчеркивает Собор, -

нужно скорбь. «Сотворил ты нас, Господь, ради себя и не успокоятся наши сердца, пока не найдут успокоения в Тебе», сетовал великий Августин (Исповеди, 1, 1, 1). Стремление к Богу - закон бытия, которого никогда никакой строй не сможет подавить.

Вы, представители культуры и науки, более, чем другие, ответственны за то, чтобы не преграждался разуму путь, ведущий к тайне.

Этот ваш долг вторгается не со стороны - словно обуздывающий научные исследования и ограничивающий свободу. На самом деле он проистекает из последовательного логического мышления.

Мыслящий человек чувствует свою ограниченность, осознает, что он сам не является истиной. Наоборот, он должен искать ее как бы наощупь. И в то же время замечает, что в поисках истины он не может и не в силах довольствоваться ни найденной ее частичкой, ни маленькими крохами, - его все сильнее тянет вверх, в бесконечность.

Всякой умственной деятельности присуща эта напористость, в силу которой человек оказывается между своим ограниченным сознанием и стремлением к абсолюту. Поэтому, когда человек, глубоко опираясь на точный разум, и «думает» открытым сердцем, то он идет по пути, ведущему к встрече с Богом.

Однако мы по праву можем спросить: почему столько мыслителей самым упорным образом отрицали Бога?

На этот вопрос Церковь отвечает: истинно, что существование Бога мы можем познать только разумом, однако это познание для нынешнего подверженного грехам рода человеческого очень затруднено (Катехизис католической церкви, 37). Мышление не является ни с чем не связанной деятельностью мозга, оно тесно связано со всей жизнью человека.

Поэтому, если мы хотим, чтобы мышление принесло самые зрелые плоды, особенно тогда, когда мы ищем метафизические истины, необходимо развивать этику мышления, которая не только ищет логическую точность, но и создает духовный климат для деятельности мозга, отличается снисходительностью, искренностью, смелостью, достоинством, доверием, вниманием к другим, открытостью перед Тайной. Эта общая этика «мышления» не освобождает от усилий исследования, но поддерживает эти усилия. А когда мы устремляемся к Тайне, она указывает направление. Дело в том, что существует внутренняя связь между «verum» и «bonum»: между истиной и добром, - это совпадает в Боге с самой его сутью.

Уважаемые господа! Нынешние события неизбежно заставляют нас думать, что мы живем в эпохальное мгновение перелома мировой истории. На этом трудном пути в будущее, которого сегодня никто не может предугадать или определить его границы, действительно решающее значение имеет роль интеллектуалов. Ее надо заново подчеркнуть, особенно сегодня, когда потерпевшие крах идеологии подорвали доверие, а философская мысль, чего доброго, склонилась к скептицизму и опасному прагматизму.

Не нужно думать, что этот кризис мыслей может воздействовать на верующего - будто вера должна завоевать пустое место, оставленное упадком разума. Подлинная вера признает разум и ценит его, формирует его и поощряет. Церковное учение многократно подчеркивало это (Dezinger-Schonmetzer 3015-3019; Gaudium et Spes, 15).

В новом культурном климате, который еще нужно создать, откроется широкий простор для диалога веры с культурой. Он не ограничится только религиозными проблемами, но также коснется тесно связанных основных тем этики и антропологии.

Возобновленная связь Церкви с культурным миром, где учитывались бы и различия, и взаимопонимание, кажется необходимой и срочной. Это сотрудничество помогло бы осознать такую запутанную нашу современность и наметить нужное направление в будущем.

Вообще в нашем мире полно черно-белых пятен, в нем много света и тьмы. Поэтому нужны терпение и мудрые решения.

Человечество еще подвержено насилию и ненависти, миллионы людей страдают от голода и нищеты. Человечеству угрожают экологические бедствия такого масштаба, что «трагедия окружающей среды» становится не менее опасна, чем ядерная. Все это печалит и пугает. Так как же не открыть сердце для надежды! Ведь мы видим, что многие слои общества, особенно молодое поколение, жаждут новой дружбы, более четко осознают права человека, культуру без принуждения, стараются добровольно помогать бедным и отверженным, бороться за чистоту природы.

Стало быть, свет и тьма переплетаются. Ожидаемое согласие Церкви и культуры должно рассеять тьму и открыть двери свету. Этой цели должны послужить как важное «знамение времени» многообещающее экуменистическое движение среди христиан, межконфессиональный диалог, призывающий людей разных вероисповеданий сотрудничать на благо всего человечества. Остались в прошлом печальные воспоминания о религиозных войнах, настоящая ночь веры, но уже занимается обещанная заря религиозного мира, вносящая лепту в доброе сплочение общества.

Итак, перед лицом этих событий, Уважаемые Господа, Ваш университет становится значимым символом. Он основан в географическом центре Европы, призвание которой - единство, чтобы тем самым послужить делу мира во всем мире. Эта задача соответствует традиции многотысячелетней культуры. Давние и глубокие связи Европы с христианством также способствуют укреплению мира. Сейчас Церковь со своей стороны больше, чем когда бы то ни было готова внести в новое будущее Европы свой давний и всегда новый вклад. Подтверждение этому: «Бог с нами», «Бог с человеком». Это провозглашение Бога, который воплотился в Сыне на Кресте, в Сыне, который стал человеком. Это провозглашение Бога - Любви.

Ведомый этой Любовью, я приехал к Вам. Я с волнением гляжу в Ваши глаза, познавшие слезы. Я обнимаю в Вашем лице всех

многострадальных братьев. Но прежде всего я жажду вместе с Вами смотреть в будущее, на ожидающий нас путь прогресса и мира.

Не бойтесь, Друзья, открыть двери Христу! Он знает сердце человеческое и может ответить на больные, тревожащие его вопросы. Он призывает нас трудиться вместе и создавать действительно свободное, единое человечество.

Такими мыслями я приветствую Вас. Благодарю, что Вы внимательно и искренне выслушали меня. Молю о благословении Божьем для Вас и Ваших дел.

ЗЕМЛЯ - РОДИНА ЛЮДЕЙ!

Речь в Сантаке 6 сентября 1993 г.

«Ниспошли, Господи, свой дух и обнови лицо Земли»

Псалом мессы этого дня - во славу Творца. Зримый и незримый мир свидетельствует о Боге. Особенно об этом свидетельствует «лицо Земли», которое постоянно ритмично обновляется. Со сменой времен года после обработки земли она приносит плоды, необходимые для жизни человека. Поэтому человек из поколения в поколение связан с землей.

Сегодня, исполняя псалом, прославляющий Творца, мы хотим поблагодарить вашу землю за то, что она стала родиной для многих поколений. Земля - родина людей!

Лицо земли обновляется благодаря усилиям человека. Бог, создавший человека по своему образу и подобию, дал ему землю в наследство. Человек, наследник творений Бога, распоряжается землей в силу своего разума и воли и черпает из нее все новые и новые блага. Человек помогает обновить лицо земли. К сожалению, это лицо земли он также может уродовать и уничтожать. Об этом говорят войны и экологические бедствия, приносящие человеку и окружающей среде столько горьких последствий. Разве Творец не отдал землю людям и народам как собственность, чтобы они заботливо и рачительно ее охраняли?

Таким образом, благодаря человеку лицо земли обновляется. Обновляется настолько, насколько дух человека подчиняется духу Бога - духу правды и любви.

Сегодня, во время моего визита к вам, дорогие братья и сестры, жажду быть с вами на вечере, где Христос апостолам обещает ниспослать Святого Духа - покровителя.

Он говорит: «О, Покровитель... которого моим именем пришлет Отец, - он научит вас всему и напомнит все, что я вам сказал».

Христос объявил человечеству полноту истины. Однако для спасения надо, чтобы истина затронула ум и сердце человека, позволила обновить лицо земли.

Своим крестом и воскресением Христос оставил апостолам и всей церкви, нам на все времена эту силу - силу истины.

Этой силой Христос всегда остается с нами. Придя к нам, он остается через Святой Дух. Приходит к нам и остается в нас вместе с Отцом - своим и нашим Отцом. Вот почему мы всегда можем повторять молитву «Отче наш».

«Ниспошли Святой Дух и обнови лицо Земли!» - это обращение особенно важно в настоящее время, когда сыны и дочери вашей

земли, а также братские народы - соседи ощущают неотложную потребность основательно обновить свое общество, семейную, личную и национальную жизнь.

Вот почему еще громче звучат слова священной литургии: «О дух, Господь, низойди, живи в душах, наполни милостями с неба грудь верующего человека».

Наполни милостями грудь! Наполни сердце человека, которое является храмом Святого Духа. Только благодаря сердцу человека, которое посещает сила истины и любви, может обновиться земля. «О дух, Господь, низойди...», - эти слова мы произносим, желая утвердиться в вере.

Только что мы слышали слова апостола Павла, которыми он призывает жить, исполняя свое предназначение. Предназначение и призвание каждого христианина - свидетельствовать Христу всей своей жизнью, прежде всего личной жизнью. Мы должны искренне согласовывать ее с Евангелием, подчиняться всем Божиим заповедям, поступать всегда так, как учит Господь. Это - призвание и предназначение всех христиан, однако особенно важно оно для супругов: семья - это первая «домашняя церковь», здесь начинается евангелизация нового поколения.

Еще важнее это для ксендзов - пастырей Божьего народа, соединенных с Христом, добрых пастырей.

На нынешнем отрезке истории Литвы как никогда важно, чтобы освященное Святым Духом все христианское общество осознало свою задачу и предназначение. Каждый лично призван засвидетельствовать Христу, можно сказать, что ответственность верующих является всеобщей.

Всех от души приветствую: вашего архиепископа кардинала Винцентаса Сладкявичюса, иерархов церкви, ксендзов, монахов и монахинь. Приветствую включившихся в апостольскую работу мирян. Приветствую членов правительства и всех, кто хочет быть вместе с нами.

Дорогие братья и сестры! Господь ждет вашей совместной апостольской деятельности, которая открыла бы всем новизну Евангелия. Необходимо воспитывать веру, глубоко познавая Священное Писание - личной и литургической постоянной горячей молитвой. Этой цели послужат поддержка и помощь молитвенных собраний, апостольских движений, общин. А более всего, миряне, хотел бы призвать вас смело и твердо довериться Богу, принять на себя особую апостольскую ответственность в церкви и различных областях общественной жизни. Воля Господня поддержит и укрепит ваши силы, посвященные царству Божьему.

Иисус свидетельствует: «Если кто меня любит, будет следовать моему слову, и Отец его возлюбит: мы к нему придем и будем жить».

Братья и сестры, помолимся вместе, чтобы Святая Троица поселилась в ваших сердцах. Губы говорят от полноты сердца. От полноты сердца также рождаются труды во имя Христова Евангелия.

О, как нужна эта божественная полнота сердца, чтобы в нас могла возродиться правда Евангелия! Слова и дела всех дочерей и сынов Литвы пусть станут «новой евангелизацией». Новой не по содержанию, которое остается вечным, - это провозглашение умершего и воскресшего во имя спасения человечества Христа, - а новой и по своим методам, которые могут отвечать потребностям нашего времени. Чтобы обновилось лицо всего нашего края, с жаром веры будем повторять:

«Приди, Святой Дух, приди и обнови лицо Земли». Аминь.

ТАЙНА КРЕСТА

*Речь на Крестовой горе
7 сентября 1993 г.*

Тайна вознесения Креста - важнейшая тайна в истории спасения!

В этом месте, где, путешествуя по литовской земле, мы сейчас оказались, нам предстоит обдумать тайну Креста. Уже само название местности - Крестовая гора - наводит нас на эту мысль.

Сегодня на мессе к нам обращаются апостолы - Иоанн и Павел. Они оба рассказывают нам о тайне Креста, как ее охарактеризовал сам Христос: «Должен быть возвышен и сын человеческий».

Да! Человеческий сын был поднят на кресте на Голгофе - это был знак надругания. Осудив умереть на кресте, люди унизили Христа. Как человек, он «унизился», став послушным до смерти на кресте. Стал послушным людям, которые его осудили и обрекли на муки.

Милые братья и сестры! Рад, что сегодня я с вами. С уважением и всей искренностью приветствую пастыря этой епархии кардинала Винцентаса Сладкявичюса и других находящихся здесь иерархов церкви. Доброе слово посвящая ксендзам, монахам и монахиням, молодежи, семьям и всем, посвятившим себя апостольскому труду.

С особой благосклонностью вспоминаю представителей общества инвалидов, молодых, ухаживающих за больными. Хочу всех их, зримым и незримым образом связанных с Крестом Христа, призвать пожертвовать свою муку Богу за церковь, свой любимый народ и весь мир.

С уважением приветствую представителей правительства, участвующих в нашей молитвенной встрече, и всех, кто помог организовать эту мою апостольскую поездку.

Поднимемся сюда, на Крестовую гору, и вспомним всех сынов и дочерей вашего края, когда-то осужденных и брошенных в тюрьмы, концентрационные лагеря, сосланных в Сибирь или на Колыму, осужденных на смерть. Особо хотел бы вспомнить трех столпов церкви - Тельшяйского епископа Винцентаса Борисявичуса, убитого после долгого следствия и жестоких мук, Кяйшадорского епископа Теофилюса Матулениса, земной путь которого был горькой Голгофой муки и скорби до самой смерти, Вильнюсского епископа Мечислоаса Рейниса, умершего во Владимирской тюрьме.

Были осуждены невинные. На вашей родине в то время свирепствовала бесчеловечная система всеобщего насилия. Она топтала и унижала человека.

Избегнувшие тех ужасов насилия и смерти поняли, что здесь, на их глазах, для людей и семей их края повторилось и исполнилось то, что уже было совершено на Голгофе. Там Божий сын, «приняв образ слуги», как человек «унизился», став послушным до смерти».

Таким образом, судьба Креста выпала на долю многих ваших соотечественников. Для них распятый Христос стал неиссякаемым источником духовных сил во время ссылки и смертных приговоров.

Крест для всего народа и церкви стал символом примирения людей. Он воплотил в себе муку, болезнь, боль. Как в прошлом, так и сегодня Крест сопровождает жизнь человека.

Однако Крест - это и «возвышение». Препрекая на Голгофе свою смерть, смерть на кресте, Христос сказал: «Сын человеческий должен быть возвышен».

Да, он действительно был возвышен. Это

вознесение на кресте открыло ему необятные горизонты. Горизонт жертвы Христа не ограничился только Иерусалимом, он охватил весь мир: «А я, когда буду поднят над землей, всех призову к себе».

То, что в понимании людей есть полное уничтожение, жертва Христа раскрывает как Божественную силу - силу искупления, спасительную силу Христа. «Должен быть вознесен сын человеческий, чтобы каждый, который в него верует, обрел жизнь вечную».

Сам Христос нас убеждает, что Крест, Голгофа открывают миру горизонты вечной жизни. Раскрывают человеку истину, что на этой земле ему невозможно избежать закона смерти.

Об этом Иисус говорит такими словами: «Бог так возлюбил мир, что отдал своего единственного сына, чтобы каждый, кто в него верует, не погиб, а обрел жизнь вечную».

Сыны и дочери вашей страны на этой горе несли кресты, похожие на крест Голгофы, на котором умер Спаситель. Так они проявили свою искреннюю веру в то, что их умершие братья и сестры - точнее сказать, убитые разными способами, «обрели жизнь вечную».

Любовь побеждает мстительную ненависть, которая посредством насилия распространилась и на нашем европейском континенте. Этой любовью Бог возлюбил мир в распятом и воскресшем Христе.

Крест - знак этой любви.

Крест - знак вечной жизни во Христе.

«Слушай, мой народ, чему я буду учить, что будут уста мои говорить - тому внимай».

Слушая слова псалмов, я прибыл к Крестовой горе.

Долго я ждал этого дня.

Ждал этого дня, дорогие братья и сестры! Благодарю сейчас Бога, что нахожусь здесь и могу с вами размышлять о Кресте и скрывающихся в нем сокровищах истины и света. Уроки Христа - это «сила Бога и мудрость Бога».

В этом - суть благой вести, позволяющая лучше понять, что есть Бог и что есть человек.

Сын человеческий должен быть вознесен.

Это Бог его вознес - дал ему имя самое благодарное из всех имен.

Иисус Христос есть Господь во славе Бога Отца.

Он спас мир.

Через него возвышен даже самый униженный и растоптанный человек.

В нем возвышены сыны и дочери мученицы Литвы, память о которых жива и почтена на этой Крестовой горе.

**Да будет благословен Крест Христа!
Ave crux! Да здравствует Крест!**

LA VERGINE IN TRONO. 1488.

Альгирдас БРАЗАУСКАС

В ЛИТВЕ ОСТАЕТСЯ МЕНЬШЕ ЗЛОБЫ И БОЛЬШЕ ЛЮБВИ...

*Речь Президента Литвы
на аэродроме в Вильнюсе
7 сентября 1993 г.*

*Ваше Святейшество!
Дамы и господа!*

В эти дни мы живем христианской молитвой, сочувствием к ближнему, верой в Бога и великой надеждой на Явление. Из души Вашего Святейшества исходило и достигло нас мудрое слово Пастыря, Учителя всех верующих, несущее веру и нравственность, тем более, что произносилось оно на литовском языке.

Так было в Вильнюсе, Сантаке, на Крестовой горе, так было по всей нашей стране. Тысячи паломников из Литвы, ее городов и сел, других стран были удостоены величайшей милости наместника Христа на Земле. Великая честь выпала Литовскому государству: благодаря Вашему Святейшеству оно оказалось в центре внимания католического мира. Честь и иерархам церкви, всем, всем, кто помог должным образом подготовить этот апостольский визит.

На меня произвел глубокое впечатление интерес Вашего Святейшества к проблемам жизни нашей страны, к положению и трудностям рядовых людей. Меня взволновало Ваше, Святой Отец, стремление подать надежду каждому человеку, подтолкнуть каждого к духовному совершенству и моральному возрождению. Думаю, что такие чувства согрели всех граждан Литвы и наших многочисленных гостей.

Верю, что этот апостольский визит будет иметь большое значение для будущего нашего демократического государства, для укрепления отношений между Ватиканом и Литвой. Выражаю надежду, что он будет продолжен в будущем новыми посещениями, новыми содержательными традициями сотрудничества нашего государства и Католической церкви.

От всей души благодарю Ваше Святейшество, благодарю от имени государства и всего народа за предоставленную честь встретиться с Вами. После посещения Вашего Святейшества в Литве останется меньше злобы и больше любви к ближнему, меньше досады и больше терпимости, меньше подозрительности и больше доверия. Сейчас, надеюсь, мы сможем легче договариваться между собой и в сложных делах. Ваши, Святой Отец, слова благословения, оставшиеся в наших сердцах, вдохновят нас на добрые дела и благородные замыслы.

Избрание эстонского парламента лишь теми и потомками тех, кто были гражданами Эстонии до оккупации, то есть примерно 60% нынешнего населения, изображается в российской печати проявлением крайнего национализма. Между тем искусственное большинство, созданное в парламенте Абхазии для депутатов, представляющих лишь абхазов, то есть 18% населения, изображается как должное, чуть ли не как единственный способ спасти малочисленный народ от растворения, в чем возможно и впрямь есть нужда.

дел требует международного расследования нарушений прав человека в Эстонии, не заикаясь о таковых в Абхазии, где выходцы из России воюют на стороне абхазов.

Попробуем, однако, видеть и правду и заблуждения и у "своих" и у "чужих". Еще до революции возникло прекрасное понятие "интернационализм", предполагавшее равноправие всех народов и всех людей, независимо от их национальности, и цивилизованный человек сознает, что миф о правомерности интересов и традиций лишь своих

американским президентом Вудро Вильсоном. А у нас не только Жириновский грозит учредить Прибалтийскую губернию, но и люди, сльвущие демократами, уверяют, что Советский Союз или хотя бы Россию вместо национально-территориальных образований надлежит делить на губернии или штаты. Словно можно, не считаясь с наличным вековых национальных общностей, заниматься административным членением, словно наша страна это единая страна, а не скопище разных, так или иначе включенных в Российскую империю. Имперская структура и национальное неравенство, господствовавшее и до и после революции, а вовсе не мнимые недостатки или мнимая отсталость русского народа, мешали и мешают поныне сложиться российской демократии. Трагично, что Советский Союз не смог перерасти в содружество равноправных народов, подобное Европейскому сообществу, - ведь это могло бы ощутимо облегчить им всем преодоление тоталитарных порядков и переход к человеческой экономике. Но мало оглаживать несбывшуюся надежду, надо четко помнить, кто ее погубил, - а ее расстреляли в Тбилиси, в Вильнюсе, в Баку. Ее погубили те, для кого Союз был не сообществом равных, а строем покорных единому, возвышающемуся над всеми центру. Надо ли удивляться, что в ответ не то что недавно оккупированная Прибалтика, но и триста лет связанная с Россией Украина подняла голос в защиту независимости? Хочется надеяться, что хотя бы Российская Федерация сумеет стать содружеством равных и сохраниться в таком качестве. Но надо смотреть правде в глаза: избившие ингушей и другие, пусть не столь кровавые, великодержавные акции начали подрывать и эту надежду. Мы все не возьмем в толк, что переход от империи к содружеству возможен лишь через равноправие, через самоопределение желающих того народов, гарантирующее, что при объединении они не будут опять обречены на неравенство.

Игнорируется, однако, не только зловещая природа империи, но и природа современного национального государства, способного участвовать в межгосударственных культурно-экономических общностях. Твердо отстаивающая свои национальные интересы Англия давно уже населена не одними англичанами, и даже не одними валлийцами, шотландцами и ирландцами. Среди постоянных жителей Лондона в избытке можно видеть индусов, пакистанцев, африканцев, пользующихся всеми правами британского гражданина. Нынешнее национальное государство, в отличие от родоплеменного, держится не единым происхождением граждан, но единством их интересов и признанием некоего минимума общих правовых и культурных ценностей. Мотивы расы, чистоты крови, происхождения важны ревнителям империй. Гитлер, готовя войну против других народов, нагирал на чистоту немецкой расы. Аденауэр и Эрхард, заботясь о немецком народе, приглашали соучаствовать в создании его благосостояния югославских и турецких рабочих, гарантируя им те же права, что и немецким.

Отношение к другим народам и служит отличием современного национального государства от государства националистического. Невозможно отрицать, что стремление сербов освободиться от турецкой власти было справедливым, невозможно отречься от бывшего сочувствия сербским восстаниям под руководством сперва Карагеоргия, а потом Милоша Обреновича, от помощи, которую

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Следует сразу подчеркнуть, что право абхазского, как и любого другого, народа на самоопределение неоспоримо, и сомнительно лишь отождествление абхазского народа с территорией, поименованной в сталинской Конституции Абхазией. Выяснение отношений народа и территории, на которой он вправе самоопределяться, - это тоже относится не к одной Абхазии, - требует всестороннего учета разных обстоятельств. Ни состав нынешнего (может быть, поселившегося накануне) населения, ни историческая память сами по себе не могут быть тут решающими, но их сочетание уже обретает убедительность. Русский поэт обозначил устье Невы как "приют убогого чухонца", но вполне признавая право финского народа на самоопределение, сегодня мы вынуждены все же отметить, что уже почти триста лет в устье Невы стоит великий город, который от России не оторвать. Понятно, это исключение, но демонстрирующее сложность территориально-самоопределения. А ведь оно у нас усложнено еще произвольностью границ сталинских республик, устанавливавшихся с пренебрежением к реальному расселению народов. Существенен в этой связи и самый характер второго заселения заселенных земель, - свершилось ли оно мирно, в силу долгих экономических отношений, или после захвата, и был ли самый захват давним, или произошел на глазах поныне здравствующих сограждан. Стремление абхазского народа к уточнению территории для самоопределения ради федеративных отношений с Грузией или даже отделения от нее, как и самоопределение любых иных народов в любых иных краях, не должно бы вызывать у грузин возражения. Однако трудно принять за самоопределение одностороннее провозглашение верховенства явного меньшинства без учета прав других народов, веками живущих на той же территории.

Жертвы в грузино-абхазском конфликте есть на обеих сторонах. На страдания абхазов наша печать живо откликается, и это естественно. Примечательно однако, что она куда менее внимательна к судьбам эстонцев. Обвинения в этнократии наша печать абхазам не бросает, зато смело обвиняет в ней эстонцев. Опять же, не скрывая сочувствия "русскоязычным" в Эстонии, она отнюдь не сочувствует грузинам в Абхазии. Эти чудовищные различия объяснимы, видимо, тем, что гибель и разорение грузин воспринимаются в России не так живо, как тяготы, обрушившиеся ныне на поселившихся в Эстонии после оккупации русских, украинцев, белорусов, евреев. Сочувствие "нашим" владеет не только Невзоровым. Даже прогрессивный российский министр иностранных

единоплеменников, то есть национализм, пагубен не только для чужих, над которыми претендуют господствовать, но и для своих. Русский народ от подобных претензий особенно пострадал, ведь Российская империя, ставшая тюрьмой народов, оплачена обращением русских людей в крепостное рабство, не менее тяжкое, чем национальное угнетение. Как же не быть нам приверженцами интернационализма и противниками национализма!

Но за семьдесят лет понятие об интернационализме, как и многие другие понятия в нашем государстве, коренным образом изменило свой смысл. Теоретический пролетарский интернационализм стал маской практического великодержавного шовинизма, примата интересов и традиций одного большого народа перед малочисленными. А национализмом, соответственно, стали называть само стремление малочисленных народов уцелеть. В Прибалтике не зря говорили, что интернационалистом называют того, кто знает только один язык, а националистом того, кто знает два и больше. Вот и нынче по старой советской привычке стремление народа, в частности эстонского, к независимости сводят к национализму. А все не так просто.

Нынче в мире одновременно протекают два на первый взгляд противоположных, а на деле взаимообусловленных процесса. Растут связи между государствами и народами, сокращаются преграды к экономическому и культурному общению, возникают немислимые прежде демократические общности вроде Европейского содружества. А одновременно продолжается начатое когда-то Нидерландской революцией вытеснение национальных государств, охраняющих людей и народы от возможного ущемления их интересов и пренебрежения их традициями. Активизируются валлийское и шотландское движения в Англии, активно выясняются отношения между валлонами и фламандцами в Бельгии, разделились Чехия и Словакия, с кровью расходятся республики бывшей Югославии. Наивно, видя все это, уверять, что пример Нидерландов утратил привлекательность, что время национальных государств прошло.

К тому же право наций на самоопределение вовсе не выдумка большевиков, как уверяет наша печать. Они лишь повторяли это общедемократическое требование на тех же началах, на каких до разгона повторяли требование создать Учредительное собрание, и были столь же верны этому лозунгу. На деле это требование стало популярно как один из важнейших среди 14 пунктов программы мира, выдвинутой после I мировой войны

Россия оказывала становлению независимой Сербии. Однако ступив в наши дни на путь этнических чисток, физически уничтожая уже не то что турок, а потомков славян, принявших при турках мусульманство, сербское национальное движение само уподобляется турецким завоевателям былых времен и, под руководством коммуниста Милошевича, действует националистически и агрессивно. Подобное происходит, если забывают, что современное национальное государство не вправе требовать от граждан большего, чем уважение своих интересов и традиций, хотя без этого минимума обойтись, конечно, не может. Ключ к решению национальных противоречий рушащейся империи - в четком обозначении этого минимума, позволяющего каждому сознательно и мирно определить свои отношения с возрождающимся национальным государством.

В сегодняшней Эстонии от этого отвлекаются на краях обоих флангов. Для крайних национал-радикалов Эстония - государство одних эстонцев, и все тут. Для "пролетарских интернационалистов" национальное государство небольшого народа, да еще предьявляющее желающим быть его гражданами какие-то требования - дурной сон. В свете их противостояния кажется, что люди в Эстонии и впрямь разделились на эстонцев и неэстонцев, на покоренный народ и оккупантов. На деле, однако, за отношениями эстонцев и неэстонцев различимо государственное противостояние.

Россия, привыкшая к имперским манерам, не стыдится объявить, что ее войска остаются на территории Эстонии, чтобы защищать человеческие права неэстонского населения. А как могут они эти права защищать, если не по испытанной в Абхазии и Приднестровье кровавой методе? И разве самая готовность прибегнуть к этому методу не свидетельство старых имперских претензий? Разве не разумнее, если уж дойдет - покамест официальные комиссии ООН не видят в Эстонии нарушений прав человека, требующих даже и мирного вмешательства извне, - но если, не дай Бог, таковые обнаружатся, не лучше ли положиться на международные, ооновские силы? Не разумнее ли уберечь Россию от позора новой оккупации? И разве не эта угроза вызывает на другой стороне недоверие?

А оно, в свою очередь, мешает и эстонскому правительству трезво оценить соотношение народа и территории. По Тартускому договору район Печерского монастыря отошел к Эстонии, в составе которой и пребывал более двадцати лет. Для монастыря это было спасением, в России монастыри тогда громили, а он уцелел и сохранил естественность своего религиозного бытия. На него не легла печать позорного благополучия, как на Киево-Печерский или Троице-Сергиевский, его не обратили в тюрьму, как Спасо-Ефимьевский. Пятьдесят лет назад, когда Эстонию сделали союзной республикой, этот район был включен в состав России, где монастыри уже не громили столь активно. И вот сегодня Эстония настаивает на возвращении ей Печер, поскольку и они были отторгнуты в 1940 году. Юридически все верно. И конечно, не малость то, что русская православная церковь так никогда и не поблагодарила Эстонию за спасение православных святынь, хоть святейший патриарх сам происходит из Эстонии и судьба монастыря ему введома. Но это ведь все-таки грехи государства и церкви, а не народа, который там живет. И хоть когда-то, конечно, там преобладали эстонцы, но сама постройка монастыря давно, еще до революции, изменила картину, и Печоры стали русскими почти как Петербург. Ну что бы Эстонии показать России пример неимперского мышления и выразить готовность при разрешении других

проблем признать эти земли российскими? Думается, подчеркнутый контраст российским силовым решениям побудил бы и Россию полнее отдать себе отчет, что земли Эстонии следует считать принадлежащими Эстонскому государству.

Современность уже дала пример преодоления имперского мышления. После Второй мировой войны многие немцы задумались о том, кто виноват в преступлениях национал-социализма. В Восточной Германии все свалили на козла отпущения, - винили фашизм, фашистское государство, фашистских военных преступников. Поскольку все они и впрямь кругом виновны, дело казалось исчерпанным, и остальные были освобождены даже от вопросов о собственной ответственности за преступления фашизма. А в Западной Германии задумывались именно о личной ответственности каждого. Скажу сразу: на мой взгляд, неверно думать, что весь немецкий народ и каждый немец, живший тогда, и, тем более, родившийся после, виновен в бедствиях России и Польши, евреев и цыган и т.д. Но размышления об ответственности за прошлое были не напрасны, люди ощутили ответственность за то, чтобы прошлое не повторилось, за то, чтобы немецкое государство никогда больше не угрожало независимости других народов и государств. По собственной конституции немецкая армия теперь не имеет права даже находиться на территории других стран и применять оружие, кроме как для самозащиты, своей и своих союзников. Не виновные в преступлениях прошлого, люди отвечают за свое отношение к этим преступлениям, то есть отвечают за будущее. Эта ответственность и собирает в городах Западной Германии многотысячные демонстрации протеста против поднимающего голову фашизма. А в бывшей ГДР, где фашизм прежде всего и поднимает голову, подобных демонстраций нет.

Немецкий пример должен бы стать поучительным и для нас. Подчас всему советскому народу велят каяться, словно все мы поголовно виновны в преступлениях советского режима. Конечно, у нас за семьдесят пять лет было, наверное, еще больше конкретных виновников, чем у немцев за двенадцать, но неверно, что виновен каждый. Однако, может быть, потому, что мы изначально и не считали себя виновными и не думали об этом, мы так и не обрели чувства ответственности за то, чтобы подобно никогда больше не было, которое обрели многие немцы, ответственности за то, чтобы Россия не была больше ни в чем подобном виновата. Вот и не было у нас массовых демонстраций протеста ни после Тбилиси, ни после Вильнюса, да и протесты против поднимающего голову отечественного фашизма у нас, в отличие от Германии, тоже не бывают массовыми. Словно не мы воевали против фашизма, не мы его разгромили!

Мы со всей определенностью отвергаем стремления перенести на всех переселившихся за 50 лет в Эстонию ответственность за сговор Сталина и Гитлера и преступления нашего государства на эстонской земле. Не может быть и речи о признании тех, кто сотрудничал с гитлеровцами, борцами за независимую Эстонию. Фашисты - они фашисты и есть, независимо от национальности. Но противостоять их влиянию можно только на почве недостающего нам чувства ответственности за будущее Эстонии, ответственности русскоязычной общины за то, чтобы уцелело эстонское национальное государство. Мы, конечно, будем требовать, чтобы это государство не ущемляло человеческие права национальных меньшинств, и, конечно, хотели бы, чтобы, признав статус независимой Эстонии, они обрели в ней гражданские права. Но наши требования и пожелания не

покажутся Эстонии убедительными без открытого признания каждым новым гражданином вины нашего государства в уничтожении государства эстонского.

Между тем, в обращении к эстонскому народу Учредительное собрание представителей различных организаций русскоязычной общины Эстонии выражается весьма отвлеченно: "Волей исторической судьбы сегодня в Эстонии более трети населения - неэстонцы". А как бы мы реагировали, если бы нам объявили, что тысячи ленинградцев погибли в блокаду "волей исторической судьбы"? Нет, простите, мы знаем, что их погубила воля Гитлера и безответственность Сталина! Совершенно так же мы знаем, чьей волей было погублено Эстонское государство. И подлинная защита человеческих прав русскоязычного населения возможна лишь на почве признания этого факта и своей ответственности, - не за то, что было пятьдесят лет назад, а за то, чтобы Эстонское государство возродилось сегодня. Защитить Эстонию от эстонских фашистов можно только защищая ее одновременно от наших собственных фашистов. Сознание этого в русскоязычной общине еще не возобладало, не стало всеобщим, что и понятно, поскольку сама эта община отнюдь не однородна.

Уже в предвоенные и, тем более, в послевоенные годы в Эстонию влилось немало людей, если не прямо участвовавших в геноциде, от которого пятая часть эстонцев либо погибла, либо вынуждена была бежать, то этому геноциду сочувствовавших, презиравших эстонскую культуру и язык, а землю Эстонии рассматривавших как пространство, подлежащее освоению. Замалчивать это - означает оправдывать это и лишь усугублять антирусские настроения.

Были и другие, приезжавшие в Таллинн, как в Пензу, по распределению или иным служебным обстоятельствам, к Эстонии и ее судьбе равнодушные, но не враждебные. Они, конечно, были пассивным резервом первых, но часто не сознавая того, и при этом часто работая на благо Эстонии и эстонцев.

А были и люди, сочувствовавшие Эстонии, предпочитавшие жить в ней не потому, что это легче, а потому, что общественные нравы там были все же не столь дикими, как дома. Солженицын не случайно написал: "А эстонцев сколь Шухов не видал - плохих людей ему не попадалось". Вспоминая, что Советский Союз был закрыт для выезда за рубеж, можно сказать, что переезд в Эстонию, равно как в Латвию или в Литву, был для многих формой эмиграции. При этом в Эстонию, как и в Латвию, вселялось больше людей, чем в Литву, и они составляют там сегодня немногим менее половины населения, тогда как в Литве лишь одну пятую, и можно согласиться, что предоставление им всем разом прав гражданства означало бы фактический отказ от создания национального государства и признание результатов оккупации необратимыми. Но нельзя согласиться с тем, что справедливо отказать им всем разом в предоставлении такого гражданства.

Сложилась принципиально новая ситуация, которую надлежит до конца осознать всем ее участникам. Она, прежде всего, не должна рассматриваться, хоть крайние силы с обеих сторон толкают именно к этому, как противостояние эстонцев и неэстонцев. И эстонцы разные и неэстонцы, как видим, разные. И если эстонцев различия ведут к ориентации на разные политические партии, то неэстонцам надлежит задуматься, прежде всего, о своих индивидуальных отношениях с возрождающимся Эстонским государством, взвесить, готовы ли они, даже пользуясь всеми человеческими правами, жить вне отечества, принадлежать к меньшинству, пусть абсолютно полноправному. Это ведь не так про-

сто, оказаться в другой стране. Осознать это особенно трудно людям, воспитанным в духе "пролетарского интернационализма", то есть в отрицании прав малочисленного народа на самостоятельность, мешающую якобы решению глобальных классовых задач. Коган и Яровой выразительно продемонстрировали эту позицию, и у них осталось немало последователей. Но ничего не поделаешь: независимая Эстония будет Эстонией, а не Россией, где эстонцам либерально разрешат говорить по-эстонски. Не только крайние национал-радикалы, но и такой весьма умеренный и известный своими симпатиями к России эстонский деятель как Э.Сависар считает: "Одни неэстонцы интегрируются в эстонское общество, другие останутся тут в качестве представителей своей национальности, но будут лояльными по отношению к Эстонской республике; третьи, которые так и не смогут примириться с концом советской империи, уедут". То есть одни станут русскими гражданами Эстонии, другие - быть может, гражданами России, живущими в Эстонии, а третьи вернутся в Россию. И совершится все это, понятно, не в один день, оттого и важные методы перехода к новому состоянию.

Мы привыкли связывать права человека с его гражданскими правами, и это, конечно, справедливо. Но при нынешних массовых людских перемещениях возникают переходные периоды, когда соблюдение прав человека временно предусматривает иной статус, в полной мере охраняющий эти права для всех жителей, все равно граждан или неграждан, откладывая, однако, на некоторый срок решение вопроса о гражданской принадлежности человека к тому или иному государству уже ради того, чтобы он имел возможность совершить свой выбор сознательно. Миллионы эмигрантов получают в Америке возможность проживания и огромную помощь, однако вопрос о предоставлении им гражданства

США рассматривается лишь через пять лет после приезда. Разумеется, у нас в столь длительном выжидании нет нужды, но необходимо время, чтобы желающие стать гражданами Эстонии могли делом проявить готовность к интеграции в эстонское общество, а другие определить свою судьбу иначе.

Думается, если бы одновременно с выдачей эстонских паспортов остальным постоянным жителям выдавали бы вид на жительство, позволяющий, к примеру, выезжая из Эстонии, беспрепятственно туда возвращаться и гарантирующий другие права человека, процессы самосознания протекали бы спокойнее и реалистичнее. Людям легче было бы понять, что принятие гражданства сопряжено с взятием на себя обязанностей, что нельзя претендовать на гражданство в государстве, основы и смысл которого не хочешь признавать, а требуя прав без обязанностей, ратуешь уже не столько за права, сколько за привилегии, созданные оккупацией. Совершенно так же людям на другой стороне, считающим приезжих пусть не оккупантами, но все же нежелательными эмигрантами, стоит помнить, что это нельзя поставить им в вину лично, поскольку никаких действовавших на момент своего вселения законов приезжие не нарушали.

Виновно в происшедшем Советское государство, и вина эта остается на его правопреемниках. Отказываясь признать эту вину и вытекающую из нее обязанность делом помочь людям, по вине государства оказавшимся в Эстонии, - помочь и в возвращении, если они того хотят, и выплатой пенсии, если перебраться в Россию уже нет сил, и во многих других случаях, - наше государство, как всегда, хочет удержать выгоды от бывшего господства. А это как раз и портит отношения с обретающими свободу соседями.

Менее всего хотелось бы мне навязывать и даже предлагать универсальное решение обнажившихся национальных проблем. Я,

напротив, убежден, что для сотен тысяч людей такого универсального решения и быть не может. Важно поэтому обеспечить свободу индивидуального выбора каждому и разъяснить обязанности, принимаемые на себя вступающими в эстонское гражданство. В России живет множество украинцев, белорусов, грузин, армян, евреев, латышей и эстонцев. Они владеют русским языком и добровольно приобщились к русской культуре, нередко это вообще единственная их культура. Им естественно считать себя, независимо от происхождения, российскими гражданами. Разве подобное не должно быть столь же естественным для эстонских граждан, независимо от происхождения, которое, конечно, ни в коем случае не может быть критерием при установлении гражданства?

Для вселившихся в Эстонию и их потомков сознательные индивидуальные решения еще могут стать средством преодоления ложного положения, в которое их безвинно ставит пятидесятилетняя оккупация. У выселенных из Эстонии, убитых или вынужденных бежать, уже нет средств преодолеть ее последствия. Между тем боль Эстонии, уж никак не менее свежая и тяжкая, чем у Сербии или Абхазии, не побудила возрождающееся Эстонское государство пользоваться методами той или другой. Эстония явно хочет мирного преодоления последствий беззаконного попражнения ее прав, и она вправе рассчитывать на то, что неизбежные при этом противоречия будут распутываться без ожесточения. Ведь если не случится ядерная катастрофа, военная или мирная, Эстония и Россия останутся там, где они есть, и равноправные связи между ними будут не просто полезны, но необходимы обеим сторонам. Вот никому и не стоит накалять страсти.

В ближайшее время
выходит в свет первый номер
нового ежеквартального журнала

"ОКО"

Вестник Русского института
в Париже

Под редакцией
Сергея Дежюлина

ШИРОКО ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ДВУЯЗЫЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

КОРРЕСПОНДЕНТЫ
ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
"ОКО. ХРОНИКА"

Издатель
фирма
"МУЗЕУМ"

Россия, Санкт-Петербург,
телефон (812) 239-84-19, факс (812) 542-83-98
для фирмы "Музеум"

Почетный комитет:

Сэр Исайя Берлин, Иосиф Бродский,
Анатолий Васильев, София Губайдулина,
Ростислав Добужинский, Борис Заборов,
Дмитрий Иванов, Отар Иоселани,
Андрис Лиепа, Майя Плисецкая,
Мстислав Ростропович,
академик Владимир Топоров

Консультативный совет:

Сергей Асланов, Андрей Липке,
Жан-Клод Маркале, Мишель Окуторье,
Никита Струве, Елена Трайлина,
Жан Фейгельсон

Среди рубрик журнала:

ЛИТЕРАТУРА
ФИЛОСОФИЯ
НАУЧНЫЙ ФОРУМ
АРХИВ
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ЧИТАЯ ПЕРИОДИКУ
ДОСЬЕ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО
МУЗЫКА И ТЕАТР
РУССКИЕ В ЕВРОПЕ
NATURA GENTRIX
IN MEMORIAM

В числе авторов:

Константин Азадковский, Нина Аловерт,
Элен Анри, Александр Архангельский,
Паскаль Бриссо, Вацлав Гавел,
Рейкс Гейро, Яков Гордин,
Виктор Гульченко, Миловое Иванович,
Николай Котрелев, Николай Крачеквич,
Павел Кузнецов, Жан-Клод Лани,
Антониш Лим, Борис Лосский,
Михаил Мейлах, Чеслав Милош,
Вера Мильчина, Жан-Поль Мишель,
Юрий Молок, Андре Монье,
Ивар Мочалов, Феликс Перчонок,
Сергей Стратановский, Александр Сумеркин,
Габриэль Суперфин, Роман Тименчик,
Дерек Уолкотт, Татьяна Цивьян,
Франсуа Шапон, Жорж Шерон,
Андрей Шипкин, Сергей Юрьенко

Из тем первых номеров:

Бальзак в России
Анна Ахматова и Франция
Из писем Николая Клюева
Вацлав Гавел в Парижской академии
Посвящается Иосифу Бродскому
От Петра Великого к Достоевскому
Октябрьский переворот и гильотина
Победа принципа Гюгана
Портрет Франсиса Бюкона
Интервью с Гидоном Кремером
Михаил Барышников в турне по Европе
"Охота на бабочек" Отара Иоселани
Музей Красного Креста в Женеве
Для СПИДа нет границ
In memoriam:
Ида Нанпельбаум, Дмитрий Бушен,
Рейн Круус, Александр Минц, Эрве Гибер,
Жан-Мишель Пуруайер

Война в Боснии-Герцоговине вызывает во мне не только ужас перед войной: я ужасаюсь, видя, как рвется полиэтническая, полирелигиозная ткань, разрушается очень мирная среда, где была не только терпимость, не только сосуществование, но также и обмен, связи, взаимное гостеприимство, смешанные браки. Эта Босния-Герцоговина была зримым прообразом той Европы, о которой мы мечтаем. Теперь от нее осталось только несколько городов, осажденных, разбомбленных, задыхающихся, и Сараево - один из них.

С каждой бомбой, с каждым разрушением, с каждой смертью все вновь и вновь рвут на части беременную Европу, доводя ее до выкидыша.

Какой путь пройден с 1989 - 1990 годов? То, что мы привяли за великолепный рассвет, оказалось смертельным взрывом гигантской красной звезды. Опять - и еще беспощаднее, чем прежде, - весну народов уничтожили заморозки.

Помимо прямой ответственности агрессоров речь здесь идет о трагедии. Миссия интеллигенции, как всегда, заключается в том, чтобы поместить отдельный факт в контексте ситуации во всем мире. Ситуация в мире - результат одновременного и противоречивого процесса всемирной унификации и всемирного размежевания. В нашу эпоху все общества в мире завязят друг от друга. Перед всеми людьми, где бы они ни жили, стоят одни и те же жизненные проблемы и одни и те же смертельные угрозы. Все значительные проблемы превосходят компетенцию Объединенных наций, но при этом в наше время национальные государства все множатся и становятся все мельче.

Почему?

Надо разобраться в содержании самой идеи нации, в современном и вместе с тем архаическом понятии этой идеи. Родина - это понятие по сути и материнское, и отцовское: она несет в себе материнскую обволакивающую любовь, связь с землей, с очагом, и в то же время власть отца-защитника, воплощенного в государстве, которому все обязаны безусловным повиновением и почитанием. На фоне вырождения племени, большой семьи, а то и просто семьи, родина воскрешает мифологический семейный комплекс, объединяющий «сынов отчизны» братскими узами, хотя между ними нет никакого кровного родства.

Формула национального государства, возникнув в Западной Европе, в XIX - XX веках получила распространение в мире, и ею воспользовались народы, поработенные империями, в борьбе за свою независимость. Это помогло им обрести корни своей идентичности и культуры, то есть опереться на свое прошлое в борьбе за государство, обладающее современными средствами обороны, а именно, военной мощью. Итак, национальное государство позволяет одновременно восстановить связь с прошлым, утвердиться в настоящем и бросить вызов будущему.

К тому же, начиная с семидесятых годов, во всем мире разражается и ширится кризис будущего. Западная Европа распространила по всей земле веру в прогресс, обеспеченный «историческими законами», неотменимым поступательным ходом эволюции, неизменно благотворным развитием науки, техники, промышленности. И вот по

всему миру рушится и коммунистическая вера в «светлое будущее», и надежды на развитие Третьего мира, и упование на прогресс индустриально-демократического общества. Будущее становится ненадежным, опасным. И повсюду, где рушится будущее и, в особенности, где настоящее исполнено угрозы и боли, происходит откат к прошлому, то есть, к этническим, религиозным, национальным корням.

Именно это и наблюдается в ходе кризиса посткоммунистической Европы: этносы или национальности хотят высвободиться из великих полиэтнических общностей (бывший СССР, бывшая Югославия, бывшая Чехословакия) и мечтают обзавестись собственной государственностью. Но глав-

Эдгар МОРЕН

всю прежнюю жестокость и цинизм. Вот так обоснованные надежды на торжество весны народов превратились в бурление истерического национализма, которое дало уже несколько войн, и самая жестокая из них идет здесь. Адам Михник говорил, что национализм - высшая стадия коммунизма. Мы скажем, что этническая чистка - высшая стадия этнонационализма и тоталитарного национализма.

Югославия раздроблена, Босния-Герцоговина идет к раздроблению. И если, как

РЕЧЬ В САРАЕВО

ное отличие их от национальных государств Западной Европы, таких, как Франция, Англия, Испания состоит в том, что последние были порождением государства, что эти нации объединили в своем лоне весьма различные этносы, еще более разнородные, чем этносы бывшей Югославии. Так Франция вобрала бретонцев, фламандцев, эльзасцев, лангедокцев и т.д., но, разумеется, это был долгий, шестивековой исторический процесс. А на Востоке теперь, наоборот, уже не государство формирует нацию, объединяя этносы, - этнос, создавая государство, становится нацией.

У Югославии, разумеется, не было исторического времени для того, чтобы сложиться в полиэтническую нацию, и она уже подвергалась воздействию центробежных сил во время вторжения нацистов. Но в лоне Югославии существовало некое тело, по сути своей, мультиэтническое и мультикультурное - Босния-Герцоговина, в ходе многовековой интеграции своего религиозного и этнического разнообразия Босния-Герцоговина была наиболее близка к сложившейся модели нации.

Как показывает война в Югославии, формирование этнических наций на востоке Европы было извращено наследием трех полиэтнических империй - оттоманской, австрийской, русско-советской - где веками происходило наложение и перемешивание очень разнородных групп. Между тем, как только какой-нибудь этнос становится нацией и превращает свои административные открытые границы в непроницаемые национальные, он часто замыкает в своем лоне одно-два чужеродных меньшинства, а его собственные меньшинства оказываются впаивая в чужую нацию. Так проблема смешанных этносов превращается в проблему угнетаемых и притесняемых меньшинств, и вот уже вспыхивает свирепый национализм, порожденный тройным кризисом: национальным, о котором я сейчас говорил, экономическим, при котором общество теряет устойчивую бюрократическую экономику, но еще не получает взамен преимуществ рыночной экономики, и политический кризис, при котором хрупкой демократии грозит одновременно и кризис, и национализм (стремящийся принудить к молчанию каждый голос протеста, а в случае войны каждый призыв к миру). Оголтельный национализм порождает диктатуру, а та в свою очередь порождает оголтельный национализм. Аппаратчики перекрашиваются в националистов, чтобы спасти свою власть, и приносят в новую сферу

утверждают некоторые, эти общности никогда не существовали, почему тогда их пришлось разрушать ударами топора, артиллерии, депортациями?

Здесь разыгрывается одновременно трагедия Сараево, трагедия Боснии-Герцоговины, трагедия бывшей Югославии, трагедия Европы.

Европа двинулась к объединению после самоубийства Второй мировой войны. Идея объединения исходила от бывших врагов, Франции и Германии, стремившихся создать европейское сообщество. Разумеется, на востоке этот процесс был ограничен железным занавесом. К тому же он наталкивался на многочисленные политические препятствия, проистекавшие от того, что национальные государства отказывались поступиться частью своего суверенитета. Пришлось прибегнуть к экономическим уловкам, чтобы обойти огромное политическое сопротивление, и, благодаря экономическому взлету 1955-1975 годов, этот процесс привел к общему рынку. Затем Маастрихт явился толчком для постепенного движения в сторону политического объединения Европы. Но отсутствие политической конфедеративной организации все же не позволило Западу сделать шаг навстречу странам восточной Европы, стремившимся к нему; даже общий рынок не мог открыться навстречу странам, экономика которых была еще заблокирована; более того, экономический кризис Запады привел к тому, что Запад замкнулся на себе и теперь уже сам воздвиг свой собственный железный занавес против продукции и эмигрантов с Востока. И наконец именно Западная Европа продемонстрировала чудовищное бессилие и смертельно опасную слепоту перед лицом войны в Югославии, не отдавая себе отчета, что сама эта война и в особенности расчленение Боснии-Герцоговины разрушают весь европейский проект. И вот мы видим, как в 1992-1993 годах по всей Европе, включая западную, бужут мощные силы разъединения.

Но решающее распутие еще не пройдено. Не все еще определено. Судьба Европы решится в ходе борьбы между силами распада, разрыва, накала национальных, этнических, религиозных страстей - и силами объединения, солидарности и конфедерации. Эта война далеко не отменила принцип объединения, но придала ему новую актуальность. Если не сохранять или не восстанавливать единства, мы будем двигаться навстречу новым ужасам.

Прочитана 11 сентября 1993 года в Университете г. Сараево.

Миссия европейской интеллигенции состоит в том, чтобы одновременно под-держивать и суверенность, и единство.

Нельзя допустить разлада в том, что касается прав народов, меньшинств, личности и права самой Европы, в первую очередь на единство.

Миссия европейской интеллигенции - противостоять военной истерии; протестовать, когда питают ненависть к народу вместо того, чтобы осуждать систему или режим. Эта миссия заставляет нас поместить проблему Сараево в надлежащий контекст, и контекст этот - безумное вторжение этнонационализма и тоталитарного национализма в кризис будущего, коммунизма и Европы.

Надо понять, что распад Боснии-Герцеговины несет в себе убийство европейской будущности. Но еще не все потеряно. Нужно приложить все силы к спасению городов с множественной культурой, городов, населенных гражданами, городов, где живут демократы, которые еще не сложили оружия, - и в первую очередь Сараево - и города эти должны так же сопротивляться и силам внутреннего распада, порождающим бесконечные и безжалостные распри. Необходимо добиваться мира: только в условиях мира демократические силы Сербии и Хорватии, ныне задушенные, сумеют очнуться и дать бой этнонационализму и тоталитарному национализму. Но этот мир, который должны обеспечить мощные силы, в свою очередь должен служить порукой того, что границы страны будут проницаемы, как границы в европейском сообществе, чтобы в дальнейшем стали возможны новые формы объединения.

Я произношу эту речь в Университете города Сараево.

Я говорю не как политик, а как гражданин Европы.

Это речь интеллектуала, обращенная к интеллектуалам.

Я выступаю в Университете, в учреждении, которое должно быть выше политики.

Университету положено возвышаться над временем и над национальностями - такова его миссия:

он сохраняет, передает, учит, создает культурное и научное наследие;

он возрождает это наследие, вдыхая в него новую жизнь в процессе его переосмысления и передачи;

он творит знание и культуру.

Университет призван не только давать образование, обучать профессии и технологии - он должен давать более широкое знание.

Он должен прививать обществу ту культуру, назначение которой не сводится к эфемерным и временным нуждам дня.

Он должен не только осовременивать культуру, но и окультивировать современность.

Он должен защищать отвлеченные ценности, в первую очередь автономию совести и примат истины над целесообразностью.

Европейское культурное наследие, которое следует постоянно обновлять, это движение проблем. Работа на возрождение состоит в том, чтобы проблематизировать мир, природу, Бога, человека.

Это диалог, плодотворная игра на противопоставлении великих идей: Вера/Сомнение, Разум/Религия, Верование/Наука.

Это терпимость, и не только терпимость первой степени, та, что позволяет высказывать идеи, которые кажут-

ся нам ошибочными, а то и отвратительными, но и терпимость второй степени, содержащая в себе сознание, что нашим заветным истинам противостоят такие же заветные истины, - сознание того, что и во вражеской идее есть доля правды.

Это рационализм - не только критический, но и самокритический, всегда открытый, развивающийся и противостоящий ледяному высокомерному и замкнутому разуму.

Это сопротивление проклятиям, запугиваниям, приговору властей.

Двадцатый век бросил вызов этим ценностям, но причина этого кроется не только в такой чудовищной выдумке как тоталитаризм, в этно-националистической или тоталитарно-националистической истерии. Причина и в том, что процесс специализации и технизации требует все настоятельнее, чтобы образование подчинилось новейшим методам и технологиям (которые очень быстро обесцениваются); стремление свести общее образование до минимума замыкает умы в ментальной структуре, не дающей возможности поместить явления в контекст и бросить на них общий взгляд. Мысль прогрессирует только тогда, когда она способна констатировать и обобщать типичные и отрывочные знания. Интеллигенция, как говорил Герберт Саймон, это GPS, "general problem Solving", машина, умеющая решать общие проблемы. Таким образом, миссия любого образования - добиваться полного развития мыслительных возможностей интеллигенции. Следует бороться против двойной пауперизации - обнищания гуманистической культуры, не имеющей более доступа к научному знанию, и обнищания научной культуры, не умеющей задуматься о себе самой и о пути, по которому вслепую движется наука в современном мире. Университет должен посвятить свою деятельность возрождению общей культуры, которая родится благодаря обмену между двумя разведенными культурами. Тогда вновь оживет смысл надписи на фронтоне Гейдельбергского университета: «Живому духу».

Итак, мы находимся в надвременном месте, обращенном и в прошлое и в будущее.

Но мы находимся и в нашем веке, и в месте, где разыгрывается одна из ужаснейших трагедий нашего века. Поэтому мы обязаны задуматься об этом веке, понять его, а также оказать сопротивление варварству, которое угрожает духу, а значит, и вам, преподаватели Сараевского университета, изнемогающие и покинутые, преданные варварству сегрегации, замыкания, отбрасывания назад.

Мы приехали сюда с желанием прежде всего поблагодарить вас за то, что вы - это вы, выразить вам нашу горячую и горестную братскую любовь, ибо ваша судьба определяет и нашу судьбу.

Всех, возвращающихся из гитлеровских концентрационных и рабочих лагерей, на границе снимали с поездов и помещали в проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Регистрировали, вызывали на допрос и, по словам тамошних «старожилов», протокол допроса отправляли по прежнему месту жительства для проверки достоверности ответов.

Именно там, в проверочно-фильтрационном пункте, я встретила День Победы.

...Не знаю, что помогло - мой еще очень лагерный вид или все же не совсем подходящий для сотрудничества с оккупантами возраст; а может, подробный рассказ следователю о гетто и лагерях показался достаточно убедительным, но на проверку его, как видно - по крайней мере, пока я там была, - не отправили. И всего на третий день после допроса меня позвали в канцелярию. Пожилой усатый лейтенант спросил фамилию, стал перебирать какие-то небольшие одинаковые бумажки. Одну вытащил и подал мне.

- Предъявишь по месту жительства.

- Значит, могу ехать домой?

Сразу за дверью я принялась читать. Но глаза только прыгали по строчкам. «Удостоверение... Такая то... прибыла из-за границы... содержался (почему мужского рода?) в Гродненском проверочно-фильтрационном пункте НКВД... Следует к избранному месту жительства...»

Еще раз прочла. «Прибыла из-за границы... содержался с 5 по 10 мая 1945 г. в проверочно-фильтрационном пункте... Удостоверение по приезде к месту жительства должно быть сдано в местный орган НКВД для получения вида на жительство». Подпись начальника. Печать.

Я уже знала все наизусть, а все равно перечитывала. Могу ехать домой!

В «местном органе НКВД», а проще говоря, в отделении милиции, этого удостоверения почему-то не забрали. Может, потому, что «вид на жительство» выдали временный, на три месяца. Он походил на выданный из настоящего паспорта двойной листок, где на одной половине - фамилия, имя, отчество, год и место рождения, национальность, фотография и подпись владельца, а на второй - печать о прописке.

Меня такая «временность» удостоверения ничуть не смущала. Наоборот, после четырех лет существования без чувства будущего, когда знаешь, что каждый день, даже каждый час могут убить, трехмесячный срок действия документа, как я по геттовской привычке именовала всякое удостоверение, «разрешение жить» казались почти долголетием. И хождение в милицию не тяготило. Но папу это явно беспокоило. Он уверял, что мне обязательно надо получить настоящий советский паспорт, такой, как у всех, что это для меня очень важно. И он куда-то ходил, перед кем-то хлопотал. Поверив (а может быть, желая поверить...), что паспорт мне не выдают из-за того, что нет метрики, написал в городской архив Клайпеды, где я родилась. Но оттуда ответили, что большая часть архива во время войны пропала. Книги записей о рождении за 1927 год не сохранились. И все же свидетельство о рождении, вернее, его копию папа нашел. В школе. Оказывается, она там лежала с тех самых пор, когда меня отвели в первый класс...

Но и сдав эту копию, я еще отнюдь не сразу была приравнена к остальным совет-

ским гражданам и удостоена настоящего паспорта. По-прежнему каждые три месяца ходила в милицию. Иногда там продлевали те же удостоверения, еще на три месяца, иногда выдавали новое. Только опять такое же и на тот же срок...

Меня, повторяю, это ничуть не смущало. Наоборот, я даже была довольна, что зато не должна, как Л. и Р., говорить неправду, то есть скрывать, что была в лагере. (Не называю их имен, хотя теперь это уже не имеет никакого значения - они, наверно, давно сами раскрыли свою тайну и живут «далече», да и у нас пребывание в лагере (или, как это тогда называлось для всех одинаково - в плену) перестало быть пятном в биографии. Просто считаю, что у обеща-

нежели обвинителей. Или, в лучшем случае, недоумевающих...

Коллунственно это - безоружных женщин, мужчин, стариков и детей - сравнивать со стадом, гонимым на бойню, когда целые страны и огромные армии сдавались, отступали, оказались бессильными противостоять фашистам. И хотя история еврейского народа состоит именно из гонений и уничтожений, все же в первые месяцы оккупации никто не мог предполагать, что такое возможно - расстреливать тысячи невинных людей. И даже под дулами конвоиров люди надеялись. Надеялись, что их, как и заверяли, переведут в какой-то лагерь на работы. Да и понимали, что при малейшем «подозрительном» движении раз-

ПОСЛЕ ГЕТТО

ния не должно быть срока давности.)

Посоветовал им промолчать об этом какой-то врач еще по дороге домой. В отличие от меня, они возвращались не через Лауэнбург, и не на крыше вагона, а в каком-то их приютившем санитарном поезде. Пожилой врач, которому Л. напоминала его младшую дочь, очень привязался к ним. Приходил в их отгороженный простыней закуток, приносил лекарства, белый хлеб, даже сахар. Расспрашивал о гетто и лагерях, сам рассказывал о своих дочках. А когда прощались - поезд дальше не шел, выгрузив раненых и сдав их в госпиталь, доктор должен был вернуться обратно, - он заговорил о чем-то непонятном. Что жизнь, к сожалению, и в мирное время очень сложна. И что они могут столкнуться с несправедливостью. К тем, кто возвращается из немецкого плена, несколько настроенное отношение. И хотя их обеих это не должно касаться, все же осторожность никогда не мешает...

Видно, почувствовав, что они ничего не поняли, прямо посоветовал подумать, не лучше ли им про лагерь умолчать. Гетто - это как бы только проживание на оккупированной территории. А вот лагерь, плен... Могли же они после ликвидации гетто где-то скрываться. Например, в лесу или в деревне. Лучше в разных деревнях.

И хотя они все равно не поняли, почему о лагере надо молчать, но обещали последовать его совету. И тогда он дал еще один: границу перейти «как-нибудь так».

Где она была, граница, и когда именно они ее переплыли - сами не знают. Но паспорт получили настоящий. (Правда, кто-то уверял, что все равно то ли в серии, то ли в номере есть какой-то тайный знак о неблагонадежности, - ведь жили на временно оккупированной территории...) И при поступлении на работу им не пришлось, как мне, заполнить вопросник, составленный специально для лиц, вернувшихся из плена.

А поскольку я все же в плен попала не на фронте и служба госбезопасности знала о гитлеровском плане «окончательного решения еврейского вопроса» - заподозрить, что мы добровольно переселились за ограды гетто и сами устремились в концлагерь, все же не могли. Поэтому официально, то есть открыто, нас в предательстве не обвиняли. Но было другое, тем более обидное, что оно исходило не от должностных лиц. Было людское непонимание. Облаченный в вопрос укор, в основном мертвым, почему евреи шли, как стадо, на бойню?

Защищать труднее, чем обвинять. Тем более, когда защитников гораздо меньше,

дастся автоматная очередь. А рядом бредет жена, семенит ребенок, плетется старая мать... Да и позднее, когда уже знали о расстрелах, все равно всякий раз теплилась надежда, что, может быть... Потому и скерб тащили с собой... Правда, в концлагере близость крематория не оставляла сомнений, куда а ведут. Но, оказывается, не может человек, зная, что живет п о с л е д н и е м и н у т ы, бессмысленным уже неповиновением сам укоротить свою жизнь на эти оставшиеся мгновенья.

Неправда и то, что никто не сопротивлялся. Было противостояние. Было! Как только прошло первое оцепенение, и в нашем, Вильнюсском гетто, и во многих других стали изготавливать взрывчатку, добывать, рискуя жизнью, а часто и поплатившись ею, оружие. Создавались партизанские организации. Молодежь уходила в леса. Кстати - и это была еще одна сложность, - даже для борьбы с фашизмом далеко не в каждый отряд принимали евреев.

Поднимались восстания в гетто и концлагерях. Но обо всем этом в послевоенные десятилетия больших и малых неправд умалчивалось. «Не было» самого крупного в истории сопротивления фашизму - восстания в Варшавском гетто, которое гитлеровцы смогли подавить лишь танками и огнеметами, восстания, которое стало символом. День его начала во всем мире отмечается как День Памяти шести миллионов евреев, погибших в годы гитлеровского геноцида. Много лет оставалось вне советской истории восстание и массовый побег из засекреченного, и только для евреев, лагеря уничтожения Собибор. Восстание, завершившееся победой. Пусть очень дорогой, как и вся победа в Великой Отечественной войне, ценой - многие, уже выбежав за ограду, подорвались на минах, которыми была утыкана земля вокруг лагеря, многих расстреляли со сторожевых вышек, немало беглецов поймали в округе - но все же победой. Спасшиеся узники включились в партизанскую борьбу. А главное - лагерь из-за этого побега оказался рассеянным, и эсэсовцы были вынуждены сами его ликвидировать.

Вот и опять приходится объяснять... Значит, осталась она, старая обида. Конечно, осталась. Но давно не на них, вопрошавших, - люди, лишённые правды, не виноваты...

Была еще одна причина нашей, недавних узников, душевной обособленности. О ней мы там, в гетто и лагерях, мечтали до освобождения, даже представить себе не могли: люди будут удивляться тому, что мы уцелели. Будут, пусть с жалостью

Мария РОЛЬНИКАЙТЕ

и сочувствием, но все-таки спрашивать: «Как же вы остались живы?»

В первое время я честно старалась объяснить. Что меня спасло в такие-то акции в гетто, что в другие. Что при ликвидации. Про Штраденгоф рассказывала, про Штутгоф. И все равно чувствовала, что этого не объяснить. Наоборот, чем подробнее излагаю, чем больше перечисляю акций и селекций, тем более невероятным это кажется. Даже мне самой. Появлялось ощущение, что оправдываюсь. И я перестала объяснять. «Не успели убить». Тем более, что это ведь правда...

На Западе проблема адаптации бывших узников гетто и концлагерей изучалась, ей были посвящены многие исследования. У нас же главным была проверка нашей политической благонадежности. Так что «выкарабкивались» мы из своего лагерного прошлого сами. Кто как умел...

Довольно долго было непривычно идти не в колонне, а одной, и по тротуару. Я ловила себя на том, что, оказывается, сошла с него и бреду по краю мостовой. Вдруг пугалась, что иду по улице без желтой звезды на одежде - ведь меня могут узнать, схватить! Того, что не в полосатой лагерной робе и без номера, почему-то пугалась реже. Наверно, потому, что все же кругом был город, дома, а не бараки и проволочные ограды со сторожевыми вышками. Напрягалась, когда кто-то стоял за спиной. И хотя понимала, что теперь это не страшно - мне не выстрелят в затылок и не ударят прикладом, - все же норовила повернуться так, чтобы сзади никого не было. И еще... Нередко при первом знакомстве с человеком вдруг появлялась мысль: каким он был бы т о г д а? Правда, сразу принималась уверять себя, что именно этот человек не мог бы конвоировать на расстрел. Тем более, строчить из автомата по согнанному краю ямы старикам и детям. И в лагерной охране не служил бы. Но... Спасать тоже вряд ли стал бы, - слишком велик риск, самого за это могли расстрелять. Скорее всего, видя, как нас ведут, и - понимая куда, посочувствовал бы. «Несчастные...»

О том, что нам тогда сочувствовали и очень нас жалели, я после войны слышала почти от каждого. Особенно от женщин. Притом с подробностями - до чего плакала, что опять из гетто ведут на расстрел, как потом всю ночь не спала, что говорила домашним. И это, наверно, была правда. Ведь даже когда я плелась в колонне т о л ь к о на работу, иногда ловила на себе сочувственные взгляды. Правда, злорадствующие - тоже. А чаще всего на нас просто не смотрели. Привыкли к тому, что по мостовой плетутся колонны людей с желтыми звездами.

Лишь один человек не объяснял о давнем сочувствии - наш школьный учитель Генрикас Йонайтис. Потому что, хотя тоже знал, чем это ему грозит, помогал нам. Хранил, несмотря на строжайший запрет и публичные казни за нарушение этого запрета, наши вещи, которые мы успели к нему отвезти еще до того, как нас заточили в гетто, продавал их и приносил нам к воротам гетто хлеб, всякий раз рискуя нарваться на несговорчивого охранника, который и за мзду откажется «не видеть», как он нам этот хлеб передает. Делился и собственным скудным карточным пайком. И это спасало нас не только от голода...

Однако, ни осторожность по отношению к незнакомым мужчинам, ни внезап-

ный испуг, что я без желтых звезд, ни боязнь, что сзади могут выстрелить или ударить, не были так мучительны, как сны. Слишком правдиво повторялись они недавнюю явь... Я снова оказывалась в гетто. А чаще - в лагере. Мерзла на «ашелях». Стояла всю ночь с поднятыми вверх руками. Замирала на селекциях, то есть отборах для газовой камеры, оттого, что унтершарфюрер уже приближается... Сейчас ткнет в меня плетью, чтобы я вышла из шеренги - он меня отобрал. Я... просыпалась от его тычка. Даже чувствовала то место, куда ткнул.

Я быстро включала свет. Объясняла себе, что унтершарфюрера нет. И селекций нет. Что я не в лагере, а здесь, дома. Вот мой стол, этажерка. На стуле висит мое теперешнее платье. И дверь заперта. А за стеной спит соседская дочка, Лиза. Я дома. Лагерь приснился. Только приснился.

Но дрожь все равно не проходила. И так же, как в лагере, когда я ночью просыпалась, от голода сосало под ложечкой. Я поднималась и, все еще твердя себе, что я дома, шлепала на кухню. Отрезала толстый ломоть хлеба и, снова улегшись, по-лагерному медленно, чтобы дольше чувствовать во рту вкус хлеба, жевала его. Дрожь постепенно проходила. И лагерь снова отдалялся туда, в прошлое...

А однажды прошлое настигло меня не во сне, а вполне наяву. И поэтому некуда было себя возвратить...

Но сперва небольшая предыстория. Она относится к последнему году войны, когда гитлеровская армия, хоть и яростно сопротивляясь, все же отступала. Геббельсовской пропаганде становилось все труднее скрывать правду, и она это компенсировала нагнетанием еще большего страха перед большевизмом. Даже при явных «переборах»: что комиссары будут выжигать на лбу и спине звезды (хотя это делали именно они во время допросов и пыток в гестапо), женщинам отрезать груди, подвергать чуть ли не всех подряд страшным истязаниям - эти запугивания, по крайней мере в Прибалтике, ложились на благоприятную почву: ведь в памяти еще были свежи предвоенные депортации в Сибирь. И поэтому естествен был страх, что, вернувшись, коммунисты опять будут выселять. Объятые этим страхом, вместе с отступающими гитлеровцами бежали не только их пособники, но и ничем не запятнавшие себя люди. В панике и спешке они теряли друг друга, разлучались семьи.

Так оказалась в Германии и хористка оперного театра Текле Рашкаускене с четырьмя детьми. Ее муж, дорожный мастер, работал в дни боев далеко от города, был отрезан от семьи и, как впоследствии выяснил, никуда бежать не собрался; да и жена, будь он дома, тоже осталась бы.

Но она была в Германии. Одна с четырьмя детьми в лагере для перемещенных лиц, где беженцам был уготован отнюдь не рай...

Советской же власти, вернее, ее авторитету бегство от победителей к побежденным нанесло ощутимый урон. Поэтому правительство прилагало немало усилий, чтобы всех, как оно уверяло, угнанных немцами насильно или введенных в заблуждение, вернуть обратно. И не только их. Дело в том, что в США, Канаде и странах Латинской Америки проживало много литовцев, уехавших туда на заработки еще в двадцатых и тридцатых годах, из так называемой буржуазной Литвы. Теперь же возвращение этих эмигрантов из капиталистической чужбины в строящую социализм Литву могло бы послужить веским доказательством преимущества нового общественного строя перед прежним. С этой целью специально для зарубежных соотече-

ственников выпускалась газета «Родной край». Она живописала успехи на родной земле и подогревала ностальгию по ней. (Правда, местным читателям эта газета была недоступна. Даже к печатавшей ее в типографии машине запрещалось подходить. Автор опубликованного стихотворения, очерка, статьи получал не весь номер, а лишь вырезку со своим опусом.) Кроме того, в нескольких странах, где оказались большие колонии литовцев, для непосредственной работы среди них, одним из секретарей или помощников секретарей - боюсь быть неточной - советского посольства являлся представитель Литовской ССР. Но ощутимый результат все эти старания и расходы дали лишь однажды, когда из стран Латинской Америки вернулась довольно большая группа давних эмигрантов. Однако реальная жизнь на родине, видно, настолько отличалась от обещанной (хотя свои посулы обеспечить работой и жильем - последнее, кстати, в ущерб старожилам - государство выполнило), что вскоре почти все, за единичными исключениями, уехали обратно. Только уже незаметно, без оркестров и громогласных оповещений, которыми их встречали.

Из тех, кто покинул Литву вслед за отступающей гитлеровской армией, вернулись лишь очень немногие. В основном женщины с детьми. И то главным образом потому, что мужей к ним не выпускали.

Официально такого мотива или даже предположения, разумеется, не существовало. Главенствовало исключительно их предпочтение социалистического образа жизни капиталистическому. А посему их окружили особой заботой. На каждого члена семьи выдали денежное пособие и одежду. Правда, не совсем свою, а из американских посылок. Не пришлось самим и беспokoиться о работе - ее им подбирали.

Таким образом, бывшая артистка оперного хора Рашкаускене, видно, больше не подходившая для прежней работы, была направлена секретарем-машинисткой в филармонию, где я тогда работала.

Печатать на машинке она не умела. Едва тукала одним пальцем, да и то подолгу выискивая нужную букву. Поэтому, чтобы на нее не жаловались сотрудники - бедняге и так досталось на чужбине с четырьмя детьми, - я ей помогала. Хотя сама печатала не слишком квалифицированно, но у меня все-таки был «опыт» - до войны, дома, я иногда выстукивала на папиной машинке стишок или послание подружке.

Однажды накопилось очень много работы, мы задержались и вышли вместе. Оказалось, что нам по пути, что она тоже идет по Музейной. (Между прочим, ни одно послевоенное переименование не прижилось так быстро, как это, - видно, потому, что прежде улица называлась Немецкой.) А когда мы проходили мимо груды знакомых руин, она кивнула в их сторону: «Я тут жила. Немецкая, 26, квартира б».

Но это ж наша квартира! Только вслух я этого почему-то не сказала. А она уже говорила о другом. Что старший сын быстро растет, уже отцовские брюки носит. С девочками проще, им она из своего переприваивает. Я слушала, понимала. И не могла сказать ей того, что повторяла про себя: это наша квартира, до войны мы там жили.

И когда мы прощались, не решилась сказать, - стеснялась поставить ее в неловкое положение.

Назавтра тем более об этом не заговаривала. И послезавтра тоже. И потом. Старалась быть такой же, как раньше. Помогала печатать. Сочувствовала, что опять кто-то из детей заболел. Даже боялась, чтобы кто-нибудь при ней не назвал меня по фами-

лии, - ведь дома, в кабинете остались папины дела, а на папках напечатано «Д-р юр. Г.Рольникас». (Эти страхи были напрасны, - для всей филармонии я по молодости лет была просто Машей.) Правда, про себя я все время помнила об этом: когда мы в гетто лежали на полу, восемнадцать человек в маленькой комнатке, и каждую ночь нас могли угнать на расстрел, она жила в нашей квартире... А еще я чаще прежнего вспоминала, как мама, больше не в силах видеть, что мы, тоже ведь четверо детей, голодаем, решила пойти на нашу старую квартиру, - может, живущие в ней теперь люди отдадут что-нибудь из вещей или одежды и у нее будет что выменять на хлеб. Нам она о своем намерении не сказала, - понимала, чем такой поход может кончиться... И однажды темным вечером, плетясь в колонне с работы обратно в гетто, она сорвала с себя желтые звезды и, когда вблизи не было прохожих, шагнула на тротуар. Хотя каждое мгновение ее могли узнать, задержать и...

Открывший дверь мужчина, то есть муж моей теперешней сотрудницы, сказал, что не может ничего отдать, так как немцы все описали. Даже скатерть - мама взмолилась позволить ей хотя бы снять со стола нашу темно-зеленую скатерть - не разрешил взять. И долго не хотел пускать ее на чердак порыться в старых вещах. Уверял, что там ничего нет.

Это, к сожалению, оказалось правдой. Чердак на самом деле был пуст. Даже чисто подметен. только в одном углу стоял лицом к стене папин портрет, который раньше висел в кабинете. Вынув из рамы и спрятав под пальто, опять рискуя, что ее могут узнать, и долго выжидая в темноте другую, возвращающуюся в гетто колонну, мама нам его принесла...

Тогда и она, и мы верили словам нового обитателя нашей квартиры, что немцы все описали. Но теперь... Ведь наш старый дворник пан Казимеж сказал, что занявшая нашу квартиру семья, съезжая, многое вывезла...

Видно, не без основания девушки в лагере называли меня «адвокатская кровь». Теперь, наверно, сказали бы то же самое, признайся я им (но, увы, признаваться некому...), как стараюсь, чтобы Рашкаускене ничего не почувствовала. Помня мамин поход, я старательно напоминала себе и другое: все-таки ее муж тогда не выдал маму. Даже не грозился выдать. И пусть после долгих упрашиваний, но все же пустил ее на чердак убедиться, что там ничего нет. И сама Рашкаускене потом, когда была одна с четырьмя детьми в Германии, тоже натерпелась.

Должно быть, это заступничество перед самой собой помогло. Со временем все меньше усилий стоило общению с нею. Хотя она по-прежнему была для меня другой, чем все остальные сотрудники.

Но этот, такими стараниями обретенный и все же весьма относительный покой длился очень недолго. Всего лишь, пока наша солистка Алдона Репшите, должно быть, из самых лучших побуждений, не решила «открыть мне глаза». Позвав меня в пустую репетиционную комнату, она посетовала, что ей больно смотреть, как я дружу с Рашкаускене, даже работаю за нее, а ведь при немцах та жила в нашей квартире и носила мамини вещи. Весь хор театра - сама она тогда тоже там работала - знал об этом, то есть, что Рашкаускене живет в квартире адвоката Рольникаса и носит вещи его жены... Для большей убедительности стала перечислять, какие именно. Вишневое вязаное платье у мамы было?

Было.

А черное, явно выходное, с серебристой отделкой вокруг воротничка?

Было.

А голубое пальто? А беличья шуба и такая же шапочка к ней?

Тоже были...

И я... Я вдруг увидела маму в этой шубе. И в вишневом платье. И в черном с серебряной отделкой вокруг воротничка. Она его спила к свадьбе тети Песи. Я вспомнила давнюю, красивую маму. В детстве я ее донимала просьбами никогда не быть такой старенькой, как бабушка. И мама, смеясь, всякий раз обещала... Старенькой она не стала. Но и прежней, красивой и нарядной я ее до рассказа Алдоны почему-то не вспоминала. Она осталась в памяти только такой, какой была в гетто - худой, будто высохшей. И все время в единственном, потертом и вылинявшем сером платье.

Оказывается, одно дело знать, что печатающаяся за стеной на машинке женщина жила в нашей квартире, и совсем другое - что она носила мамнины платья...

Теперь я стала бояться, чтобы она и сюда не пришла в чем-нибудь маминим. По утрам, зайдя в приемную расписаться о приходе на работу, не поднимала глаз, чтобы не увидеть на пей... Даже старалась являться раньше времени, пока журнал еще в отделе кадров. Но это не помогало. Все равно было не по себе, пока не убеждалась, что на ней своя юбка с блузкой, а на вешалке висит то же, полученное при возвращении, американское пальто. Тревога отпускала. Правда, только до следующего утра...

Но... То ли потому, что и впрямь «Бог Троицу любит», то ли, как гласит схожая по смыслу литовская поговорка, «третий раз не совет», он случился, этот третий раз.

Рашкаускене заболела, и меня попросили отнести ей зарплату: Я, естественно, согласилась. Но, что менее естественно, шла без обычной своей настороженности. И что еще более странно - даже войдя в комнату, где она лежала, лишь мельком подумала, что в папиной приемной стояла такая же плетеная мебель - столик и два кресла.

Я отдала зарплату. Выложила купленное на месткомовские деньги печенье. И только когда села и как-то очень знакомо скрикнуло подо мной кресло, а на столике я увидела огромную чернильную кляксу, я начала понимать...

Когда нам с сестрой становилось «тесно» готовить уроки в одной комнате, меня, как младшую, отправляли в другую. Чаще всего в пустовавшую вечером, папину приемную, за этот столик, что мне, естественно, казалось несправедливым. И однажды, во время такого «изгнания», я нечаянно (а может, подсознательно желая доказать, что мне тут неудобно) задела краем учебника чернильницу, она опрокинулась, чернила быстро потекли, я испуганно бросила промокاشку, стала тереть, но это не помогло. Наоборот, только размазала. И на столике осталось уродливое, похожее на синюю жабу, пятно. Я его узнала.

Я заставила себя отвернуться. Но... изпод простыни, на которой Рашкаускене лежала, виднелась знакомая обивка. Тахта тоже наша. Она стояла в столовой.

Мои погибшие в газовой камере младшая сестренка Раечка и брат Рувик очень любили забираться на нее. Играть, прыгать, кувыряться. Но самой большой их радостью было звать туда папу. Он ложился посередине, раскидывал руки, Раечка приставалась с одной стороны, Рувик - с другой, и они вместе пели детские песенки.

Раечки и Рувика нет. И последние два года своей короткой жизни они лежали в гетто на полу...

'Всякая власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно», - писал в 1887 году британский историк и политический мыслитель лорд Актон. Сейчас эти слова можно найти в любом сборнике знаменитых высказываний. Они - залог того, что книга очерков Актона, недавно выпущенная по-русски в издательстве Overseas, заинтересует не только историков. Актон неожиданным образом оказывается очень современен. Если бы политики услышали эти (и не только эти) его слова и вдумались в них, история двадцатого века могла бы быть

Юрий КОЛКЕР

пение рас, племен, конфессий и сект в одном государстве является гарантией свободы. Швейцария свободна потому, что в ней живут различные и, вдобавок, недолголюбивающие друг друга этнические группы; Великобритания и Австро-Венгрия своими свободами обязаны своей национальной и религиозной пестроте. Актон, таким образом, отвергает учение своего старшего современника Джона Стюарта Милля, согласно которому для создания свободного

НАЦИОНАЛИЗМ ВРЕДИТ ДЕЛУ СВОБОДЫ ...

ЛОРД АКТОН - ПРОТИВ ХРИСИППА И МАКИАВЕЛЛИ*

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

иной и некоторые сегодняшние общества были бы не столь омерзительны.

Но приведенные выше слова - лишь эпиграф к Актону, лишь камертон, настраивающий души на должную высоту. Лейтмотивом Актона как мыслителя был вопрос о взаимоотношении политики и нравственности. Всю свою жизнь он сражался с двумя философами прошлого: Хрисиппом и Макиавелли. Первый, положив основные классической логике (разделив все высказывания на истинные и ложные), бросил мимоходом: «Невозможно одновременно угодить и богам, и людям». Второй возвел в ранг языческого божества государство, провозгласив, что во имя благоденствия этого идола политический деятель вправе поступать всеми нормами нравственности, обязательными для простого человека. Актон не верит Хрисиппу и негодует на Макиавелли. Он убежден в конечном - историческом - торжестве доброго начала. Для властолюбца, утверждает Актон, нет завтрашнего дня; негодяй не помнит о своем смертном часе, отсутствие совести и воображения делает его равнодушным к суду потомков, - между тем это и есть страшный суд. История образует свод судьбоносной тверди над живущими, соединяя в неразрывное целое прошлое и будущее; она - одно из воплощений Творца. Здесь Актон перекликается с поэтами; вспомним Блока: «Прошлое жадно глядится в грядущее, нет настоящего, жалкого - нет».

Через тему нравственности Актон приходит к двум взаимосвязанным и неизбежным вопросам: что такое свобода и как ее достичь? Он полагал, что нашел на них ответы. Свободу он определил как состояние общества, в котором надежно защищены права меньшинств. Достижимо такое общество лишь на основе федерального начала. Отсюда, в частности, он вывел, что национализм вредит делу свободы, наоборот, сме-

общества необходимо, чтобы границы государства совпадали с границами расселения этнически однородного племени. Незачем напоминать, что этот спор между Миллем и Актоном продолжается и сегодня, выплеснулся на улицы городов и подчас принимает самый кровопролитный характер. Но, может быть, стоит напомнить, что социологи и этнографы все настойчивее рисуют общество будущего как двухъярусное: состоящее из полуоткрытых общин, в каждой из которых поддерживаются свои верования, ценности и язык, притом что в рамках одного государства эти общины сосуществуют под сенью общих для каждой из них культурных ценностей и общего объединительного (официального) языка.

Отмечу еще две важные мысли. Актон убежден, что конституцию нельзя сочинить, ибо она есть не только сумма традиций, но и продукт выявляемого в ходе вековой борьбы естественного права, иначе говоря, она - такое же явление природы, как небесное тело или биологический вид. Мысль эта восходит к древним, но наглядно воплощена в государственном устройстве некоторых западных стран. Например, в Англии писаной конституции нет: конституция существует здесь как сумма писания и предания.

Говоря о древних обществах, Актон напоминает нам, что абсолютная демократия - явление на деле еще более страшное, чем абсолютная монархия. От подаяния чего большего и ства укрыться некуда. Воля этого большинства, если она становится самодовлеющей и не сдержана представлением о высшей правде (закрепленном в конституции), может быть и преступна, и самоубийственна. Афинская демократия времен первого морского союза была прямым отрицанием свободы - недаром все мыслители древности проклинали ее с таким поразительным единодушием. Именно она на многие столетия отвратила человечество от республиканского строя, ставшего в средние века символом произвола и самоуправства, то есть

*Лорд Актон. Очерки становления свободы. Перевод Юрия Колкера. Под ред. А.Бабича. Overseas, 1992.

безбожия. Не случайно и в новой истории республику начинают превозносить в тот самый момент, когда гуманизм извращается: когда он пытается поставить человека на место Бога.

Судьба Джона Эмерика Эдварда Дальберга, первого барона Актона, не совсем типична для его круга - в той мере, в которой вообще можно говорить о тишиности в среде склонных к чудачеству британских помещиков. Он родился в католической семье, детство провел на континенте, да и англичанином был лишь наполовину. Итальянским и немецким языками он владел, по-видимому, не хуже, чем английским. В годы стагнации католицизма, когда Герцен предсказывал, что сутану вскоре можно будет увидеть лишь в музее, Актон выступил поборником либерализации институтов Ватикана, то есть опять предвосхитил наше время. Он навлек на себя гнев папы Пия IX, гнавшего всякое проявление свободомыслия. Оказавшись в Англии, Актон со временем приобрел весьма значительный вес в политике благодаря своему влиянию на вождя викторианских вигов, либерального премьер-министра Уильяма Гладстона. Это было именно нравственное, а значит - в политическом смысле - закулисное влияние. Сам Актон власти не искал и прямо в политической жизни не участвовал.

Приглашенный на коронацию Александра II, Актон побывал в России, откуда вывез массу любопытных и не вполне систематизированных наблюдений, например, такое: «Коррупция в официальных кругах, которая разрушила бы республику, в страдающей от абсолютизма России предстает как благодатная отдушина». В целом о русских он составил себе весьма высокое мнение, хотя и с некоторыми оговорками. Он

не считал невозможным установление в России конституции, гарантирующей гражданские свободы. Русские той поры, по его словам, обладали нравственной основой, необходимой для демократических установлений. Но общий строй их мыслей он нашел незрелым и заключил, что свобода в этой стране - дело неблизкого будущего. Актон недоумевает по поводу странной особенности русского общества: в нем господствовала вера в то, что русское правительство меньше вмешивается в церковные дела, чем правительства многих западных протестантских стран. Вполне понятно, как Актон оценил самодержавие в целом. Приобрело известность его высказывание о том, что он предпочел бы судьбу швейцарца, лишённого малейшего влияния за пределами своего скромного кантона, - судьбе гражданина великолепной Российской империи со всеми ее европейскими и азиатскими владениями, - ибо первый, в отличие от второго, свободен.

Историей Актон увлекся еще в юности и не переставал заниматься ею всю жизнь. Он непрерывно читал и работал в архивах. Уже совсем немолодым человеком он сделался профессором новой истории в Кембридже - при том, что за всю свою жизнь не издал ни одной книги. С ученым-историком в нем всегда уживались (и боролись) моралист, публицист и проповедник. Актон выработал особую форму исторического труда: лекцию-эссе. Из таких текстов его ученики и последователи составили в начале XX века несколько книг, изданных посмертно.

Работы Актона несут в себе колоссальный заряд энергии и вдохновения. Нечего и говорить, что он был сторонником школы Леопольда фон Ранке, то есть стоял за полное беспристрастие в истории. В исто-

рическом тексте историк должен отсутствовать - следуя этим путем, мы, в конце концов, сможем достичь того состояния непредвзятости, той глубины знания всех относящихся к делу фактов, при которой представители двух во всем противоположных точек зрения, образования и культурных основ полностью сойдутся в своем суждении об исторической личности: христианин и язычник в одних и тех же словах опишут вам Лютера, патриот французский и патриот немецкий - Наполеона. На деле Актон понимал недостижимость и противоречивость этого идеала. Живое пристрастно. Беспристрастие чаще всего заявляет о себе как страсть. Но идеал - потому и идеал, что высокие души влекутся к нему, помня о его неосуществимости. Сознывая, что страсть сопряжена творчеству, Актон нашел для нее свособразный выход. Инструментом постижения истории становится у него литературный стиль: несколько тяжеловесное, но возвышающее над обыденностью красноречие, построенное на густой игре ассоциаций и пропусках семантических связей. Эссе Актона напоминают стихи и прозу Осипа Мандельштама, где эпитет обшаривает мрак подобно лучу проектора. Историю (как и человеческую душу) нельзя пересказать. Любой эпизод при желании можно развернуть в эпопею, но тогда утрачивается целое. Поэтому текст должен быть сгустком, слитком - без пустот и каверн. Очерки Актона организованы так, что постоянно будоражат читателя, побуждают его к деятельности, к спору с автором - и к работе с первоисточниками. Это своего рода исторический импрессионизм, дающий чувству не меньше пищи, чем мысли.

Лондон

Трудно делиться своими противоречивыми мыслями. Но сейчас они бывают настолько проиворечивы, что еще труднее жить наедине с ними. Спор с самим собой гораздо полезней, нежели спор с собеседником.

Писателю для того, чтобы сочинять, необходима энергия заблуждения - так полагал Лев Толстой. Он имел в виду, что для его творчества необходима уверенность в своей правоте, даже если он заблуждается, и этой правоты на самом деле нет.

В России эпохи укорачиваются до мгновений. Случалось, мы ложились спать в одну эпоху, а просыпаемся в другом столетии.

Мой возраст исчисляется не датой рождения - 1909 год, - а неправдоподобием жизненного опыта.

Я не верю в собственную биографию. Я не верю в то, чему был свидетелем и даже участником.

«Этого не могло быть», - может во мне.

Году в 55-ом я спросил у Анны Андреевны Ахматовой:

- Почему мы так мало мечтаем о будущем?

Анна Андреевна ответила:

- Потому что нам показали, что его может не быть. Человек верил, что будущее у него есть: либо у него, либо у его детей, либо у его искусства. А сейчас выяснилось, что все может превратиться в пыль.

Оказалось, что самые прославленные толковые словари

В последние лет тридцать я привык задавать друзьям и знакомым один и тот же вопрос: необходимость его для меня вроде бы топографическая, я составляю некую карту, втыкая в нее флажки. Так поступали во время войны, отмечая линию фронта - отступлений и побед.

Мой однообразный вопрос задал мудрому историку, та-

МЫ И Я

не точны в объяснении иных понятий и слов. Время непрерывно перетолковывает их смысл. Для меня это вопрос не лингвистики, не семантики, а нравственности, в особенности, когда идет дело о культуре.

Моя Родина, Россия - опытное поле, на котором ИСТОРИЯ ставит свои социальные эксперименты, и при этом Судьба каждого человека в отдельности не принимается во внимание. Отдельный человек болтается под ногами. История затаптывает его, превращая в пыль. И сколько бы раз это ни повторялось, мы всегда лишь задним числом понимаем это, готовые к новому витку заблуждений.

лантливейшему историческому писателю Натану Яковлевичу Эйдельману:

- В каком примерно году вы поняли про Сталина?

Обычно Натан Яковлевич отвечал на вопросы стремительно, но тут на несколько секунд задумался.

Потом ответил:

- Окончательно понял после двадцатого партийного съезда.

И это ответил человек, отец которого был репрессирован, это ответил Натан, блистательно окончивший исторический факультет московского университета, но не оставленный в аспирантуре, а отправленный по распределению в Орехово-Зуевскую среднюю школу преподавателем географии. Ему,

Израиль МЕТТЕР

еврею, не могли доверить идеологический предмет - непогрешимую историю СССР.

Какова же была дьявольская мощь нетерпимости в нашей стране, что смогла заставить глаза до слепоты и паралича совесть, дарованной людям Божественной природой.

Я убежден, что человек, если он не урод, рождается добрым. Необходимы воистину компрачкосовы усилия, чтобы из ребенка, - нет, из сотен миллионов детей, - воспитать то человеческое стадо, что, растапывая каждую особь и рыдая в голос, рвалось проститься с трупом своего палача в день его похорон.

...Когда-то, давным-давно, году в 1925-ом, меня исключили из профтехшколы литейщиков. Мне было пятнадцать лет. Учился я вполне пристойно.

Исключили меня по решению общешкольного товарищеского суда, учиненного в актовом зале по всем правилам тогдашнего судопроизводства.

Был судья с народными заседателями.

Был прокурор.

Адвоката не было.

Зал, заполненный партами,

за которыми сидели ребята, и среди них мои одноклассники, соблюдал хищную тишину.

Повод, по которому выносились решение суда, был глубоко идейный: на одном из классных собраний я сказал, что наша комсомольская ячейка дрянная. По правде, сказал даже грубее - дерьмовая. А если уж совсем начистоту, то произнес я - говенная. Да все это еще и притом, что в комсомоле я не состоял, но просто осточертела бессмысленная однообразно-многословная болтовня нашего комсомольского секретаря.

Кое-что в нашем судилище меня поразило: прокурор - мальчик из моего же класса, гневно обличавший меня, сообщил, что мое преступление не случайно, ибо до революции я обучался в сионистской гимназии, где все предметы проходили на древнееврейском языке.

Прокурор не лгал.

В 1915-ом году, шестилетним пацаном, я поступил в только что открытую гимназию «Тамбут» (по-русски «Культура») в младший подготовительный класс. И проучился три года.

А потом в Харькове, откуда я родом, утвердилась советская власть, она с яростной нетерпимостью отнеслась к проявлениям сионизма - гимназия была закрыта, а единственный ее учитель, проходивший с нами Библию, был арестован и исчез навсегда.

Откуда прокурору стало известно мое преступное прошлое? Скорее всего, я сам трепался кому-то в классе, не видя ничего зазорного в моей детской биографии.

И вот меня с грохотом исключили.

Это был первый урок нетерпимости, который я получил на заре своей юности.

Грустно сегодня наблюдать: лишь речь заходит о попытке анализа серьезных жизненных явлений, экстремальных, драматичных, как тотчас положено числить человеческую эмоциональность негативным людским свойством. Вроде бы она непременно привносит искажение реальной картины действительности: мол, события должны были происходить так-то, а из-за этих проклятых эмоций получилось эдак - нехорошо получилось.

И тут уж, совершенно нескстати, приходит на ум парадоксальное предупреждение Галейрана: опасайтесь своего первого движения души, ибо оно самое благородное.

Хотя это не относится напрямую к тому, о чем я пишу нынешние заметки, но сегодняшнее мое сознание, - думаю, не только мое, - как река половодье, несет в своем потоке все, что попадает в его разлив.

От нас постоянно и неуко-снительно ожидают лишь трезвой железной логики. Наше советское отечество всегда было склонно к определенной узкой терминологии, не обеспеченной золотым запасом внутреннего содержания. Идеологическая терминология зеркально отражала на редкость скудное состояние общественного сознания и культуры. Она была настолько элементарна по своей нетерпимости, что ею мог просто пользоваться любой карьерист, дебил или попросту запугавшийся порядочный человек, мечтающий быть понятым широкими массами.

Формулировки могли быть фантастически лживыми:

«Сын не отвечает за отца».

Или того хлеще:

«Самый последний советский подонок выше любого иностранного гражданина».

Дикарь имел полную возможность оглушить великую нашу науку, великую литературу и искусство. Достаточно было произнести кабалистическую фразу:

- Это антипартийное произведение.

Или:

- Это антипартийная наука.

В эту формулу даже не вдумывались, она звучала, как та надпись, что таинственно возникла на стене в зале, где пировал Вальтасар:

«Мене текел фарес!».

Впрочем, кажется, известно ее толкование. Примерно такое:

- Ты взвешен на весах. И твой вес равен нулю.

Нас всех волокли на чашу этих весов. И гиря антипартийности респала печальную участь лучших представителей нации. Вершилась многолетняя отрицательная селекция. Зловещие следы ее мы видим и сейчас, когда смотрим заседания парламента: у микрофонов толпятся лбы, и если бы мы захотели составить словарь их речений, то в нем насчиталось бы всего несколько страничек. И буде эту брошюрку в необозримо далеком грядущем стал бы исследовать рядовой историк-лингвист, то он пришел бы к вполне возможному выводу, что им совершено грандиозное научное открытие: очевидно, существовал лет пятьсот назад некий странный, интеллектуально ограниченный и нетерпимо покорный народ, которому хватало сотни слов для общения.

Ну, а поскольку долго существовать с подобным словарным запасом немислимо, то, вероятно, этот народ либо вообще переродился, либо начисто выродился.

Вот так мы живем.

Пожалуй, с этого места мне следует навсегда сменить местоимение "МЫ" на "Я". Я слишком долго заставлял себя прятаться за этим безликим "МЫ". Нахальным "МЫ", на которое никто никогда не имел и не имеет права.

Единственное оправдание: меня загнали в этот псевдоним, как животное в клетку. Нас было там много, и все разные:

безобидно добрые и злобные, гении и бездари, негодяи и святые, тупые невежды и мудрые циники, палачи и рабы, - и каждый из нас, для удобства загонщиков числился "МЫ".

История распахнула ворота загона.

Мы оказались на воле.

Я оказался на воле. Но я еще не научился пользоваться ею.

Странная штука - быстрее и спорившее всех обучились пользоваться волей рецидивисты безнравственности.

Я счастлив, что могу позволить себе все. Но куда мне с этим деваться, если рядом все позволяют себе все, и ихнее все возмущает меня до дна души.

Мне говорят - надо идти на компромиссы.

В политике это неизбежно - иначе, реки крови.

Но в литературе, в искусстве всегда было и будет так: каждый делает СВОЕ, и он волен проявлять нетерпимость к тому, что ему ненавистно. Именно таким путем одолеваются крутые вершины культуры - не связкой, а в одиночку. И у каждого скалолаза своя энергия заблуждения.

И уж только потом, в далеком потом, через многие десятилетия, становится известным, что нетерпимость у гениев была, но связало-то их общее дело всечеловеческой культуры и нравственности.

НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ

Исчезновение французского издания журнала «Леттр энтернасьональ», два последних номера которого не смогли выйти в свет, рискует вызвать скандал в мире культуры. Еще одна невосполнимая потеря для французской и франкофонной культуры.

Этот журнал в числе прочих пытался установить и упрочить связи между Европой и «другой Европой», той, которая не хотела больше быть не-Европой. С тех пор как вышло в свет первоначальное издание, вслед за ним возникли двенадцать редакций того же журнала на разных европейских языках - факт, пожалуй, единственный в своем роде в истории франкоязычия нового времени. Было бы желательно, чтобы это прекрасное начинание не задохнулось, не пришлось к необходимости перебраться в Берлин, Рим, Будапешт, Бог знает куда, а осталось там, где родилось и было с таким доверием встречено интеллигенцией.

Для нас, писателей и интеллектуалов стран бывшего «Востока», «Леттр» был и местом встречи, и инструментом диалога; благодаря его страницам многие тексты добрались до издателей и читателей разных европейских стран. В этом журнале мы вновь обретали друг друга: те, кто остался «там», находили тех, кто «уехал». А еще этот журнал давал нам возможность прочесть наряду с текстами многочисленных западных авторов и те, которые были малодоступны или запрещены в наших стра-

Предраг МАТВЕЕВИЧ

нах: помню страницы Бродского, Милоша и Гавела, хроники Михника, поэтические эссе Данило Киша после его «отъезда» из Белграда. Сколько моих братьев из бывшей Югославии, рассеянных по всему свету, таких же, как я, беженцев, еще недавно встречались в «Леттр энтернасьональ».

Антонин Лим, создатель и главный редактор журнала, проявил в нем и выдающийся дар организатора, вдохновителя, опыт, приобретенный еще во времена «Пражской весны», и удивительно глубокое знание так называемых «восточных» стран и европейской культуры в ее совокупности. Столкнувшись с кризисом книги и в частности, с журнальным кризисом, который, возможно, лишь сигнализирует о более общих явлениях, происходящих в культуре, это издание само оказалось в критическом положении: если в ближайшее время ничего не изменится, если не найдется надежной и регулярной поддержки, если какое-нибудь издательство или организация не помогут журналу выжить, «Леттр» будет вынужден исчезнуть, угаснуть. Останутся только осиротевшие филиалы в других европейских странах.

Не могу представить себе такого итога, поверить в подобное равнодушие.

"МОНД", Париж, 8 января 1994 г.

NAVIGARE NECESSE EST!

Петер КУРМАН

В 13.05. 18 октября 1988 г. на высоте 10000 м в самолете Интерфлюга, пролетая над Копенгагеном по пути из Берлина в Стокгольм, я дал себе слово осуществить идею писательского круиза по Балтийскому морю.

Идею к этому моменту едва исполнилось 12 часов.

А родилась она за рюмкой коньяка после нескольких удручающих переговоров с Союзом писателей ГДР о потенциальной возможности заключения договора о дружбе и обменах с Союзом писателей Швеции. Я

изменить отношение к диссидентам, так как западные писатели могли бы поставить это условием осуществления проекта.

Через пару месяцев пришло вежливое письмо. Союз писателей ГДР по-прежнему выражал надежду на плодотворное сотрудничество между нашими Союзам. Но ни слова о писательском корабле. Он давным-давно затонул в коньячной рюмке Герхарда Хеннингера.

Но писательский корабль продолжал

бы не создать в Ленинграде бурное писательское собрание с привлечением участников из всех наших стран. В любом случае оно может стать писательским праздником, который побьет все рекорды. И кто знает, возможно, нам удастся совместными усилиями взять на бордаж этот корабль мечты уже летом 1991 г. Если Вацлав Гавел сумел стать президентом, уж матросы-то из нас должны получиться!"

Ответ из Ленинграда пришел незамедлительно. Приезжайте как можно скорее,

ПЛЫТЬ НЕОБХОДИМО!

заявил, что мы не сможем подписать подобный договор до тех пор, пока восточно-немецким писателям, которых мы приглашаем, будут отказывать в разрешении на выезд из ГДР. В качестве примера я привел Лутца Ратенова.

- Но он не член Союза!

- Является он членом или нет, ваша обязанность защищать его интересы.

Первый секретарь Герхард Хеннингер тяжело вздохнул. Он не предполагал, что дело обернется таким образом. Почему бы этому Курману не поставить свою подпись, чтобы покончить с этим делом?

Немного позже за рюмкой коньяка:

- Как на самом деле глупо, что нам приходится вот так сориться. Мы ведь сидим в одной лодке и живем возле одного моря. Почему же мы не можем объединиться и сделать что-нибудь вместе? Мы могли бы арендовать пароход и познакомиться с коллегам в городах Балтийского моря!

- А Лутц Ратенов?

- Ваше здоровье!

И вот на высоте 10000 метров я дал себе слово не допустить, чтобы идея Герхарда Хеннингера утонула в коньячной рюмке. Далеко внизу словно расплавленное олово сверкало Балтийское море. Немецкий берег переливался в польский. Писательский корабль. Я взвешивал эту мысль. Она попросту гениальна.

Сразу по приезде домой я написал Хеннингеру полное энтузиазма письмо и предложил, чтобы его Союз созвал писательские Союзы стран Балтийского моря на рабочее совещание в Берлин. Может быть совместными усилиями мы смогли бы убедить их

свой путь в моих мыслях. Коль скоро уж ничего не получилось с ГДР, может быть удастся настроить на нужный лад, или точнее на нужную волну, например, ленинградских писателей. Наш Союз последние несколько лет уже активно сотрудничает с писателями Москвы. Вот мы и подумали, что настало время завязать контакты с Ленинградом. В начале сентября 1989 г. в Стокгольме гостила профессор Людмила Брауде. Она уже ранее занималась переводом книг Астрид Линдгрен и проявила большой интерес к развитию сотрудничества между нами и Союзом писателей в Ленинграде.

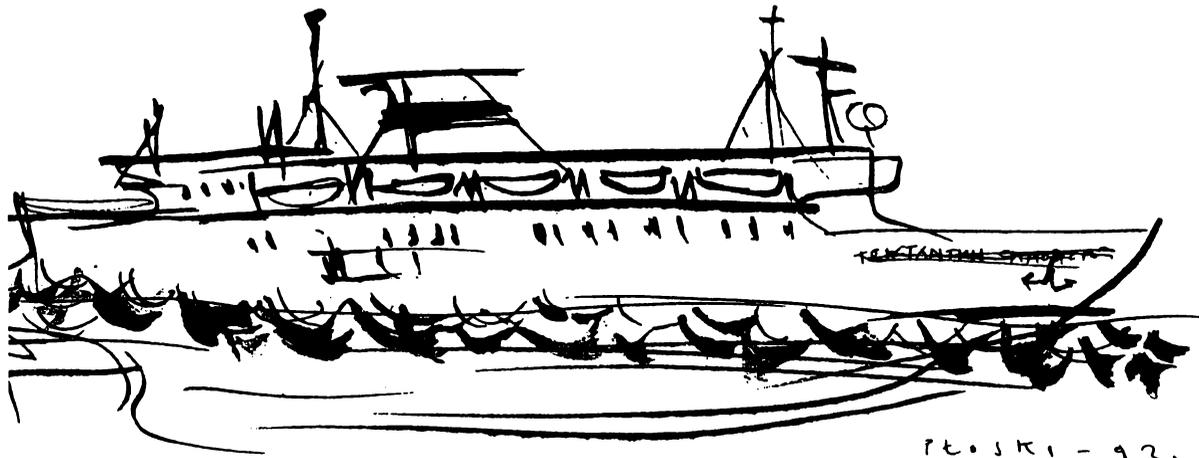
Итак, я воспользовался случаем и написал письмо Владимиру Арро, председателю Ленинградского Союза писателей:

"Давайте продемонстрируем миру нашу общность в области литературы! Давайте на конкретном примере покажем, что мы, писатели, сидим в одной и той же лодке, невзирая на то, на каком именно берегу Балтики нам довелось жить. Короче говоря, мы предлагаем: мы добываем большой пароход, загружаем его писателями и переводчиками, человек по пятнадцать из каждой страны Балтики, обеспечиваем еду и питье для двухнедельного круиза и отправляемся в наше общее море. Мы будем причаливать во всех городах Балтики подряд и устраивать чтения и дискуссии. Представляете, ваш Ленинград, Хельсинки, Стокгольм, Таллинн, Рига, Гданьск, Засниц, Любек, Копенгаген..."

- Это безумная идея? Но ведь миром движет не только мудрость. Давайте обратим взоры к верхушкам мачт и посмотрим, какую силу настоящего ветра способны выдержать наши воображаемые паруса. Почему

и обсудим дело! Сказано - сделано. В начале октября 1990 г. я отплыл на теплоходе "Ильич" с отрядом шведских писателей: Ларс и Анника Бекстрем, Берит Руус, Леннарт Хагерфорс и Клас Энгстрем. На берегу в Ленинграде нас встречало ядро преобразующегося Ленинградского Союза писателей, в которое входили Владимир Арро, Александр Житинский, Александр Бранский и Михаил Глинка. После двух наполненных впечатлениями дней в огромном бурлящем городе наши русские друзья присоединились к нам на борту "Ильича". В сауне "Ильича" мы совместно выработали стратегию нашего предстоящего морского путешествия. Было составлено совместное воззвание для дальнейшей передачи всем Союзам писателей стран Балтийского региона. Арро предложил провести первую Балтийскую встречу в Ленинграде прямо в апреле 1991 г., поскольку политическое развитие в Советском Союзе могло в любой момент закончиться катастрофой. Поэтому действовать надо было быстро.

23-25 апреля 1991 г. состоялась первая встреча писателей Балтики в Ленинграде. Среди флагов на столе можно было заметить не только национальные флаги прибалтийских стран, но и русский флаг. При этом нигде не было кроваво-красного флага с серпом и молотом. Не обошлось, естественно, и без политической подоплеки. Примерно за неделю до встречи меня пригласил на обед в свою резиденцию посол Советского Союза в Стокгольме Успенский. После обсуждения переменчивого клева в Стокгольмских шхерах он предложил посодействовать тому, чтобы нам предоставили

советский пароход, при условии, что я обращусь к Горбачеву с официальным письмом. Когда я вежливо, но настойчиво подчеркнул, что наш проект следует рассматривать скорее как проект Ганзейского союза, а не как совместный проект нескольких государств, он несколько помрачнел. Растаяла последняя возможность втиснуть прибалтийские государства в понятие "советские республики".

Наши друзья были исполнены надежд и энтузиазма. С помощью прогрессивного мэра Ленинграда Анатолия Собчака им удалось заключить предварительный контракт с русским пароходством. Единственное, чего не хватало, это денег. Но по ходу встречи оказалось, что пароходство неверно трактовало наши планы в ряде важных пунктов. Например, в маршрут включили Осло, а Хельсинки - нет. Выпали прибалтийские государства. Круиз был запланирован на 17 дней. Несмотря на значительные усилия в работе над проектом со стороны Арро и его друзей, на встрече было решено искать альтернативные возможности организации круиза. Новая встреча была назначена в Стокгольме в октябре.

Но исторический процесс был неостановим. Бурно вырвались на свободу прибалтийские государства. 19 августа путчисты в Москве предприняли попытку сместить Горбачева и восстановить диктатуру. Я помнил слова, сказанные Владимиром Арро при прощании: "Что бы ни случилось, продолжайте готовить круиз!" Уве Фризель, председатель немецкого Союза писателей, предложил в факсе, чтобы наша октябрьская встреча приобрела характер встречи солидарности с русскими писателями. Следовало создать общий фронт борьбы с новой диктатурой в Советском Союзе. Затем произошло радостное, во всяком случае на тот момент, разрешение кризиса.

25 октября мы все вновь смогли встретиться во дворце Хессельбю в Стокгольме и продолжить обсуждение нашего исторического круиза. К нашей великой радости на помощь шведскому оргкомитету пришла Эва А. Кумлин. Она сразу же стала мощным дизельным двигателем, хотя при первой встрече ее облик вряд ли вызывает подобные ассоциации. Но она, более чем кто-либо другой, стала душой нашего безумного предприятия. Круглые сутки она посвящала своему телефону и телефаксу. Ее семье приходилось соблюдать осторожность во время трапез, поскольку их обеденный стол служил одновременно и рабочим столом, за которым распределялись каюты на борту теплохода "Константин Симонов". Между ножами и вилками аккуратными рядами были разложены сотни маленьких листочков. Можно понять, что члены семьи Кумлин не все время были охвачены энтузиазмом.

Как в одном из стихотворений Евтушенко, встреча в Хессельбю балансировала между да и нет. Поначалу некоторые страны были настроены скептически. Дания считала, что неверно выбрано время года. Германия хотела, чтобы мы лучше ухватились за идею музыкального парохода в августе. Финляндия подвергала сомнению прелесть круиза на русском корабле во время трескучих зимних морозов. Но после обеда настроения переменились. Возможно, потому,

что мы рассеяли все сомнения. Мы сказали, что если нам только удастся убедить "Арс Балтику", орган сотрудничества стран Балтийского региона в Киле, снабдить нас необходимыми ресурсами, то мы сможем смело ступить на борт "Константина Симонова", даже если лед будет толщиной в метр! Мы все были убеждены: сейчас или никогда. Возможность есть именно сейчас, именно в это мгновение через нашу комнату летит птица, которую мы можем поймать. Завтра будет поздно. Птица никогда уже к нам не вернется!

Произошло невероятное - "Арс Балтика" согласилась, во многом благодаря энергичным усилиям Йерана Лефдаля. Зейфаль - руководитель Государственного совета

отмечены отношения между странами Балтийского моря, присутствовали и на борту. Странно, если бы это было иначе.

Никто, пожалуй, не сможет возразить против того, что круиз был задуман масштабно. Было проведено впечатляющее количество семинаров с приглашенными экспертами. Оживленные дискуссии были посвящены таким вопросам, как авторское право писателей и увеличивающееся загрязнение нашего общего моря, ситуация с детской литературой в наших странах и условия распространения книг. Но как это обычно случается на конференциях, самое важное говорилось за рамками запланированной программы. Спонтанные дискуссии между литовцами и поляками об исторических несправедливостях, или между русскими и латышами могли совершенно внезапно возникнуть уже за полночь в каком-нибудь из баров. Просто беседы на исторические темы, которые никогда не велись прежде.

Иногда дискуссии вспыхивали именно тогда, когда их меньше всего ждали. Как, например, когда высказывание в поддержку Салмана Рушди стало предметом горячих дебатов. Бенкт-Эрик Хедин, член Шведского Пенклуба и вице-председатель Союза писателей Швеции, составил проект письма к Рушди. В письме говорилось, что мы, его коллеги, хотим послать ему привет с нашего "корабля свободы". Этого было достаточно для того, чтобы поляки взвились до потолка. Что это за "корабль свободы"? Что это за брежневская риторика? Не русские ли стоят за этим

проектом? Последовала жаркая и очень откровенная дискуссия, которая обнажила наше различное понимание языка. Возможно, нам следовало бы осторожнее употреблять определения. Больше реальности и меньше риторики. Полагаю, что все стали чуточку умнее после дебатов по поводу Рушди, может быть и поляки тоже.

Еще слишком рано давать оценку тому, что на самом деле происходило на борту "Константина Симонова". Реальным результатом круиза стало создание центра писателей и переводчиков. Целью дома переводчиков является предоставление места для различных писательских и переводческих семинаров. Дом будет оснащен современной технологией и компьютерными словарями всех языков Балтийского моря. Там мы сможем продолжать наш круиз круглый год.

На благо нашего обновленного общения на берегах Балтийского моря.

по культуре, но его культурно-политическое прошлое связано с Германией, где он был шведским атташе по культуре. Он усердно принялся за наше дело, и ему удалось увлечь его немецких и датских коллег, а со временем и представителей Норвегии и Финляндии. В конце концов он сумел добыть необходимые 153000 долларов. К этому добавились и рубли, собранные петербургскими писателями, представляемыми теперь только что созданной компанией "Балтийский Путь". Остальные экономические потребности были покрыты благодаря привлечению к круизу сотен "спонсоров".

Задним числом круиз кажется почти сном. Неужели он действительно состоялся? Неужели 24 февраля 1992 года в Санкт-Петербурге на борту теплохода "Константин Симонов" собралось около 300 писателей из всех стран Балтийского моря (и Норвегии!)? Неужели нам удалось провести в согласии все тринадцатидневное путешествие, включавшее поочередное посещение Санкт-Петербурга и Таллинна, Гданьска, Любека, Копенгагена, Висбю, Стокгольма, Таллинна и Санкт-Петербурга? Какой след оставит после себя этот круиз?

Если спрашивать писателей-участников, можно выбрать любой устраивающий ответ. Для одних это наверняка было потрясающее и невероятное событие, для других - морской арест. Для одних круиз положил начало дружбе на всю жизнь, для других - начало вражде. Миф столкнулся с реальностью. "Константин Симонов" был не Потемкинской деревней, а настоящим кораблем с живыми людьми. Политическая напряженность и противоречия, которыми

На этом судне мы создали новый, особый мир. Удаляясь от Польши, мы удалялись от дел, волнующих нашу страну. Политика, дискуссии в Сейме, пресса, радио и телевидение остались там, далеко. Даже в обычных разговорах польские дела отошли на второй план. Политика интересна, пока актуальна, пока воспринимается в своем процессе. Известие, что Сейм отверг проект правительства об основах общественно-хозяйственных преобразований, дошло до нас лишь через неделю. Удивительно, но большого впечатления это ни на кого не

ство. Времена, правда, не благоприятствуют литературе; хотя писатель не боится уже цензора и в состоянии, казалось бы, следовать своему призванию. На практике все не так: новые экономические условия вынуждают его приспособляться к особенностям рынка, производить, иными словами, ходкий товар, обеспечивающий условия существования. Но что прикажете делать с серьезной литературой - с поэзией, эссеистикой, драмой, экспериментальной прозой? Несмотря на бурные дискуссии и крайности во взглядах, действенного рецепта никто не предложил.

Я не сторонник коллективных экскурсий, которыми нас потчуют туристические

Станислав МИСАКОВСКИЙ

никого не было. Немцы читали свои стихи в оригинале. Никто не переводил их на английский. Мне понравилось это, не скрою, куда больше, чем польский вечер, где большинство моих соотечественников, полагая, что приобщаются к вершинам мировой культуры, калечило свои произведения и английский язык. Я не посчитал решение немцев вызовом.

На следующий день у меня завязались дружеские отношения с Рихардом Петре-

БАЛТИЙСКИЕ КОНТАКТЫ

произвело, точно все произошло в далекой, малоизвестной стране. Мне вдруг показалось, что я прохожу курс... антиалкогольного лечения.

Рабочими были два языка: английский и русский. Вне официальных встреч - хаос звуков. Чтобы понять друг друга, употреблялись самые различные слова, дополняемые жестами. Но объяснялись без труда. Будь мы все на судне подольше, возник бы, думаю, новый язык, назвать который можно было бы балтийским. А если еще смешать в каютах представителей разных наций, то процесс ускорился бы. Таков был колорит путешествия, его звуковая сторона, его привлекательность.

Поздним вечером после отплытия из Гдыни нас пригласили в музыкальный салон на ознакомительную встречу. Я был поражен, впрочем, не только я, когда меня попросили прочесть собственное стихотворение на каком-либо иностранном языке. Я не был к этому подготовлен и всегда считал, что поэту надлежит читать свои стихи на своем языке. Слушатель воспринимает не только содержание, которое может передать переводчик, но и своеобразную речевую мелодию. Читка в переводе этого не воспроизведет, особенно, если автор «лопочет» свое стихотворение на чуждом ему языке. Но я был лоялен. При мне не оказалось английского перевода, и я прочитал стихотворение в придуманном наспех переводе на русский.

От Гдыни до Любека мы плыли более полутора суток. В душе у меня зрела претензия к польским строителям судна за медлительность «Константина Симонова». Потом оказалось, что мои профессиональные знания равны нулю. В связи с высокой стоимостью пребывания в порту организаторы составили программу таким образом, чтобы судно, особенно в ночные часы, находилось как можно дольше в плавании. Мероприятий от этого не уменьшалось, пребывание в море использовалось не менее интенсивно, чем на суше. Нельзя было пожаловаться на отсутствие тем для конференций, семинаров, встреч. Если уж жаловаться, так, пожалуй, на отсутствие времени для себя лично - на отдых, на прогулки по палубе, чтоб полюбоваться морем.

Совещания и дискуссии действовали на меня расхлаживающе. Было ясно, что писателей больше волнуют проблемы издания и дистрибуции книги, чем само творче-

агентства. В группе человек теряет индивидуальность и вынужден подчиниться заранее установленному распорядку, а сведения о городе черпает из поверхностных, одобренных анекдотами рассказов экскурсовода. И потому я неизменно пользуюсь случаем совершить прогулку в одиночку или же в обществе двух-трех приятелей. В Любеке мы отправились в город вместе с Юзефом Вишневским. Выбрали в городском автобусе места поудобней, разложили на коленях план города, стали обмениваться впечатлениями. На остановке где-то в районе Хольштенштрассе две сидевшие у нас за спиной пожилые женщины поднялись и направились к выходу. Проходя мимо, одна из них остановилась, с чувством на нас взглянула и сказала по-польски: «Да хранит вас Бог!» Обе постояли на остановке, подождали, пока автобус не тронется с места. Та, что к нам обратилась, проводила нас печальным взглядом. Не знаю, кем была эта женщина, но польская речь ее взволновала до глубины души. Присутствие немцев не удержало ее от того, чтобы продемонстрировать нам свою симпатию. «Да хранит ее Господь!» - подумал я, расстроженный до слез. Я ощутил, что Любек стал мне близок. А когда мы очутились в предместье, где-то около Бад-Швастау, меня поразили ухоженные домики и необыкновенная чистота вокруг. Возвращаясь, я оказался рядом с женщиной, подкававшей нам другую, более интересную дорогу обратно. Выяснилось, что она медсестра, работала в больнице, получая две тысячи марок. Сейчас - на пенсии. Чистоту вокруг домов поддерживают сами жители, объяснила она, никто не заставляет их этого делать. Когда в дальнейшей беседе я признался, что побывал в Германии, но только это было давным-давно, она спросила:

- Что, в плену?

- Да, - подтвердил я ее догадку.

Последовало продолжительное молчание. Немке стало неловко. В памяти наверняка всплыли воспоминания. Раз была медсестрой, значит, должна хорошо помнить войну. Трудное это было молчание. История создает ситуации, которые для памяти, как заноза.

В салоне «Белые ночи» у немецких писателей состоялся литературный вечер. Не знаю, каким образом, но разошелся слух, что они не согласились, чтоб их стихи переводились на русский. Русские обиделись, решили бойкотировать вечер. К ним примкнули поляки. Желая разрядить обстановку, я пошел послушать, посмотреть. В самом деле, в зале, кроме немцев, почти

сом, замечательным поэтом. Я получил от него в подарок последний томик его стихов под названием «Weltkind» («Дитя вселенной»). Вот строфа из стихотворения «Реплика», которая припала мне весьма по сердцу:

*Reden ist leicht,
Sagen ist schwer **

После вчерашнего инцидента - ни следа. Слово его не бывало.

По окончании прощального приема, данного в ратуше бургомистром Любека, мы вернулись на судно вялые и одуревшие. Но не для того, чтобы отдохнуть. В двадцать три у польских писателей была встреча с литовцами. Представителям этих двух исторически связанных друг с другом народов есть о чем поговорить. Высказывания по поводу литературы прошли на достойном творческой среды уровне. Сложней оказалось, когда дискуссия с проблем литературы переключилась в область политики. Выяснилось, что нет благоприятной почвы для призывов «примириться» (речь шла о польском меньшинстве в Литве), пробудились эмоции, пошла в ход риторика. В час ночи я расстался с дискуссионными и отправился спать.

Приветствую Данию с палубы корабля. Слева по борту сплошная равнина. В этом направлении устремляются пролетающие над нами, то и дело, пассажирские самолеты. Кто посещает эту маленькую страну, чем привлекает она иностранцев? Кроме данных из энциклопедии, про Данию почти ничего не знаю. Из географии усвоил, что государство расположено на полуострове Ютландия и множестве (числом около четырехсот) островков. Помнится также, что здесь, как и в близкой Голландии, жители ведут беспрерывную борьбу с силами природы, они трудолюбивы, упорны и зажиточны. Стоит подумать о литературе, как перед глазами возникает образ Ханса Кристиана Андерсена. Откуда-то из глубин памяти всплывает имя Хольберга (соответствует нашему Кохановскому из XVI века), Эленшлегера и его противника Хейберга. О современных писателях - не спрашивайте!

Ощущается близость океана - горизонт в дымке, воздух влажный, под пальто задувает холодный ветер.

В Копенгагене довелось испытать смешанные чувства. Прежде всего при посеще-

* Говорить легко, сказать - тяжело (нем.).

нии расположенного на мысу знаменитого музея «Луизиана». Откуда такое название? А дело в том, что у основателя этого музея (1852 г.) было три жены и все носили имя Луиза, вот вам и Луизиана. Но не фривольность былого владельца шокировала меня. Нам продемонстрировали выдающиеся произведения мирового искусства бок о бок с порнографическими снимками какого-то американского фотографа. Остался неприятный осадок. Музей посещают тысячи людей, в том числе школьники. Они-то и увивались с громкими комментариями у порнографических «произведений». Может, я усталел и опаздываю с оценками, но мне не хочется, чтоб вместе с отборными яствами подавали на стол помой.

Датские писатели постарались обеспечить нас всем, что было в их силах. Польские любители пива могли вволю насладиться этим напитком, которого в помещении Союза писателей было сколько угодно. Именно там я познакомился с датской писательницей с польским именем - Ханной Хансен. По профессии она учительница и работает в средней школе. Возвращаясь вечером на судно, я освдомился у нее:

- Вы, наверное, уезжаете домой в собственном лимузине?

- На двух колесах, - улыбнулась она в ответ, - да еще с испорченным динамо в придачу. Придется вести велосипед, как собаку, на поводке.

Автомобиль, как она мне объяснила, используется у них для загородного отдыха и для дальних поездок.

В Дании велосипед - основное средство передвижения, им пользуются и рабочие, и интеллигенция. Про себя я подумал: в Варшаве даже уборщица постыдилась бы ездить на работу на велосипеде - лучше босиком, но в шпорах!

На другой день нашего пребывания в Копенгагене датский министр иностранных дел пригласил нас на официальный ужин. Не обратив внимания на дождь, я выбрался в середине дня в город. Промокший и озябший, я брел вечером к зданию министерства. Разыскав нужный мне дом, увидел нечто вроде большого амбара. Лишь небольшая табличка над дверями сообщала, что я не ошибся адресом. Было восемнадцать тридцать - полчаса до приема. В нарядном вестибюле я был поражен тем, что никто не спрашивает меня, откуда я взялся и чего мне надо. Пока я стоял в нерешительности, ко мне приблизился элегантного вида мужчина и вежливо подсказал, где гардероб, в котором можно снять промокшее насквозь пальто. Затем начали прибывать участники конгресса. В большом отделанном со вкусом зале министр приветствовал гостей и пригласил всех к ужину. Столы прогибались под тяжестью блюд. Рядом со мной оказались двое русских с рюмками красного вина в руках.

- Смотри, Ваня, - сказал один из них, - снаружи сарай сараем, а внутри - королевский дворец. Почему же у нас не умеют использовать старинные дома?

Вопрос остался без ответа.

Меня раздражают разного рода воззвания, резолюции, послания. Сомневаюсь, чтоб кто-либо из политиков заинтересовался жалобами писателей. Что касается дела Салмана Руцки, то, с моей точки зрения,

наиболее действенной его защитой могла бы стать не резолюция, а произведения - стихи, рассказы, повести, развивающие тему, которую затронул в своей книге осужденный на смерть писатель. Тем самым можно было бы достичь большего результата, чем коллективными и потому анонимными посланиями. Помимо всего прочего резолюции и послания слишком напоминают минувшие времена, когда вместо того, чтоб честно работать, люди занимались резолюциями, осуждающими или восхваляющими какого-то деятеля, которого простой человек и в глаза не видел.

Меня тронула Наташа Карпова, русская поэтесса из Санкт-Петербурга. Она держа-

подошел, поздоровался, но они остались равнодушны ко мне. Лишь тогда, когда я попросил, чтоб одна из них сфотографировала меня под мельницей, они проявили удивление. Мы долго не могли понять друг друга, в конце концов два-три немецких слова, подкрепленных обильной жестикуляцией, пробудили одну из них взять в руки фотоаппарат. Я и не предполагал, что это будет один из лучших снимков моего путешествия. Потом я бродил по кладбищу. Обратил внимание на то, что здесь нет бороздок, отделяющих одну могилу от другой. На траве виднеются лишь ряды табличек (горизонтальных или вертикальных), где обозначены имена покойных. Нашел и два польских имени. Где только нет поляков? - пронеслось у меня в голове, когда я прощался с этим печальным местом.

Возвращаясь вечером на судно, подумал: а ведь здесь, в Висбю, король Швеции, Дании и Норвегии, правнук Казимира Великого, Эрик I скрывался после дестронизации в течение нескольких лет. Его прах приняла польская земля, он захоронен в склепе костела в Дарлове.

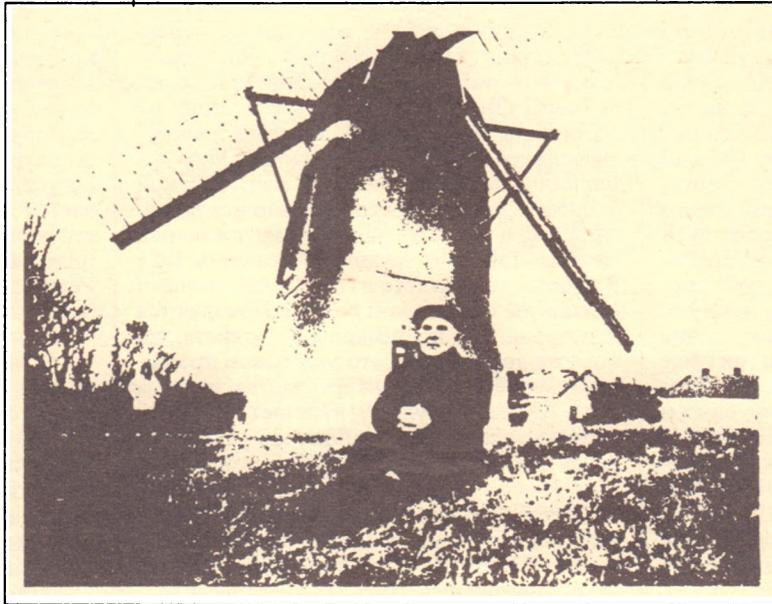
Пока мы шли к Стокгольму, со мной познакомился петербургский писатель Валерий Суров (он живет в квартире, где жила Ахматова). Он врачует травами и лечит болезни позвоночника. Вчера я пожаловался, что у меня немеет при ходьбе правая нога. Он вызвался помочь. Притащил какую-то мазь, долго втирал, массировал, потом прикрыл меня одеялом и велел лежать. Мои товарищи по каюте тоже пожаловались на недомогания. Зимовит Скибинский об-

нажил спину и продемонстрировал свой позвоночник. Валерий глянул и сказал: «Ни к черту не годится!» Потом велел Скибинскому стать к нему спиной к спине, зацепил под мышки и хорошенько встряхнул, мы услышали, как трижды что-то громко хрустнуло.

Поможет-не поможет - не важно. Важно то, что на судне возникла атмосфера доброжелательности и появилось стремление оказать товарищу услугу.

Мы долго не могли понять, чего, собственно, хотя русские от своих земляков, когда без устали твердят по трансляции, чтоб те брали или же сдавали паспорта. Загадку разрешила Наташа. Россия вроде бы уже свободная страна, но ее граждан по-прежнему обязывают предписания исчезнувшего СССР: поднявшись на борт судна, они обязаны сдавать паспорта в назначенном месте, покидая судно, - брать их с собой. Так было до конца путешествия. Писателям из других стран было от этого не по себе.

Стокгольм встретил нас лавиной мероприятий. Шведские писатели пожелали познакомить нас с научной и культурной жизнью этого большого центра во всем ее объеме. Программа была такая насыщенная и мероприятия столь интересны, что на посещение города в индивидуальном порядке не осталось уже времени. У трапа нас приветствовала Катажина Старская, стокгольмская радиожурналистка, полька. Это было сюрпризом, потому что давало возможность быстро получать интересующую нас информацию. Катажина сразу просит у нас интервью, интересуется нашими впе-

С.Мисаковский на острове Готланд.

лась все время поблизости от польских писателей. Сердилась, если кто-то обращался к ней по-русски, пользовалась любой возможностью, чтобы восполнить пробелы в знаниях, просила поправлять ее, обращать внимание на ошибки. Живая и доброжелательная, она информировала нас о мероприятиях, сама их организовывала. Славная женщина!

Не бездельничал и Леонид Каминский - он расхаживал по палубе с рисовальным блокнотом в руках и фломастером. В юмористическом рисунке он увековечивал каждого попадавшего на пути участника конференции. Изобразил и меня, говорят, похоже, только я вышел с задранной носом.

На подходах к Готланду я дивился старинным ветряным мельницам. Как древние стражи, возвышаются они на холмах, украшая остров и никому при этом не мешая. Мне, к примеру, они сказали больше, чем все выставленные в музее Готланда бесчисленные предметы старины. Любуясь на них, я вспомнил, что в Польше видел в молодости такие же мельницы. Кто велел пустить их на слом, кому они мешали? Виноватых в таких делах не сыщешь.

Висбю, столица Готланда, не менее живописна, чем сам остров. В особенности хорош центр, обнесенный средневековыми стенами. Рай для туристов. Здесь все иное. И квадратные домики, покрытые красной черепицей, и мощные булыжником улочки, и старые храмы. Люди тоже иные, они не торопятся, жизнь течет как бы во сне. В пригороде под мельницей сидели две пожилые женщины, толковали о своих заботах, большой мир не волновал их и был далек. Я

чатлениями, но на это, по существу, не остается времени. Она ездит с нами на автобусах, потом на пароходике «Кунгэрик» («Король Эрик») мы плывем в музей Вазы. Это огромное здание, где в середине возвышается отреставрированный королевский корабль, вокруг в сотнях различных помещений демонстрируются детали отделки и оснастки, тут же кафе, кинозалы, информационные центры с компьютерами, где можно получить любые сведения как о фламане шведского флота, так и по истории Швеции. Уходить из музея не хочется, но время не ждет.

После обеда на выбор: посещение Королевской библиотеки, Нобелевской библиотеки, Театра Христофора Колумба, Дома писателей, Центра шведской культуры. Желаем поспеть всюду, но выбрать можно только что-то одно. Я остановился на библиотеке Бернадотта («Королевской»). Там нас очаровал старший хранитель, полиглот польского происхождения Адам Хеймовский. Благодаря ему мне в составе небольшой группы (Скибинский, Дыбчак, Сопух, Вишневецкий и я) удалось посетить также Шведскую Академию и Нобелевскую библиотеку. Нас на удивление доброжелательно принял Михаэль Брон, поляк, работающий в Нобелевской библиотеке вот уже несколько лет. Он показал нам помещение и рассказал о приготовлениях и ритуале вручения литературных Нобелевских премий. Это была одна из самых интересных и удачных встреч. Шведская Академия и Нобелевская библиотека помещаются в центре города в здании стокгольмской биржи. Огромное здание сооружено в 1767-1778 гг., а в 1921 году Академия и Библиотека получили на втором этаже помещение для бессрочного пользования.

Что знают шведы о Польше? По существу немного. В прессе о нас пишут скудно, а если и пишут, то оценивают скептически, дескать, плохо, неразбериха, в ходу популизм дешевого толка. Жители Швеции живут своими делами, даже Европа, от которой поляки не отрывают взгляда, мало их интересует. Может, именно потому они так и справляются с экономическими и хозяйственными проблемами. Сильное впечатление произвел на меня Центр культуры в Стокгольме. Я повидал великолепные объекты на Востоке, сооруженные, разумеется, в показательном порядке. Но в Стокгольме в «показательном порядке» ничего сооружать не надо, там все уже сооружено в «показательном порядке».

В Центре шведской культуры, гигантском здании на главной площади города, просторно, чисто, много света, в читальных залах для взрослых и для детей удобные кресла, в кафе - бутерброды, пирожные, панетки, фрукты (для нас бесплатно), рядом в зрительном зале - выступления. На сцене девушки из Санкт-Петербурга в темных, причудливого вида полупрозрачных платьях, поют русские песни, в перерывах молодые поэты из нашей группы читают стихи, один - по-польски, другой - по-английски. Чередование русских песенок с польскими стихами, в том числе в английском переводе, рождает странное впечатление. Шведская публика, как мне показалось, воспринимала это весьма прохладно.

В пятнадцать часов вместе с Кшиштофом Дыбчаком наблюдаем с палубы, как постепенно исчезает столица Швеции. Несколько фотографий на прощание, а потом мы, разложив карту, следим за маневрами нашего судна среди бесчисленных остро-

вов и островков. «Константин Симонов» дает задний ход, разворачивается, направляется на восток. Центр давно за кормой, но Стокгольм - двухмиллионный город, и долго еще мимо будет двигаться панорама окраин и поселков. Мы проходим Лидингё, последний из районов, соединенных с городом мостом. Потом мелькают лежащие вне метрополии острова, обитаемые и необитаемые. Слева промаячил крохотный скалистый островок диаметром метров 20 - 30. Он весь облеплен птицами и является, надо полагать, промежуточной станцией при полетах с одного места в другое. Мне еще не доводилось видеть такого огромного скопления пернатых на столь ограниченной территории! Еще одна любопытная деталь - островок около ста метров в поперечнике. Там домик и хозяйственные постройки, во дворе крутится собака. На островке дерева и огород. Как же чувствует себя хозяин (владелец острова) ночью или во время шторма? Он может рассчитывать лишь на собственные силы, никто не придет в критический момент ему на помощь. Мы, интеллектуалы, часто видим в мечтах такой островок, вдали от беспрестанно искушающей нас и в то же время уничтожающей цивилизации. Но трудно представить себе человека, вырванного из городской толпы и водворенного на такой остров. Попадаются и острова, где по несколько хозяйств, но это уже другое дело, это уже некое проживание сообща, т.е. наше счастье и наша беда. Суша отступает, налетает влажный холодный ветер. Замерзшие, мы расходимся по каютам.

Встреча с писателями Латвии. В этой небольшой стране в Союзе числятся 275 писателей. Книга у них популярна, тиражи (даже поэзии) доходят до шестидесяти - девяноста экземпляров (sic!). С современной польской литературой они знакомы слабо. Их терзают финансовые и издательские проблемы, так же, как нас в Польше.

В Хельсинки мы оказались в роли обыкновенных туристов, было воскресенье, город опустел, фирмы и магазины закрыты. Архитектурный облик? Здесь Восток встречается с Западом. Многие дома напоминают Петербург, город чистый, ухоженный. Мы забираемся в автобусы, выходим на Сенатской площади, делаем снимки на память, потом кладбище, сквер с известным памятником Сибелиусу, знаменитый на весь мир дворец «Финляндия» (с точки зрения архитектуры, неинтересный), где происходят международные конференции, и уникальная, вырубленная в скале церковь Темпелиаукио. В полумиллионном Хельсинки все виды транспорта: метро, автобусы, троллейбусы, трамваи. Контакт с финскими писате-

лями установить не удалось, времени на встречу польской группы с финской не хватало. Случайно узнаем, что финны - большие любители кофе, они держат по этому напитку первое место в Европе, на среднестатистического финна приходится тринадцать килограммов кофе.

Из Хельсинки плывем в Таллинн, откуда поездом через Латвию и Литву возвращаемся в Варшаву. По поводу пребывания в странах бывшего СССР, кроме того, что уже всем известно, много сказать не могу. Изменит ли что-либо в их литературах обретенная ими свобода, станет известно через несколько лет.

Волны Балтики способствовали первому мероприятию, сблизившему писателей десяти прибалтийских стран. Это наверняка послужит дальнейшему углублению контактов и развитию сотрудничества. Тем более, что в намерения организаторов входит образование Союза писателей Балтии, инаугурационный съезд которого планируется на октябрь 1993 года, предусматривается также организация постоянно действующего центра (института), формирующей кадры переводчиков балтийских стран. Резиденцией центра предполагается сделать остров Борнхольм.

Я не общался с организаторами этого круиза, и потому мне трудно назвать имена тех, кто непосредственно участвовал в подготовке этого необыкновенного конгресса писателей. Позвольте поэтому ограничиться польским «Бог воздаст!» для всех тех, благодаря кому я и мои товарищи, а также десятки писателей других стран получили возможность на срок более двух недель соединить приятное с полезным.

Юзеф Генрик ВИШНЕВСКИЙ

БЛЮЗ О БОЛЬШОМ СКВОЗНЯКЕ

*До чего же большой сквозняк был в этом доме
ока
на ветвях поразвешанные
усыхают
до чего же большой сквозняк был в этом доме
потолок
небо закрытое
туманом
до чего же большой сквозняк был в этом доме
скелет
ожидает простертый
посередине
до чего же большой сквозняк был в этом доме
трава
над ним бархатистая
мягкая
до чего же большой сквозняк был в этом доме
муравьи
над ним работники
шелестят
до чего же большой сквозняк был в этом доме
стеколки
словно затмения
негатив
до чего же большой сквозняк был в этом доме
волки
отовсюду оскалься
зюют*

Вот ведь странная штука: обычно, когда я чего-то боюсь, то не болтаю, а или молчу, или во все горло ору песни. Например, ночью, когда иду домой из дискотеки через наш городской парк и чаще, к сожалению, один, а не с какой-нибудь хорошей девушкой, которая тоже живет в Голисе. Девушки-то в основном живут далеко, в этих чертовых новостройках, и когда тащишься с другого конца города домой, то вот тут-то и делается страшно, да не на шутку, ипеть, прямо скажем, уже не тянет. Потому что, если упустишь последний трамвай, значит, топай пешком, вперед, в поход, а это не всякому под силу. Вот Вы - другое дело, Вы ходили в походы, да только в походе-то Вам и пришел конец... В крестовом походе, правильно?

Жаль мне Вас, господин Барбаросса. Как всякого, кто понапрасну из кожи вон лезет. Или утонул далеко-далеко от родины, как, говорят, было с Вами. Потому что толку-то никакого: на Ближнем Востоке по-прежнему черт знает что творится.

Уж лучше наша домашняя скучища: в дискотеку не попал - мест нет, вот и тащишься, горемыка, через городской парк домой. А в парке тьма хоть глаз выколи, темнее, чем во всем Лейпциге ночью, когда нет ярмарки, конечно. Ах, да все равно - это не для студенческого кошелька. Страх исчезнет с рассветом, и до следующей стипендии причин для страха не будет.

Но я не потому все болтаю да болтаю, не молчу, не горлаю песни. Вообще-то, когда тебе девятнадцать, боишься еще и кулаков, боишься семерки бритоголовых, которым только бы затеять драку. Силой я не могу похвастаться, я же студент-историк. Тот, кто изучает историю, начинаешь понимать, к чему ведет насилие - к беде, господин Барбаросса. И лишь немногих приводит на пьедестал, на высокую вершину Кифхойзера. И сюда, в пещеру, где стоит Ваш монумент из камня. Да еще легенда о Вас сложена удивительная, такая, что невольно нет-нет, да и вздрогнешь от страха. Да, господин Барбаросса, страшно мне здесь наедине с Вами в этой мрачной сталактитовой пещере.

А ведь я Вас узнал еще в детстве, я же родом из Франкенхузена, городишки, что здесь неподалеку. В Ваше время он уже существовал, да только по сей день остался он захолустной, забытой Богом дырой. По крайней мере, таким его считают многие жители. Они ведь в последнее время получили возможность говорить вслух обо всем, что у них на душе, вот как я сейчас. Надеюсь, и на экзаменах в зимнюю сессию сумею высказать все, что думаю, если достанется вопрос про Вас, а не про какого-нибудь доподлинно известного исторического деятеля вроде Мартина Лютера или Фридриха Второго. Я предпочел бы Вас, потому что Вы для меня с самого моего детства были и остались фигурой монументальной. В сопльном возрасте я однажды помочился прямо на Вашу бронзовую ступню - я думал: а вдруг что-нибудь произойдет? Ну а теперь я без всякого страха занимаюсь фактами Вашей жизни, Вашей личностью - императором «Священной Римской империи германской нации», которого называли также Ротбартом. С некоторых пор в университетской библиотеке про Вас нет никакой литературы, даже в шкафу для особо ядовитых книг.

В любом случае, легенда о Вас - это совсем другая история, и до последних лет она считалась чем-то очень сомнительным. А то как же! Попробуй свяжи Вас с диалектическим и историческим материализмом. То же самое было и с известной поэмой Фридриха Рюккерта о Вас. Мой дед когда-то выучил ее наизусть в школе, и он тайком прочитал ее мне, юному пионеру. Тайком, потому что все феодальное у нас, в ныне не существующей «Германской Демократической Республике», было в загоне, как и мистика. Но и то и другое связано с Вами. И поэма тоже. Что, если я сейчас быстренько ее прочитаю?

*Старик седоволосый на троне и в венце,
Наш Фридрих Барбаросса в подземном
спит дворце.*

*Нет, он не взят могилой, живет и дышит он,
Он колдовской силой в дремоту погружен.*

Руди ШТРАЛЬ

Нет, лучше не продолжать, а то опять страху не оберешься. Боюсь, как маленький или как туристы какие-нибудь, из Баварии, которые теперь-то бесстрашно приезжают в прусские земли и вдруг случайно узнают о Вас. Бывает, что от меня узнают. Дело в том, что фройляйн Матерна из экскурсионного бюро беременна, вот и боится, что могильная атмосфера подземелья повредит ребенку. И посему часто выходит на воздух - покурить.

А я, кстати, не курю. По той причине, что хочу со временем стать преподавателем университета. Так что заблаговременно начал приучать себя к благоумеренному академическому бытию. Как известно, ни-

СТАРЫЙ БАРБАРОССА, ИЛИ ЛЕТНЯЯ ХАЛТУРА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

МОНОЛОГ ДЛЯ ДВОИХ

котин понижает работоспособность, а я к десяти утра обязан быть в хорошей форме. Успеть подмести пещеру. Зажечь свет в гроте. У моего деда потрясающее чувство времени, но, к сожалению, у деда еще и ревматизм, вот почему я и работаю вместо него смотрителем пещеры.

С гораздо большей радостью я укатил бы на все каникулы в Бинц на острове Рюген, устроился бы спасателем на водах, но родители против, и они правы - платят-то в охране памятников лучше, чем в спасательной службе Красного Креста. На зимних каникулах я с радостью поработаю в подземелье, если деда опять прихватит. На самом деле дед уже пенсионер, за Вас он держится просто ради приработка, ну и отчасти из-за своей приверженности всему старонемецкому. Да еще из-за чаевых - здесь больше дают, чем наверху, на горе, где у Вас с недавних пор появился конкурент - художник Тيوبке. Его «Крестьянская война», самое выдающееся произведение мировой живописи, 15000 изображений людей и около 1000 голов скота. Это полотно оживляет пейзаж. Не исключено, что наш провинциальный городок скоро займет в путеводителях строку повыше, чем Айсleben, Мюльхаузен и Веймар. Нет, насчет Веймара я, пожалуй, хватил. Там все немецкое еще бесспорней, чем у нас. Классика, как ни крути. А жуть берет в одном месте - на площади перед Веймарским национальным театром, хотя Гете с Шиллером, там, на площади, моют не реже, чем Вас, господин Барбаросса.

Может, надо обращаться к Вам «Ваше Величество»? Если уж Вашего простецкого тезку снова стали называть Фридрихом Великим... Двадцать лет назад за такое отчисляли, говорит Биберцан, наш профессор. И спихивали в сектор социалистического производства. Теперь оно стало «так называемым» и отдано в жертву так называемой свободной рыночной экономике. Но у нее свои проблемы, ей совсем не нужны отчисленные из университетов недоучки. Времена изменились.

Изменились, но, похоже, не для Вас и не для моего деда. Скорей для меня и моей младшей сестренки. Она сегодня сидит дома и зубрит. Поэму о Вас зубрит. О старом Барбароссе. Чтобы туристам читать. У сестренки тоже каникулы, ее хлебом не корми, дай поводить автобусные экскурсии. У нас в пещере она могла бы читать туристам Рюккерта. Все упирается, однако, в менеджмент. И в то, чтобы фройляйн Матерна ничего не пронюхала, иначе она, мышка тихонькая, наверняка захочет получить свою долю. Или сама после рождения ребенка будет декламировать стихи. Как там дальше-то?

*На драгоценном троне недвижно он застыл,
А голову в короне на стол он уронил,
А борода с годами ушла в гранит стола
И рыжая, как пламя, сквозь камень проросла.
Ну, Ваше Величество, позвольте-ка теперь заняться*

делом. Каждому ведь непременно надо потрогать Вашу бороду, даже если идет он напрямик из буфета, где съел «оригинальную тюрингскую сосиску», а руки вымыть не потрудился. Где уж тут камню остаться чистым. Не помогает и то, что я каждый день протираю Вас бензином. Памятник на вершине горы обрабатывают специалисты из Галле, он ведь огромный, бронзовый с патиной. Мне его и за все каникулы не вычистить. Но тогда я, по крайней мере, работал бы на солнышке, а не торчал бы тут один на один с Вами и с нашим прошлым, то есть со Священной Римской империей германской нации.

Хоть она и Римская, а мне вот непонятно, ну хуже китайской грамоты: как это так, что мы с Вами, и Вы, и я - немцы? Из разных эпох, но это уже не играет роли. Из разных социальных структур - это теперь тоже несущественно, но я все-таки из простой семьи, мои предки - обыкновенные крестьяне и лесорубы. Все - здешние, потомки Ваших подданных. И вот, видите: сегодня я вытираю Вам нос, а Вы сидите, весь каменный, и в ус себе не дуετε. Так что кое-какие различия все же сохраняются, правильно?

*Сквозь дрему он кивает и щурит сонный глаз,
Мальчишку подзывает, дает ему приказ:
- Взгляни-ка на все стороны (глаза твои остры!):
Кружат ли в небе вороны вокруг моей горы?*

Вот и туристы, как выйдут из пещеры, сразу головы задирают, смотрят: летают ли еще над Кифхойзером старые вороны. Потому что у Рюккерта Вы в конце довольно мрачно говорите:

*И если там кружится вороний черный рой,
Мой сон еще продлится столетье под горой.*

Все это, наверное, миф, так считает профессор Биберцан. Ведь, собственно говоря, в легенде речь идет прежде всего о Вашем сыне, Фридрихе Втором, просто он не был так знаменит, как Вы. Но и он был императором, да и немцем был, а значит, не следует придавать столь большое значение фактической точности. Главное, чтобы что-то серьезное было сделано, для будущего. Скажем, появилась тема для стихов и легенд. И пусть даже в них будет что-то очень естественное, как эти старые вороны...

Ваше Величество, нет, Вы только послушайте, какое чудо! Вороны больше не летают! Ни одного! Забавно, правда?

Пожалуй, «забавно» - не очень-то удачное слово, ведь местные жители привыкли к воронам и будут по ним скучать. Многие думают, виновата «Крестьянская война» Тюбке, дескать, это она воронов распугала, другие говорят: наверное, дело в том, что лес на горе отравлен и болен. Но вообще-то вороны неплохо себя чувствовали даже при поганом восточном ветре, который несет отраву из Биттерфельда и Мерзебурга. Так что исчезновение птиц просто необъяснимо, и кое у кого в связи с ним появилась очень странная мысль. Более глубокое содержание которой скрыто Рюккертом в самой сердцевине его поэмы. Ах да, я же пропустил одну строфу - не случайно, а потому, что, как до нее дойду, так всегда у меня мурашки по телу бегут. Вот она:

*Поблек наш край суровый с тех пор как нет его,
Но с ним вернутся снова краса и торжество.*

Понимаете, что он хотел сказать? И что означает этот знак - исчезновение воронов? Поэзия, легенды, - все это, конечно, замечательно, но сейчас дело приобретает политическую окраску, господин Барбаросса! Потому что...

Одну минуту, Ваше Величество! Вы, кажется, наморщили лоб? Или нет - Вы... В самом деле, Вы наморщили? Точно: наморщили! Честное слово, я сейчас все-таки затяну какую-нибудь песню - как тут не струхнуть, если каменная статуя вдруг наморщивает?!

Или мне только померещилось? Может, просто блик света, игра теней из-за перепада напряжения в электросети? Такое у нас во Франкенхаузене не редкость. Или дело в бензине, которым я Вас чищу, какая-то светящаяся примесь? С точки зрения естественных наук, не было бы никакого чуда, если бы от химического вещества по камню пошли морщины. Но вот это Ваше странное наморщивание...

Мне ведь придется доложить о случившемся. О «чрезвычайном происшествии», как сформулировано в служебной инструкции, спущенной нам ведомством охраны памятников. В эту рубрику входят случаи вроде того когда кто-нибудь попытается отломить Вам ухо, чтобы забрать в качестве сувенира. Или нацарапать у Вас на заднюю инициалы - у некоторых людей просто зуд ка-

кой-то, непременно им надо оставить по себе память. Камень, конечно, материал прочный, но и он не вечен! Время подтачивает даже то, что Вам всего дороже, рано или поздно самая прекрасная надпись на камне сгинет под действием двуокиси серы. Мы, господин Барбаросса, находимся в районе химической промышленности! В одном из самых безнадежных в земле Заксен-Ангальт.

Я все болтаю да болтаю, а надо бы приглядеться поближе: правда ли, что Вы наморщили лоб. Или наморщиваете. И в конце концов - действительно проснулись. Вы, император германцев!

Германцев? Всех германцев?

Не дурите, господин Барбаросса. Обождите хотя бы, пока мой дед не выйдет на работу. Если я заявлю о том, что видел, то, несмотря на все перемены и демократическое обновление, меня живо турнут из университета. У нас в Лейпцигском университете теологам и философам даны, правда, кое-какие привилегии по части метафизики. Конечно, «привилегии» - паршивое слово, но лучшего пока что не придумано. Даже нежнейшая из революций не оставляет времени для риторики, и даже германисты либо огрызаются, либо сидят и ни гу-гу - смотря по тому, что они раньше говорили и о чем умалчивали.

Зеваете, Ваше Величество? А мне-то не все равно: на карту поставлено мое будущее! Чтобы из-за какой-то легенды карьера прахом пошла - да никогда в жизни! Профессор Биберцан говорит, что для молодого историка нет ничего более вредного, чем идеалистические фантазии.

Минуточку, Ваше Величество... Вы и правда зевнули? Как человек, который просыпается после долгого сна? И хочет подняться?

Подняться! Вот так сказанул! Поймите, господин Барбаросса: Вашей империи давно нет, с ней покончено навеки. Я это заучил еще в школе, с этим и в университет поступил. Не может такого быть, чтобы усопший монарх вдруг проснулся и пожелал чего-то нового. Империя Вам нужна, Германская империя. Такая, какой хотят самые республиканцы, а то, пожалуй, и еще побольше размерами?

Да это невозможно хотя бы из-за внешней политики. Спорим на что угодно: Вы перепоясаться мечом не успеете, а союзники уже будут тут как тут! Американцы и русские миглом стакнутся, а французы с англичанами, и неважно, что вообще-то они грызутся хуже собак. И снова будут у нас оккупационные войска, сотни тысяч солдат, да-да, и в нашей земле. По обе стороны прозрачной границы. В точности, как после 1945, когда снайперы следили, чтобы никто не пробрался сюда, на Вас, например, посмотреть.

Да уже местные власти не дадут Вам шагу ступить, господин Барбаросса. Вы нашей жизни не знаете. Немцы сегодня совсем не те, что тысячу лет назад. Это факт, и даже самая прекрасная демократия тут ни при чем. Поймите: здешняя чиновничья кляча - не боевой конь, каких Вы знали когда-то. И разве поймете Вы что-нибудь в наших бюрократических баталиях?

Согласен: крестовый поход тоже не увеселительная прогулка. И все-таки наверняка он выматывает меньше, чем походы по нашим инстанциям. А без инстанций у нас ничего не двинется с места. Чтобы чиновник согласился Вас выслушать, ему нужно предъявить документы, и они должны быть в порядке. А документы Вам можно получить только через полицию. А в полиции от Вас потребуют заграничный или простой паспорт. Получить-то Вы его можете, но как бывший функционер высокого ранга определенно попадете в разряд последних засекреченных специалистов, и тогда Ваше существование, считайте, кончено. В каком я, надо заметить, очень сильно сомневаюсь! Мало, что ли, наши высочайшие персоны лоб морщили в свое время - а где все они сегодня?

Ну да ладно, хватит об этом. Важнее другое: как, по-Вашему, отнесутся люди к Вашему пробуждению? Народ, мир. Все, для кого немцы - все еще пугало.

Нет, профессор Биберцан ничего такого не говорит. Больше не говорит. Это мнение старого доктора Зоммера, он всего лишь доцент, и кафедры ему не видать как своих ушей. Думаю, он всегда терпеть не мог всего грандиозно-германского.

Ну вот, теперь Вы никак не реагируете. Кроме Германии, Вас ничто не устраивает - конечно, империя во всем великолепни. В стихах-то это звучит вполне безобидно, но если подойти к делу с точки зрения истории... Об этом я размышлять просто не берусь. И как бывший член

ССНМ, и как подрастающий молодой демократ, и как подающий надежды студент. И уж тем более - как влюбленный, как любящий человек!

Вы не ослышались: любящий. Строго между нами: вчера я познакомился с девушкой. Дебби. Дебора. Из Франкфурта-на-Майне, который в Ваше время был меньше нашего городка, хоть и не назывался курортом. Как наш «курорт Франкенхаузен». Но это неважно. Дебби из Франкфурта-на-Майне. Дебора... Красавица, как говорится, кровь с молоком. Это я для Вас, чтобы Вам легче было представить ее себе, и чтобы Вы сразу ее узнали, когда она придет. Потому что она будет здесь ровно в десять, вместе с родителями и еще двадцатью семью туристами из земли Гессен, которые сейчас живут в отеле «Штольберг», лучшем отеле нашего города и единственном, впрочем.

Вчера я позволил себе роскошь - сосиски с салатом. И Дебби по воле случая села за мой столик. Брюнетка, удивительно красивая, но мне все-таки не пришло бы в голову, что она из Франкфурта-на-Майне. Куда ни шло - из Франкфурта-на-Одере. Или из Дрездена. Да, скорей всего из Дрездена. И она тоже ела эти сосиски и засмеялась, когда я от испуга плюхнул себе на джинсы полную ложку горчицы. Почему от испуга? Потому что я втрескался в нее с первого взгляда! А она - в меня, наверняка, потому что она сразу перестала смеяться и посмотрела на меня так же странно, как я на нее. Но я все-таки не смел заговорить с ней, пока она не помогла мне вытереть горчицу с джинсов. Пятно, конечно, осталось, и кто его знает, когда я смогу купить себе новые джинсы. Стоят столько, сколько билетов на Сицилию и обратно.

Но прежде всего - о Дебби. Дебора. Из Франкфурта-на-Майне. И совсем, совсем не такая, как все прочие западные. Мы выпили шесть, нет, наверное, семь банок кока-колы и смотрели друг на друга так, точно праздник наступил, часа два, пока не вернулись с экскурсии по городу ее родители. И тут все кончилось, праздник, то есть. Все эти гессенцы пустились лопотать на своем диалекте, выставили привезенное с собой яблочное вино и даже сдвинули вместе столы, чего в «Штольберге» до сих пор не разрешалось никому, кроме профсоюзной делегации из Монголии. А теперь еще и средним предпринимателям из земли Гессен.

Папаша Дебби - шоколадный фабрикант, и он купил памятник на Кифхойзере. Да-да, Ваше Величество, купил памятник Вам, тот, что стоит на горе, бронзовый. Купил, конечно же, гипсовую копию в масштабе один к ста, их почти все туристы покупают, потом дома ставят на сервант.

Но у отца Дебби другое на уме: он хочет приобрести лицензию и отливать Вас из шоколада! Он считает, что Вы в таком исполнении завоюете весь мир и не уступите австрийским шоколадным шарикам «Моцарт». Отец Дебби не против участия в предприятии здешних фирм на льготных условиях налогообложения, принятых в странах ЕЭС. Или просто организует СП, даст 51% капитала. Или получит кредит в Гессенском земельном банке.

Но нам-то с Дебби на это наплевать. Чем больше ее отец горячился насчет прибылей, объемов производства и возможностей экспорта в развивающиеся страны, тем более притихшими становились мы. Мы с Дебби.

Да разве это тема для влюбленных: шоколадный старик Барбаросса, экспорт во все страны мира. Мне пришлось, конечно, дать отцу Дебби некоторые разъяснения об аллегорических фигурах Вашего памятника, пока что они бронзовые с патиной, но скоро превратятся в шоколадные. Отец Дебби, наверное, завел бы разговор и о старых вбранах, но тут ресторан закрылся. И я вообще-то был страшно рад, когда, наконец, дома, в постели смог спокойно подумать. Нет, не о Вас, Ваше Величество, я думал о Дебби. О Деборе. Чуть не до рассвета. Поэтому и не выспался. Ерунда, лишь бы она пришла и опять посмотрела на меня так, как вчера.

И вот хотя бы поэтому, Ваше Величество, не пытайтесь увильнуть. Если до городской администрации дойдут слухи, что здесь творятся мистические дела, то пещеру нашу, чего доброго, закроют. И Дебби не сможет сюда войти, а мне будет не выйти. То же самое, если Вам вздумается немножко прогуляться по городу и посмотреть на нашу нынешнюю жизнь. Нет уж: воскресший германский император на улицах Франкенхаузена - это, пожалуй, слишком для местного исторического мышления! Ведь мы только учимся демократии. *Учиться!* Заучивать наизусть! *Учиться, учиться и учиться!*..

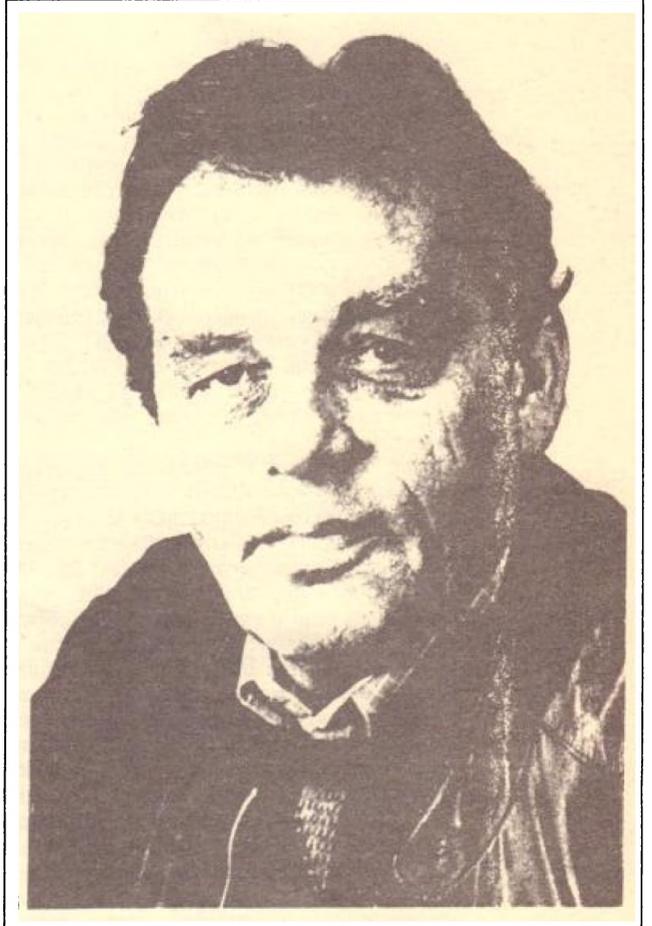
Кстати, я об этом сказал было отцу Дебби, но он как-

то сразу перевел разговор на Старого Фрица: мол, раз уж Старого Фрица опять начали лепить из фарфора или из гипса, то Вас вполне можно отливать из шоколада. Ну, хорошо, вероятно, у всех бизнесменов подход к истории несколько поверхностный, но все-таки Фридрих Великий - совсем не то же самое, что Вы. Нет, я не про то, о чем незадолго до нашего поворота с таким воодушевлением говорил профессор Биберцан: что прусский король, в сущности, представлял собой тип немца ГДР на руководящей должности. И что Пруссия в его времена вела себя так же глупо, как мы в пятидесятые и шестидесятые годы, когда даже в спорте нам нечем было похвастаться. И почти никто нас не признавал, как когда-то Пруссию. Это как-то сблизает. Общие у нас и шагистика, и бюрократия, и бедная природа, которая не радуется щедростью. Конечно, какое-то время придется нам довольствоваться тем, что есть. Да еще плохими дорогами, дрянной картошкой и многим другим из прусского наследия, не исключая и Фридриха Второго.

Вы - совсем другое дело! Вы и тогда были западным немцем, да и католиком, и здорово ориентированным на западную культуру человеком... До Вашей гибели на Востоке, а она, должно быть, неслабо дала по мозгам всем, кто тогда жил здесь. Потому что сразу покатились под гору Священная Римская империя германской нации...

То, что именно Вы унесли с собой в подземелье бывшее величие империи, сегодня едва ли кого-то кольшет. Да, наверное, не так уже грандиозно все было, иначе после Вас пришли бы все-таки более стоящие наследники. Ваш-то сынок и Генрих еще туда-сюда, Оттон Первый, Бисмарк - они тоже, до-моему, на что-то годились, а вот Гинденбург и потом Гитлер - тут кричи караул. Дед мой говорит: уж лучше два десятка мелких княжеств и герцогств, как оно частенько и бывало в нашей истории. Вместо огромного мощного целого пусть будет больше регионального. Но, конечно, не до такой степени, каким все было у нас до сороковой годовщины. Наверное, все было таким из-за того, что старина Эрих правил дольше, чем Вы или Старый Фриц. Но при нем, по крайней мере, каждому дозволялось быть счастливым на свой лад. Как и нам теперь, слава Богу.

Но одно остается - национальный вопрос. И, само собой, вопрос Вашего пробуждения. Поверьте, Ваше Величество: не разгони мы госбезопасность, тут сейчас кишмя кишело бы этих неприметных с виду. Как раньше на всевозможных дурацких шоу, если в них участвовал хоть один член политбюро. Вы не сделали бы и шагу, не попав в тот же момент под наблюдение бдительного ока. Два года назад я был в Лейпциге на спортивном празднике и захотел сходить в туалет. Так что же? Полтора часа промурыжили на допросе - а откуда мне было знать, что и верховный имеет кое-какие человеческие потребности? Потом все же разрешили справиться под присмотром малую нужду, хотя к тому времени глава государства давным-давно вернулся из клозета на трибуну. И мне после этого как-то совсем расхотелось поднимать и опускать вместе с остальными красный флажок, чтобы на трибуне складывалась гигантская надпись:

«Спорт свободен!» Мои функции взял на себя один из госбезопасности.

И даже эти люди сегодня не помышляют о величии новой Германской империи. Или все-таки?.. А вот это, пожалуйста, без меня. Тогда уж лучше пусть Вы у нас будете, Ваше Величество.

Хотя бы из-за того, что касается Дебби и меня - в смысле сегодняшней ситуации немцев и остального мира, и нашей любви, и курорта Франкенхаузен, и Франкфурта-на-Майне. Потому что все это остается проблемой, Ваше Величество. Нашей проблемой. Дебби и моей.

С Франкфуртом-на-Одере проблемы не возникло бы. Разве что с железнодорожным сообщением было бы туго. Но у меня ведь есть мопед. За пять, ну за шесть часов по автостраде я до Франкфурта-на-Одере всегда доеду. Во Франкфурт-на-Майне тоже проходит автострада, но я на ней уже натерпелся страху однажды, когда ездил в Хоф. Гоняют, как бешеные. Хуже всех наши «трабанты», мячат целыми стадами. Ах, да, Ваше Величество: «трабант» это германское демократическое средство передвижения мощностью в несколько лошадиных сил, производящее адский шум. Будь у Вас в свое время двадцать тридцать «траби», от одного их тарактения полчища турок бросились бы наутек. Моим мопедом никого не напугаешь, да мне этого и не надо. Мне ничуть не обидно, если меня обгоняют «мерседесы» или БМВ. Точно так же я не стыжусь, что полюбил дочь капиталиста. Бывшую классовую врагиню. Из-за такой истории три года назад меня вышвырнули бы из школы, и привет. Но вернемся к Франкфурту-на-Майне. Хорошо, началось бы все с приездов на выходные и каникулы. Одно неясно: на какие шиши покупать бензин? При нашей-то стипендии... А если я захочу пригласить Дебби в дискотеку, вышить кока-колы? Где взять денег? Ясное дело: родители дают ей на расходы, но гордость-то у меня есть. А значит...

Я, господин Барбаросса, замолчал вот почему: сейчас мне, честное слово, хочется, чтобы Ваше подмигивание не оказалось иллюзией. И чтобы вороны действительно исчезли. И чтобы Вы по-настоящему встали на ноги - одну ногу сюда, другую - туда... Да, конечно, я знаю, что это нереально, с точки зрения студента-историка. Но я-то ведь еще и влюбленный. В Дебби. Дебору. Из Франкфурта-на-Майне. Так как же мне не надеяться на чудо?!

Ох, если бы Биберцан меня сейчас услышал! Он бы живо списал меня со своего хорошего счета. Он ведь, кокетничая, утверждает, что привержен догмам и, как и прежде, исповедует диалектический и исторический материализм. Но теория - одно, а любовь - нечто иное. Совсем, совсем иное! Я прав, господин Барбаросса?

Странно: теперь Вы и не мигнули даже. Боюсь, мои отношения с Дебби Вас совсем не интересуют. Чего уж там, кого из властей предрержащих интересуют такие вещи. Двое из миллионов людей - для государственных деятелей это мизер. Ну а если в самом деле у этих двоих серьезные отношения, а живут они во Франкфурте-на-Майне и во Франкенхаузене? Что делать-то?

Господи, теперь он ухмыляется! Только не это, Ваше Величество! Раз смеется, значит, проснулся окончательно. Хорошо, но кому это нужно? Ведь что начнется в Германии!..

Где все мы говорим почти на одном языке, играем в скат, едим сосиски с капустой и чтим Лютера, и празднуем день святого Николая, и расплачиваемся марками и пфеннигами, и у нас одна Эльба, и Гарц, и Фауст, и Штрувель-Петер, и Петер Шрайер, и Оттон, и...

Вы, кажется, засмеялись, господин Барбаросса?

Да ведь это ничего не доказывает! Биберцан совсем недавно объяснял нам, что единая Германия, примерно в Вашем понимании государства, просуществовала всего шестьдесят девять лет, а не тысячу двести, как надеялись. Все остальное время - раздробленность, раскол. Вот такая и группа, вроде кубиков, с точки зрения всего остального мира, если только она вообще интересует весь мир. И попытки что-то собрать из кубиков обычно кончались сочинением еще одного национального гимна. И в лучшем случае можно было взять от одного гимна музыку, а от другого слова. Но странное дело: оба гимна отлично ложатся на мелодию бетховенской «Радости» из Девятой симфонии...

Вот я все болтаю да болтаю, а Вы тем временем... Потягиваетесь?! Господи, помилуй! Ваше Величество, сидите на месте! Уже почти десять часов, сейчас экскурсанты явятся! Если Вы встанете и уйдете, они подумают, что их надули! Что Вас, чего доброго, продали за

границу как антиквариат, вместе со многими вещами из нашей переставшей существовать страны.

Пожалуйста, не выдергивайте бороду из столешницы. Когда подгулявшие на масле ребята ради шутки надели Вам на голову ночной колпак, в городском совете тотчас организовали штаб по чрезвычайному положению. И он, наверное, не распущен, хотя с тех пор и не устраивал собраний. Ни до, ни после Октябрьской революции - *нашей*, здешней, революции в курорте Франкенхаузен, где вообще-то, как ни кипят страсти, все кончается мирно. Но какая каша может завариться теперь!..

Гораздо хуже, если в результате Дебби не захочет меня знать. Хотя, на самом деле, ей на все это наплевать, вчера она вскользь заметила, что главное - не государство, не нация, а Земля. И люди на Земле, каждый отдельный человек. И двое - пара, семья. И только потом уже - народ и весь мир.

Ну, а что я-то знаю о мире? Да много всякой всячины, конечно, но по большей части только из книг и понаслышке. Дебби побывала уже в Австралии и в Китае, частые поездки в Амстердам и Инсбрук она вообще не считает за путешествие. Села да поехала на выходные. Запросто. А ей всего восемнадцать. И без всякого там официально организованного обмена молодежными туристскими группами. Так, как мы в лучшем случае по одному разу могли до сих пор съездить в Оберхоф или Закопане покататься на лыжах.

Мир, он, конечно, существует, но до вчерашнего дня меня это не волновало. Хотелось получше узнать наше, германское. И еще Прагу. И Москву. И - с недавних пор - Любек. И Западный Берлин. Жизнь-то везде одинакова, и повсюду сплошные чудеса, везде, кроме нашего Голиса, хоть и написал Шиллер свою «Оду к радости» именно здесь, у нас. Но когда тащиться домой после дискотеки и на душе тоска, и все в городе спят... Вот как и Вы, господин Барбаросса.

Я ведь не ошибся: Вы по-прежнему спите? Несмотря на то, что вороны улетели? А ведь в легенде и в поэме четко сказано: только в воронах вся загвоздка. Теперь то воронов нет...

Бросьте Вы думать об этих воронах. И все здешние о них тоже позабудут и наверняка порадуются, что настала наконец тишина. Возможно, какие-нибудь вороны у нас снова заведутся, прилетят из окрестностей Мерзбурга. Ведь наш Кифхойзер - настоящий курорт по сравнению с этой химической свалкой. Так что в один прекрасный день вороны снова начнут летать над горой и каркать, как будто ничего и не было. Вот именно, ничего не было. Ничего?..

Вот только Дебби и я... Что значит «только»? Если однажды дойдет до того, что мы всерьез задумаем пожениться... То что? Одному из нас придется выбирать между Франкфуртом-на-Майне и Франкенхаузеном...

Какие шансы у меня на Западе, при моем-то мировоззрении? Про диалектический и исторический материализм лучше вообще не заикаться. И даже если я все это разом пошлю к черту, Франкфурт-на-Майне останется Франкфуртом-на-Майне. Спорим, господин Барбаросса, на что угодно: даже к *Вам* в этом городе отношение совсем другое! Да и *хочу* ли я пуститься в такие передрыги?.. Изучать историю везде можно, это факт. Но ведь хочется и самому историю делать! Здесь вопрос идентификации, как говорит Биберцан.

Ладно, хорошо: допустим, у отца Дебби шоколадная фабрика. Он же вчера вечером объяснил как дважды два: фабрика - семейная собственность, и он надеется, что когда-нибудь его зять станет отличным хозяином предприятия. В шоколаде любой дурак разбирается, вернее, тот, у кого есть голова на плечах и, ха-ха, любовь к сладкому. Понятно, отец у Дебби славный, он хочет лишь одного - чтобы его дочь была счастлива. Но *мне*, выходит, на всю жизнь обеспечено премилое занятие: отливать *Вас*, Ваше Величество, из шоколада... Вы видите, господин Барбаросса, опять нашел на меня этот дурацкий страх!

Но еще страшнее было бы, если б Дебби решила остаться здесь. Стоит только вообразить, что она работает в нашем магазинчике, бывшем кооперативном, или не работает, а просто что-то покупает... Или как она летом приезжает в наш палаточный кемпинг... Нет, к таким красотам надо быть привычным с детства, если хочешь получить от них хоть какую-то радость. Или, по крайней мере, не подохнуть с тоски - как на многих наших общественных увеселительных мероприятиях. Хочешь -

не хочешь, а нужны годы, чтобы мы вышли из переходного возраста.

Ну а я? Как я-то впишусь в западный деловой мир? Что ни день - стрессы, то на бирже курс падает, то Jetset*, а на выходных изволь торчать в смокинге на каком-нибудь важном приеме, и при всем этом вечный страх, как бы не прогореть... Где гарантия, что на Вас, господин Барбаросса, будет такой же спрос, как на шарик «Моцарт»? Как пойдет на мировом рынке шоколадный германский император? И как Дебби начнет относиться к парню, который сам не знает, где его место?

А разве устроит Дебби наша «Саксонская Швейцария» взамен Таити, куда ей, может быть, захочется слетать? И вечно, изо дня в день - капуста и венгерский перец. А ведь она, может, скоро забеременеет, и ей, как фройляйн Матерна, захочется баклажанов. Баклажаны в нашем бышем кооперативе - да такое и во сне не приснится! Или платье, вроде того, что было на ней вчера - легкое, как пена, более пестрое, чем вся «Крестьянская война» нашего Тюбке!

Только когда обдумаешь до конца, на что надеешься... Да, господин Барбаросса, даже Вам тут не найти решения. Что-то мало-мальски стоящее и без Вас срабатывает, а то, что ни к черту не годится, мы должны переделывать самостоятельно. Каждый в своем доме. Или там, где он на самом деле хочет жить. Я лично хотел бы жить в Лейпциге, хотя, если не считать университета, все там довольно паршиво. Нет, разумеется, не вечно все так будет - но на наш-то с Дебби век хватит, мы успеем состариться и поседеть...

Как ни крути, история вытворяет, что хочет, говорит профессор Биберпан, когда хлопнет рюмашку. Да, тут у него вдруг прорезывается воображение, хотя, правда, довольно странного рода... Эх, наверное, все-таки когда-нибудь расскажу ему о том, что произошло тут с Вами. И спрошу, каким ему видится будущее Германии. Но сперва ему надо будет как следует накачаться. Как прошлой осенью, когда он, говорят, в лейпцигском «Кофейном дереве» после демонстрации надрался и запел: «Пусть император наш Вильгельм опять вернется к нам...» А может, Вы вернетесь, Ваше Величество?!

Ага, Вы снова подмигнули. Ну, и то дело. А вот включу-ка я подсветку... Одну секунду, Ваше Величество.

Ваше Величество! Господин Барбаросса! Где Вы!!!

Ну, дела! Да он же только что вот здесь сидел! Точно! Каменное изваяние природного происхождения, объект

*Jetset (англ.) - международная категория очень богатых и социально преуспевших людей, которые проводят время в путешествиях и на модных курортах.

поэтического и устного народного творчества. А теперь?..

Нет его! Нет - и все! Что, если он явится в окружную администрацию или в магдебургское земельное правительствo? А может, и вообще - в Берлин?! Бог ты мой, да как же людям-то это объяснить? И профессору Биберпану? А ведомству охраны памятников? А штабу по чрезвычайному положению? А отцу Дебби? Моей сестренке? И, когда-нибудь, моим детям, - недось, что это будут наши с Дебби дети...

Сколько страхов разом на мою голову...

Остается надеяться, что я заснул, что все это мне снится, что вот сейчас я проснусь и увижу: и со мной, и с немецкой историей полный порядок, и со стариком Барбароссой тоже. Надеюсь, еще и с моим дедом, с его ревматизмом. Хоть бы как-то все утряслось, тогда на остаток каникул уеду к морю, наймусь в спасатели. Но если я и правда сплю и вижу сон, значит, Дебби нет! Господь милостивый, нет Дебби?..

Ф-фу, отлегло: вот же на джинсах пятно от горчицы. Значит, есть Дебби. Слава Богу, есть. И я на месте. Что дальше?

Ах, да откуда мне знать? Что я вообще понимаю, несмотря на «поворот» и всю эту «нахлынувшую новизну»... Нет, так называли положение раньше. Даже Биберпан теперь просто говорит: «современность». Но чтобы такое произошло?..

Ведь проснулись Вы действительно или нет, хотите Вы снова встать у руля или навсегда исчезли, или я просто, включив подсветку, забрел сдуру в соседнюю пустую пещеру, - все это неважно, а вот что станет с Дебби и со мной, вот это в тысячу раз сложнее, чем вся мировая история вместе с немцами на обоих берегах Эльбы. И вместе с Вами, Ваше Величество. Как?! Ну, слава Богу, Вы снова здесь. На своем месте. Надежный, каменный. И притом обалденно романтичный.

Старик седоволосый на троне и в венце,

Наш Фридрих Барбаросса в подземном шит дворце...

Ну, все, я побежал - в «Штольберг», за Дебби, домой за мопедом. Решено: мы едем на Балтику. Черт с ними, с сомнениями - спасатели везде нужны, факт. Будь я тогда с Вами на той реке, кто знает, какой поворот произошел бы в германской истории!

Но сегодня, мне кажется, мы будем делать историю без Вас и совсем, совсем по-новому. Прощайте, господин Барбаросса.

Журнал "ВСЕМИРНОЕ СЛОВО" выходит на 88 полосах большого формата, в цветной обложке, с рисунками и фотографиями. Периодичность издания - один номер в три месяца. Нумерация журнала - сквозная, независимо от года выпуска. Подписной индекс издания в России - 78550.

Подписаться на "Всемирное слово" можно с любого номера за текущий год на четыре очередных книжки. Стоимость журнала для зарубежных подписчиков: 40 долларов США за комплект из четырех книжек, включая их почтовую пересылку из Санкт-Петербурга по адресу подписчика.

Стоимость подписки для получателей в России (до конца 1994 года) - 6000 руб. за четыре номера без стоимости почтовой пересылки, которая осуществляется наложенным платежом из Санкт-Петербурга по адресу подписчика. В розницу журнал поступает в крайне ограниченном количестве по договорной цене.

Для международной подписки на журнал "Всемирное слово" необходимо: перевести банковским платежом 40 долларов США на валютный счет редакции по адресу: Skandinaviska Enskilda Banken, 8, Kupfstraedgardsgatan, S-10640, Stockholm, Sweden, For St. Petersburg Credo Bank USD Account NO: 5553-82 00051 In Favour of: Vsemirnoe Slovo Account NO: 670809218, Международная подписка.

Для подписки по России и странам рублевой зоны СНГ необходимо: выслать почтовый перевод на

сумму 4800 руб. за комплект из четырех книжек журнала по адресу: 190000, Санкт-Петербург, Главпочтамт, расчетный счет: 7009218 в СПб филиале "Кредо Банк", к/с 800161573 в ЦРКЦ ГУ РФ по СПб МФО 161002, подписка на "Всемирное слово".

Подписчики должны также сообщить письмом, почтовой открыткой или факсом имя, фамилию, почтовый адрес получателя, дату произведенного банковского платежа или почтового перевода по адресу: Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная 18, редакция "Всемирного слова", телефакс (812) 112-47-24.

Получив сообщение об адресе подписчика и подтверждение платежа, редакция обязуется выслать получателю очередной номер журнала "Всемирное слово" за текущий год, карточку-абонемент на следующие три номера, а также условия продления годовой подписки на будущее.

Все вопросы по оформлению подписки можно направлять по адресу редакции.

Мы надеемся, что знакомство с российским международным журналом "Всемирное слово" не разочарует вас. Если вы хотите получить концентрированное и разностороннее представление о культурных, художественных и общественно-политических процессах, совершающихся на исходе XX века в России и в мире, -

читайте журнал "ВСЕМИРНОЕ СЛОВО"!

У советских детей еще недавно был в моде такой популярный стишок:

*У Лукоморья дуб спилили,
Кота на мясо зарубили,
На переплавку цепь пошла,
Русалку в бочку засолили,
А тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля.*

Взрослая жизнь как в зеркале отражается в детском фольклоре. Анонимный автор таких стишков, сочиняя и пересказывая их, вырывается на свободу - из достаточно неуютных мира и быта, в которых живет, из взрослой морали, из пут навязанных идеологических ценностей.

Интересно, из чего «вырывается», скажем, шведский ребенок в своем детском «черном юморе»?

*Все дети стоят и смотрят в печь,
кроме Рут,
которая смотрит из печи.*

*Все дети учатся ходить под парусом,
кроме Петера,
который лежит на дне.*

*Все дети с удовольствием смотрят
порнофильм,
кроме Пера,
у которого мама играет в фильме.*

Страх, доведенный до абсурда, уже не страх, а смех. На это и «работает» детский черный юмор: на разрушение стереотипов поведения и мышления. Собственно, этому служит вся настоящая детская литература. И об этом-то, в частности, и шел разговор на семинаре детских и юношеских писателей стран Балтии - 28 февраля 1993 года на борту «Константина Симонова».

В детской прозе и поэзии разных стран, как известно, широко разрабатываются мотивы и приемы фольклора. С неожиданного «перевертыша» началась и работа семинара. Мы и шведы, не сговариваясь, придумали темы для дискуссий. Шведы: «Детская книга в меняющемся мире». Мы: «Меняющийся мир в детской книге».

Оказалось, в этом перевертыше отразились два принципиально разных подхода к детской литературе. Наших зарубежных коллег (естественно, не только шведов) волновала прежде всего «живучесть и выживаемость» детского писателя, и вопрос, может ли он жить литературным трудом, стоял во главе разговора, подготовленного профессором Стефаном Мельквистом и поэтессой Биргитой Гедин.

Мы же, по своей склонности не слишком-то обращать внимание на жизнь и быт самого писателя, рассуждали на темы, близкие и понятные именно нам: о патриотизме и христианских ценностях, об истории и «феминизме», о Великой утопии детства и детском юморе...

А потом оказалось, что важно все. И когда Харри Йыгисалу рассказывал о Балтийском море в эстонской детской литературе, то это было наше общее море с нашими общими радостями и бедами. А когда поэт Дитер Мюкке рассказывал о катастрофе, которая произошла со знаменитыми детскими издательствами ГДР после воссоединения страны, то это были зловещие блики и наших пожарниц.

Михаил ЯСНОВ

Во время круиза мы жили в одной каюте «детских писателей». Мы - это поэт Сергей Махотин, художник Леонид Каминский, переводчик Леонид Цывьян и автор этих строк. Это единство - поэт, художник, переводчик - красноречивый символ сегодняшней детской литературы.

Надежда открывает двери в будущее.

Пока же я хочу представить трех участников детского семинара, трех поэтов, и хотя детская поэзия, увы, все еще ходит в

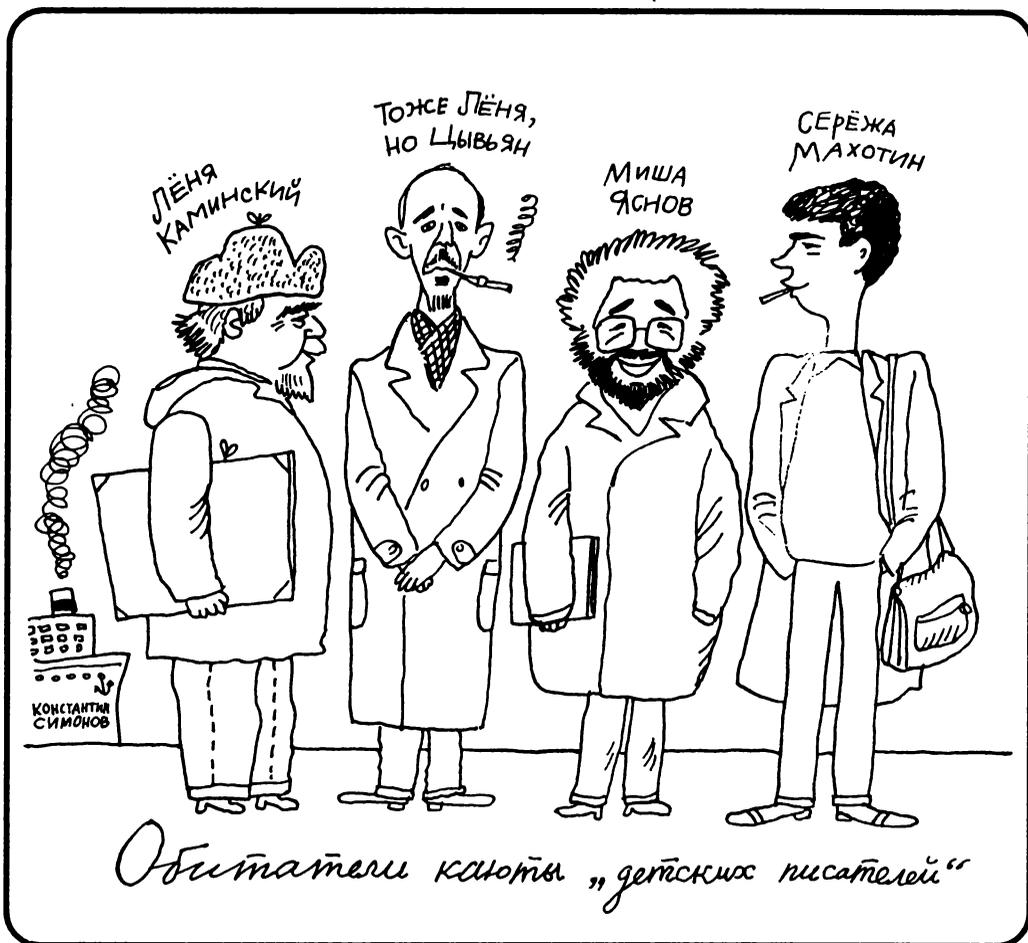
*У
Лукоморья
дуб...*

Когда же профессор Мария Николаева и директор Шведского института детской литературы Соня Свенсен показывали нам сокровища этого удивительного института, то, кроме естественной зависти (нам бы такую любовь государства к детским писателям!), росла наша уверенность в том, что достоинства и нашей детской литературы уникальны и что общая программа, особенно издательская, могла бы помочь многим детским писателям Балтийского региона укрепить свою литературную репутацию.

Золушка по волшебному царству литературы, но лиричность, доброта и юмор детских поэтов заставляют все с большим оптимизмом думать и говорить о завтрашнем дне.

Во всяком случае, у шведки Биргиты Гедин, латыша Яниса Балтвилкса и петербуржца Сергея Махотина большая аудитория юных читателей и слушателей.

Все-таки в меняющемся мире нам не выжить без детской книги - как и самому меняющемуся миру не обойтись без нее.

Янис БАЛТВИЛКС

МЕЖДУ МОРЕМ И ЗЕМЛЕЙ

Морю
чайки рассказывают о земле:
о хвостиках острых,
о полянах пестрых,
о зверях мягкошерстных,
и о нас,
о наших братьях и сестрах.

Земле
чайки рассказывают о море:
о зюйдах и остах,
о рыбах длиннохвостых,
о мерцающих звездах,
и о далах,
где сливаются волны и воздух...

ВЕСЕННЕЕ УКРОЩЕНИЕ

Укрощают в скверах
Тополя и клены -
Подрезают ветви,
Словно крылья птицам,
Чтоб деревья наши
В лес не улетели,
Чтобы не остался
Город без деревьев.

ДВОЙНАЯ ЛЕСТНИЦА

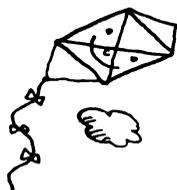
Вверх по зеленой лестнице
из мглы подземных троп
весной трава взбирается:
топ-топ,
топ-топ,
топ-топ!

И вниз по серой лестнице
во мглу подземных троп
трава уходит осенью:
топ...
топ...
топ...

ЛЕТУЧИЙ ЗМЕЙ

В крону липы
возле дома
залетает воробей,
залетает пеночка
и летучий змей.

Улетает пеночка
мошек поклевать.
Улетает воробей
крошек поклевать.
Лишь один летучий змей
никуда не улетает -
видимо, останется
перезимовать.

Биргита ГЕДИН

ГЛАВНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Не хочу
ни большую,
ни маленькую игрушку -
больше всего хочу я
маленькую зверушку.

Ну, к чему мне игрушки?
И всякие там обновки?
Хочу прижаться к зверушке
и гладить ее по головке.

ДЕДУШКА

Летом, на острове, солнечным днем,
я все забываю - и школу, и дом.

А шумной зимою, среди снега и льда,
от летнего острова нет и следа.

Но знаю: он есть! Закрываю глаза я -
и вижу его, день за днем вспоминая.

Так дедушку я вспоминаю порой -
он умер, мой дедушка, старенький мой.

И вроде бы есть он - и вроде бы нет его:
он вроде далекого острова летнего.

ШКОЛА

Все меня спрашивают,
как мне живется в школе.

Самое страшное -
это рассказы о прокаженных,
Фрёкен Фастборг
и то, как был распят Иисус.

Я боюсь
прокаженных,
а фрёкен Фастборг
говорит, что евреи распяли Христа.

Мой папа еврей,
и дедушка с бабушкой тоже евреи,
я люблю их сильнее всего на свете
и сильнее всего жалею
распятого Иисуса.

Подумать только,
ведь его собственный папа
не помог ему и пожелал,
чтобы сын его умер.

Теперь-то ясно,
что Бог-отец
должен простить всех грешников в мире.

Иначе
сможет ли он когда-нибудь
простить себя самого?

КОГДА-НИБУДЬ

Ничего нет
такого большого,
что когда-нибудь
не кончилось бы.
Всему
приходит конец.
Даже мыслям.

НА САМОМ ДЕЛЕ

На самом деле ужасно скучно
бороться с самим собой,
если об этом никто не знает.

Сергей МАХОТИН

РУЧЕЙ

У реки волна - речная,
У ручья волна - ручная

У лесной тропинки
Мы к ручью присядем,
И по мокрой спинке
Мы волну погладим.

ПЛАСТИЛИНОВЫЙ ПЕС

Не сердись на меня,
Пластилиновый пес:
Получился кривым
Пластилиновый нос,
Пластилиновый хвостик
Висит как шнурок,
И немного помят
Пластилиновый бок.

Я потом, может быть,
Тебя снова слеблю.
А сейчас я тебя
И такого люблю.

ПЛОХАЯ ПРИВЫЧКА

Крошил я горбушку,
И мама, вздыхая,
Сказала, что это
Привычка плохая.

Тогда из фанеры
Я сделал кормушку.
В нее докрошил я
Ржаную горбушку.

И стала хорошей
Плохая привычка.
Приятного вам аппетита,
Синичка!

Вы - скандинавская детская писательница, которая по количеству проданных книг занимает второе место после Ханса Кристиана Андерсена, не так ли? Сколько произведений Вы опубликовали до сего времени?

- Всего 34, не считая книжек-картинок.

- Можете ли Вы сказать, в скольких странах были переведены Ваши книги?

- Я думаю, будет яснее, если я скажу, на сколько языков они были переведены.

- О нет! Я вообще не стану утверждать, что Пеппи - самая любимая из моих героинь. Хотя характер ее мне импонирует. И потом мне кажется, в этой девочке есть что-то такое, что привлекает к ней симпатии детей в самых разных странах.

- И мальчиков, и девочек в равной степени?

- О да! Тут разницы никакой нет. Что же касается меня, то мне больше по душе другие мои книги. Например, три книги об Эмиле. Или повесть о братьях Львиное Сердце. Или, наконец, последняя моя книга о Рони, дочери разбойника. Все эти произведения нравятся мне куда больше, чем

ПЕППИ БЫЛА ГЕРОИНЕЙ ИСТОРИЙ, ПРИДУМАННЫХ ДЛЯ ДОЧЕРИ

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ

ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТОЕ

ДАТСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ

АЛЛАНОМ МОРЕЕМ

ВИЛЬЯМСОМ

У АСТРИД ЛИНДГРЕН,

ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

ИЗ ШВЕЦИИ,

АВТОРА КНИГ О ПЕППИ

Astrid Lindgren

АВТОШАРЖ АСТРИД ЛИНДГРЕН

Всего на 54 языка. Само собою, это не значит, что все мои книги имеются на этих языках. Но, по крайней мере, какую-нибудь одну наверняка можно найти на каждом из них.

- Не стремитесь ли Вы, по примеру многих других писателей, выпускать каждый год по новой книге?

- Ну нет! В год по новой книге - так у меня не получается. Я ведь еще работаю над фильмами и пьесами для театра. Последняя из моих книг вышла в 1982 году, а предыдущая в 1976 году. Так что, как видите, интервал между ними был весьма значительный. Когда я была помоложе, то действительно каждый год выпускала новую книгу. Но с возрастом пропадает желание писать чересчур много. А в моем возрасте, наверное, и невозможно сочинять ежегодно по новой книге.

- Мне кажется, среди иностранных читателей Вы прославились главным образом как автор книг о Пеппи. А как Вы сами к ним относитесь? Вы тоже любите их больше остальных? Или, может быть, Вы предпочитаете какие-либо другие Ваши книги?

книги о Пеппи.

- В какой степени отразились в Ваших книгах события Вашей собственной жизни?

- Я написала трилогию, в которой речь идет о селении Бюллербю. Эти три книги навеяны воспоминаниями о годах моего детства. То есть, я хочу сказать, что также выросла в семье сельского жителя и мы все очень счастливо жили в таком же маленьком селении, как Бюллербю. Так что тут действительно многое было взято из моей жизни. Но вообще-то в моих книгах все вымышлено.

- Стало быть, Пеппи - это вовсе не Ваш собственный портрет в детском возрасте?

- Нет, ни в коем случае! Конечно, здесь описаны кое-какие мои поступки, которые я совершала, будучи ребенком. Но все почему-то требуют от меня признания, будто Пеппи - это я. А я категорически отрицаю это. Я никогда не обладала таким решительным характером, как эта девочка. Я вовсе не росла в зажиточной семье и не была столь самостоятельной и независимой от взрослых, как она.

Астрид ЛИНДГРЕН

- У Вас есть братья и сестры?

- У меня был брат и две сестры.

- У нас на датском телевидении демонстрировались некоторые из фильмов, сделанных в Швеции по Вашим книгам о Пеппи. Вполне ли Вы удовлетворены этими фильмами?

- Ну, «вполне» - это чересчур сильно сказано. Однако, на мой взгляд, создатели фильма извлекли из материала все, что могли. Ведь книга - это книга, а фильм - это фильм. Между ними очень большая разница. Впрочем, повторяю, особых претензий у меня к этим фильмам нет, да и детям они очень нравятся, насколько я знаю.

- Многих наверняка интересует Ваше мнение о современной детской литературе. У нас в Дании в последние годы шли очень любопытные дискуссии о превосходстве традиционной романтической литературы для детей над так называемой реалистической литературой.

- Да, у нас в Швеции тоже были споры на эту тему.

- Верно. И шведская писательница Гуни-ла Амбьернссон нападала на Ваши книги за их излишний романтизм? Не так ли?

- Да, это так. Но представьте, когда я недавно встретила с ней, то выяснилось, что она уже и не помнит об этих своих упреках. Как видите, мода опять переменилась. Несколько лет назад критики убеждали нас, что мы должны рассказывать детям о том, как жесток окружающий нас мир, как трудна жизнь и как нелегко оставаться в этой жизни человеком. Ну, и так далее. Они утверждали, что если дети будут заранее подготовлены к суровой действительности, то это сделает их сильнее и поможет выстоять в борьбе с трудностями, которые встретятся на их пути. Но я-то как раз всегда думала иначе. Я убеждена, что если в человеке с самого начала воспитать чувство уверенности в себе, то ему легче будет выносить удары судьбы, которые, несомненно, подстерегают его в будущем. Знаю ли Вы имя Туве Янссон, финской писательницы, автора знаменитых книг о мумитроллях? Так вот она где-то сказала, что для человека очень важно, как он встретит утро. Нам не хочется сразу же начинать день с мыслей о тех заботах и трудностях, которые нас ждут. И Туве Янссон говорит, что детство - это утро нашей жизни и мы должны сделать его для детей по возможности безмятежным, а не взваливать на них заботы, с которыми им пока еще не под силу справиться. Но вообще-то я терпеть не могу, когда писателю начинают указывать, какими должны быть его книги. Я в таких случаях всегда говорю: «Книги должны быть хорошими - вот и все!» Другого ответа у меня нет. Нельзя ничего привносить в книгу только лишь в угоду взрослым критикам. Я никогда никого не спрашивала о том, как мне писать мои книги, и ничего не исправляла в них, чтобы подогнать их под общепринятый стандарт.

О ЧИТАТЕЛЯХ Я НЕ ДУМАЮ

- Значит, Вы не относитесь к числу писателей-моралистов? И совершенно не ду-

маете о том, какое влияние окажут на читателей Ваши книги?

- Я вообще не думаю о своих читателях. Просто надеюсь, что книги мои человечны, демократичны, смогут научить детей терпимо относиться к другим людям и так далее. Но я, в сущности, пишу главным образом для самой себя, чтобы себя порадовать. Ну, а если при этом мои сочинения доставят радость и маленьким читателям, то я буду просто счастлива. И похоже, что так оно и есть; во всяком случае, кое-кого из них они и впрямь радуют.

- Знаете ли Вы датскую писательницу Сесиль Бёджер?

- Да, это очень хорошая писательница.

- Должен признаться, что я не читал ее книг, однако слышал разговоры о том, что герой ее рассказов, мальчик Силас, обрисован ею с излишней жесткостью.

- Да, в известном смысле это так и есть, но вместе с тем это не производит впечатления, будто писательница здесь намеренно пропагандирует жестокость. Есть другие датские книги для детей, куда более жестокие. Это ужасные, прямо-таки патологически жестокие книги. Я была консультантом в одном шведском издательстве, и по роду своей работы мне приходилось читать подобные книги и отвергать их, поскольку я не видела ни смысла, ни оправдания для их публикации.

- Знакомы ли Вам книги Инге Крог? Она принадлежит к числу так называемых социально-реалистических авторов. Эта писательница, как правило, пишет о детях из расставшихся семей, об одиноких матерях и так далее. В ее книгах всегда затрагиваются такие проблемы.

- На мой взгляд, книги такого рода тоже имеют право на существование. Нужны книги, в которых, к примеру, рассказывалось бы о том, каково живется ребенку, родители которого разведены. Таких детей сейчас много, и им полезно будет прочесть о сверстниках, судьба которых похожа на их собственную. Впрочем, с произведениями Инге Крог я незнакома и поэтому судить о них не могу.

- А есть ли среди зарубежных детских писателей те, кто Вам особенно нравятся?

- Да, безусловно. В Англии, разумеется, много таких авторов. Милн, например. Помоему, его книги про плюшевого медвежонка - это лучшее, что когда-либо было написано для детей. Читала я и многих других детских английских писателей, которые мне очень понравились, но, к сожалению, сейчас не могу припомнить их имена. В Германии также есть одна прекрасная, на мой взгляд, детская писательница. Это Кристина Нёстлингер.

- Есть еще одна проблема, которая волнует людей во многих странах. Это вопрос о том, какова будет судьба детской книги,

которая испытывает все более сильную конкуренцию со стороны телевидения, видео, комиксов, различных других форм электронных программ? Сможет ли вообще хорошая детская книга выжить в таких условиях?

- Надеюсь, что сможет, но полагаю, что для этого потребуются та или иная помощь. Государство и все, кого волнует судьба детей, должны что-то предпринять для того, чтобы дети читали книги, а не проводили все свое свободное время у телевизора. Я уже не говорю об этих кошмарных видео, которые просто ненавижу. Это чудовищно, что дети могут свободно пойти в какую-нибудь лавчонку и взять напрокат видео-

- О да, прекрасно гармонируют. Мне всегда удивительно везло на иллюстраторов.

- А как, по-вашему, нужно ли вообще снабжать детские книги иллюстрациями?

- Есть дети, которые не любят иллюстраций. Им нравится во время чтения рисовать в своем воображении собственные картины происходящего в книге. Но я считаю, что хорошие иллюстрации оказывают на читателей огромное воздействие. Я вспоминаю, как однажды мне попала в руки книга, которая была у меня в раннем детстве. Я стала взрослой, и эта книга совершенно изгладилась у меня из памяти. Но когда мой взгляд упал на картинки... О, как я была тронута, увидев их снова! Да и иллюстрации эти были не так чтобы очень хороши. Просто в детстве они произвели на меня неизгладимое впечатление. Да, я убеждена, что иллюстрации в детских книгах вещь хорошая.

- Знаете ли Вы датских книжных иллюстраторов Иба Спанга Ольсена и Отто С.?

- Да, я знаю их обоих. Это очень хорошие художники.

- Вы писали книги для детей всех возрастов вплоть до 16 лет. Каков, по Вашему мнению, должен быть оптимальный размер детской книги?

- Трудно сказать. Не думаю, что тут можно делать какие-либо обобщения. Конечно, вряд ли малыши смогут одолеть книгу в 300 страниц или около этого. Одного лишь я не терплю и ни разу не допускала. Это когда издатель, который придерживается определенного стандарта, говорит автору: «Объем Вашей книги должен быть таким-то».

- Мне кажется, все-таки легче выпускать сокращенные издания классиков, например, «Робинзон Крузо» и «Путешествие Гулливера».

- Да, потому что они предназначены для взрослых. У нас в Швеции также имеются издания классиков, адаптированные для детей. Я помню эти издания еще по нашей школьной библиотеке. Я очень любила эти книги и перечитала их все до единой. Не думаю, что я сумела бы их одолеть в те годы, если бы они были изданы в полном объеме.

- А теперь выпускают кассеты с детскими книгами. Что Вы об этом думаете?

- Не все ли равно, что я об этом думаю, раз это уже свершившийся факт! По всем моим книгам, как Вам известно, сняты фильмы, и фильмы эти имеются в кассетах. Есть также кассеты, в которых я сама читаю свои книги.

- Вы их сами читаете?

- Да, я ведь много читала на радио, и записи есть в кассетах.

- У Вас очень красивый голос. Но должны ли вообще книжки для детей на радио читать актеры?

кассету с фильмом, до такой степени напичканным сценами жестокости, что это ничего, кроме вреда, ребенку не принесет.

- Могут ли школьные учителя что-то предпринять, чтобы воспрепятствовать этому?

- Да, бесспорно могут. К тому же я уверена, что любовь к чтению у большинства детей никогда не исчезнет. Так что, думаю, хорошая детская книга всегда будет существовать.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- А как обстоят дела с иллюстрациями к Вашим книгам? Их всегда иллюстрировал один и тот же художник?

- Их у меня было всего четыре. В 1982 году в одном из старинных замков Швеции была организована выставка, на которой демонстрировались мои книги и работы иллюстраторов к ним.

- Гармонируют ли эти рисунки с Вашими текстами?

ХУДЖНИК ЛЕВ ТОКМАКОВ

- Я часто слышала, как многие писатели говорили, что свои книги всегда следует читать самим. Об этом же просят и дети в своих письмах. Так что на шведском радио читать мои книги никого, кроме меня, не приглашают.

- Книги для детей непременно должна читать женщина?

- Нет, отчего же. Мужчина тоже может прекрасно их читать. Но когда читает актер или актриса, то они часто переигрывают. Мне бы хотелось, чтобы они читали более естественно.

КОМИКСЫ

- А как насчет комиксов? Не снижают ли они уровень детской литературы?

- Мне кажется, надо позволить нашим детям читать и такие книги, которые не обязательно относятся к литературе высшего сорта. Пускай читают и комиксы. Они, конечно, бывают подчас и глупые, но все же, как видно, отвечают каким-то ребячьим потребностям. К тому же можно надеяться, что, начав читать комиксы, дети впоследствии перейдут к более высококачественной литературе.

- Пусть даже читают про Утенка Андерса?

- А почему бы и нет? Пускай себе читают про Утенка Андерса. Раз они его любят!

- Мой младший сын, ему 12 лет, читает про Утенка Андерса, и книги Толкиена.

- Да, у детей в этом смысле весьма широкий диапазон, и мне кажется, надо позволить им читать все, что они хотят.

- В Норвегии есть клубы детской книги.

- Да, в Швеции тоже есть такой клуб.

- Вы считаете, что это стоящее дело?

- Я недавно была в Осло по приглашению одного из клубов детской книги. Они организовали семинар, на котором выступали молодые школьные учителя. Они говорили о видео, обсуждали также другие проблемы. Видно было, что они очень заинтересованы в том, чтобы дети читали именно те книги, которые им следует читать. То же самое происходит и у нас в клубе детской книги в Швеции. Он создан позднее, чем норвежский клуб, однако уже немало сделал для того, чтобы заинтересовать детей самой популярной книгой месяца.

- И качество таких книг достаточно высокое?

- Не всегда. Думаю, среди них немало хлама. Но клуб пытается приблизить к читателю и по-настоящему хорошие книги.

- У меня создалось впечатление, что примерно третья часть всех детских книг, находящихся на книжных прилавках Скандинавии, это переводы. По-моему, это позор.

- Вы считаете, что их слишком много? На мой взгляд, такие переводные книги очень нужны. Детские книги являются как бы посланиями всего мира, и они могут помочь нам лучше узнать друг друга.

- Что из классики дети должны читать и сегодня? «Робинзон Крузо»?

- Я думаю, «Робинзон Крузо» дети будут читать всегда. И еще «Остров Сокровищ», книги о Гекльберри Финне и Томе Сойере. О, как я в детстве любила эти книги! И я просто не могу себе представить, что когда-нибудь дети будут лишены возможности их прочесть.

- Но ведь это все книги для мальчиков. А книги для девочек Вы читали? Например, «Алису в стране чудес»?

- О да, эту книгу я тоже прочла, но позднее, не в детские годы. Я прочла ее, когда моя дочь отыскала эту книгу и, придя ко мне, попросила, чтобы я прочитала ее для нее вслух.

- А что Вы думаете о международных книжных ярмарках детской книги? Бывали Вы на такой ярмарке в Болонье?

- Всего один раз.

- Ну и какого Вы мнения об этих ярмарках?

- Я думаю, что они, как и все другое в этом мире, имеют и свои положительные, и свои отрицательные стороны. Там бывает выставлено много всякого хлама, но хорошие книги там тоже есть. И кроме того, люди из этой среды имеют возможность встретиться, пообщаться друг с другом и узнать друг друга лучше. Так что мне кажется, идея сама по себе вовсе не плоха. Во всяком случае, это, несомненно, идет на пользу детским книгам. Во Франкфурте, например, они были выставлены в таком количестве, что просто невозможно было пересмотреть все, что хотелось бы.

- Другая всемирноизвестная шведская писательница - это Сельма Лагерлеф. Наверное, многие зарубежные критики сравнивают Вас с нею?

- Сельма Лагерлеф замечательный автор, но она, по-моему, все-таки в основном писала для взрослых. Был период, когда ее книги как бы вышли из моды, но теперь к ней, на мой взгляд, возвращается популярность. Я всегда обожала ее книги.

- Наибольшим спросом сейчас по-прежнему пользуются Ваши книги о Пеппи, не так ли?

- Да, они пользуются спросом во всем мире.

- Может быть, читатели видят в Пеппи поборницу женских прав?

- Об этом я никогда не думала. Но вспоминаю, как однажды, много лет назад, я была приглашена на чай во дворец к королеве. Там оказалось больше женское общество, и вот одна из женщин, известная шведская художница, с которой я до этого никогда не встречалась, при виде меня воскликнула: «А вот и Пеппи! Первая среди наших феминисток!» Но когда я писала об этой девочке, у меня таких мыслей не было.

- А Вы никогда не раскаивались, что создали Пеппи?

- Нет, нет, ничего подобного! Потому что ее характер мне нравится, и к тому же я часто слышала, как многие женщины утверждали, что мои книги о Пеппи помогли им осудить себя более независимыми и чуточку возгордиться тем, что они - девочки!

- У Вас самой есть дочь?

- Дочь и сын.

- И внуки есть?

- О да, целых семь!

- И Вы читаете им вслух?

- Читаю, но не слишком часто. Я читала и сочиняла истории, главным образом, для моих собственных детей. И все началось с Пеппи. Видите ли, это имя придумала моя дочь. Однажды вечером она лежала больная в кровати и приставала ко мне, как обычно пристают дети к матери, чтобы я рассказала ей какую-нибудь историю. И я спросила ее: «А про что тебе рассказать?» И она ответила: «Расскажи мне про Пеппи Длинный Чулок». Я не стала спрашивать ее, кто такая Пеппи, а просто стала создавать в придуманной истории характер, подходящий для такого странного имени. Так родилась Пеппи. Она годами существовала в нашем доме, и я понятия не имела о том, что когда-нибудь напишу о ней книгу.

- Но ведь Вы к тому времени уже опубликовали другие книги, не так ли?

- Нет, это была моя первая книга.

- Выходит, это Ваша дочь, попросив придумать для нее историю, побудила Вас к тому, что Вы стали писать книги?

- Выходит, так оно и было...

- А над чем Вы сейчас работаете?

- В данное время я работаю над сценарием фильма.

- И эта работа приносит Вам такое же удовлетворение, как и сочинение книг?

- Это ведь совершенно иная среда, но и это все очень интересно. Мне нравится создавать сцены, я люблю писать диалоги. Кроме того, сейчас я пишу еще и для театра. Это будет пьеса об Эмиле.

- Для детей или для взрослых?

- Для детей, но надеюсь, что и для взрослых.

- А Вы никогда не думали о том, чтобы написать свою биографию или воспоминания?

- О нет, ни в коем случае. Я написала лишь одну книгу для взрослых. В ней была рассказана история любви моих родителей. Удивительная история. И там я немного коснулась моего детства. Думаю, что кроме этого, я никаких других воспоминаний писать не буду.

Я проснулся оттого, что стюард в салоне тихо брякал посудой, собирая ее... Сколько раз прежде эта роскошная фраза появлялась в моем сознании, непонятно откуда. Теперь-то ясно - из будущего, которое, наконец-то, стало настоящим: я проснулся оттого, что стюард в салоне тихо брякал посудой, собирая ее! Я открыл глаза. Широкая белая спальня, дальняя стена раздвигающаяся, дымчато-прозрачная, - и бодрящее, чуть опутимое дребезжание, почти журчание двигателя, еле доносящееся сюда, в каюты самого высокого класса. Я сладко вытянулся по шуршащему, набитому сухой морской травой матрасу, схватил огнедышащих драконов на ярко-синем небесном шелке, накинуд на плечи. Шагнул вперед, размахнул перед собой дымчатую стену. Салон был больше спальни и светлей. Зеленые тропические листья отражались в белой коже диванов, утопленных в полу - к ним спускались ступеньки. И все это плыло по спокойному солнечному морю (блики бежали по потолку) и находилось, видимо, уже за границей - вдали над ровной водой стоял ярко-оранжевый, явно заграничный маяк и от каменного островка у его подножья отходил, тихо тарахтя, такой же яркий катер и шел по лихой дуге к нам.

Стюард, почтительно согнувшись, выкатил тяжелую никелированно-стеклянную тележку с посудой, прикрыл дверь. Я натянул брюки, свитер и вышел. Да-а - тут, на просторе, оказалось несколько свежей, чем в каюте! Я пошел по широкой пустой деревянной палубе - лишь изредка на белых рейчатых креслах сидели люди, безмолвно вытянув лица к солнцу - желтому, размытому в высокой дымке - но уже греющему явно опутимо - впервые в этом году.

Я заглянул в пустой бар, потом в ресторан, потом не спеша пошел через пустой зимний сад - я-то знал, кого я ищу - но в это чудесное утро спешить не хотелось.

Луша Чуланова - наша новая супер-кино-секс-звезда пригласила меня в этот славный рейс - причем позвонила робко, дрожащим голосом, явно чувствуя разницу уровней, сказав, что если бы не мое выступление по телевидению о бедственном положении литературы, то она никогда не решилась бы позвонить с предложением «попытаться сделать что-либо вместе»... Ну что же - попробуем, попробуем. Я, в общем-то, был настроен благожелательно - но конкретно сейчас встречаться с ней и с ходу садиться за работу в такое утро я не хотел - и все словно шло мне навстречу: никто из вчерашних, с кем я имел предварительные переговоры накануне, сейчас на палубе и в пустынных залах мне не попался.

А вчера вечером мы с ней сидели здесь, в ресторане «Морское дно», и, прихлебывая шампанское, говорили о фильме, который она хотела бы снять - отчасти на деньги пароходства, но совершенно независимо, хотя и в помещениях этого плавающего суперотеля, называемого просто душно «паромом», но абсолютно о своем, по своему сугубому замыслу. Луша сидела на открытом вечернем платье, строгое кольцо лежало на открытой ее груди. Мы старались быть незамеченными, но разряженные дамы и господа, наши новые богачи, к началу шоу-программы заполняя зал, сдержанно поглядывали на нас. Как я понял по некоторым ее разговорам, она пыла этим паромом далеко уже не первый раз и была в некотором роде местной знаменитостью, отчасти, вполне возможно - рекламной: вот, мол, какие люди регулярно пользуются нашим паромом! Что обожают здесь больше ее, а не меня, я это понял сразу - но не расстроился: что же делать? Меру своей популярности я тоже успел ощутить - хоть ощущение было и не очень приятным.

Ожидая Лукерью, я сидел в Ореховом Салоне, рядом на упругих кожаных диванах сидели такие же упругие бизнесмены, попыхивая сигаретками, переговариваясь о своем кровном и вскользь поглядывая на огромный экран. Я тоже вскользь поглядывал - тем более вскользь, что на экране в тот момент разглагольствовал снова я - в своей регулярной передаче про нашу культуру (Луша позвала меня сюда под впечатлением предыдущей). Вроде бы никто не увязывал меня с болтуном на экране - но тут маленький, злой, перекрученный крепыш - по виду скорее «боец», чем бизнесмен, уже давно явно закипая, вдруг вспылил:

- Что мы эту бодягу смотрим - по первой сейчас НХЛ!

Тут я почувствовал, что меня «увязали» и «выступление» крепыша имеет отчасти даже демонстративный характер.

Валерий ПОПОВ

Тут главный бизнесмен, окруженный подчиненными, медленно повел в мою сторону глазами - он явно уже вышел на тропу респектабельности и скандалов не хотел.

Крепыш в желто-зеленом «адидасовском» костюме в ярости даже подпрыгнул на упругом кожаном кресле, и на лету задержал руками и ногами, и плюхнулся назад.

До этого я и сам наблюдал за собой со злобной иронией.

- «Уважение», говоришь? А где, интересуюсь спросить, вот этот ваш костюмчик, бутылочного цвета, в котором вы на экране? Ах - продали, говорите, в комиссионный отдал? Неужто уж такая нужда? Что вы говорите?!

Третья луза

ПОВЕСТЬ

Да - продал, и денюжки уже получил, и истратил уже, и где теперь американский мой этот костюмчик - увь, не знаю, и сейчас, может быть - новый достойный хозяин видит его на экране и, усмехаясь, говорит любовнице (жене): смотри-ка - мой костюм выступает. Неплохо держится.

Но, в общем-то, я почувал, что мое выступление не встретило большого сочувствия в этой среде - крепыш, лишенный НХЛ, так и кипел:

- Лапшу вешает, со своей культурой! Была бы кому нужна эта его культура - не подохла бы!

- Да, - подумал тут я, - этот народный самородок абсолютно прав! Сколько мы тянули нашу музу, сколько реанимировали, сколько десятилетий холили эту высоколюбую даму, любимицу нашего брата-отличника, а неживучая оказалась, и даже на лекарства ей никто не дает. Чего я тут мямлю? Все ясно до слез!

- Да чего ты дергаешься? Никто эту лажу и не смотрит! - как бы обращаясь к первому, но явно целя в меня, проговорил второй крепыш, в тропических босоножках. Обстановка сгустилась, и даже шеф, подняв усталые глаза от бумага, посмотрел сначала на них, а потом на меня:

- А чего? Похоже, застоились ребятки без работы, может, дать им слегка размяться - жалко, что ли?

Но тут все повернулись назад - в дверях салона стояла Луша, в полупрозрачном вечернем платье... умела она выбирать для своего появления подходящую позу - и момент! Сразу повеяло блаженством - злобные крепыши даже поднялись, уступая кресла... Но Луша, играя бедрами, направилась ко мне. Я, несколько запоздало, вскочил, облобызал сочную ее руку, выскользнувшую из платья.

Бандиты наблюдали наш альянс в полном отпаде. «Мозг покупает себе секс»... вернее, наоборот.

Вот она - Новая Муза! - с наслаждением оглядывая цветущую Лушу, подумал я. - Вместо прежней, - состарившейся, всем надоевшей непонятными, непомерными своими требованиями - эта - всем доступная, с простыми осязаемыми формами!

Мы чопорно проследовали в ресторан, сопровождаемые восхищенными взглядами.

- Как вы устроились? - церемонно осведомилась она.

- О - превосходно! - воскликнул я. - Но, вероятно - это стоит немалых денег? - я сунул руку за пазуху.

- А - это проблемы пароходства! - Луша махнула лебединой своей рукой.

Лакеи отодвинули-продвинули нам стулья - в суровой жизни на суше я уже как-то позабыл, что такое бывает!

Да - выросла девушка! Два года не видел ее... Но каких два года! Переломные, можно сказать!

Очень уж скромной я бы и тогда уже ее не назвал... но насколько могла быть нескромной советская девушка той поры? Разве что чуть-чуть? Чуть-чуть было.

Помню ту историю. Мы с братом отправились рано утром за грибами с нашей дачи и, потеряв, видимо, рассудок, очутились в овраге под обкомовскими еще тогда дачами - овраг был отличный, грибной - однако я испуганно объяснял брату, что забрели мы не туда, утратив классовое чутье.

- А - ни хрена! - проговорил мой наглый, как всегда, брат. - Вряд ли эти типы, да еще так рано, ходят по грибы!

- Ну почему же? Ходят! - от густого насмешливого баса мы похолодели. Хрустя валежником, из мусорных мелких кустов вышел Поцелуев - тогдашний зам по культуре. Умные его глаза насмешливо чернели из-под широкого соломенного «брывля», обсыпанного хвоей. Вообще - выглядел он простецки, даже затрапезно: серо-зеленая плащ-палатка, сапоги.

- Смелый у тебя, Валерий, братан! - раскрывая сталь-ной портсигар, промолвил он.

То, что он звал меня по имени, наполнило меня сладостным волнением - знает, оказывается! Казалось бы - откуда: видел меня, может, пару раз, и то из президиума, в большом зале - а узнал, в предрабачной мгле.

- Мало что-то нынче грибов! - со всей дерзостью, на которую был способен, произнес брат.

- Спать надо меньше! - захватски сказал старший товарищ и протянул нам свой короб, в котором круглялись беляши-крепыши.

Мы подавленно молчали - и тут мы не правы!

- Сколько там натикало? - Поцелуев вытянул старые, с крышечкой (почему-то хотелось сказать «именные») часы.

- О-о, полвосьмого уже! - он почему-то лукаво огляделся.

- А может - пока моя благоверная не проснулась - позволим себе?

Мы обомлели... Если мы правильно это поняли, он нас приглашает наверх, видимо, даже выпить вина... не зря, видно, сквозь все преграды просачивались слухи, что он отличный мужик! Мы взобрались по откосу, мимо спящего в будке солдатика-охранника.

- Солдат спит - служба идет! - благодушно проговорил Поцелуев и кинул орлиный взгляд на брата, идущего последним: не стукни калиткой! Служивого разбудить!

Это сразу нас расположило к нему. Сколько раз мы взглядывали на эту ограду, понимая, что никогда досюда не достаем - и вдруг сподобились. Дача оказалась совсем простой - и никаких, кстати, «шестерок»: Поцелуев сам по-мужицки умело накрыл на стол.

- Отхлебнем этого, что ли? - Поцелуев вытащил из чулана бутылку. - Слеза! Брат из Краснодарского края присылает - слесарит там у меня!

От непривычной выпивки в столь ранний час душили слезы умиления: как же так? И у него - брат? Все равно как у меня!

Потом Поцелуев столь же умело разлил ярко-красный дымящийся борщ, сваренный на индюке, присланным, как оказалось, тем же братом. Умиление усиливалось. Выходит - без брата он и вовсе бы пропал? Пицца была самая простая: сало - от брата, индюк - от брата, даже слипком, может, простовато для руководителя культуры? Это я уже от выпивки обнаглел... Смуцал еще и то, что такой густой суп - на завтрак: но тогда все, слава богу, кушали суп, правда - на обед... но, может, тут немножко иначе, может - он так рано встает, что уже - обед? Пробылось солнце, и толь на крыше сарайчика стал переливаться необыкновенными звездами... Алкоголь?

Появилась еще более знаменитая его жена, возглавля-

ющая все... ласково вывернула у Поцелуева из пальцев бутылку, ласково поздоровалась... налила крутого борща в украинский горшок, сказав пожилой прислуге (одна скромная служанка все-таки была): Виталику отнеси, пока горячее!.. Солдатику?

Какое-то блаженство наполняло меня... А ведь, наверное, это главные минуты за все лето? Так и вышло.

Даже забыв от волнения наши жалкие грибы, мы с братом ушли, покачиваясь от счастья. Месяца три я потом мучился. Не глянулся? И вдруг пришла телеграмма - «Правительственная»: «Появитесь. Есть дело. Поцелуев». Адрес явки был не указан - но кто же не знает его? «Штаб революции!» От слова «появитесь» веяло некоторой строгостью - но как же без строгости? Я прибыл. Тут уже, ясно, происходило все официально. Но тут я зато и познакомился с Лусей - в строгом черном костюме, тогда она занималась проблемой досуга молодежи в пароходстве... уже тогда - в пароходстве... а почему, собственно - нет? Какая тогда была фривольность? А никакой! Во всех культурных программах максимум секса - художественная гимнастика, танец с булавой - и только. Как раз сценарий одной программы мне и предстояло создать, хоть никогда такого не создавал, - но - надоели эти рвачи, настоящие хочется! - поделился со мной Поцелуев, и я проникся. Программа была для Луши, для ее руководства. А тут и я! Веяло ли от Луши чем-то недозволенным? Немножко! А в общем-то я бы не сказал: скорее, она поражала своей цепкостью, смекалистым взглядом, точным грубоватым тоном, какой Поцелуев любил.

И как расцвела! Буквально что как роза в бокале с водкой! Просто не узнавал! Медленный взгляд, от которого все восставало - восставало не в знак протеста, а наоборот - в знак согласия!

- Теперь о деле! - сказала Луша (это мы с нею уже на корабле).

Сценарий, который мне предстояло наполнить высококлассным текстом (и подтекстом), был прост: простая, чистая горничная, светлая натура, первый раз плывет в международный рейс. Помощник капитана по режиму, негодяй, выдвигенец органов и партийных кругов (на подчеркивании этого Луша настаивала) умело растлевет ее. Луша начинает пить, и ее с ребенком на руках спускают с корабля... партсобрание, принявшее зверское решение, ведет, естественно, сам негодяй. Далее: шикарный салон эlegantного морского лайнера, знаменитая русская миллионерша-бизнесмен (она же бывшая бедная горничная), окруженная миллионерами, подарками, известными артистами, знаменитыми писателями (и для меня ролька!), плывет. Негодяй, ставший уже капитаном, но не способный прожить ночь без бутылки виски, видит ее. Посылает букет стоимостью... ну понятно. Вскоре он видит тот букет в воде - в смысле, за бортом. Он застреливается. Примерно все.

- Да-а-а... замечательно! - поборов волнение, вымолвил я.

Боролся ли я в эти минуты с волнением или с чем-то другим - уточнять не будем. Но боролся. Оказывается, и жизнь Луши, олицетворяющей успех, не такая уж гладкая, и у нее наболело!

Надо это дело озвучить? Ну что ж - озвучим! Такую красоту (я огляделся вокруг) - и не озвучить?! Я что - дурак?

Вечер, между тем, расцветал. Такой роскоши туалетов, сверкания драгоценностей на суше я не видал. Видимо, тут собрались самые толковые, которые не просто сидят, но при этом еще и плывут, движутся к цели!

Мы скромно беседовали с Лусей за столиком в центре зала, и прожектор, обшаривая полутьму, почему-то то и дело замедлялся на нас. Чтой-то назревало. И Луша вдруг начала дышать глубже и... выше. Я вспомнил вдруг, в каком кино я ее видел. После этого фильма, кстати, один вальжный, седой, но оказавшийся очень вертким кинокритик, которому раньше никогда ниже Феллини даже боялись показывать, вдруг начал бешено расхваливать фильм с Лусей, а саму Лусю даже цветисто назвал «владычицей наших снов». В том фильме она была не очень хорошей (в моральном смысле) певицей примерно в таком же шикарном кабаке, как этот, и почему-то выдавала одного главаря мафии, хорошего, но не очень богатого, другому главарю, богатому, но не очень хорошему. Думаю, что примерно этим же она занималась и в действительности, не во сне, а наяву.

Прожектор окончательно остановился на нас. Я, замутившись, закрылся ладошкой. Луша выпрямила свой стан, гордо и оскорбленно.

Извинившись, я пошел в туалет. Там, у входа в кабак, стояли шкафы-охранники с переговорными миниатюрными «уоки-токи» в огромных лапах и передавали за столики своим шефам-сейфам: «Внимание, внимание... пришла Клавка! Встречайте Клавку!»

Когда я вернулся, возле нашего столика нагло стоял красавец-усач в алой палаческой рубаше и почему-то с длинным кнутом, выющимся по проходу.

- Пошла! - резко мотнув головой, скомандовал он.

Я уже было уселся, но тут снова поднялся, чтобы разобратся с кнутобойцем, но вдруг и Лупа плавно поднялась.

- Ямщик! Не гони лошадей! - томно проговорила она, резонируя бокалом. Неожиданно грохнули аплодисменты. Я понял, что здесь чего-то не то, и уселся обратно. Лупа, мягко покачивая пышными ягодицами, пошла в сторону сцены в своем длинном, но абсолютно прозрачном платье. Музыка вдруг заиграла: «Ямщик, не гони лошадей!» В руке у Лупы оказался микрофон, и она нежно запела. Вдруг музыка резко оборвалась, повисла тишина, внезапно ямщик, щелкнув кнутом, отсек рукав Лупиного платья, обнажив дивную руку. И снова песня, и снова напряженная пауза. Глаза горели... все сладострастно затаили дыхание - второй бешеный удар, и второй рукав (видимо, специально чуть прикрепленный) стек с божественной Лупиной руки. Я огляделся вокруг: стиснутые зубы, помутневшие глаза... Крепко, крепко! Лупа, грустно напевая, плыла к сцене. Третий снайперский удар расстегнул застежку сзади на платье, и Лупа, задумчиво перешагнув через него, оказалась в золотом бикини и таких же туфельках. Формы ее, выскочив из плена, задышали свободно. Ямщик явно пьянел, хоть ничего и не пил. Удар, которым он срезал золотой лифчик, мог бы быть и не таким зверским - Лупа даже остушилась и потеряла туфельку. Последовал хохот и аплодисменты. Лупа нацупала ногой туфельку и затанцевала, подняв руки. Повернувшись на сцене, залитой светом, Лупа, стыдливо прикрывая микрофоном пышную грудь, допела песню, раскрыв объятия - и последняя сверкающая полоска затрепыхалась на кончике кнута, как вымпел. Лупа, вновь стыдливо зажавшись, под бешеные аплодисменты ускользнула со сцены. Вот как, оказывается, гуляют теперь!

Через минуту Лупа вернулась в зал, абсолютно гордая и независимая, даже в очках. Она зябко куталась в шубу (подарок?). Было ли на ней что-либо еще, кроме шубы, в то мгновение я еще не знал.

- Пойдемте отсюда! - брезгливо передернув плечами, промолвила она. Отжав спрятанную за тропическими листьями дверь, прижимаемую холодным ветром снаружи, мы вышли на широкую пустую корму, в холод и тьму, и сели на скамейку у стенки, вглядываясь вдаль.

Было абсолютно темно - только на краю моря горела словно бы накрытая темным платком настольная лампа - так садилось солнце между черными тучами.

- Как это омерзительно! - Лупа вдруг порывисто прижалась ко мне. Судя по ее распахнутому душевному настрою вслед за ямщиком должен был следовать наездник.

- Замерзнешь! - я запахнул ее шубу.

Я понимал, что мое поведение похоже на забастовку... ее вдруг обмякшая нижняя губа выражала недоумение: какого рожна? Пускаться тут в длинные рассуждения было глупо, я лишь молча вынул и показал ей фотографию такой же капризулы (примерно в таком же наряде, как она сейчас). Эту волшебную фотографию с надписью на обороте «От назойливо-очаровательной Э» я давно уже повсюду ношу с собой, как икону - дабы снова не вляпаться в такую же жуткую историю, как с Э.

Лупа обиженно отодвинулась на край скамейки. Чудовищная лампа на горизонте позеленела.

- Сейчас мы можем увидеть зеленый луч, приносящий счастье! - снова, включая лирику, вымолвила она.

Чувство уныния охватило меня. Вряд ли мы сработаемся, черт возьми, и с ней. От зеленых этих лучей тошнило с детства... но, слава богу, гриб на горизонте становился все злоещее... во всяком случае, ей подыгрывать он не собирался. О лирике мы не договаривались: капитан застрелился - это да. Хотя и капитана, честно говоря, жалко - наверняка эта нежная горничная-миллионерша сама и завалила его! Ну ладно! По рюмочке - и спать. Завтра тяжелый день - разбирать невероятные завалы в ее сознании, что, похоже, не легче работы вальщика в Коми АССР.

Фужер - теперь фужер стоял на горизонте - полиловел.

- Мы должны - вы слышите - должны сделать этот

фильм! - Лупа порывисто прильнула ко мне. - Именем Анатолия!

Я оцепенел... «Анатолия»? Это Тоха, что ли? Уж это имя я шептал во снах значительно реже, чем другие!

Правда, Тоха в лирические минуты, которые у него совпадали с алкоголическими, говорил мне (на знаю, как другим): «Мы же шестидесятники - вместе начинали!» Начинал он, действительно, вместе. Помню, когда на самой заре свободы наше городское начальство почему-то разрешило самую первую выставку мазил-формалистов в Мраморном, оно одновременно и мудро приняло меры предосторожности: тех негодяев, что шли через площадь к подъезду - а их, надо отметить, были единицы, - встретила шеренга румяных курсантов - в клепах, ну лишь чуть-чуть выпивших - ну по сто грамм, не больше. От их плохих апологеты абстракционизма скользили по гололеду - стоял здоровый матерок, хохоток.

- Вы хотя бы выставку посмотрели! - кричал, прикладывая к ушибам снег, первый в городе апологет формализма Фима Ципельсон.

Курсанты в ответ лишь ржали. После дежурства им полагался отгул - многие собирались в тот же Мраморный, но ближе к телу - тогда тут клубились знаменитые танцы, и даже школьники знали, что девушки на этих танцах оставляют свои трусики в рукаве пальто. Так куда идти? Куда велит им этот чудак?

Так что Тоха не врал, что начинал с самого порога, не уточняя, правда, на какой стороне он стоял.

- А помнишь ту выставку? Да-а-а... - проникновенно говорил он, наполняя стакан.

Однажды он не без гордости сказал мне, что в шеренгу ту допускали отнюдь не каждый - в основном там стояли отличники боевой и политической подготовки, желательны разрядники в каком-нибудь подходящем виде спорта: боксе или борьбе. Тоха был тот и другой - природа щедро его наградила «ухватистой силой». И его участие в тех исторических событиях отрицать глупо. Я и не отрицал. Встречаюся ведь уже ветераны, с разных сторон, и горестно, а потом сладко вспоминают «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»? Любимое стихотворение Тохи - и кстати, мое, хотя рубились мы вроде бы за разное.

Несмотря на пристрастие к алкоголю, Тоха свою силу не растерял и на какой-то Олимпиаде (меня от этой показухи всегда тошнило) занял в боксе (или борьбе) почетное место. За эту скромную (но важную для нашей страны) победу на Тоху обрушился такой водопад привилегий, наград, поездок, должностей, что вряд ли и нормальный человек выдержал бы такое. Не говоря о Тохе. Даже хватка армии оказалась бессильна - сначала ему еще присваивали какие-то звания (нашли чем удерживать!) - потом, вроде, оставили - и Тоха понесся! Вершина - членство в ЦК ВЛКСМ, после - долгое пребывание в

Африке на должности советника одной там страны по спорту... но это, оказалось, уже было падение по сравнению с ЦК. Что-то в этой стране (или до нее) Тоха сотворил не то, потом плавал (поскольку в душе моряк), потом вынырнул на небольшой, увы, глубине - начальником физической подготовки суперпоказательного пионерлагеря «Артем» - по мне так это было очень неплохо, но Тоха, с которым я встретился и подружился в поселковой распивочной, рвал и метал.

- Эти суки за все мне ответят! Покрывать их больше не хочу!

Посетители пивной слушали равнодушно - без Тохиных откровений все знали, что творится за оградой, украшенной чугунными пионерскими галстуками. Тут же притулилась и Луша, которая, как декабристка, приехала за любимым в эту глушь простой пионервожатой. В эти минуты она лишь скромно молчала, подпирая Тоху.

Но устои начинали качаться все больше, и почти открыто стали говорить - а потом и писать! - о маленьком лагерном домике в отдельной долине, предназначенном для приема делегации. Сведения были не просто грязные (эка удивил!) - но и необычные, невероятные!

- Чего они ко мне вяжутся? Я спортсмен! - вопил Тоха, но чувства в распивочной не вызывал, скорее наоборот - нездоровую зависть.

В конце концов Тоха пошел ва-банк, но как-то странно: в самую светлую ночь июня он был задержан с аквалангом в нейтральных водах. В резиновых изделиях в рюкзаке за спиной были запасы шоколада, воды, а также план и список погранзаставы - чего пограничники, его же кореша, простить не могли.

Но тут в аккурат (нет ничего удивительнее, чем история нашей страны!) устои окончательно рухнули, и Тоха внезапно был представлен герою, давним борцом с тоталитарным режимом изнутри... его имя произносилось с придыханием... Луша цвела - и тут он уже прочно наградил меня своей дружбой («вместе начинали!»).

С затейливого своего подвига Тоха тоже успел пожать немало плодов: новыми уже друзьями, победителями в борьбе, он был сделан кандидатом технических наук (зачем-то) и назначен директором крупнейшего планетария, но проворовался... провороваться в планетарии - это надо было уметь! Казалось бы - ну что там можно украсть? Ан нет! Сначала начали пропадать с небосклона малоизвестные и мало кому нужные планеты - Уран, Плутон... сперва на это смотрели сквозь пальцы: все-таки герой... но тут он, обнаглел окончательно, пропил Луну - символ чистоты, девичьих грез! Это уже не прошло, но он вывернулся. Он уехал куда-то на Север (Север всегда у нас почему-то считался местом раскаяния и искушения), но я бы не сказал, что он особенно там раскаялся, завел какой-то кооператив, по разведению чертей. Потом, скрываясь от них, снова вынырнул в нашем городе - и почему-то приник ко мне. Может, ему казалось, что дружба со мной послужит окончательным доказательством его невиновности? Во всяком случае, он мне достался в тяжелом состоянии: как бы рабом мерзости и обмана, одновременно при этом как бы взметнувшимся ввысь, к звездам (следствие планетария). Если раньше он просто пил, то теперь вдобавок к этому еще начал собирать художественные ценности. Я горячо советовал ему выбрать что-нибудь одно - не так будет тяжело, особенно окружающим, - но он упорно настаивал именно на таком трагическом контрасте его души. Кто его приучил еще и к художественным ценностям? Боюсь, что я.

- Я запутался, запутался! - в полном упосении (это его устраивало) повторял Тоха.

- Так распутайся! - советовал я. - Моральные изменения, в отличие от физических, не требуют никакого времени - за секунду могут произойти!

Но краткость и простота рекомендаций, как видно, оскорбили его - с тех пор наши отношения с ним стали напрягаться. Чувствовалось, что разгул его души требует значительно большего - я, как мог, после этого разговора, чувствуя себя виновным, старался его утешить.

- Рубашечки тут у тебя! - злобно заглядывая в шкаф, цедил он.

- Дать? - я рванул к шкафу. - Или тебе больше нравится быть несчастным? Как?

Он не дал ответа, но рубашку взял. Потом, уже в прихожей, уже надев дубленку, стал говорить, что вот именно такой коврик висел у него над колыбелькой - пришлось отдать.

Он ушел - но, я чувствовал, - ненадолго. Вскоре мне пришлось выгаскивать этого падшего ангела (или взле-

тевшего дьявола?) из одной довольно грязной и запутанной истории, в которой оказались замешаны буквально все слои нашего общества, причем с неожиданной стороны.

- Ничего! - поучительно мне сказал потом Тоха. - Зато будешь знать, как это теперь делается!

...Век бы мне этого не знать!

Потом он снова являлся среди ночи:

- Я должен тебе все рассказать про моего отца!

- Не надо! - твердо сказал я. - С отцом твоим мы окончательно запутаемся!

- ...В общем - спроси там, - после паузы небрежно проговорил он. - Человек в жизни запутался, денег ни копыя, жить негде. Узнай - может кто заинтересуется.

Кто, по его мнению, должен был этим заинтересоваться?!

То есть - он как бы вложил свою душу в мою руку, без всякого на то согласия моей руки!

Вид, между тем, у него был весьма уверенный - длинные трусы, смелый взгляд. Скрываясь от чертей, он еще пару лет послужил легионером в Африке, наломал костей... кроме того, за время общения с чертями что-то необыкновенное - и непоправимое произошло с его организмом... может быть! Неожиданное подтверждение этому я получил сейчас, буквально через несколько секунд после разговора с Лушей на палубе.

...Именем Тохы? Ну нет уж! Мне вполне хватало ее одной!

- Поверь - наши отношения с ним были абсолютно чистыми! - она придвинулась.

- Врет все, сука! - вдруг раздался трубный голос со стороны моря.

Я привстал... Над горизонтом, размером с тучу, подобно светящемуся ядерному грибу, стояла гигантская полупрозрачная голова Тохы, освещающая мглу. По ней сверху вниз шли тусклые радужные волны. Глаза, как и обычно у него, были прищурены, рот распахнут - и рот этот, если бы захотел, мог спокойно засосать наш корабль. Но он, по его поведению, скорее выплевывал его - волна, похожая на плевков, настигла и накрыла наш корабль. Мокрый, ошеломленный, я смотрел туда. Голова Тохы хранила все тот же пренебрежительно-обиженный вид.

- Врет все, сука! - снова гаркнула голова, и волна по новой накрыла нас.

- Все такой же сумасшедший! - чуть обиженно, но и с оттенком восторга проговорила Луша, и в свете гигантской головы мы поднялись со скамьи и вернулись в помещение. Я был потрясен - но, по мнению Луши, произнесенных ею комментариев было вполне достаточно. Ну, не знаю...

Точно одно - мы оба дрожали - она, по-мосму, - только от холода. Требовалось согреться - в зеркалах и тропических лопухах сверкал бар.

Мы выпили по стопке водки, и я слегка успокоился. Я наивно думал, что после явления говорящей головы ничего более ужасного быть не может.

Вскоре я плыл в теплом, уютном гвалте.

- У тебя окатыши?

- Пруток.

- Диаметр?

Я вдруг почувствовал, что время сейчас такое же уютное, как и раньше - и жаркая обстановка вокруг мне напомнила период, когда я работал на заводе и мы устраивали такие же пьяные рейсы, скажем, на остров Валаам. Помню, была одна лаборантка...

Эти «плавающие сейфы», взгромоздившиеся на крохотные стульчики вдоль бара, ничем в сущности не отличались от прежних мастеров, замначальников цехов - такие же мощные, потные, зевластые, необыкновенно уверенные в своих возможностях, в своей хитрости, в своей «проходимости». А по части выпивки... думаю, что примерно наравне. А все эти красивые слова: чартер, бартер, дилер, брокер, которые смачно произносились вокруг, ничего из прежнего не меняли.

- Пруток?

- Пруток!

- Годится!

И в их обращении с Лушей, увы, было ничуть не больше почтения, чем при обращении с той лаборанткой - один, абсолютно лысый, даже плепнул Лушу по аккуратному задку, затянутому в золотые рейтузики...

Но Луша явно наигрывала другую роль: что значит, никогда не была лаборанткой!

Кивком головы она подозвала легионера в пятнистом одеянии, маячившего у входа.

Чем ближе он подходил, тем больше я напрягался, хотя ко мне происходящее вроде бы не имело отношения: сперва я подумал, что просто так - военнообязанный, обязанный почему-то обслуживать Лупу... но по мере того, как он приближался... Тоха? Но он только что предстал в виде горящей тучи? Впрочем, он рассказывал мне, что после пребывания в особой зоне с ним происходит всякое... но чтоб такое?

- Серенький, разберись! - Луша брезгливо кивнула в сторону обидчика.

...Серенький? Что это значит? Ведь его звали Анатолий? А, ясно - Серенький по фамилии: его же фамилия - Середа!

Тоха мрачно подмигнул мне и уселся на один крохотный стульчик с обидчиком, положив вздувшуюся лапу тому на плечо.

- Он думает, что за какой-то жалкий «лимон» может себе позволить все, что угодно! - проговорила Луша, передернув плечиком. Я на всякий случай отодвинулся, хоть «лимонов» не давал.

- А меня в кино снимаешь? - тут же приник к Лупе другой «лимон», похожий на этот фрукт и формой, и оттенком.

- Отвали! - теперь уже в роли телохранителя придвинулся я.

Сколько же она набрала этих «лимонов» и что за эти деньги обещала изобразить?

Я почесал в затылке, теперь уже почти трезво оглядел «будки» у стойки... а ведь это мне придется отдуваться, ублажая их! Надо делать фильм, чтобы им нравился (а заодно бы и мне). Луша - так... наманикюренная ручка, открывающая кошелек - а превратить эти рыхлые пачки в твердый алмаз искусства, неподвластный времени, предстоит мне... а кому же еще? Окончательно протрезвев, я огляделся. Тоха чокался стаканом водки с обидчиком. Перегнав лифтом кадьяк содержимое в желудок, он хрипло выдохнул и с хрустом раздавил стакан в пальцах - что, видимо, должно было навести обидчика на здоровый ужас.

- К сожалению - он абсолютно спился! - блеснув в сторону Луши слезой, шепнула Луша.

Да уж - трезвому те чудеса, что показал он за последнее время, вряд ли подвластны!

Отмывательница миллионов... я теперь смотрел на Лупу с почтением. Сколько же их она «намыла» здесь? Но лучшего места, надо отметить, было не найти: здесь все на время «ушлывали» от тревог, деньги летали!

Но что бы такое им изобразить?.. И здесь ты, истукан, о работе! Красавица миллионерша... рехнувшийся капитан... я покосился на Лупу... какая она «миллионерша»? Так - «лимонщица»! Ну еще! Завтра, завтра! Сегодня отдыхаем... но, если еще спившегося Тоху придется присловить к этой истории - я не выдержу!

Нет - надо изображать что-то совсем другое. Типа тех бесконечных южноамериканских сериалов, которые держат нашу публику в бесконечном экстазе. Типа того: муж после многолетнего плена у бандитов вырвался и приехал в город - и много серий тратит на то, чтобы почему-то о его спасении не узнала жена. Все уже знают, кроме нее... муж даже звонит по телефону в холл, где находится все. «Вы?» - восклицает дворецкий. - «Я!» - отвечает граф. - «Только ничего не говорите моей жене». - «Но почему?» - справедливо восклицает дворецкий. - «По кочану», - хладнокровно отвечает тот. Графиня видит перевернутое лицо дворецкого. «Кто звонил?» - Надется, наконец, услышать о муже! «Мясник», - взяв себя в руки, отвечает дворецкий. - «А почему у вас было такое лицо?» - «Он сказал... что отрубил палец!» - «Палец? - графиня близка к обмороку. - Себе?» - «... Нет. Другому...» Вот - что-нибудь в таком ключе... чтобы во время такого вот длинного плавания они могли чем-то отвлечься, а не глушить эту отраву, даже если она называется «виски» и «джин»! Хотя джин, конечно же, благороднее. Теперь я уже несколько успокоился, наметив путь. Да, что-то в таком ключе, чтобы Тоха или Луша или лучше бы они вместе исчезли серий на сорок! Вот так.

- Ну - хоп!

- Хоп!

Это слышалось теперь с каждого стульчика: это означало, по-видимому, что все договорились. Я тоже, в принципе, сам с собой договорился - можно расслабиться. Звон бокалов, хохот, женские визги. Ля долще вита длится день! Впрочем, для кого эта шутка окажется сложной, может ее пропустить. Луша куда-то упорхнула,

а передо мной вдруг явилась литровая бутылка, на которой было написано латинскими буквами «Тарас Бульба», между тем на этикетке уверенными штрихами был изображен узколицый старик в малахе - известный таежный следопыт Дерсу Узала! Я решил, что разгадка парадокса находится в бутылке: позвольте себе один глоток - не понял, потом - другой. Вдруг кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся. Сладко улыбаясь, стоял Дерсу Узала, собственной персоной!

- Много, однако, читал! - щурясь, не без угрозы, прошепелявил он.

Я понял, что проник в какую-то страшную тайну - испуганно попятился.

- Нет-нет! - пробормотал я. - Ничего я не читал!

- Это хоросо! - удовлетворенно проговорил Дерсу, он же Тарас, и с ним же мы выпили.

Тут грянула песня - я вскочил со стула: к этой песне я имел самое непосредственное отношение! Музыка, как говорится, народная - но слова для этой музыки написал я. Сначала эти слова предназначались для телевизионной рекламы жвачки, но постепенно тоже стали народными.

«Если куда пришел ты - суперсперминт возьми, „с истинно мятным вкусом, не стыдно перед людьми!» Особенно мне нравилось: полная безвыходность для слушателей песни: «если куда пришел ты» охватывает практически все случаи жизни: если даже ты просто зашел к себе на кухню - значит, уже «куда-то пришел»! Именно благодаря этой всеохватности песня и стала истинно народной. Что это именно так, я убедился и сейчас - всех воротил и громил словно смыло со стульчиков гигантской волной: поднимая бахилы по семьдесят тысяч каждая, они заплясали, как носороги, или, точнее, как шкафы, стриженные под ежик. Женщины, что удивительно, в расчет не принимались - то есть они плясали где-то в сторонке, но шкафы в свой круг их не принимали. Особенно мне было обидно за элегантную Лупу: одних драгоценностей на ней рублей на семьдесят, не говоря уже о порточках из золота. Беда! Наверное, совсем другой расклад был бы на подводной лодке - там, говорят, такие упругие блондинки в ходу, но - молчаливые. А Луша, между тем, страстно увлекла меня в сторону за низкий столик и снова стала раздувать свою возвышенно-трагическую линию: капитан, влюбленный в нее, не кончат с собой, а в знак мольбы покупает ей бриллианты, истратив всю кассу парохода, а мафия, которой на самом деле принадлежит пароход, собирается его убить, а героиня, которая на самом деле в глубине души любит капитана, но находится в этот момент на переговорах в роскошном отеле на юге Германии, мчится ему на помощь в роскошном «Вольво», просветленно рыдая... тьфу! То, что она понимает под лирикой, на самом деле - абсолютная мерзость: все должны по максимуму друг другу напортить, навредить, намудить, а потом мчаться, давя прохожих!

- Такова подлинная история моей жизни! - призналась она.

Да я уж понял!.. Более мерзкую историю трудно себе представить!

Тут вдруг прямо из столика выскочила крохотная, на тонкой шейке, головка Тохи: «Б-е-е!»

Луша абсолютно хладнокровно оторвала это явление и отбросила в сторону... Да-а! Вот тебе и лирика: королева мафии с корнем вырывает возлюбленного. Но все это должно быть красиво. «Главное - алмазы!» - прошептала она.

Главное, что я понял, что и с главной руководящей и направляющей силой на этом корабле она тоже что-то финтит - во всяком случае, к нам внезапно подошел амбал и, взяв ее пальцами за шейку, просипел:

- А тебя, серая коза, мы скоро посадим на кол, и тебе будет с-сладко!

Я встал. Чтой-то назревало - но тут, к счастью, загремел канкан и Луша, чопорно извинившись, запрыгала к сцене, сопровождаемая жадными (во всех смыслах) взглядами толпы.

Канкан расцвел!

«Лукерья! Вставь в попу перья! Теперь я тебя люблю! Поверь - я высокомерья не потерплю!»

Канкан трепыхался перьями, колыхался выпуклостями - и главной тут, конечно же, была Луша - мастер, как говорится, на все ноги. Пляс разгорался. Всех - в зале и на сцене - стала «постепенно охватывать русская ураль»: такую фразу я прочел в программе одного шоу - и сам же ее и написал. Вдруг резко погас свет и вырубилась музыка - обрушилась тьма и тишина. Потом со сцены понеслись какие-то вопли и визги, шлепки по голому телу.

Натаквиваясь в темноте на столики, я рванулся туда (или не туда?), пытался нащупать что-то руками, как при игре в жмурки, но ловил пустоту.

- Зорька... стоять! - откуда-то рявкнул мужской голос.

Я наугад рванулся туда и оказался в каком-то качающемся коридоре, поднимающем то один конец, то другой, и освещенном тусклыми аварийными лампами. По коридору двигалась Луша, которую кидало то назад, то вперед, она делала перебежки семенящей походкой, поскольку была стреножена довольно существенной частью туалета, упавшей на пиколотки. Новым штормовым наклоном Лушу кинуло мне на грудь. Она была репительна и бледна.

- Ну - она еще пожалуют об этом! - пропела она.

- Так... куда? - я воинственно огляделся.

- Не спеша! - она вдруг блудливо потерлась об меня пышной грудью. - Я - кукла сатаны! - она вдруг приблизилась ко мне помутневшие зрачки.

Я как орудие мести?.. А почему бы и нет!

- Может, летаем? - усмехнулась она. Все верно - за ямщиком должен следовать наездник...

Она царственно перешагнула через лишнюю деталь туалета, и мы как-то быстро оказались в моей каюте.

- О, сатана! - то и дело восклицала она в полете, с необычайным иностранным ударением на первом слоге, что несомненно говорило о ее эрудиции и, не скрою, разжигало самые порочные чувства. Звучало также и «Энох эймаль», в переводе обозначающее как бы мольбу: «Еще, еще»... стоны страдания сменялись воплями восторга.

Нешлохо, нешлохо. Я уже чувствовал, что уверенно вхожу в стилистику жанра, столь любимого нетрудовыми массами: сексуальные страсти с моральным надломом. Силен, Евлампий - схватываешь буквально на лету!

Наслаждение нарастало, оно казалось уже почти нестерпимым, но тут вдруг начинался новый виток, еще более нестерпимый... пошли стоны, и острые ногти повели жгучие борозды по моей спине.

- О, сатана!

...Это, видимо, мне. Я буквально уже иссякал, истекал, в том числе и кровью - но остановки, где можно было бы сойти, в этой бесконечной ночи не предвиделось. Опытные сексологи учат: дабы не обмишуриться с этим делом, которое не всем и не всегда по душе, надо переосмысливать довольно однообразные эти движения в действия совсем иного рода, ставить в мыслях какую-то далекую цель. Моя цель - пересечь таким образом государственную границу, не быть сброшенным где-то в темных нейтральных водах. Я плыл, раскачиваясь на темных суровых волнах Балтики, потом лихорадочно полз по мокрой глине. Снова колочая проволока бороздила мне спину, крутящийся, подвижный проволочный рулон катился по спине... Относительная прохлада ночи - и снова проволока, на этот раз еще более острая, проникающая глубже и шире... Все! Судя по восторженным крикам встречающих - дополз! Окончательное блаженство приближалось - и тут вдруг прямо из стенки над нами высунулась головка Тохи на тоненькой шейке: «Бе-е-е!»

Луша внезапно спрыгнула на пол.

- Ч-черт, ч-черт! - закричала она, грохнувшись на колени на пол и стала креститься.

Я тоже был вынужден последовать ее примеру - что же мы, люди некрещеные? Хотя этого конкретного черта я знал, да и она, я думаю, его знала - и разговаривать бы с ним надо более резко, а не бить поклоны на холодном полу, посреди темного моря, в четвертом часу утра... но раз история, которую мне тут предстояло воссоздать, вся будет насыщена греховой символикой - стало быть, необходимыми и бурные покаяния, без покаяния и бандиты не примут: у них тоже свои моральные требования.

Мы некоторое время били с ней поклоны, потом темп поклонов стал замедляться.

- Теперь мне нечего от тебя скрывать, - присаживаясь на уголок кровати, проговорила она. - Моя жизнь ужасна, ужасна! - она спрянула лицо в ладошки. - И началось все это очень давно.

- Это когда... с капитаном? - деликатно осведомился я.

- Значительно раньше - в начале века!

Ого!

- Моя прабабка была монашкой... и при этом дворянкой. В революцию в монастырь, где она была, ворвались пьяные чекисты, и мой прадед, их главарь, изнасиловал ее!

«Ну, спокойно, - хотел сказать я Луше. - Ты-то причем?»

- Потом у него была семья, - скорбно продолжала она.

- И его правнук, прямой потомок... и был тем самым капитаном!

- Да-а-а... Ну и что?

- Теперь дьявол во мне, дьявол! - застонала она.

И мне, видимо, предстоит его выговять? Я понимал, что вся эта бурная сцена предназначена, чтобы потрясти меня, возбудить мои угасшие нервные окончания, но я боялся встретиться взглядом с Лушей, зная, что она не прочтет в моих глазах нужного потрясения. Не жалко прабабушку? Прабабушку жалко - а вот правнучку почему-то нет. За прошедшие эпохи могла бы и поумнеть!

- Анатолий и был... этим капитаном! - закончила она.

Вот тут меня уже немножко качнуло. Конечно, всю его бурную судьбу мне было не объять. Помню, он учился в мореходке, ходил курсантом, политработником... но когда же он побывал капитаном? Во всяком случае - до работы в пионерлагере - после лагеря я уже всю его судьбу знаю четко. А значит, она приехала к нему пионервожатой в лагерь «Артем» уже после всех якобы ужасов, сделанных с нею?.. Оригинально.

Я потрясенно молчал.

- Бе-е-е! - вдруг всунулась голова Тохи прямо через дверь. Луша резко вскочила, заправила крестик в ложбинку, где он уютно грелся, быстро оделась и оскорбленно вышла. Надеюсь - ее злора относится к Тохе, а не ко мне? Хотя я и чувствовал, что почему-то - ко мне, что и мне в этой истории крепко достанется - для того и приглашен. От этого я настолько расстроился, что тут же уснул. Проснулся я бодрым, отдохнувшим, почти ничего, к сожалению, не помня. Я был в отличной каюте, которая плыла по солнечному морю, стюард в белой куртке почтительно собирал посуду со столика, приглушенно брякая. И все это великолепие уже находилось за границей: от ярко-желтого, явно иностранного маяка на каменистом островке отходил, уютно урча, такой же яркий, явно иностранный катер. Я бодро оделся, вышел на воздух. Энергичен, подтянут, уши чуть оттопырены попутным ветром... На широких палубах, кроме свежего соленого воздуха и нескольких загорающих в пезлонгах, никого не было. Постепенно я вспоминал, как я здесь оказался. Мое прозябание в бедной квартирке на краю болот после трагической разлуки с любимой музой, отчаяние и тоска, попытка флирта со Второй Музой, и снова отчаяние, и - пленительный Лушин звонок, когда все уже надежды на счастье были потеряны - и вот я здесь! Я с наслаждением огляделся: какой простор! Наконец-то я вырвался из тесных стен, давивших меня! Солнце, как гений в лабиринте, искало и находило в облаках самые неожиданные, сияющие ходы!

Заглядывая через стеклянные стены внутрь мягких салонов, я вспоминал, что нахожусь в развлекательно-деловом бизнес-туре, где под солнцем и над морем делаются большие дела. Я обратил внимание, что даже медные наконечники брандспойтов, сверкающие вчера, сегодня были отвинчены и, видимо, проданы. Ну, ворищи! Я зашел в ресторан, позавтракал. Молоко и ко-ко-ко! Обстановка была приятная, кругом бутерброды, бабы, но Луши нигде не было видно. Я с нарастающей тревогой чувствовал, что в ее отсутствие наличествует некая обида: не оценил глубины ее страданий, недовосхитился их мощью и глубиной и теперь чувствую пупком - за это меня ждет жестокая расплата.

«Не стоит ли вообще столь пиничных, равнодушных людей сбрасывать за борт?!» - вот какой приговор я с ужасом читал в ее поведении. Она-то надеялась, что ее поймут, что ворвутся посреди ночи с буквально дымящимся сценарием, написанным кровью (специально же отворила мне кровь, избородив спину)... А я вместо этого тупо и даже с удовольствием спал! Да, расплата близка... А зарплата - далека, если вообще мне полагается зарплата за мой цинизм!

Хмурого Тоху я нашел все в том же баре, абсолютно одинокого. Ну что? Отвеедем жути? Что до меня, я уже был - морально и физически - готов ко всему. Тоха выглядел сильно усталым. Еще бы, после всех катаклизмов, которые он тут продемонстрировал!

- Ну, как ты после вчерашнего? - я положил ему руку на плечо. При этом имелось в виду все - он мог выбрать любое происшествие по вкусу: и появление в виде громахающей тучи, и в виде «бебекающей» головки, да и просто нормальный перебор вчера в баре, на этом же стульчике.

- За всех приходится пахать! - нервно произнес Тоха, не уточняя, за кого за всех.

Красавец бармен кивнул мне, засверкал шейкером, чего-то смешивая, потом, стуча льдом, наполнил тонкий

бокал чем-то нежно-зеленым, в цвет окружавших нас тропиков, и пустил бокал по черному стеклу стойки. Бокал проехал метра полтора и «выпш» точно рядом с моей рукой! Снайпер!

- Моя заморочка... называется «Сеновал»! - не без гордости проговорил бармен.

Я прилебнул... Да - действительно, аромат свежего сена - и при этом привкус хвои. Скорее не «Сеновал», а «Лесоповал». Я сказал это бармену, он усмехнулся.

- Сколько с меня? - я полез за пазуху.

Бармен с отвращением махнул рукой. Что... все так хорошо? Или все так плохо? Не понял.

В бар, качая серьгами по полпуда, вошла она, отрешенно и холодно, в нашу сторону даже не посмотрев.

- О, проснулась уже! - воскликнул я.

Она скорбно вздохнула. В смысле: но кто-то должен и работать!

- Ну что, Андриш? Все болеешь? - проникновенно спросила она у бармена, но фраза эта явно предназначалась для нас. Мол, вообще-то она человек чуткий и добрый, помнит, кого как зовут и кто чем болен - и лишь такие мерзавцы, как мы, не стоим даже поворота головы!

Бармен несколько удивленно ответил ей - что нет, он никогда ничем не боится, - но она понимающе покачивала головой, как бы даже глубже его самого зная все его невзгоды и проблемы. Душевность ее не имела границ!

- Надеюсь, вы уже сделали хоть что-нибудь? - наконец, холодно повернулась она ко мне.

Контраст был особенно убийственным после душевной ее беседы с барменом. Вообще чувствовалось, что из всех классов трудящихся этот ей почему-то ближе всего.

Я открыл рот, чтобы ответить - что нет, мол, ничего крупного не успел, но тут она нанесла новый удар.

- Надеюсь, я вчера сказала вам, что героиня - не миллионерша, а прогрессивная журналистка, борется с мафией?

Тут я снова качнулся на сиденье. Прогрессивная журналистка? С этим сверканием стекла на каждом из пальчиков? С серьгами по полпуда в каждом ушке?! Или она перевоплотится, усмирится? Наверяд ли! Она прочла явное сомнение в моем взгляде... Война? Война! Так быстро! Я, конечно, понимал, что она, как настоящий вождь, должна время от времени разоблачать очередного маршала-вредителя, виновника поражений, но что это произойдет так скоро и в аккурат со мной - не ожидал... Ну, а с кем же еще? - я огляделся. Больше не с кем - для этого я и тут.

В бар вошел ее лысый друг, вчера вольготно хлопающий се по заду, но нынче он тоже был сосредоточен и хмур. Я понял, что сейчас состоится своего рода худсовет - оказывается, и у них бывают худсоветы.

- Ну, так вы сделали что-нибудь? - еще более холодно осведомилась она, начиная заседание.

- Э-э... мэ...

- Так сделали или нет? Мы же, кажется, договорились?

Лысый с удивлением глянул на меня, потом - на нес... Ловкая шельма!

- Ну так что? Будем молчать?

...За этим, видимо, должны последовать пытки.

- Кстати, - презрительно, как к двоечнику, позорящему класс, обратилась она. - Я, кажется (кажется!) говорила вам, что монашенку и... ее праправнучку-журналистку будет играть одна актриса?

Ну, это понятно. Это чтобы получилось побольше денег. Я даже догадываюсь, кто она!

Тут в бар вошел еще один «член худсовета» - тот маленький крепыш, с которым мы давеча чуть не подрались у телевизора. Он был настроен еще решительней и злей, чем вчера - но злоба, как я заметил, обращена была на нес.

Луша поерзала, но сидела так же гордо.

- А... чекиста - и капитана тоже - один человек! - произнесла она.

Тоха заиграл желваками: было ясно, что речь о нем.

- А пела нам, что Рэмбо будет играть, что пятнадцать миллионов наших заслала ему! - произнес крепыш.

Обстановка напрягалась.

- К сожалению, ничего крупного, достойного таланта Рэмбо, наш автор не предложил!

Так. На мне уже пятнадцать миллионов. А говорят, что они запросто убивают даже за миллион! Bravo, Луша!

- А про что, вообще, кино? - этот вопрос лысый обратил все же к Луше, а не ко мне, что доказывало, что и среди мафиози попадаются неглупые люди.

- Это - фильм о любви! - высокопарно, слегка даже вытянувшись к солнцу, проговорила Луша.

После этого, ей казалось, все подозрения в ее адрес должны были отпасть - но, увы, не отпали!

- А про что - любовь-то? - проговорил лысый, и я полностью поддержал его вопрос. Сказать «любовь» - это значит ничего не сказать, это все равно, что сказать «стих» - и торжественно умолкнуть. Луша пыталась убедить нас, что восклицания этого вполне достаточно - но не убеждала.

- Что такое любовь? - Луша с упреком посмотрела на лысого. - И это вы спрашиваете, Григорий Матвееч?

- Ну, я! - с вызовом проговорил тот... действительно, обняв с Лушей, он мог и не раскумекать, что такое любовь. Честно - и я что-то эту штуковину в енттой компании начал подзабывать. Всю жизнь, можно сказать, этим занимался, а тут, когда надо позарез (вот именно - позарез!), как шваброй смыло!

Тут вошел еще один «член» - тот, что походил на лимон; посмотрел на всех ясными, хорошо выпавшими глазами и бодро осведомился:

- Ну что - будем «мочить»?

- Вот только кого? - крепыш с яростью уставился на лысого. Видимо, именно он у них отвечал за культуру и так тут с нами опростоволохился.

Лысый, естественно, всю злобу обратил на меня (все равно к Луше ничего не пристает, все смывается, как губкой):

- Да хватит тебе квасить! - он вывинтил у меня из пальцев бокал. - Работать пошли!

То есть он по-умному лепил из меня образ талантливого, но заливающего специалиста (голова есть, но керосинит по-черному?).

- Ну давай! - я ему подыграл, тем более что после «Сеновала» действительно слегка заплетался.

- Пепси налей!

Мы выпили пепси и куда-то деловито пошли. Лушу и Тоху они не пригласили, даже не посмотрели в их сторону: с одной стороны, то было, конечно, мне лестно, а с другой - боязно.

Мы почему-то прошли в «пытошную», где, видимо, лимон был начальником или тренером, и ласково шуганул троих толстых теток в дорожных спортивных костюмах, что корячились перед зеркальной стеной. Тетки, сопровождаемые моим прощальным взглядом, хихикая, убежали. Чего они хихикали? Знали, что тут произойдет?

Лимон указал нам на маленькие креслица перед орудиями пыток, и сам сел на одно такое креслице, и стал с диким напряжением, скрипя пружинами, сипя натянувшимся тросом, сводить и разводять перед собой огромные «лапы», наливаясь бордовым цветом, надуваясь мышцами. Впечатление было устрашающим.

Злобный крепыш вышел куда-то, и мы услышали, как за дверцей что-то тяжелое бухнулось в воду. Люк в океан? Наверяд ли. Звук был какой-то гулкий, с эхом закрытого помещения, однако - кто его знает. Я побледнел. «Члены» пересмеялись.

Ну что ж! - вспомнил я свою любимую фразу. - «Тот, кто пользовался любовью женщин и уважением мужчин, пожил уже достаточно». А я, слава богу... Правда, с уважением вот этих мужчин дело обстояло не совсем ясно.

- Ну что - значит, не хочешь нам нарисовать? - проговорил лысый.

- Избалованный больно! - рявкнул крепыш.

...Начало допроса, не скрою, меня порадовало. Чувствовалось, что они откуда-то знают, что имеют дело с крепким орешком, но отнюдь не пустым.

«Пытошники» молчали. Как умные люди, они чуяли, что с любовью здесь туго - придется выколачивать всеми силами. Других методов у них, видимо, уже не было - все деньги скушала Луша... «Луша моет маму. Мама моет маму». Да-а. Им тоже явно не хотелось «работать» - да еще с человеком, который пока еще не сделал им ничего плохого.

- Ну шо - годится она на журналистку? - спросил крепыш.

- А на столбовую дворянку? - спросил лимон.

Я вздохнул.

- А на что она годится вообще? - крепыш снова взъярился на лысого.

- А что я вам за эти гроши - Лайзу Минелли куплю? - парировал лысый.

- Финиш! - крепыш жажнул по макиваре, каратистской

доске, макивара прогнулась... Ого! Жест этот, по-видимому, означал, что хватит пререкаться, надо работать.

- Может - действие перенести на подводную лодку... применялись там такие особы! - начиная работать, предлежал я.

- Ты шо - совсем простой? - разгорячился лимон. - Тебе деньги платят, шоб ты вот эту посудину рекламировал, шоб серьезные люди на ней плавали - на хрен им подводная лодка!

- Но с чего это вдруг ей журналисткой приспичило стать? - не унимался крепыш.

Что-то мне все это напоминало. Какое-то известное литературное произведение... «Не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой!»

- А это - шоб нас разоблачать. За наши ж деньги, - усмехнулся лимон.

- А это, чтобы мы приличными людьми были! - строго глянув на дружков, проговорил лысый.

Да - нелегкая задача мне предстоит... шоб Луша разоблачала!.. ее саму как бы не разоблачить!

Словно почуяв мои мысли, вопля она, царственно уселась, закинув одну роскошную ногу на другую, глянула на нас, как бы говоря: вот мой аргумент! Ваши аргументы? Вошел мрачный Тоха. Основная работа, как я понял, будет с ним.

- Ну шо, малец - будешь девоньку любить? - лимон тоже почувствовал главную трудность в этой истории.

- А это как мастер скажет, - лениво кивнул Тоха на меня.

Мастер трудного жанра! Луша четко почувствовала, что сопротивление во мне, если кто и является противником любви к ней - так это я. Получил практически все, а теперь... есть же такие непрофессиональные люди!

- Но я же практически все вам рассказала, Валерий Георгиевич, - уже с оттенком брезгливости проговорила она. - Капитан влюбляется в прогрессивную журналистку. Влюбленные сидят вечером на корме - и видят зеленый луч, предвещающий счастье. Вам что-нибудь непонятно?

Господи... неужели ради этой... серьезный капитан будет смотреть не вперед, а назад? И - видали мы этот «зеленый луч»? Вон он сидит, зеленый с похмелья.

- Вы что-то имеете против любви? - процедила Луша.

Да, такой трудной любви в жизни не было! Но кто тебе сказал, что жизнь будет становиться легче? Скоро - подъемным краном придется поднимать.

- Я пойду, Григорий Матвеевич? - играя всеми своими статьями, произнесла Луша.

- Иди, иди, - задумчиво произнес лысый.

- Да - вы поняли, надеюсь, что я наследственная столбовая дворянка? - Луша злобно вперилась в меня: еще бы - единственная преграда между нею и миллионами!

Я промолчал. Получишь ты, Георгич, по бапшке - и будешь прав.

Луша направилась к выходу, но тут дверь распахнулась, и вошел мой костюм. Все почтительно встали.

- Ну, как работается? - осведомился он.

- Сложный товарищ. Хамит, - пожаловался лимон.

Когда это я хамил?

- Балованный больно! - вскричал крепыш.

Вот это в аккурат верно. Да - я избалованный, но исключительно самим собой.

- Нам такие и нужны! - строго произнес костюм.

Широко мыслит. Постараюсь не подкачать!

- Я пойду, Авенир Максимыч? - Луша на этот раз обратилась уже к костюму и сноровисто переступила, как застоявшаяся лошадь.

- А с тобой у нас будет особый разговор! - холодно ответил ей тот.

Луша самолюбиво вышла. Тоха поплелся за ней.

Ну ясно - кто опять здесь главный. Я.

- Надеюсь! - костюм положил мне руку на плечо.

Ну - а на кого же еще надеяться? Я вздохнул.

- Пусть он тут у нас посидит! - показал свою расторопность и лысый. - Что-нибудь нужно? - спросил он у меня.

Если б они что-то нужное могли дать! Я вздохнул.

- Если что - звоните прямо мне! - величественно проговорил костюм и удалился.

- Все понял? - крепыш полосонул костяшками мне по губам. Это, как я понимаю, его работа. Все при деле.

- Ну все, все! - я начал их выпроваживать.

Кто-то, видать, лимон, долго громыхал запорами на железной двери. И затихло.

Так я сразу и начал! Я прошелся по залу. Интересные тут орудия пыток. Вот дыба. Ноги вдеваются в железные башмаки, руки - в железные рукавицы - и ты всеми силами

пытаешься удержать свой рост, а дыба медленно, со скрежетом тугих пружин, тебя растягивает. А вот - пристегивают за ноги на наклонной доске - и ты, чтобы голова не переполнилась кровью и не лопнула, должен напрягать пресс, поднимать голову, садиться, снова падать и снова подниматься... умирать-то от кровоизлияния неохота!

Покачался и там, и там. Силушка заиграла. Эх, сейчас бы всех раскидал - жалко, ушла.

Вдруг зазвонил телефон: тяжелая железная трубка в тесных военно-морских зажимах, тоже похожих на орудие пытки... с трудом вытащил.

- Алле!

- Неужели вам, Валерий Георгиевич, ни о чем не говорит слово «любовь»?

Ну, почему же не говорит? Не только - «о чем», но и «о ком»! И в том самом ракурсе, как любит она!

- Говорит! - отчеканил я.

- Надеюсь! (Не без кокетства.)

...Почему же - «не говорит»? Помню, однажды в Крыму в таком же взвинченном состоянии на почту зашел. Да-а... Почта в Коктебеле - это совсем не то, что почта в наших мурых краях! Тут она действительно является отделением связи, а там!.. Прямо с яркого солнца, с жары, где все идут распахнутые, раскаленные - и входят на почту: темновато, прохладно, и хоть и южное, однако, правительственное учреждение. Слегка зажимаются на груди распахнутые рубашки, но ноги, ноги куда девать - откровенные, выпуклые, голые оказываются тут не только неприлично возбуждающими, но и неожиданно - грязноватыми, по колесо в пыли, а повыше, в более нежных местах, в сиренево-серебристом налете соли, кое-где протерченном сухими острыми стеблями. Куда брели эти ноги, не разбирая дороги? Было темно, и душно, и хорошо, не до царапин. А теперь обладательницы ног смущенно стараются, чтобы их было поменьше, прячут их одну за другую, сжимают. Но не спрячешь! И я после очередной отчаянной попытки позвонить, в страдании, переходящем в наслаждение, шарил глазами по ним. Человеку в таком состоянии все можно. Сладость росла. Эта детская привычка: страдание от невыполненной контрольной, перерастающее вдруг в толчки восторга. «Идет бычок, качается, кончат на ходу, никак не догадается, кого имел в виду!» И тут я вдруг увидел - кого! Кому я могу излить всю горечь многострадального своего существования! Она шла почему-то совершенно спокойно, не зажимаясь, не пряча неприличия, а, наоборот, их выставляя - в тесной майке, в рваных джинсовых шортах, чуть сопревших в горячем месте. Я схватил ее тонкую руку с сизым морским налетом: мои ногти оставили три светлых следа. Она остановилась и спокойно смотрела на меня, словно этого и ждала. Мы пошли с ней в мою клетушку. За перегородкой терлась и похрипывала свинья, мы тоже потерялись и похрипели, и я излил всю накопившуюся соленую горечь - как много, оказывается, ее было во мне!

Примерно раз в час, заранее взвинчиваясь и возбуждаясь, я мчался полуодетый на почту, но телефонистки все не было, я шел назад и дарил своей пленнице все напряжение. Потом снова ходил - и снова разряжался. Если бы не она - я бы взорвался! На третий день я вернулся уже бегом и с особой яростью излил ей всю горечь, ставшую сладостью. «Ну что за жизнь! - слегка разрядившись, сказал ей я. - Третий день на междугородном телефоне никого нет! Что там за баба такая?» - «Так то ж я!» - блудливо-простоудушно улыбнулась она. Во, жизнь! Еще несколько раз я излил всю горечь и боль... А что, если вдуматься, тут плохого? Я уже привязался к ней и, когда, наконец, отвозил на автобусе ее домой, в поседок Щебетовка, то даже улыбался. Как она разговаривала с пожилой тучной женщиной, явно бывшей красавицей... никакого напряжения, никакого раскаяния, спокойно-любовно:

- Лиза - ты что кушаешь? Давай я покушаю.

- А что это за хлопчик у тебя? Дай попробовать!

...Какое добродушное бесстыдство разлитое в этом томном, теплом воздухе!

- Я не поняла! (Это моя, насмешливо, с ударением на «по».)

Нега, теплая пыль. Упали в полянь. Потом была еще одна встреча - прямо на рабочем ее месте... Тыфу, тыфу!

Было, было! Я стал ходить по помещению. «Когда я на почте служил ящиком»! Да - было, было! Ровничницы, сновальщицы, трепальщицы - все было. Помню - шел в расцвете богатства и элегантности и вдруг увидел, что на меня простая - совсем простая - девушка смотрит! Колоссальный успех! А то - действительно все больше попада-

лись доктора наук, балерины (на пенсии), графини (без поместий), да и просто - высшее образование... Не раз я говорил себе по ночам: узко живешь, одна заумность, о простом ну совершенно ничего не желаешь знать! И вот - простая! Огромный успех! Но простота, как и обещано пословицей, оказалась хуже воровства. Что за воровством следует? Убийство?.. Во, именно оно.

Но убедился не сразу: поначалу лениво-списходительно предложил ей пройтись, привел в свою холостяцкую (якобы) берлогу, мы выпили по бокалу вина - и полетели. Полетел, если точнее, один я. Я висел под потолком маленьким дирижаблем, внизу, как шикарные небоскребы, поднимались шкафы. Потом добавились ярко-золотые пирамиды, уходящие в сверкающую даль. Ужас и восторг. Не буду перечислять всех тех волнующих видений, что посетили меня в ту волшебную ночь. Скажу только, что хмурым давящим утром я очнулся распластанным на полу, расплюснутым, не толще, наверно, ковра - и душа, что интересно, была так же аккуратно размазана! Полдня я пролежал вообще без мыслей, потом выплыла одна: что со мной и почему же, черт возьми, я не могу пошевельнуться? Потом, глядя как движется стрелка часов, я тоже сделал попытку подвигаться: пошевельнул пальцами. Медленно выдвинул ящик стола: взято было по-божески, то есть все, кроме мелочи. Не захотела пачкаться? Что-то вроде обиды шевельнулось во мне. Но не сказал бы тогда, что мои мысли и чувства двигались стремительно. Следующий мой подвиг был: повернуть голову и более четко разглядеть два крохотных темно-коричневых пузырька, закатившихся под кресло. О, дотянулся... «Глазные капли». Только введены почему-то в желудок. Улыбнуться оказалось тяжелее, чем открыть дубовую дверь. Потом пришла мысль, но тоже не очень сложная: наверно, она в аптеке работает. И новая мысль, еще более простая: она в нашей аптеке работает, в моем доме - там-то я ее и видел, а она меня. Снова мрак на меня навалился: как же так? Ведь могла понять, что я ее найду! А если меня самого найдут в охлажденном виде, то найдут и ее, хотя бы по тупо оставленным пузырькам. Неужели - ничего, - ни переживаний, ни боязни? «Преступление и наказание!» Романтическая мечта! Ей эта бодяга не знакома. И так и вышло: ни наглого вызова, ни смущенного лукавства... абсолютно равнодушный взгляд. То есть я не имел никаких моральных прав, чтобы к ней подступиться - верней, права у меня были такие же, как у любого посетителя аптеки. Тем не менее я завелся: ну неужели уже исчезло все?

В общежитии, где она жила, на серых кирпичях под ее окном было написано копотью: Саяночка. Натаха. Светка. Анжела.

Через полгода мне стало казаться, что что-то происходит, и даже удалось услышать от нее нечто вроде признания:

- Ваще, я и не хотела ничего брать у тебя. Посмотреть хотела, как действует: девочки говорили - отлично!

Но больше, как ни бился, ничего не узнал. Непонятно было самое главное: кто она, зачем, откуда? Ни на один из этих вопросов даже тени ответов не удалось получить. Да их и не было. Ну - родители в Подмоскovie, там у них кабанчики, курочки... Дает ответ? Не дает ответа. И ваще - чего надо? Все, что было - рассказал. Больше ничего.

Однако, будучи во власти штампа - о борьбе за прогресс в литературе и жизни, я продолжал с нею биться. И когда ко мне приехал из Москвы брат, главный контролер моей жизни, я привел прекрасную аптекаршу, и брат в своей обычной манере «покровительствовал» ей. Утром, когда мы проводили ее в аптеку и она, хмуро кивнув, скрылась за дверью, я не удержался и сказал брату:

- Понял?
- Чего же не понять? - удивился брат.
- И не отравила! - не удержался я.
- А... должна была отравить?
- Могла! - не без гордости прокомментировал я.
- Слушай!.. Эти твои мячуринские опыты! - завопил он и, мелко крестясь, кинулся к вокзалу.

Я и сам понимал, что движение существует лишь в моем воображении, на самом деле - нет ничего. В один скучный вечерок Анжелочка так «угостила» меня, что я еле дополз до телефона! Мотивов нет. Можно ли это назвать движением к прогрессу? Не уверен!.. Но что-то все же вспоминается:

- Ну сладенькая, ну повернись!
- М-м-м! (Капризно.)

...Что это все в голову мне идут исключительно криминальные сюжеты? Соцзаказ? Да нет - вроде бы как раз просят о возвышенном, о благородном. Снова - наряжать манекен? Но Анжелочка хоть не просила об этом, а тут - обаяние! Притом - с Анжелочкой я уже знал, чего ждать. А с этой?

«Любовь»? Про две «попытки» я уже рассказал.

Но все же я заставил себя сосредоточиться на Лушином голоске, который все это время пел в трубке.

- ... и шампанское, шампанское! Напишите что-нибудь приличное - «Клико» или «Мозтт»...

Неужели, наконец-то, мне удастся написать что-то приличное? Даже не верится.

- ...Капитан, вновь влюбившись в нее, буквально сходит с ума! Цветы доставляются вертолетами с юга Франции, устрицы из Бретани, икра из России...

Надо же, какая экзотика!

- Но вы же сказали - он застреливается! - от усталости я даже перешел с ней на «вы».

Тут она осеклась. Что-то такое она говорила, но сейчас это прозвучало досадной помехой. Ежели он застрелится - так, значит, перестанет «метать икру»?

- Ну - в общем, это вы продумайте, Валерий Георгиевич! - небрежно сказала она. Это ее не очень интересовало. Шампанское, икра!.. желательное - без конца. Если будем убивать капитана, кончится икра, Луша надует губки. А если оставить его жить вечно - то терпение (да и кошельки) заказчиков явно иссякнут, и шкуру они сдерут с меня! Ловко она меня подставила!

- Мы с вами «Оскара» должны получить, Валерий Георгиевич!

Ну ясно - только «Оскаром» можно заслониться, когда нас будут кончать за растрату!

- Еще какие-нибудь указания есть?

- Указания? Да. Героиня заливает. Она идет к другому бармену и пьет все подряд: виски, шерри, джин, клорсао, водку!

Вот водку - зря.

- Тут наступает рассвет, капитан находит ее, обняв за плечи, введ в ресторан. Им подают молочного поросенка...

- И тут вбегают мафиози и убивают их! - выкрикнул я.

Наступила долгая пауза. Видимо, Луша усваивала обидную мысль, что всех денег из мафиози все равно не выкачать... И кончать все равно как-то надо. Уж лучше так. И такая малопонятная смерть даже выгодней: раз - и все, а если разорваться на объяснения, то не успеешь толком выпить и закусить.

- Ну хорошо, если вы так хотите... - не очень охотно проговорила она.

«А как еще с тобой кончить?» - подумал я.

- Ну хорошо... они падают среди цветов...

Рядом с поросеночком...

- ...и вскоре в небо над кораблем взлетают две ослепительные чайки!

Все-таки она упорно хочет показать, что главный автор - она, а остальные лишь неумело ей помогают.

- Ну хорошо... а поросеночек - не взлетает?

Зловещая пауза, на протяжении которой я должен, видимо, покрыться потом, а после заледенеть в ужасе.

- Мне не очень нравится ваш цинизм, Валерий Георгиевич!

Да я и сам с ним намаялся.

- Мы обо всем договорились, Валерий Георгиевич?

- ...Нет, - проговорил я и повесил трубку.

Снова звонок. Дозаказ шампанского? Со вздохом я взял трубку.

- Где эта с-сука? - сильный голос крепыша.

- Не знаю. А что такое?

- Она у ювелира нашего кольцо «одолжила» - и с концами! На выставку везли! Сказала, что для съемок ей надо. Только сейчас раскололся, с-старый козел! А ты ее покрывал. Все ясно?

В общем, ясно. Казни не миновать.

- Где эта с-сука? Стала всех трясти - оказалось, что тут не группа, а сплошной г-гарем: ни артиста ни одного, ни оператора, ни осветителя - никого! Одни е...ри ес! Ты такой же специалист?

...Да, в общем, наверное, да.

- Погодь, ты тоже свое огребешь!

Не сомневаюсь. Бросил трубку, стал накачивать мышцы. Ну... совершенно безумная баба! Знала уже, что кольцо увела - и шампанского, шампанского гордо требовала. И - чайки, чайки... То есть - идея в общем возвышенная, но отдельные негодяи... Красивый миф.

Звонок.

- Они думают, я чокнутая! Вешают свои миллионы на меня - и чтобы ничего не прилипло, хотят!

Бросила трубку. Зачем звонила - не пойму. Оправдаться перед Богом? Но я же не Бог. А насчет «прилипавия» вообще не спец. Ну - прилипло кольцо. Хорошо это или плохо?

Яростный звонок! Такой, наверное, перезвон стоит на подводной лодке, когда она идет в атаку (или тонет).

Снова крепыш:

- Ты знал или нет, что на барже этой полно ментов? Ты их привел? Или - эта?

Пауза. Неожиданно - ее крик:

- Ну найдется тут хотя бы один мужчина?!

Пауза. Видимо, не нашлось. Тут пошли выстрелы: надеюсь, это не в меня пытались они попасть по телефону? Крики: «Зорька! Стоять!» - словно из слева. Опять выстрелы - даже трубка на шнуре подпрыгивала. Потом, как в стереокино, звук переместился в другую сторону: по коридору за моей дверью понеслись, все сотрясая, какие-то боевые слоны, с отрывистыми хриплыми криками:

- Беру, Петро!

Удар - словно столкнулись два огромных бильярдных шара и разлетелись. И снова голос:

- Беру, Павло!

Мне тоже захотелось поучаствовать в этих богатырских играх, я стал трясти железную дверь «пытошной» - бесполезно.

И тут вдруг резко наступила тишина: и в трубке, и в коридоре. Если и шум и грохот все же оставляли меня отчасти спокойным (то есть какая-то жизнь идет и без меня) - то тишина вдруг страшно беспокоила. Что-то совсем необычное. Все умерли?

Я стал колотиться в «пытошной», ища слабое место, наконец вышиб какую-то переборку - надеюсь, не дно? - и вышел вон.

Картина, которую я застал в «Тропикано», превосходила своей неожиданностью все. Гора трупов? Банально, банально! Все неожиданней. Тоха в пятнистой десантной форме с тремя богатырями в тренировочных костюмах сидели за стойкой бара и пили сок. По другую сторону овального бара сидели мои заказчики - лысый, лимон, крепыш и, как и положено негодяям, пили вино. Картина была почти идеальной - разве что дышали все чуть прерывисто, но это пройдет. Картина абсолютно истинная. Ничего в жизни не доводится до конца. Зная, что окончательно друг друга они все равно никогда не победят, они могут и не спешить, не гнать горячку, слегка расслабиться. Трое богатырей рядом с Тохой показались мне мучительно знакомыми. Где же я их видал? Да вчера

в баре! Внедрялись в нехорошую жизнь? Но до чего капитально!

Луша сегодня явно тяготела к силам порядка и даже кокетливо натянула пятнистый Тохин берет. На шею ее победно сияло кольцо. И тут она в зеркале увидела меня. Я мог и, наверное, должен был пройти мимо, но вместо того как принципиальный пионер остановился: давайте поставим точки над «i»! Вот этого как раз и не следует делать! Луша сделала стойку, как змея. Потом жарко прижалась к Тохе, что-то возбужденно зашептала ему на ухо, поглядывая на меня. Ну ясно - единственный клиент, с которым не удалось договориться, да и вряд ли удастся. Зачем живет на свете такой человек? Я понял - но ноги как приросли. Луша шептала, а между тем белые намянкоренные пальчики ее как бы рассеянно ласкали Тохину кобуру: вот грубый кожаный конец кобуры вполз между пальчиками, потом они, поцарапывая толстую кожу, сползли с конца. Кобура набухла. Тоха камнел. И орлята напротив, которые за стойкой вроде не могли этого видеть, все почувли (по Тохину лицу?) и тоже умолкли. Пальчики оседлали кобуру, плавно «подовли» ее, потом вдруг ловко отстегнули пуговку и скользнули внутрь. Кобура надулась. Долгая пауза - и разряд, грохот, завоняло паленой кожей, задымилась и дорожка у бара. Тоха словно очнулся, отпихнул от себя горячую Лушу:

- Ты соображаешь, чего просишь? - рявкнул он.

Луша непримиримо глянула на меня - и вновь прилепнула к клиенту. Я понял, что ждать тут глупо, и вышел в палубу.

И сразу - простор, тишина. Затихшее, взволнованное море в трюме, объяснялось и тем, что корабль стоял - видимо, с того момента, как я это почувли. Словно подчеркивая эту тишину, на дальнем берегу двуногий кран, похожий на мифическую железную птицу, кловом постепенно схрумкивал гору ржавых автомобилей, нес - и с тихим, именно тихим скрежетом ссыпал в баржу. Вдаль уходили еще несколько длинных барж. Вода была розовая, тихая. Над поворотом воды, на скале, стоял огромный немецкий орел с прямыми плечами. Германия! Вот это неожиданность! Совершенно забыл поинтересоваться, куда плывем. А ведь именно в эти края моя любимая Ева, немецкая профессорша, звала на конференцию - про этот пласт своей жизни я как-то совершенно забыл! Но как было сделать? «Прибытие за свой счет». А где его взять? Я со вздохом глянул на орла... вряд ли слетимся!

Я обернулся: все из бара тоже вышли подышать. Тоха хмуро глядел в палубу. Луша снова взялась за свое. Я чувли, что при ее мастерстве мой конец близок - Тоха долго не выдержит. Да и обстановка симпатичная - «при пересечении границы»... Я всосал воздух. Ну что ж. Вечный сон - лучший доктор.

- Валерий! - вдруг послышался оклик. Толпа, стоящая у поручней и любующаяся бухтой, вдруг ожила: академик Гаспаров, профессор Смирнов, Фунтглебен, знаменитый Зайцер... а это - неужели легендарный Коссига?! Лучшие умы! Но главное - Ева, моя любимая Ева бежит ко мне! Мы с лету обнялись, закружились.

- Так, значит, все-таки схал? Где же ты был? Почему не дал факс?

Почему, почему! Счастливым поцелуем я впился в Еву. Коллеги радостно загомонили - внезапная встреча добавила оживления.

Корабль, закрепав, двинулся.

- Где твои вещи, мудака? В темпе собирайся! - за три года аспирантуры в нашем городе Ева научилась разговаривать, как мы.

И старые мои спутники тоже улыбались: удачному исходу радуются все... Но Луша, Луша! Сделала мне поездку - и практически бескорыстно.

- На кого работаем?! - хотел на ходу рявкнуть я, но не рявкнул, потому что понял: все в мире, как и обычно, работает на меня.

- Застрелиться! - Луша в восторге всплеснула руками.

Спускаясь по трапу, я впервые разглядел название парома. «Катюша Маслова» - падшая, но чистая, воспетая нашим знаменитым классиком Львом Толстым. Бывай!

Вместе с другими участниками конференции поднялся в белый тупорылый автобус, и нас понес низкий мощный поток. Я с наслаждением вытянул ноги...

ПАРИЖ,
Lettre Internationale
Гл. редактор
АНТОНИН ЛИМ
41, rue Bobillot, F-75013 Paris,
tel. 00 33-1-47 00 74 59, fax. 00 33-1-45 35 44 91

РИМ,
Lettera Internazionale
Гл. редакторы
ФЕДЕРИКО КОЭН,
ВИТТОРИО СТРАДА,
АНТОНИН ЛИМ
c/o Lelio Basso Foundation, Via della Dogana
Vecchia 5, I-00186 Roma, tel. 00 39-6-68 300 644,
fax. 687 61 63

ЗАРУБЕЖНЫЕ РЕДАКЦИИ

МАДРИД,
Letra Internacional
Гл. редакторы
САЛЬВАДОР КЛОТАС,
ЛУИС ГОЙТИСОЛО,
АНТОНИН ЛИМ
Editorial Pablo Iglesias, Monte Esquinza 30, 2ª dcha.
E- 28010 Madrid, tel. 00 34-1-3 10 46 96/3 10 47 98,
fax. 319 45 85

БЕРЛИН,
Lettre International
Гл. редакторы
ФРАНК БЕРБЕРИХ,
АНТОНИН ЛИМ
Rosenthaler Str. 13, D-10119 Berlin,
tel. 030/30 87 04 40, fax. 030/283 31 28

БЕЛГРАД,
Lettre Internationale
Гл. редакторы
ЙОВАН ХРИСТИЧ,
АНТОНИН ЛИМ
Cika Liubina 1/V, 11000 Belgrad,
tel. 00 38-11-620 130

ПРАГА,
Lettre Internationale
Гл. редакторы
ТОМАШ ВРБА,
АНТОНИН ЛИМ,
Michalska 12, CR-1100 Praga 1 - Stare Mesto,
tel. 00 42-2-24 21 32 34, fax. 24 21 50 27

БУДАПЕШТ,
Magyar Lettre Internationale
Гл. редакторы
ГАБОР МИХАЛИ,
ЕВА КАРАДИ,
АНТОНИН ЛИМ
Columbus utca 39, H-1145 Budapest,
tel. 00 36-1-183 57 99, fax. 121 51 43

ЗАГРЕБ,
Lettre Internationale
Гл. редакторы
СЛОБОДАН П.НОВАК,
АНТОНИН ЛИМ
Trg. Bana J. Jelacicca 7, Zagreb,
tel. 00 381-41-24 74 03

БУХАРЕСТ,
Lettre Internationale
Гл. редакторы
Б.ЭЛВИН,
АНТОНИН ЛИМ
Fundatia Culturala Romana, Aleea Alexandru 38,
sector 1, R-Bukarest, tel. 00 40-1-679 63 54;
fax. 312 75 59

СОФИЯ,
Lettre Internationale
Гл. редакторы
СВЕТЛА ИВАНОВА
АНТОНИН ЛИМ
Ploscad Bulgaria 1, NDK- Administrativna
Sgrada, 11. Etage, BUL-1463 Sofia,
tel. 00 359-2-65 81 67

ВАРШАВА,
Lettre International
c/o Agencja Autorska Fundacje
Гл. редакторы
ЕВА МИХАЛЬСКА
АНТОНИН ЛИМ
ul. Hipoteczna 2, P.O. Box 133, PL-00 950 Warschau,
tel. 00 48-22-27, fax. 27-58-82

ВЛАДИМИР АРРО -
драматург, публицист (Петербург)
ВАДИМ БАЕВСКИЙ -
литературовед (Смоленск)
ЯНИС БАЛТВИЛКС -
латышский поэт
ОГЮСТ БАРБЬЕ (1805-1882) -
французский поэт
АЛЬГИРДАС БРАЗАУСКАС -
общественный деятель, с 1993 г. - Президент Литвы
АРВО ВАЛТОН -
эстонский поэт, прозаик, драматург
ЮЗЕФ ГЕНРИК ВИШНЕВСКИЙ -
польский поэт
БИРГИТА ГЕДИН -
шведская поэтесса
ЛИДИЯ ГИНЗБУРГ (1902-1991)
ленинградский литературовед, прозаик
МИХАИЛ ДУДИН (1916-1993) -
поэт, общественный деятель (Петербург)

АВТОРЫ

ЛАЙФ ДЭВИДСЕН -
датский художник, журналист
ТАТЬЯНА ЗАЖИЦКАЯ -
журналист, радиокomentатор, до 1993 года
вела программу "Диапазон" по русской
редакции Эстонского радио
МИХАИЛ ЗОЛОТОНОСОВ -
критик, публицист (Петербург)
ЯАН КАШЛИНСКИ -
публицист, общественный деятель Эстонии
ПОЛЬ КАРП -
поэт, критик, переводчик (Петербург)
ЮРИЙ КОЛКЕР -
русский поэт, критик (Лондон)
АЛЕКСАНДР КУРГАТНИКОВ -
прозаик, драматург (Петербург)
ПЕТЕР КУРМАН -
шведский писатель
ВЛАДИМИР ЛАВРОВ -
критик, литературовед (Петербург)
АСТРИД ЛИНДГРЕН -
шведская писательница
ЕЛЕНА ЛОПЬРЕВА (1904-1983) -
ленинградский литературовед, переводчик
ПРЕДРАГ МАТВЕЕВИЧ -
сербский писатель, публицист
СЕРГЕЙ МАХОТИН -
поэт, прозаик, журналист (Петербург)
ИЗРАИЛЬ МЕТТЕР -
прозаик (Петербург)
СТАНИСЛАВ МИСАКОВСКИЙ -
польский писатель
ЭДГАР МОРЕН -
французский писатель, публицист
ИДА НАШЕЛЬБАУМ (1900-1991) -
поэтесса
АЛЕКСАНДР НИНОВ -
критик, литературовед (Петербург)
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ -
прозаик (Петербург)
МАРИЯ РОЛЬНИКАЙТЕ -
прозаик (Петербург)
НАТАЛЬЯ САХНОВСКАЯ (1908-1990)
балерина ленинградского Кировского театра
ИРИНА СВЕРДЛОВА -
киносценарист (Петербург)
АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВ -
социолог, психолог, писатель, общественный
деятель (Таллинн)
АНДРЕЙ ТАНЦЬРЕВ -
поэт (Таллинн)
АНДРЕЙ ТОПОРКОВ -
этнограф, историк литературы (Москва)
КИРИЛЛ ЧИСТОВ -
этнограф, литературовед (Петербург)
ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ (1893-1984) -
писатель, литературовед
РУДИ ШТРАЛЬ -
немецкий писатель
МИХАИЛ ЯСНОВ -
поэт, переводчик (Петербург)

Позиция редакции не обязательно совпадает с
точкой зрения авторов публикуемых материалов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Подписано в печать 28.04.94 г. Формат 70 x 100 1/8. Объем
11 п.л. Лицензия N 1600 от 27.02.91 г. Тир. 3000. Заказ 21760.
Отпечатано на ЦКФ ВМФ с оригинал-макета, представленного
издательством "Всемирное слово".

НЕЛЛИ АБАШИНА
(Арво Валтон. "Самочувствие эстонского
писателя").
ФАИНА ЗОЛОТАРЕВСКАЯ
(Астрид Линдгрэн. "Пеппи была героиней
историй, придуманных для ее дочери").
ОЛЬГА ИВАНОВА
(Лайф Дэвидсен. "Линии через Балтику").
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
(Огюст Барбье. "Мятеж", "1793").
АННА САВИЦКАЯ
(Петер Курман. "Плыть необходимо").
СВЯТОСЛАВ СВЯЦКИЙ
(Ю.Г.Вишневский. "Блюз о большом сквозняке",
С.Мисаковский. "Балтийские контакты").

ПЕРЕВОДЧИКИ

ГАЛИНА СНЕЖИНСКАЯ
(Р.Штраль. "Старый Барбаросса, или летняя халтура
в подполье").
МИХАИЛ ЯСНОВ
(Балтвилкс, Биргита Гедин. Стихи).

Художники:

МИХАИЛ ЗЛАТКОВСКИЙ
ЛЕОНИД КАМИНСКИЙ

Фотографы:

КАЛЬЮ ЛИИВ
ИОСИФ МАЛКИЭЛЬ
ВИКТОР ПЕРЕЛЬГИН
ДМИТРИЙ ПРАНЦ
КАЛЬЮ СУУР

Журнал
"ВСЕМИРНОЕ СЛОВО"
издается при участии
международного
фонда СОРОСА
(Нью-Йорк) и
Петербургского
отделения
международного фонда
"КУЛЬТУРНАЯ
ИНИЦИАТИВА"

Lufthansa

Перевозки журнала
"ВСЕМИРНОЕ СЛОВО"
из Санкт-Петербурга в
Берлин
осуществляются
при любезном содействии
авиакомпания
ЛЮФТ ГАНЗА

ПОМОГИТЕ ВОССТАНОВИТЬ ДОМ ПИСАТЕЛЯ!

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА БАНКИРЫ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, МЕЦЕНАТЫ!

В ночь на 16 ноября 1993 года сгорел Петербургский Дом писателя. Без помещения остались не просто литераторы великого города - осиротела будто бы сама история отечественной культуры. Искони дворец графа Шереметева предназначался главным образом не для проживания богатой семьи, а для проведения музыкальных вечеров, для чтения стихов. Ныне бесприютной оказалась уникальная - 150 тысяч томов - библиотека. Лишились крова великие тени Ахматовой и Мандельштама, Шварца и Эрдмана, Зощенко и А.Толстого, Тынянова и Лотмана. А сколько еще выдающихся людей России попадет в разряд "и другие"!

Состояние дома, не пощаженого огнем или чьей-то злой волей, не безнадежно, но восстановление требует немалых средств. Писатели России обращаются к вам - помогите!

Совсем недавно всем миром собирали средства после пожара в Доме актера, и вот теперь беда настигла российскую словесность. Надо ли повторять лишний раз, что духовное оскудение народа едва ли даст простор для его материального благосостояния! Как говорил В.Лакшин, от того, как танцуют в Большом театре, зависит, какой со временем соберут на полях урожай. Это тем более справедливо, когда дело касается Слова, всегда игравшего в России особую роль.

Храм культуры, восставший из пепла, воздаст многократно, хотя и не сиюминутно своим строителям. А уж то, что их имена будут увековечены, - бесспорно.

А.Анфиногенов, В.Арро, Б.Васильев, А.Вознесенский, А.Володин, Д.Гранин, А.Иванченко, Ю.Карякин, Н.Кондакова, А.Крыжановский, М.Кудимова, А.Кушнер, Д.Лихачев, Ю.Нагибин, Б.Окуджава, А.Приставкин, Р.Рождественский, Б.Стругацкий, Ю.Черниченко, М.Чулаки.

НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОМА ПИСАТЕЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ:

Счет N 14200700250 в Держинском отд. филиала
АО "Банк Санкт-Петербург"
МФО 171047 - на восстановление Дома писателя.

Валютный счет Союза писателей Санкт-Петербурга
Держинский АО "Банк Санкт-Петербург",
транзитный счет N 14161070869,
к/с 32002073026 с пометкой - благотворительный взнос.

